Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

СБОРНИКЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе 5-е, дополненное.

МОСКВА—1916.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. С. Спиридонова.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., 4. Телефонъ 3-84-15.

Дѣтство и первая юность Лермонтова.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззавѣтной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серьезную опасность, грозившую поэту.

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ.

Она сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда.

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время смерти отца ей было лѣтъ 15. Какъ при мужѣ, Елизавета Алексѣевна каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1811 году съ чиномъ капитана.

Красивый молодой человѣкъ, съ блестящими столичными пріемами, произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло, и къ радости или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣев-

ны молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, не принадлежавшаго къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обычною торжественностью, при большомъ съѣздѣ гостей. Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находилась сестра Юрія Петровича и мать его, Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную.

Выйдя замужъ, Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго, и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцомъ изъ тульской его деревни. Зато мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ,—«вошелъ въ домъ», по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груднымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда по хозяйственнымъ дѣламъ то въ Москву, то въ тульское имѣніе.

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкимъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью,—помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая настороже, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обыч-

ную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть—къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ рокового дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа.

Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кроптовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезаниномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судьбой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда: умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши, у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ «дѣловой» дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна-нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка, заставляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, несмотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходила кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: «Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ!»—и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ

большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ наполнялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ: «Бабушка, я выигралъ!» А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть,—на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было.

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шелъ ея баловень, окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи.

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все-таки помнилъ ее.

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою, и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери.

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента. Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ сожалѣлъ позже, находя, что «въ нихъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности», то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и немудрено, что его «мамушка», какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ—великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудовищъ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроческій возрастъ,—разсказываютъ старожилы села Тарханы,—были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами.

Желая создать для Мишеля вполнѣ подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, Мишеля и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефало-

ніи, бѣжавшій въ Россію во время смутъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіе Греціи. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи, и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто-практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлить на два лагеря. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды. У Столыпиныхъ было имѣніе «Столыпиновка» недалеко отъ Пятигорска.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа.

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучали, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ»...

Едва ли къ чему-либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятія, величественныя, какъ душа поэта, и объятія эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позже—любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 году въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ.
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселилась въ Тарханахъ. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это—Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный съ мезаниномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сто-

рону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полугорѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору, къ пруду. Съ полугорья открывался видъ на село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ.

Висковатовъ.

Воспитаніе и образованіе Лермонтова въ Москвѣ и его наставники.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ «Благородномъ университетскомъ пансіонѣ». Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: шумная разсѣянная жизнь замѣнила прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его, эльзасецъ Капэ, былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ-быть также, что военные разсказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похожденіямъ связалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его.

То было на Руси время удивительное—эти годы послѣ Отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 году. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привилегіи классовъ, отупились чувства собственности, и каждый, въ коемъ не изсохла душа,—а такихъ людей, слава Богу, было

много,—каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе, какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же подымающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, предъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ.

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ подымаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гибнувшихъ русскихъ.

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно разсказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали разсказы о Бородинскомъ сраженіи, и въ этомъ случаѣ мальчикъ-поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонялся на сторону русскихъ разсказчиковъ, коихъ было не мало.

Разсказывали и старъ и младъ,—и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками,—всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!..

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотворенія, изъ котораго позже выработалось знаменитое «Бородино».

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 1830 года до 1841 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется,

но любовь къ могучему вождю остается все та же. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

> Мнѣ хочется сказать великому народу:
> Ты—жалкій и пустой народъ,—

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣеть

> О дальнемъ сѣверѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
> Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
> Какъ онъ, великій океанъ.

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20-хъ годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ «молодой баринъ» любилъ учителя-француза, и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако недолго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля,—онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро. Жандро сумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, коихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ мало-по-малу открывать ему «науку жизни». Это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а въ домъ былъ принятъ семейный гувернеръ, англичанинъ Виндсонъ.

Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье—3000 руб.—и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однакоже и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся самимъ родителямъ. Родственники пріѣхавшей въ

Москву Арсеньевой, Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и такимъ образомъ Лермонтовъ сталъ, по принятому выраженію, «кліентомъ» г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ.

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской; онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться со своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла, и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой.

Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣтшими право на вниманіе потомства. Такъ, тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. Ив. Тургеневъ, князь Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе. Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона. Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отношенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей древнихъ и новыхъ народовъ.

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника школьнаго живописнаго журнала «Утренняя Заря». Здѣсь помѣстилъ Лермонтовъ поэму свою «Индіанка», которая была имъ сожжена. Имъ тамъ же помѣщались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера.

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ, учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: «Русская мелодія»,—подалъ ее за свою, хотя она и была написана Лермонтовымъ, вѣроятно, шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно. Инспекторъ пансіона Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Московскомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ нихъ въ особое изданіе. Этотъ проектъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ съ истинно дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. Относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано.

А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. «Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ этотъ наставникъ,—отличавшагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго и заслужилъ рукоплесканія». Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ.

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ IV или V классъ. Всѣхъ классовъ было шесть, и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. П. Дубенскій (извѣстный своими примѣчаніями на «Слово о полку Игоревѣ»), латинскому языку адъюнктъ университета Кубаровъ и математикѣ Кацауровъ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и недурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Өедоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каөедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей, или въ небольшомъ обществѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позже надъ внукомъ стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его».

Висковатовъ.

Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ.

Лермонтову было тринадцать лѣтъ, когда его привезли въ Москву; здѣсь онъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, а оттуда въ университетъ, который онъ покинулъ въ 1832 году

восемнадцатилѣтнимъ юношей. Въ столицѣ поэтъ сразу попалъ въ совершенно новую для него обстановку. Вокругъ него не было ни прежней свободы, позволявшей его уму и фантазіи жить совершенно независимо, ни природы, утѣшавшей его въ одиночествѣ. Къ тому же онъ пріѣхалъ въ Москву съ несвободнымъ сердцемъ, насколько можетъ быть несвободно сердце тринадцатилѣтняго мальчика. Два года тому назадъ, а именно во время своего пребыванія на Кавказѣ, въ 1825 году, Лермонтовъ испыталъ чувство первой дѣтской привязанности, которое такъ поразило его своей новизной, что онъ долго не могъ отдѣлаться отъ воспоминаній, и еще въ 1830 году, живя въ Москвѣ, среди многочисленнаго женскаго общества, онъ очень тепло говоритъ объ этомъ чувствѣ въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ. Перемѣна обстановки и связанный съ нею наплывъ воспоминаній, всегда грустныхъ, за отсутствіемъ предметовъ, которые ихъ вызывали, томное любовное настроеніе, съ которымъ поэтъ относился почти ко всѣмъ женщинамъ, семейныя дрязги, повидимому, принявшія въ Москвѣ особенно острый характеръ,—все поддерживало въ мальчикѣ развивавшуюся болѣзнь ранняго пессимизма. Тѣмъ не менѣе, прежній образъ жизни, какой велъ поэтъ въ деревнѣ, теперь долженъ измѣниться. Приходилось сталкиваться съ товарищами, съ ихъ интересами, умственными и нравственными и, наконецъ, съ вопросами политическими, которые въ тридцатыхъ годахъ до извѣстной степени взволновали русское общество. Со всѣми этими новыми для него сторонами жизни Лермонтовъ мирился туго. Изъ разсказовъ его товарищей мы знаемъ, что въ университете онъ занималъ въ ихъ кругу совершенно обособленное место, друзей не имѣлъ и даже рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ. Точны ли эти разсказы объ его угрюмомъ видѣ, объ его дерзкихъ ответахъ, постоянномъ чтеніи какой-то англійской книги, утверждать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ держался въ сторонѣ отъ другихъ, хотя, конечно, не изъ гордости или презрѣнія. Была, несомнѣнно, причина, не позволявшая ему броситься опрометью въ круговоротъ новой жизни, какъ онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи въ Петербургѣ, когда поступилъ въ юнкерское училище. Это объясняется отчасти тѣмъ, что во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ былъ почти мальчикъ, на рукахъ у гувернера и подъ строгимъ контролемъ бабушки;, но есть и другая причина: онъ переживалъ тяжелый нравственный кризисъ,—онъ сталкивался впервые съ жизнью и трудился надъ рѣшеніемъ вопросовъ, которые были ему не подъ силу. Только утомясь въ безсильной борьбѣ съ ними, бросился онъ въ Петербургѣ въ другую крайность,—стремился забыть ихъ подъ шумъ сабель и стакановъ.

Что собственно далъ ему Московскій университетъ въ чисто умственномъ отношеніи, сказать съ точностью очень трудно. Насколько живы были интересы молодежи ко всевозможнымъ интересамъ, настолько мертва была въ то время рѣчь преподавателей. Лермонтовъ, чуждаясь веселой жизни товарищей, тѣмъ самымъ ставилъ себя и внѣ умственныхъ интересовъ; но это отчужденіе

уравновѣшивалось въ немъ домашнимъ чтеніемъ и совершенно самостоятельной умственной работой. Эта работа станетъ намъ ясна, когда мы ближе познакомимся съ его юношескими стихотвореніями. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ данныхъ, чтобы приписать Московскому университету особенное вліяніе на Лермонтова. Теплыя строки, посвященныя самимъ авторомъ Московскому университету, стоятъ въ противорѣчіи съ жизнію, какую онъ велъ въ стѣнахъ этого учрежденія: въ товарищескихъ кружкахъ и въ спорахъ «о Богѣ и вселенной» онъ не участвовалъ. Напротивъ того, товарищамъ бросалась въ глаза его свѣтская жизнь, тотъ кругъ блестящихъ барышень, въ обществѣ которыхъ онъ являлся въ театрѣ и на балахъ. При этомъ условіи внѣшній блескъ и лоскъ молодого студента, сопоставленный съ его нелюдимымъ отчужденіемъ среди товарищей, конечно, подавалъ имъ поводъ къ тѣмъ обвиненіямъ въ высокомѣріи и презрѣніи, съ которыми мы встрѣчаемся въ ихъ воспоминаніяхъ. Страннымъ кажется, что, несмотря на это видимое одиночество и отчужденіе отъ общей товарищеской жизни, Лермонтовъ принималъ участіе въ скандалѣ, устроенномъ студентами одному изъ профессоровъ. Впрочемъ, вся эта студенческая исторія—дѣло очень темное. Какое участіе принималъ въ ней Лермонтовъ, также неизвѣстно съ точностью; во всякомъ случаѣ, если бы его роль была изъ видныхъ, то о ней вспомнили бы впослѣдствіи его товарищи, но ихъ записки о Лермонтовѣ умалчиваютъ. Съ другой стороны, имѣются свѣдѣнія, что Лермонтовъ ссорился съ профессорами на экзаменахъ, а при тогдашнихъ патріархальныхъ взглядахъ на субординацію можно предположить, что на замѣчаніе поэтъ попалъ именно вслѣдствіе этихъ стычекъ съ начальствомъ. Отразилось ли это невыгодное мнѣніе начальства на положеніи Лермонтова въ университетѣ, неизвѣстно, но только въ 1832 году мы застаемъ поэта въ Петербургѣ съ свидѣтельствомъ отъ Московскаго университета, что онъ прослушалъ двухлѣтній курсъ лекцій и выбылъ изъ числа слушателей.

Московскій періодъ въ жизни Лермонтова окончился, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Чѣмъ могъ онъ помянуть этотъ прожитый періодъ? Жизнь текла однообразно, раздѣленная между семейными и свѣтскими интересами, хожденіемъ въ университетъ и домашними занятіями.

Семья и свѣтъ не могли наполнить его жизни. Для свѣта онъ былъ слишкомъ молодъ, а въ семьѣ, несмотря на окружающую его всеобщую любовь, положеніе его было не совсѣмъ нормально.

Университетъ давалъ мало пищи для ума; шумная жизнь товарищей пока еще не находила отклика въ Лермонтовѣ.

Домашнія занятія шли зато правильно и усиленно; юноша развивался, сталъ приглядываться къ событіямъ общественной жизни и, конечно, не безъ вліянія своего гувернера-француза, обратилъ вниманіе на событія Франціи того времени. Этимъ событіямъ Лермонтовъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, очень слабыхъ, но любопытныхъ, какъ прелюдія къ позднѣйшимъ темамъ. Онъ такъ же сталъ впервые усиленно вчитываться въ

Байрона; быть-можетъ, къ этому же времени относится и его знакомство съ Барбье.

Вообще періодъ московской жизни поэта былъ бѣденъ впечатлѣніями. Но недостатокъ ихъ и умышленное устраненіе отъ нихъ поэта вознаграждалось той усиленной внутренней жизнью, тѣмъ анализомъ собственнаго сердца, которому отдался въ то время Лермонтовъ. Въ этотъ именно короткій промежутокъ времени, отъ 1828 до 1832 года, Лермонтовымъ написаны всѣ его юношескія стихотворенія, «Демонъ», «Измаилъ-Бей», историческая повѣсть и драмы.

Котляревскій.

Московскій университетъ во времена Лермонтова мало походилъ на нынѣшній. Студентами становились очень молодые люди, барскіе сынки, ходившіе на лекціи въ сопровожденіи домашнихъ воспитателей. Первые два курса отличались очень юнымъ духомъ, а первый курсъ считался въ родѣ приготовительнаго университетскаго класса. Молодежь была, большею частію, веселая, беззаботная и шаловливая. На лекціяхъ студенты шумѣли, школьничали, къ профессорамъ относились болѣе, чѣмъ равнодушно.

Часто и профессора не заслуживали другого отношенія: кое-какъ, безъ души, исполняли свои обязанности, читали плохія лекціи по старымъ руководствамъ. Но было кое-что и очень любопытное въ университетѣ. Среди студентовъ находились даровитые молодые люди, въ высшей степени любознательные. Они собирались въ кружки, горячо бесѣдовали, много читали, имѣли болѣе свѣжія свѣдѣнія о современной наукѣ и философіи, чемъ сами профессора.

Однимъ изъ такихъ студентовъ былъ Бѣлинскій, впослѣдствіи знаменитый критикъ. Учился онъ въ университетѣ одновременно съ Лермонтовымъ и среди товарищей отличался искренностью и горячностью слова.

Лермонтовъ не присталъ ни къ шалунамъ ни къ философамъ. На лекціи онъ являлся съ книгой, садился отдѣльно отъ всѣхъ и принимался читать. Видимо, онъ не считалъ товарищей достойными своей бесѣды и не принималъ участія въ ихъ словопреніяхъ. несомнѣнно, здѣсь была доля юношескаго самомнѣнія, но не одно самомнѣніе. Лермонтовъ, дѣйствительно, сознавалъ себя гораздо зрѣлѣе огромнаго большинства студентовъ. Видѣлъ онъ предъ собой юношей, почти дѣтей,—ничего они въ жизни не испытывали; смотрѣли на міръ простодушно и восторженно. У Лермонтова не могло быть такого свѣтлаго чувства. Его «ребяческіе дни» на самомъ дѣлѣ были отравлены, какъ онъ самъ выражался. Раздѣлять беззаботную вѣру молодежи въ людей и въ жизнь онъ не могъ. А сойтись съ другой, лучшей частью студентовъ ему мѣшало самолюбіе: вдругъ онъ встрѣтитъ сомнѣнія въ его страданіяхъ, недовѣрчивое отношеніе къ его раннимъ житейскимъ опытамъ! Тѣмъ болѣе, что и среди самыхъ даровитыхъ юношей восторженное настроеніе насчетъ будущаго преобладало. Такое вообще было тогда вѣрующее поколѣніе русской молодежи.

И Лермонтовъ въ университетѣ уже не искалъ друзей, какъ это было въ пансіонѣ. Онъ усердно посѣщалъ свѣтскія гостиныя, льнулъ къ золотой молодежи. Но въ чемъ же заключалась его личная духовная жизнь? Такой жизнью онъ жилъ еще въ дѣтствѣ,— не могъ же онъ весь уйти въ свѣтскія развлеченія? И онъ не ушелъ. Совершенно напротивъ. Именно въ университетскіе годы начинаетъ выясняться настоящій Лермонтовъ на всю остальную жизнь. Что бы потомъ ни происходило съ нимъ,—мы непремѣнно узнаемъ бывшаго московскаго студента, будущаго геніальнаго поэта.

Онъ съ шестнадцати лѣтъ живетъ двойственной жизнью: одна—для людей, для свѣта, другая для себя, для своего таланта, для своей родины. Онъ охотно идетъ въ свѣтское общество. Оно, несомнѣнно, занимаетъ его, даже увлекаетъ. Здѣсь много блеска, красоты, удовольствій, для многихъ это—настоящій земной рай. У Лермонтова совсѣмъ иное чувство, сколько онъ ни увлекался свѣтскими красавицами. Лѣтъ восемь спустя онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ откровенно объяснилъ, зачѣмъ ему нужно бывать въ свѣтскихъ гостиныхъ: онъ наблюдаетъ свѣтъ, запасается оружіемъ для борьбы съ нимъ. По его мнѣнію, нигдѣ не встрѣчается «столько низостей и странностей», какъ въ свѣтскомъ обществѣ. Надо думать, онъ въ этомъ убѣдился еще въ студенческіе годы.

Въ Москвѣ онъ написалъ не мало стихотвореній именно о «свѣтѣ». Изображеніе—самое нелестное, часто гнѣвное и презрительное. Свѣтъ—это полная противоположность тому, чѣмъ жила душа Лермонтова. Свѣтъ все подводитъ подъ одинъ цвѣтъ и подъ одну мѣрку. Онъ больше всего не любитъ людей независимыхъ, своеобразныхъ. Онъ даже совсѣмъ не занимается вопросомъ, каковъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ, судитъ о человѣкѣ по внѣшности. «Красная пустота», «нарядная маска», «хладная мгла»,— вотъ что такое свѣтское общество, по наблюденіямъ Лермонтова.

Но поэтъ молодъ, самолюбивъ. Его раздражаетъ надменность свѣтскихъ людей, онъ желаетъ стать среди нихъ своимъ человѣкомъ, даже пріобрѣсти въ этомъ человѣкѣ! «Какая нѣжная поэтическая душа въ немъ! Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А, вѣдь, чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собой—я увѣренъ въ этомъ»... Въ другомъ мѣстѣ Панаевъ прибавляетъ: «Наклонность къ такъ называемой великосвѣтскости, которой были подвержены нѣкоторые литературные дѣятели 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ годовъ, дѣйствовала на нихъ и на ихъ произведенія весьма неблаготворно. Этой наклонности были подвержены даже такіе могучіе таланты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Лермонтовъ хотѣлъ слыть, во что бы то ни стало и прежде всего, за свѣтскаго человѣка и оскорблялся точно такъ же, какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина была, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости, несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросить на свѣтскихъ людей желѣзный стихъ, «облитый горечью и злостью»,

онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно. Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ взросъ и воспитывался, отчасти увлеченіе молодости и истекавшее отсюда его желаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ непріятно дѣйствовали на многихъ, дѣйствительно серіозныхъ людей, и придали Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно ли строго судить Лермонтова? Онъ умеръ еще такъ молодъ!»

Ивановъ.

Литературная дѣятельность Лермонтова во времена его пребыванія въ университетѣ.

Въ эпоху пребыванія своего въ университетѣ—которую, кстати сказать, большинство біографовъ поэта какъ-то обходило и обходитъ—Лермонтовъ создалъ цѣлый рядъ чудныхъ вещей, сильныхъ по чувству, по выраженію, яркихъ и самобытныхъ—плодъ мыслей, давно обуревавшихъ его, воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ и настроеній его неугомонной души, «просящей бури». Это были, кромѣ романтической драмы «Странный человѣкъ», драма «Два брата», поэмы «Ангелъ смерти», «Измаилъ-Бей», «Аулъ-Бастунджи», Литвинка», «Каллы» и рядъ мелкихъ стихотвореній, настоящихъ лермонтовскихъ, появившихся въ печати гораздо позже, каковы, напримѣръ, «Нѣтъ, я не Байронъ», «Ангелъ», «Парусъ», «Морякъ», а также и много нѣжныхъ мелодій или криковъ сердца, искавшаго себѣ отзыва, въ родѣ «Вверху одна горитъ звѣзда», «Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый», «Когда ты холодно внимаешь», «Когда я унесу въ чужбину», «Прими мой даръ, моя Мадонна», «Она не гордой красотою» и другія политическія событія того времени также вызвали у Лермонтова нѣсколько энергическихъ стихотвореній: «Парижъ 30 іюля 1830 года», «Опять вы, гордые, возстали», «Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ святую колыбель!» Въ эти же годы написаны имъ отрывки изъ поэмы «Сашка», быть-можетъ, въ память Полежаева, къ которому Лермонтовъ чувствовалъ большую симпатію, хотя, кажется, и не былъ тогда знакомъ съ нимъ. Во многихъ стихотвореніяхъ своихъ этой эпохи, простыхъ, глубокихъ и задушевныхъ, Лермонтовъ обнаруживаетъ чистый романтизмъ, хотя и съ реальной подкладкой. Всѣ пьесы даннаго времени—это яркое и искреннее отраженіе глубокихъ думъ, размышленій и состоянія духа Лермонтова, талантъ котораго зрѣлъ съ поразительной быстротой, а душевный міръ опредѣлялся совершенно ясно и рѣзко. Въ творчествѣ Лермонтовъ видѣлъ единственное наслажденіе, чистое и высокое, противился суетѣ житейской, цѣнямъ свѣта, все приводящаго къ одному знаменателю, все уравнивающаго и страшно опошляющаго; этотъ свѣтъ, по мнѣнію поэта, затушевываетъ малѣйшіе оттѣнки индивидуальности всякаго характера, истребляетъ даже и намекъ на самобытность и низводитъ людей на степень одушевленныхъ восковыхъ фигуръ. Приниженныхъ, совсѣмъ обез-

личенныхъ, онъ пріучаетъ ихъ видѣть счастье именно въ этомъ состояніи и оставаться вполнѣ довольными собою, отрѣзывая последній путь къ нравственному совершенствованію. Изъ боязни сдѣлаться подобнымъ же свѣтскимъ манекеномъ Лермонтовъ глубоко затаиваетъ отъ свѣта, даже отъ близкихъ ему, свои завѣтныя думы, держитъ себя настороже, надѣваетъ маску жуира, свѣтскаго волокиты, старается пускать въ ходъ иронію, быть насмѣшливымъ, дерзкимъ, смотрѣть чуть не на всѣхъ сверху внизъ. А оставаясь наединѣ съ самимъ собою, онъ живетъ въ иномъ мірѣ—въ мірѣ дѣтскихъ впечатлѣній, въ которыхъ Кавказъ играетъ главную роль. Мощь, благородный полетъ этихъ впечатлѣній такъ страшно разнятся отъ впечатлѣній свѣтской жизни, съ ея мелочной суетой и язвами, прикрытыми фальшью, утонченностью. Лермонтовъ переживаетъ вновь грезы поэтовъ предыдущаго столѣтія объ опрощеніи человѣка, освобожденія его отъ гнета условныхъ приличій, отъ служенія золотому тельцу, отъ почестей, отъ общей розни и взаимной ненависти. Въ стихотвореніи «Отрывокъ» Лермонтовъ говоритъ:

...Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ...
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ.

Поэтъ не хочетъ вѣрить, чтобы тѣ желанія, которыя свыше даны нашей душѣ, были неисполнимы, и чтобы наши исканія совершенства въ мірѣ и въ себѣ самихъ являлись напрасными. Вообще настроеніе поэта—это разочарованіе живыхъ, безпокойныхъ, нравственныхъ силъ, разочарованіе въ отрицательныхъ общественныхъ началахъ, ради очарованія положительными цѣлями нашей духовной жизни. Еще во время пребыванія въ университетѣ эти пожеланія Лермонтова получили вполнѣ опредѣленный смыслъ, ясное значеніе, а дальше они развивались сильнѣе. И вотъ почему поэтъ сохранилъ воспоминаніе о своей alma mater какъ о «святомъ мѣстѣ».

Быковъ.

Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

По мысли великаго князя Николая Павловича, въ царствованіе императора Александра I, Высочайшимъ приказомъ отъ 9 мая 1823 года была учреждена *Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ*

съ цѣлью давать надлежащее военное образованіе молодымъ людямъ, желавшимъ достигнуть офицерскаго званія въ гвардейской пѣхотѣ.

Такъ какъ число офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, было недостаточно для нашей арміи, то по необходимости принимались на службу молодые люди вольноопредѣляющимися, подвергаясь при этомъ испытанію лишь по общеобразовательнымъ предметамъ. Для производства въ офицеры отъ нихъ требовалось знаніе строевыхъ уставовъ гарнизонной службы и общихъ обязанностей военнослужащихъ; по остальнымъ военнымъ предметамъ свѣдѣнія ихъ ограничивались только тѣмъ, что они пріобрѣтали служебною практикою. Слабая научная и особенно военная подготовка этихъ лицъ заставила изыскивать средства для ихъ образованія. Съ этою цѣлью стали учреждать при штабахъ корпусовъ школы для обученія юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Но эти школы не имѣли прочнаго устройства и закрывались каждый разъ, какъ войска выступали въ походъ. Существенное усовершенствованіе способа пополненія офицерами гвардейской пѣхоты было достигнуто стараніями великаго князя Николая Павловича.

Весьма неудовлетворительная военная подготовка гвардейскихъ подпрапорщиковъ обратила на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества, бывшаго въ то время командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1821 году, когда гвардейскій корпусъ перешелъ изъ Петербурга въ литовскія губерніи и послѣ большихъ маневровъ былъ оставленъ тамъ на зимнихъ квартирахъ, великій князь Николай Павловичъ, ревностно занимаясь обученіемъ ввѣренныхъ ему полковъ, замѣтилъ, что молодые люди, поступившіе въ гвардію подпрапорщиками, при хорошемъ домашнемъ воспитаніи и общемъ образованіи, были мало свѣдущи въ военныхъ наукахъ, плохо усвоивали военную дисциплину и медленно успѣвали въ строевомъ образованіи. Съ цѣлью устранить эти недостатки великій князь собралъ подпрапорщиковъ лейбъ-гвардіи измайловскаго и егерскаго полковъ въ бригадную квартиру, гдѣ ихъ военное образованіе велось подъ личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ Его Высочества. Этотъ опытъ далъ хорошіе результаты, вслѣдствіе чего, по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, великій князь представилъ проектъ учрежденія постоянной *школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ*. Согласно этому проекту, Высочайше утвержденному 9 мая 1823 года, цѣлью школы было постановлено: «1) докончить военное воспитаніе тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая на службу изъ университетовъ или университетскихъ пансіоновъ, не могли получать въ оныхъ достаточныхъ въ военныхъ наукахъ познаній; 2) предоставить возможность пріобрѣсти таковыя же познанія тѣмъ, которые не могли получить ихъ ранѣе по бѣдности или по другимъ причинамъ; 3) уравнять правила обученія по фронтовой части, и 4) дать молодымъ людямъ твердыя понятія о строгой подчиненности, дисциплинѣ и прочихъ обязанностяхъ, присущихъ военному званію, а тѣмъ болѣе гвардейскому офицеру».

Высочайше повелѣно было школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ состоять подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича. Хотя школа, какъ учрежденная при гвардейскомъ корпусѣ, была подчинена непосредственно его командиру, но все касавшееся этого заведенія докладывалось великому князю, который отечески заботился о немъ, входя во всѣ подробности обученія и внутренняго порядка.

На основаніи руководящихъ указаній, изложенныхъ въ проектѣ великаго князя, были разработаны подробности учрежденія школы и ея штаты. Инструкція для управленія школою и внутренняго порядка въ ней была составлена лично великимъ княземъ и утверждена командиромъ отдѣльнаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Уваровымъ.

Для общаго надзора за успѣхами въ наукахъ и развитіемъ воспитанниковъ въ нравственномъ отношеніи былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію состоявшій при особѣ Его Величества генералъ-инженеръ Опперманъ. Но въ дѣйствительности отношенія его къ школѣ имѣли почти исключительно формальный характеръ и ограничивались тѣмъ, что ему представлялись рапорты и свѣдѣнія о личномъ составѣ школы; все же существенно важное докладывалось непосредственно великому князю.

Во главѣ школы стоялъ ея командиръ, отвѣтственный за военный и внутренній порядокъ, содержаніе и обмундированіе дворянъ и нравственное ихъ образованіе. Ему подчинялся весь личный составъ, какъ по строевой, такъ и по учебной части. Онъ выбирался изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ гвардіи командиромъ корпуса, который представлялъ свой выборъ на Высочайшее усмотрѣніе. Тотъ же порядокъ былъ установленъ для назначенія въ школу оберъ-офицеровъ, которыхъ полагалось по штату 8, не ниже чина поручика. Старшій изъ нихъ назначался ротнымъ командиромъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ командира школы и, «имѣя въ нравственномъ вѣдѣніи своемъ всѣхъ дворянъ, отвѣчалъ за весь внутренній и внѣшній порядокъ, за поведеніе, опрятность одежды, выправку, исправное содержаніе оружія и амуниціи, чистку обуви, бѣлья и комнатъ, занимаемыхъ дворянами, а въ особенности за нравственное поведеніе дворянъ». Исполненіе перечисленныхъ обязанностей ротному командиру облегчали шесть офицеровъ. Седьмой назначался адъютантомъ и казначеемъ.

Во главѣ учебной части школы стоялъ инспекторъ классовъ, которому подчинялись преподаватели, назначаемые командиромъ гвардейскаго корпуса преимущественно изъ офицеровъ гвардейскаго штаба, артиллеріи и инженернаго корпуса. Инвалидный офицеръ на правахъ командировъ инвалидныхъ полуротъ гвардейскихъ полковъ завѣдывалъ служителями и прислужниками и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ должность эконома школы, т.-е. имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи помѣщеніе школы и продовольствіе воспитанниковъ.

Подпрапорщики, собранные изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, составляли роту, продолжая числиться въ своихъ полкахъ и носить полковую форму. Число ихъ и было опредѣлено штатомъ

и зависѣло отъ числа молодыхъ дворянъ, служившихъ въ гвардіи вольноопредѣляющимися, которыхъ полагалось не свыше 24 на каждый гвардейскій пѣхотный полкъ.

Съ учрежденіемъ заведенія, долженствовавшаго поставить подготовку будущихъ гвардейскихъ офицеровъ на новое, болѣе прочное основаніе, не могли остаться безъ существеннаго правила для пріема молодыхъ людей въ гвардейскіе полки. Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества, приложенномъ къ проекту учрежденія школы, сказано, что дворяне, желающіе опредѣлиться въ гвардію юнкерами, должны поступать непосредственно въ *учебное заведеніе, исключительно для ихъ военнаго образованія предназначенное*, а экзаменъ, установленный для пріема ихъ въ полки и до тѣхъ поръ производимый въ штабѣ гвардейскаго корпуса, долженъ впредь производиться при школѣ. Никакіе аттестаты и свидѣтельства объ окончаніи курса учебныхъ заведеній и даже университетскіе дипломы не освобождали молодыхъ дворянъ отъ предварительнаго испытанія въ наукахъ, требуемыхъ для поступленія въ школу. Выдержавшіе экзаменъ и имѣвшіе не менѣе 17 лѣтъ подавали прошеніе о зачисленіи ихъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимались въ школу. Подпрапорщикамъ, уже служившимъ въ полкахъ во время учрежденія школы, было предоставлено поступать въ нее или не поступать, по ихъ желанію; но не поступившіе теряли старшинство и могли быть производимы въ офицеры только при условіи, *если послѣ выпуска изъ школы оставались свободныя вакансіи*. Это было весьма важное преимущество, вытекавшее изъ идеи, положенной въ основаніе школы и состоявшей въ томъ, что только подготовка въ спеціально учрежденномъ съ этою цѣлью заведеніи признавалась достаточною для производства въ офицеры.

Курсъ въ школѣ былъ двухлѣтній. Съ цѣлью придать ему надлежащее значеніе для достиженія офицерскаго званія были установлены весьма справедливыя правила относительно предоставленія подпрапорщикамъ правъ по выпуску. Въ проектѣ учрежденія школы, представленномъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, находимъ слѣдующія знаменательныя слова: *другого старшинства между ними не будетъ какъ только пріобрѣтаемое успѣхами въ преподаваемыхъ наукахъ, исправностью по фронту и благонадежнымъ поведеніемъ*. Весьма характеренъ самый способъ выраженія этой мысли, совершенно исключавшій возможность допустить какое-либо иное старшинство.

Для внутренняго служебнаго порядка и для обученія строю подпрапорщики составляли строевую часть—роту, раздѣленную на 4 капральства. Изъ ихъ среды, изъ числа лучшихъ портупей-прапорщиковъ, выбирались фельдфебель и отдѣльные унтеръ-офицеры, которые, какъ ближайшіе помощники офицеровъ, должны были наблюдать за всѣмъ, касавшимся внутренняго порядка и нравственности воспитанниковъ. Какое значеніе придавалъ великій князь Николай Павловичъ организаціи школы, какъ строевой части, видно изъ того, что при торжественномъ открытіи школы Его Высочество самъ раздѣлилъ подпрапорщиковъ на отдѣленія

или капральства и назначилъ фельдфебеля и отдѣльныхъ унтеръ-офицеровъ.

Такъ какъ подпрапорщики считались состоящими на службѣ, то они при поступленіи въ школу приносили присягу на вѣрность службѣ въ портретной галлереѣ Зимняго дворца подъ знаменами гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ они числились.

Управленіе хозяйственною частью школы было распредѣлено между командиромъ роты, казначеемъ и экономомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира школы, которому было предоставлено право разрѣшенія расходовъ изъ отпускаемыхъ въ его вѣдѣніе суммъ. Онъ же требовалъ отъ полковъ жалованье и срочныя мундирныя и амуничныя вещи для подпрапорщиковъ и инвалидовъ, а изъ провіантскаго департамента полагавшійся имъ провіантъ. По истеченіи каждаго года командиръ школы представлялъ командиру гвардейскаго корпуса два отчета: о суммахъ и о состояніи школы.

Ротный командиръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи все обмундированіе и вооруженіе, а также распоряжался выдачею вещей, жалованья и провіанта.

Учрежденная на вышеизложенныхъ основаніяхъ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ была открыта 18 августа 1823 года, въ отведенной для него казармѣ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка.

Командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Годенъ. Въ инспекторы классовъ великій князь Николай Павловичъ избралъ своего адъютанта, генеральнаго штаба полковника, барона Дилленсгаузена. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Мердеръ. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія было принято на первый разъ въ школу всего лишь 44 подпрапорщика.

Учебныя занятія въ школѣ начинались 27 августа 1823 года. Число подпрапорщиковъ, поступившихъ въ школу, было значительно меньше положеннаго по штату числа вольноопредѣляющихся въ гвардейскихъ полкахъ, т.-е. 192 (по 24 на каждый полкъ). Къ 1 января 1824 года въ школѣ состояло 60 человѣкъ, въ теченіе 1824 года поступило вновь лишь 9, а въ 1825 году—29, и къ 1 января 1826 года всѣхъ подпрапорщиковъ въ школѣ было 64.

Причинами этого явленія были отчасти недостатокъ въ молодыхъ дворянахъ, желавшихъ получить военное образованіе, отчасти же крайняя неудовлетворительность помѣщенія школы, непозволявшаго принять болѣе значительнаго числа воспитанниковъ. Вслѣдствіе тѣсноты оно имѣло много существенныхъ недостатковъ: въ немъ не было ни церкви, ни лазарета, ни квартиръ для офицеровъ, помѣщеніе которыхъ въ зданіи заведенія признается весьма важнымъ въ воспитательномъ отношеніи. Вообще эта казарма была совершенно несоотвѣтственна для учебнаго заведенія, требующаго для выполненія своихъ основныхъ задачъ достаточнаго простора и большихъ удобствъ. Поэтому черезъ два года, по ходатайству великаго князя, принимавшаго самое живое участіе въ устройствѣ заведенія, возникшаго по его почину и его трудами, былъ купленъ для помѣщенія школы домъ графа Черны-

шева у Святого моста, гдѣ нынѣ находится Государственный Совѣтъ. Въ этотъ домъ подпрапорщики были переведены 10 августа 1825 года.

Въ заключеніе вышеизложенной части очерка мы должны обратить вниманіе на слѣдующія главныя черты, характеризующія учрежденіе и первоначальное устройство школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Необходимость созданія школы обусловливалась тѣмъ соображеніемъ, что молодые люди съ образованіемъ общимъ, даже университетскимъ, поступая въ полки, не могли тамъ получать того военнаго воспитанія и военнаго образованія, которыя пріобрѣтаются только въ соотвѣтственно устроенной школѣ. Въ полкахъ, гдѣ преслѣдовались свои прямыя служебныя цѣли, некогда и некому было заниматься столь сложнымъ и труднымъ дѣломъ, какъ подготовка молодыхъ людей къ офицерскому званію. Вся полковая обстановка совершенно не соотвѣтствовала этой задачѣ. Кромѣ того, неизбѣжное разнообразіе взглядовъ на дѣло въ разныхъ полкахъ отражалось весьма невыгодно на воспитаніи и обученіи будущихъ офицеровъ. Понимая, какое громадное значеніе имѣетъ въ войскахъ соотвѣтственный корпусъ офицеровъ, и придя на основаніи опыта къ заключенію, что подготовка такихъ офицеровъ достижима лишь въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, великій князь Николай Павловичъ для болѣе надежнаго пополненія гвардіи офицерами создалъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, при чёмъ окончаніе курса въ ней было сдѣлано обязательнымъ для удостоенія производства въ офицеры.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ школѣ дѣло было сразу поставлено серьезно. Великій князь желалъ, чтобы на подпрапорщиковъ смотрѣли не какъ на мальчиковъ, а какъ на юношей, обязанныхъ сознательно подготовиться къ высокому званію офицера. Съ этою цѣлью они считались на дѣйствительной службѣ, составляли строевую часть, были обязаны подчиняться требованіямъ воинской дисциплины и при поступленіи въ школу присягали на вѣрность службѣ подъ знаменами своихъ полковъ.

Наконецъ, краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе школы, было постановленіе, въ силу котораго при выпускѣ въ офицеры старшинство должно было обусловливаться исключительно достоинствомъ подпрапорщика. Безъ этого главная цѣль учрежденія школы была бы въ корнѣ подорвана. Если бы права по выпуску зависѣли отъ другихъ соображеній, то, помимо крайней несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, страдала бы польза службы. Но великій князь Николай Павловичъ ставилъ *эту пользу* на первый планъ и желалъ, чтобы подпрапорщики выпускались офицерами въ гвардію по *качественному* ранжиру.

Для поступленія въ школу требовалось выдержать испытаніе, къ которому въ первое время допускались желавшіе въ продолженіе цѣлаго года по субботамъ. Но неудобство, сопряженное съ разновременностью поступленія молодыхъ людей въ школу и состоявшее въ нарушеніи однообразія прохожденія учебнаго курса, заставило въ 1825 году ограничить время пріема въ школу; съ этою

цѣлью было опредѣлено производить пріемныя испытанія ежегодно лишь въ теченіе октября.

При пріемѣ въ школу молодые люди экзаменовались изъ 8 предметовъ: русскаго языка, одного изъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ языковъ, ариѳметики, геометріи, алгебры до уравненій 2-й степени, тригонометріи, россійской и всеобщей исторіи. Объемъ познаній изъ этихъ предметовъ въ проектѣ учрежденія школы былъ очерченъ такимъ образомъ: «Въ языкахъ требуется знаніе правилъ грамматики и употребленіе оныхъ. При испытаніи дворянъ Эстляндской, Курляндской и бѣлорусскихъ губерній въ русскомъ языкѣ экзаминаторы не будутъ излишне строги. Въ математикѣ требуется не только рѣшеніе предложеній, но и основательное доказательство оныхъ. Въ исторіи требуется общее познаніе чиселъ и именъ, историческихъ періодовъ, изложеніе главныхъ происшествій. Въ географіи опрашиваются общія свѣдѣнія о раздѣленіи частей свѣта, о положеніи земель, главныхъ городовъ, рѣкъ, горъ и пр. Вообще въ географіи и исторіи требуются только общія понятія, ибо сіи предметы будутъ преподаваться въ подробности въ учебномъ заведеніи юнкеровъ».

Степень познаній опредѣлялась баллами, при чёмъ полнымъ числомъ считалось 85, а наименьшимъ, необходимымъ для пріема—50. По предметамъ, смотря по ихъ важности, эти баллы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Наибольшее число балловъ.	Наименьшее число балловъ.
Русскій языкъ	20	15
Одинъ изъ иностранныхъ языковъ	10	5
Ариѳметика	15	10
Геометрія и тригонометрія	10	5
Алгебра	10	5
Исторія	10	5
Географія	10	5
Всего . .	85	50

Большее число балловъ въ одномъ предметѣ замѣняло ихъ въ другомъ, но совершенное незнаніе одного изъ предметовъ считалось препятствіемъ къ поступленію въ школу.

Университетскіе и другіе аттестаты не освобождали отъ пріемнаго экзамена и не должны были имѣть на него никакого вліянія.

Хотя было постановлено, что молодые люди, получившіе на пріемномъ экзаменѣ въ суммѣ менѣе 50 балловъ, не имѣли права на поступленіе въ школу, но на первое время было разрѣшено принимать и неудовлетворявшихъ этому условію, съ тѣмъ однако, чтобы они считались прикомандированными къ школѣ и были обязаны выдержать испытаніе въ возможно ближайшій срокъ. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано недостаткомъ молодыхъ людей, которые по своей подготовкѣ въ наукахъ могли удовлетворить тогдашнимъ, довольно скромнымъ требованіямъ для поступленія въ школу.

Относительно постановки учебнаго курса въ школѣ было дано

въ инструкціи такое указаніе: «Необходимо, чтобы выборъ обучающихся, а равно и образъ преподаванія, производимы были со всевозможнымъ тщаніемъ и осторожностью, и все, не касающееся до онаго именно, не только не должно быть дозволяемо, но и вовсе не терпимо».

«Тактика простая, начиная съ военнаго устава въ самой подробности до соображенія малыхъ маневровъ, правила форпостной службы и малой войны, начиная съ устава разсыпного строя и стрѣлковаго ученья, полевая фортификація и артиллерія, рисованіе ситуаціи наскоро и глазомѣрная съемка, составленіе рапортовъ по всѣмъ предметамъ, случающимся въ службѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, и, наконецъ, познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ и порядка военнаго судопроизводства, географія и исторія въ военномъ смыслѣ—суть предметы, кои на первый случай преподаваться будутъ въ классахъ».

«Каждый обучающій чиновникъ представляетъ по своему предмету программу съ объясненіемъ, какія именно статьи въ курсъ входятъ и какую при ихъ изложеніи соблюдать постепенность. По разсмотрѣніи и утвержденіи сихъ программъ инспекторомъ классовъ поставляется въ обязанность обучающаго не отступать отъ нихъ при преподаваніи и притомъ всячески стараться, дабы изученіе по онымъ было совершенно ясно, основательно, и чтобы каждый изъ обучающихся со вниманіемъ и прилежаніемъ занимался».

Инспектору классовъ вмѣнялось въ обязанность «наблюдать, чтобы ученіе преподаваемо было по принятымъ правиламъ и постепенному, въ программахъ изложенному, порядку, чтобы каждый приходилъ въ классъ въ свое время, чтобы обучающіеся обращали должное вниманіе на преподаваніе и чтобы во всей точности наблюдали установленный порядокъ». Инспектору классовъ въ случаѣ необходимости измѣнить или дополнить порядокъ преподаванія дано было право дѣлать объ этомъ письменныя представленія черезъ командира школы на усмотрѣніе и рѣшеніе корпуснаго командира.

Въ вѣдѣніи инспектора классовъ находились шестидневные, недѣльные, мѣсячные и третные отчеты, которые въ опредѣленные сроки представлялись командиру школы, доводившему ихъ до свѣдѣнія командира корпуса.

Для отдѣльныхъ отчетовъ списки подпрапорщиковъ вручались дежурнымъ офицерамъ, которые дѣлали въ нихъ отмѣтки о всѣхъ опоздавшихъ или вовсе не явившихся на лекціи.

Списки для шестидневныхъ и мѣсячныхъ отчетовъ выдавались каждому преподавателю. Въ первыхъ дѣлались отмѣтки о неисправности воспитанниковъ, а вторые служили для обозначенія пройденной части курса, прилежаній и способностей подпрапорщиковъ, а также балловъ, опредѣлявшихъ успѣхи въ наукахъ. Эти списки представлялись инспектору классовъ не позже 1-го числа каждаго мѣсяца.

Третные отчеты представлялъ самъ инспекторъ классовъ по окончаніи частныхъ письменныхъ или устныхъ экзаменовъ, производившихся по прошествіи каждой трети учебнаго года въ при-

сутствіи командира школы, инспектора и старшаго преподавателя по заблаговременно приготовленнымъ билетамъ, которые собственноручно давалъ подпрапорщикамъ инспекторъ классовъ. Полученные на этихъ экзаменахъ баллы вносились въ третные списки, въ которыхъ опредѣлялось старшинство по успѣхамъ воспитанниковъ въ наукахъ.

По окончаніи учебнаго года производился публичный экзаменъ въ присутствіи корпуснаго командира, всѣхъ приглашаемыхъ имъ лицъ, всѣхъ обучающихся и даже служащихъ при школѣ чиновниковъ.

Не довольствуясь свѣдѣніями, получаемыми отъ преподавателей и дежурныхъ офицеровъ, инспекторъ обязанъ былъ присутствовать ежедневно въ классахъ и такимъ образомъ непосредственно слѣдилъ за веденіемъ занятій.

Полковникъ Дилленсгаузенъ, высоко образованный офицеръ, оправдалъ возложенныя на него ожиданія, успѣвъ прекрасно поставить учебную часть въ школѣ. Отличаясь благоразумною строгостью и полною справедливостью, онъ былъ требователенъ какъ по отношенію къ ученикамъ, такъ и по отношенію къ преподавателямъ. Слѣдя лично за преподаваніемъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы учителя, не полагаясь на свои познанія и память, серьезно готовились къ каждой лекціи.

По выбору полковника Дилленсгаузена первыми преподавателями въ школѣ были люди, извѣстные своею преподавательскою дѣятельностью, а именно: по исторіи и географіи профессоръ Арсеньевъ, по русскому языку Толмачовъ, по тактикѣ лейбъ-гвардіи саперпаго батальона штабсъ-капитанъ Шарнгорстъ, по фортификаціи гвардіи инженеръ-поручикъ Шмидтъ, по топографіи гвардіи инженеръ-поручикъ Вильманъ, по математикѣ гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Навроцкій, по артиллеріи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады поручикъ Сиверсъ и подпоручикъ Бакунинъ, по законовѣдѣнію коллежскій совѣтникъ Корсунскій.

На покупку учебниковъ и учебныхъ пособій расходовалось 3200 руб.

Учебниковъ въ то время было очень мало, и они стоили очень дорого. Напримѣръ, руководство по русскому языку Толмачова подъ заглавіемъ: «Правила словесности» стоило 20 рублей. Кромѣ этой книги, имѣлись учебники исторіи и географіи Арсеньева съ атласомъ Лапи, исправленнымъ Максимовичемъ, и всеобщей исторіей Милота, а также курсъ фортификаціи барона Эльснера. При такой бѣдности въ учебникахъ подпрапорщикамъ приходилось составлять записки почти по всѣмъ предметамъ, при чёмъ на обязанности преподавателей лежало наблюденіе за правильностью и опрятностью веденія этихъ записокъ.

Классныя занятія производились утромъ и послѣ обѣда и состояли изъ трехъ лекцій, каждая продолжительностью въ 2 часа. 2 утреннія лекціи назначались съ 8 до 12 часовъ съ перерывомъ между ними по 10 минутъ. Послѣобѣденная лекція читалась отъ 3 до 5 часовъ пополудни.

Шкотъ.

Благопріятные результаты, достигнутые школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ первые годы ея существованія, подали великому князю Николаю Павловичу мысль поднять подобнымъ же образомъ уровень образованія также офицеровъ гвардейской кавалеріи. Съ 1811 года для подготовки кавалерійскихъ офицеровъ при дворянскомъ полку состоялъ кавалерійскій эскадронъ, въ который до 1818 г. поступали юнкера изъ всѣхъ армейскихъ полковъ. Но затѣмъ число желавшихъ поступить въ него постепенно уменьшилось и къ концу 1824 г. не превышало 40 чел. Такая малочисленность состава дворянскаго эскадрона не оправдывала большихъ затратъ на его содержаніе. Поэтому великій князь Николай Павловичъ предложилъ упразднить его и на освободившіяся вслѣдствіе этого матеріальныя средства учредить при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ гвардейскій эскадронъ для распространенія военнаго образованія среди юнкеровъ гвардейской кавалеріи. Это предложеніе было осуществлено Высочайшимъ повелѣніемъ 9 апрѣля 1823 г., на основаніи котораго дворяне, поступившіе на службу въ гвардейскую кавалерію, должны были испытываться въ наукахъ при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тогда же была составлена комиссія подъ председѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, выработавшая для новаго эскадрона положеніе и штаты, которые удостоились Высочайшаго утвержденія 12 іюля 1826 г. Школа была переименована въ *Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ*. Расширеніе школы не ограничилось учрежденіемъ кавалерійскаго отдѣленія. Въ томъ же 1826 году былъ открытъ такъ называемый *кандидатскій* классъ для пажей, воспитывавшихся дома и не имѣвшихъ познаній, требуемыхъ для поступленія въ школу. Это было собственно подготовительное отдѣленіе, въ курсъ котораго вошли только общеобразовательные предметы: законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, исторія, географія и математика.

Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Оппермана, собранная для обсужденія возникшей мысли объ учрежденіи при школѣ артиллерійскаго отдѣленія, хотя и пришла къ отрицательному рѣшенію по этому вопросу, но принесла школѣ большую пользу, занявшись, по приказанію великаго князя, подробнымъ пересмотромъ программъ преподаванія. Выработанные ею курсы, въ число которыхъ былъ включенъ одинъ, прежде не существовавшій, по закону Божію, были утверждены великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ 8 ноябрая 1827 года. Съ тѣхъ поръ по новымъ программамъ преподаваніе велось слѣдующимъ образомъ:

По *закону Божію* — чтеніе книгъ священнаго писанія; въ 1-й годъ—ветхаго завѣта и во 2-й годъ—новаго завѣта.

По *русскому языку*: въ 1-й годъ правила русскаго языка (словесность, реторика и логика), а во 2-й годъ—правила военнаго слога, составленіе бумагъ военнаго содержанія и описательныя сочиненія вообще.

По *математикѣ*: въ младшемъ классѣ геометрія (планиметрія и начало стереометріи) и алгебра до уравненій 2-й степени вклю-

чительно; въ старшемъ классѣ—изъ алгебры прогрессіи, числа фигурныя и пирамидальныя, логариѳмы и биномъ Ньютона; изъ геометріи стереометрія, плоская тригонометрія и приложеніе алгебры къ геометріи.

По *исторіи* комиссія признала необходимымъ преподавать ее преимущественно въ военномъ отношеніи; но, за неимѣніемъ соотвѣтственнаго руководства, рѣшено было читать всеобщую исторію сокращенно, а исторію россійскаго государства въ подробности.

По *географіи*—подробно, притомъ въ военномъ отношеніи, государства, прилежащія Россіи, а россійское государство во всей полнотѣ.

По *тактикѣ*: въ младшемъ классѣ приготовленіе войскъ (обученіе, гарнизонная служба и лагерная служба), употребленіе войскъ или полевая служба, а для кавалерійскихъ юнкеровъ, сверхъ того, признаки лѣтъ и качествъ лошадей и краткое знакомство съ важнѣйшими основами ветеринарнаго искусства; въ старшемъ классѣ—соединеніе трехъ родовъ войскъ, линейное ученье, форпостная служба и малая война, боевые порядки, различныя передвиженія войскъ, занятія и атака различныхъ мѣстныхъ предметовъ, употребленіе резервовъ, объ отступленіи, о преслѣдованіи непріятеля.

По *фортификаціи*: въ младшемъ классѣ полевая *фортификація*; въ старшемъ классѣ—примѣненіе укрѣпленій къ мѣстности, укрѣпленіе позицій, укрѣпленные лагери, атака и оборона полевыхъ укрѣпленій, порча и исправленіе дорогъ и мостовъ, а также часть долговременной фортификаціи.

По *артиллеріи*: въ младшемъ классѣ техническая часть, въ старшемъ—употребленіе артиллеріи.

По *топографіи*: въ младшемъ классѣ понятіе о планахъ и картахъ и черченіе плановъ, а въ старшемъ—съемка мѣстности и черченіе съемки (инструментальная и глазомѣрная съемка во время лагеря производилась лишь въ томъ случаѣ, если позволяло время).

По *законовѣдѣнію*: въ младшемъ классѣ общія понятія о государствѣ, верховной власти и законахъ, въ старшемъ—военное судоустройство и военное судопроизводство.

По *французскому языку*: переводы и краткій очеркъ исторіи и литературы.

Кромѣ этой программы, оставшейся безъ измѣненія до 1832 г., были сдѣланы еще нѣкоторыя перемѣны по учебной части школы, вызванныя существовавшими въ тогдашнихъ порядкахъ неудобствами. Во-первыхъ, переходъ воспитанниковъ кандидатскаго класса въ низшій классъ производился въ теченіе всего учебнаго года, что неблагопріятно отражалось на успѣхѣ въ занятіяхъ переводимыхъ, принужденныхъ затрачивать значительный трудъ съ цѣлью догнать далеко ушедшихъ уже въ курсѣ товарищей. Во-вторыхъ, лагерное время прерывало систематическое веденіе занятій. Въ-третьихъ, преподаватели, имѣвшіе занятія на сторонѣ, часто пропускали свои уроки.

Классныя занятія ежедневно продолжались отъ 7 до 11 ч. утра (два 2-часовыхъ урока съ перемѣною въ 10 минутъ) и отъ 3 до 6 ч.

пополудни (два полуторачасовыхъ урока), кромѣ среды и субботы, въ которыя послѣобѣденное время посвящалось строевымъ занятіямъ. Это распредѣленіе времени сохранялось лишь до экзаменовъ, во время которыхъ утренніе часы до полудня назначались для подготовки къ экзамену, а съ 3 до 6 ч. пополудни производились испытанія.

Въ 1832 г. въ учебной части были произведены значительныя измѣненія, предложенныя новымъ инспекторомъ классовъ, полковникомъ Павловскимъ. Они коснулись какъ правилъ пріема въ школу, такъ и прохожденія въ ней курса.

Съ 1832 года на пріемномъ экзаменѣ требовались слѣдующіе предметы:

I. *Математика*: ариѳметика, вся алгебра, до уравненій 2-й степени, пропорцій и прогрессій включительно и изъ геометріи лонгиметрія, планиметрія и стереометрія.

II. *Исторія*: изъ священной исторіи ветхій завѣтъ, всеобщая исторія до французской революціи 1789 года, россійская исторія отъ временъ Рюрика до нашихъ во всей подробности.

III. *Географія*: древняя и современная, россійская во всей подробности.

IV. *Русскій языкъ*: полное и твердое познаніе грамматики, правила грамматическаго разбора, сочиненія, переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка и описаніе какого-нибудь заданнаго предмета.

V. *Французскій или нѣмецкій языкъ*: познаніе грамматики, правильный переводъ съ русскаго языка и грамматическій разборъ.

Пріемъ въ школу производился съ 1 августа по 1 ноября. Выдержавшіе пріемный экзаменъ зачислялись кандидатами и по открытіи вакансій принимались въ школу по старшинству полученныхъ на испытаніи балловъ, общее полное число которыхъ опредѣлялось цифрою 80, а необходимое для пріема—70. Для частной оцѣнки по отдѣльнымъ предметамъ была принята 10-балльная система.

Кандидатскій классъ былъ закрытъ, при чёмъ было постановлено всѣхъ кандидатовъ Пажескаго корпуса, которые по достиженіи 15-лѣтняго возраста изъявятъ желаніе поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, зачислить кандидатами школы и въ случаѣ желанія ихъ родителей до достиженія ими 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ прикомандировать къ дворянскому полку для обученія порядку службы, по достиженіи же этого возраста опредѣлить въ школу, если выдержатъ пріемный экзаменъ.

Курсъ въ школѣ попрежнему продолжался 2 года. Юнкерамъ и подпрапорщикамъ разрѣшалось оставаться лишній годъ въ одномъ изъ классовъ; но послѣ 3-лѣтняго пребыванія въ школѣ въ случаѣ недостаточныхъ успѣховъ въ занятіяхъ они переводились въ армію.

Въ продолженіе 2-лѣтняго курса преподавались учебные предметы по слѣдующимъ программамъ:

Законъ Божій и нравственность: полное понятіе о христіан-

ской вѣрѣ, основанное на изученіи новаго завѣта; обязанности въ отношеніи къ государю, начальству и ближнему.

Математика: изъ алгебры теорія логариѳмовъ и фигурныхъ чиселъ, тригонометрія съ показаніемъ приложенія оной къ съемкѣ мѣстоположенія, приложеніе алгебры къ геометріи съ показаніемъ примѣненія алгебры къ артиллеріи и фортификаціи.

Географія: изложеніе ея въ статистическомъ видѣ и въ военномъ смыслѣ.

Исторія: подробнѣйшее изложеніе новѣйшей исторіи и въ особенности послѣдняго столѣтія, связь ея съ военными происшествіями, подробное описаніе всѣхъ главныхъ походовъ съ древнихъ временъ до нашихъ.

Россійская словесность: примѣненіе ея къ сочиненію всякихъ бумагъ, до военнаго письмоводства и военнаго краснорѣчія относящихся.

Военное судопроизводство: познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ съ примѣненіемъ ихъ къ военному судопроизводству.

Топографія: употребленіе всѣхъ для съемки необходимыхъ инструментовъ и черченіе плановъ, а также практическая съемка и инструментальная и въ особенности глазомѣрная.

Фортификація: полевая и долговременная, въ особенности же употребленіе полевой.

Артиллерія: техническое познаніе ея и употребленіе всѣхъ родовъ орудій.

Воинскіе уставы и все, что касается полнаго знанія того рода службы, къ которому каждый молодой дворянинъ предназначается.

Правила тактики: употребленіе разныхъ родовъ войскъ и связь между ними, общія понятія о стратегіи или о воинскихъ дѣйствіяхъ съ объясненіемъ знаменитыхъ походовъ послѣднихъ временъ.

Кромѣ этихъ предметовъ, преподавался французскій языкъ.

Былъ измѣненъ также способъ оцѣнки успѣховъ: 100 считалось полнымъ числомъ балловъ; для производства въ старую гвардію необходимо было имѣть не менѣе 90, а для производства въ молодую гвардію — не менѣе 80 балловъ. Имена получившихъ на выпускномъ экзаменѣ полное число балловъ вырѣзывались золотыми буквами на мраморной доскѣ.

По окончаніи полнаго курса школы къ 1-му іюня, послѣ лагернаго сбора, подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры съ соблюденіемъ старшинства, пріобрѣтеннаго успѣхами въ наукахъ.

Въ общемъ преобразованія 1832 года имѣли цѣлью усилить требованія отъ поступавшихъ въ школу и поднять уровень преподаванія ея 2-годичнаго курса, получившаго болѣе спеціальное военное направленіе.

Такъ какъ надлежащее осуществленіе предначертаній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ исполнителей, то было обращено серьезное вниманіе на выборъ соотвѣтственныхъ преподавателей, и школа постоянно пользовалась трудами лучшихъ представителей педагогической среды.

Шкотъ.

Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Лермонтовъ опредѣлился въ школу 10 ноября 1832 года; до тѣхъ поръ онъ слушалъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и вышелъ оттуда вслѣдствіе какой-то незначительной исторіи съ однимъ изъ профессоровъ. Бабушка его, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, служившая добрымъ геніемъ всей его жизни, рѣшительно возстала противъ опредѣленія его въ военную службу; но, несмотря на это, онъ, по выдержаніи пріемнаго экзамена, поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Такой переходъ изъ студентовъ въ юнкера, какъ видно, поразилъ самого Лермонтова. Въ первомъ письмѣ своемъ изъ школы онъ говорилъ: «Итакъ, я сдѣлался воиномъ! Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія. Быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли—жить для поприща литературнаго, то, можетъ-быть, дойду по немъ до послѣдней цѣли своего существованія. Вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго изнеможенія»...

Къ сожалѣнію, слова эти оказались пророческими.

Первые дни пребыванія Лермонтова въ школѣ сопровождались случаемъ, имѣвшимъ для него весьма непріятныя послѣдствія. Разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый старыми товарищами, Лермонтовъ, чтобы показать свое безстрашіе и удаль, сѣлъ на молодую, невыѣзжанную лошадь, которая стала его сбивать, перепугала другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ, и одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу такъ сильно, что его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Спустя два мѣсяца онъ выздоровѣлъ; но на всю жизнь остался немного кривоногимъ, что вызвало дружескія шутки товарищей, окрестившихъ его въ своемъ кружкѣ названіемъ «Mayeux», или уменьшительнымъ «Майошкой» [1]). Лермонтовъ не только не сердился на шутку, но самъ увѣковѣчилъ за собой это имя, воспѣвъ его въ извѣстномъ шуточномъ своемъ стихотвореніи «Монго». Послѣ такого случая бабушка Лермонтова, Арсеньева, пламенно любившая своего Мишеля, не хотѣла съ нимъ разставаться и сама поселилась близъ школы. Это была добрая, всѣми любимая, уважаемая и весьма вліятельная старушка. Во всѣхъ товарищахъ своего внука она принимала живѣйшее участіе, «и многіе изъ насъ», говоритъ Меринскій, школьный другъ Лермонтова, «часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ».

Въ школѣ Лермонтовъ обращалъ на себя вниманіе товарищей болѣе всего нескромными стихотвореніями. Эти стихотворенія, раз-

[1]) „Mayeux“ герой одного только что вышедшаго передъ тѣмъ французскаго романа, отличавшійся наружнымъ безобразіемъ. Французы называютъ также mayeux всѣхъ горбуновъ. А такъ какъ Лермонтовъ былъ нѣсколько сутуловатъ, а вслѣдствіе удара лошади и кривоногъ, то школьные его товарищи находили, что это названіе „весьма ему приличествуетъ“.

умѣется, тайкомъ отъ начальства, помѣщались въ рукописномъ журналѣ, который началъ издаваться въ школѣ зимой, въ началѣ 1834 года, самими юнкерами. Журналъ, по заведенному порядку, выходилъ аккуратно одинъ разъ въ недѣлю по средамъ и обыкновенно прочитывался громко при неумолкаемыхъ шуткахъ и смѣхѣ молодежи. Вышло его, кажется, семь нумеровъ, и, сколько извѣстно, нѣкоторые цѣлы и сохраняются до сихъ поръ у нѣкоторыхъ изъ старыхъ товарищей Лермонтова по школѣ.

Но не одними подобными шаловливыми стихотвореніями занимался въ это время Лермонтовъ. Онъ работалъ много, работалъ усердно, но только никогда и никому не показывалъ того, что писалъ. Поэтому никто изъ школьныхъ товарищей не имѣлъ возможности видѣть и потому предугадать въ немъ проявленій великаго таланта; а между тѣмъ окончательная отдѣлка, напр., такого произведенія, какъ «Демонъ»—этой высокой и чудной поэмы, относится именно ко времени пребыванія его въ школѣ. Въ школѣ же, подъ впечатлѣніемъ живыхъ воспоминаній о Кавказѣ, куда онъ ѣздилъ съ бабушкою еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ написалъ небольшую, прекрасную поэму изъ черкесскаго быта и назвалъ ее «Хаджи-Абрекомъ». Эту поэму тихонько отъ Лермонтова взялъ двоюродный братъ его. Юрьевъ, тоже воспитанникъ школы, отвезъ ее къ Сенковскому и прочиталъ ему съ тѣмъ мастерствомъ, какимъ онъ отличался въ чтеніи. Сенковскій поспѣшилъ напечатать ее въ ближайшемъ нумерѣ «Библіотеки для чтенія», и такимъ образомъ «Хаджи-Абрекъ» сдѣлался первымъ литературнымъ произведеніемъ, обратившимъ на Лермонтова вниманіе образованнаго общества.

Въ школѣ Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, но особенно велъ дружбу со Столыпинымъ и Вонлярлярскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ нашимъ беллетристомъ, славившимся въ кругу юнкеровъ своими забавными и неистощимыми разсказами.

Потто.

Вліяніе школы на Лермонтова.

Пребыванію въ юнкерской школѣ надо особенно приписать новыя черты въ его характерѣ—какое-то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость. Повидимому, на него именно подѣйствовалъ духъ школы, вліяніе товарищества. Въ то время въ военномъ, особенно начинающемъ, и особенно аристократическомъ кругу (какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова) былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность: отсюда его манера, производившая и потомъ такое непріятное впечатлѣніе на людей, которымъ хотѣлось бы видѣть въ великомъ талантѣ болѣе серьезнаго достоинства. Эта манера слишкомъ отзывалась свойствами особеннаго слоя общества, въ средѣ котораго тяжело было видѣть высокій талантъ, готовившійся стать въ первыхъ рядахъ литературы. То, что от-

ражалось теперь на Лермонтовѣ, была прямая противоположность тому, въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія,—какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко, съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу начался для него «періодъ броженія», переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось «укоренившимися обычаями», и они не оправдывали этого настроенія.

Но внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполнѣ подчиниться этимъ вліяніямъ, которыя способны были бы совершенно загубить его талантъ. Лермонтовъ, съ дѣтства «мало сообщительный», не былъ сообщителенъ и теперь. Онъ предоставлялъ товарищамъ своимъ «шуточныя» стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя работы. У него было два рода интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую,—и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли сказать кромѣ того, что мы сейчасъ упоминали—ни у кого не было въ мысли затронуть эту, болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ-будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями,—объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы. «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ,—говоритъ онъ въ письмѣ 19 іюня 1834 г.,—«со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*». Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ конца своего ученья: «Если бъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести,—пишетъ онъ мѣсяца черезъ два послѣ приведеннаго письма,—«то будетъ прелестно! Во-первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала, нѣтъ больше *вѣры;* мнѣ нужны наслажденія матеріальныя; счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку; которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи». Онъ говоритъ, что въ эти годы много перемѣнился: замѣтивъ, что его мечты разлетаются, онъ сказалъ себѣ, что хлопотать о новыхъ не стоитъ и гораздо лучше выучиться обходиться безъ нихъ. «Я началъ пробовать и похожъ былъ въ это

время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ приключеній... Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ»...

Съ выходомъ изъ юнкерской школы окончилось воспитаніе Лермонтова. Начинается военная служба и свѣтская жизнь.

Что же дало ему воспитаніе? Если исключить короткій промежутокъ университетской жизни,—именно въ то время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) чрезвычайно одушевленной и, быть можетъ, успѣвшей подѣйствовать на умъ Лермонтова,—условія этого воспитанія едва ли были благопріятны для правильнаго, гуманнаго развитія. Одинъ изъ біографовъ Лермонтова, чтобы рѣзче очертить свойства его перваго воспитанія, назвалъ его французско-татарскимъ, и въ этомъ не было, конечно, недостатка въ нравахъ помѣщичьей аристократіи, которые издавна мирились у насъ съ французской утонченностью, нисколько не теряя отъ нея татарской дикости. Даже при мягкихъ формахъ крѣпостного права воспитаніе барича рѣдко могло освободиться отъ извращающихъ вліяній, которыя вносило это пренебреженіе къ человѣческому достоинству, возведенное въ принципъ и каждодневно выполняемое. Воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, въ родѣ юнкерской школы, соединявшихъ извѣстный классъ дворянскаго юнаго поколѣнія, имѣло свою атмосферу, столько же, если еще не болѣе, неблагопріятную для здороваго нравственнаго развитія. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа тѣхъ временъ очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ; напротивъ, строго слѣдила за усвоеніемъ военной рутины, и снисходительно, сквозь пальцы, смотрѣла на тѣ нѣсколько буйныя развлеченія, въ какія вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь и которыя умѣрялись только фронтовой дисциплиной. Молодежь послушно усвоила духъ касты, грубо льстившій неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшій ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества.

Жизнь въ этой средѣ, повидимому, не много прибавила къ образованію Лермонтова, но привила ему недостатки ея нравовъ и обычаевъ. Эта жизнь удовлетворяла юношеской жаждѣ шумливой дѣятельности и удовольствій,—немудрено, что Лермонтовъ увлекся господствовавшими здѣсь нравами, извѣстнаго рода заносчивымъ удальствомъ, которое считалось достоинствомъ касты, и, наконецъ, пріобрѣлъ ту манеру держать себя, которая непріятно поражала людей обыкновеннаго общества, даже вполнѣ расположенныхъ относиться къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ. Люди, близко его знавшіе, утверждаютъ, что эта манера была наружная, напускная оболочка; что на самомъ дѣлѣ душа его была добрая, что, когда

онъ былъ самъ собою, его личность была высоко интересна и увлекательна, и т. д. Въ этомъ послѣднемъ можно не сомнѣваться уже потому, что Лермонтовъ былъ авторомъ многихъ стихотвореній этого мягкаго, возвышеннаго и привлекательнаго характера; но тѣмъ не менѣе извѣстно и то, что упомянутая манера слишкомъ часто имъ высказывалась, стала его всегдашней манерой въ обыкновенныхъ отношеніяхъ и, быть можетъ, имѣла какое-нибудь основаніе въ самой природѣ Лермонтова.

Если въ этой природѣ были элементы эгоистическаго свойства, то въ подобныхъ условіяхъ они легко могли развиться въ самыя непривлекательныя формы въ ущербъ другимъ, болѣе мягкимъ сердечнымъ инстинктамъ. Элементы этого рода несомнѣнно были въ Лермонтовѣ, но они опирались въ немъ на дѣйствительныя силы, на предчувствіе собственнаго превосходства, и если они принимали превратное направленіе, то Лермонтову нужно было перерабатывать себя въ болѣе зрѣломъ періодѣ, чтобы найти потерянную дорогу, чтобы личность его могла явиться въ своемъ лучшемъ характерѣ, въ полнотѣ своего нравственнаго достоинства. Ему предстояла борьба съ «пошлостью жизни»—въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Пыпинъ.

Лермонтовъ въ свѣтскомъ обществѣ.

Въ этотъ самый свѣтъ «завистливый и душный» вступилъ Лермонтовъ послѣ производства въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, 2 ноября 1834 года, и, конечно, послѣ того его жизнь не могла стать счастливѣе, а даже скорѣе должны были ожидать новыя горести, новыя разочарованія. Очень хорошо характеризуетъ положеніе въ этомъ обществѣ людей, сколько-нибудь выдающихся князь Васильчиковъ, близко знавшій Лермонтова. «Парады и разводы для военныхъ», говоритъ онъ, «придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6-го декабря, въ новый годъ и въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры—вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество, представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а молодцеватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту, и, не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла ни для ума, предавались буйному разгулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ».

Лермонтову оставалось одно: жить въ этомъ обществѣ такъ же, какъ онъ жилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, т.-е.

затаить про себя свои серьезные духовные вопросы и по внѣшности сливаться съ общимъ уровнемъ окружающей среды, принимать участіе во всякихъ кутежахъ, попойкахъ, «шалостяхъ» гвардейской молодежи. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ (какъ вспоминаетъ гр. Ростопчина) сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы». Желаніемъ обратить на себя вниманіе свѣта объясняются любовныя похожденія Лермонтова и, прежде всего, его романъ съ Е. А. Хвостовой, урожденной Сушковой, которая съ пренебреженіемъ отнеслась къ нему, когда онъ увлекался ею еще почти мальчикомъ. «Если», разсказываетъ поэтъ, «я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно также займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой». Романъ съ Сушковой былъ не единственный, и та же гр. Ростопчина тѣмъ характеризуетъ любовныя похожденія Лермонтова: «Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома, и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Но такое времяпровожденіе было опять-таки своего рода маскою, за которой Лермонтовъ скрывалъ отъ свѣта серьезную внутреннюю работу, въ немъ происходившую. Онъ много въ то время читаетъ, о многомъ размышляетъ, опредѣляетъ свое міросозерцаніе, переходя отъ тревожныхъ исканій юности къ болѣе яснымъ и отчетливымъ взглядамъ на жизнь, на свое призваніе. Онъ знакомится съ русской исторіей, изучаетъ внимательно русскую народную поэзію, и результатомъ этихъ изученій является сперва поэма «Бояринъ Орша», а затѣмъ такое совершенное въ художественномъ отношеніи произведеніе, какъ «Пѣсня про купца Калашникова», начатая уже теперь, но окончательно обработанная въ 1838 году. Кромѣ того, онъ задумываетъ драму [1]), въ которой наподобіе «Горя отъ ума», хочетъ представить современное пустое русское общество,—и тутъ онъ встрѣтился съ тѣми «независящи-

[1]) „Маскарадъ", въ передѣлкѣ вторичной названный „Арбенинъ".

ми обстоятельствами», которыя тяжкимъ бременемъ легли на всю исторію русской литературы. Несмотря на то, что поэтъ передѣлывалъ нѣсколько разъ свое произведеніе, ни цензурное вѣдомство ни III отдѣленіе не допускали его драмы на сцену «по причинѣ», какъ сказали Лермонтову, «слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена». Наконецъ, въ то же время поэтъ работаетъ надъ своимъ «Демономъ», котораго уже давно задумалъ.

Но вся эта работа совершается въ тиши отъ свѣта, въ печать не проникаетъ въ это время почти ничего изъ произведеній Лермонтова, котораго свѣтъ знаетъ, какъ лихого кутилу гусара и какъ автора циническихъ стихотвореній юнкерской поры. И вдругъ совершается событіе, открывающее свѣту этого гусара совсѣмъ съ новой стороны. Убитъ на дуэли Пушкинъ, и Лермонтовъ пишетъ по этому поводу свое знаменитое стихотвореніе, сначала безъ заключительныхъ 16 стиховъ. Оно прочтено было государемъ и другими лицами, и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія.

Котляревскій.

Ссылка Лермонтова на Кавказъ, его пребываніе тамъ и возвращеніе.

Смерть Пушкина произвела потрясающее впечатлѣніе на все истинно образованное общество въ Россіи. Негодованіе противъ человѣка, который не только жестоко оскорблялъ поэта, но и поднялъ на него святотатственную руку, было всеобщимъ чувствомъ. Лермонтовъ, по словамъ Шанъ-Гирея, не былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ, но благоговѣлъ передъ его поэтическимъ геніемъ, и негодованіе его противъ всѣхъ, кто былъ причиною гибели великаго поэта, вылилось почти экспромптомъ въ стихотвореніи «На смерть Пушкина». Оно оканчивалось словами: «и на устахъ его печать». Стихотвореніе быстро разошлось не только по Петербургу и Москвѣ, но и въ провинціи; «съ тѣхъ поръ», говоря словами Шанъ-Гирея, «всѣмъ, кому дорого русское слово, стало извѣстно имя Лермонтова». Оно прочитано государемъ и одобрено имъ. В. кн. Михаилъ Павловичъ, какъ разсказывалось, сказалъ даже про Лермонтова: «Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина»; Жуковскій увидѣлъ въ стихотвореніи признаки большого таланта; князь Влад. Ѳед. Одоевскій наговорилъ комплиментовъ бабушкѣ поэта, Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Не всѣ, однако, сочувствовали Лермонтову. Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ многіе находили, что Пушкинъ былъ неправъ въ дуэли съ Дантесомъ, которому, какъ иностранцу, не было никакого дѣла до поэзіи Пушкина, и онъ, вызванный поэтомъ, не имѣлъ причинъ щадить его. Это воззрѣніе принесъ къ бывшему тогда больнымъ Лермонтову его родственникъ Николай Аркадьевичъ Столыпинъ, братъ Алексѣя, друга Лермонтова. Между нимъ и Лермонтовымъ завязался споръ.

По разсказу Бурнашева со словъ Юрьева, «Столыпинъ расхва-

ливалъ стихи Лермонтова; но только говорилъ, что напрасно Мишель, апоѳеозируя поэта, придалъ слишкомъ сильное значеніе его невольному убійцѣ, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться. Honneur oblige!..» Лермонтовъ сказалъ на это, что русскій человѣкъ, конечно, чисто русскій, а не офранцуженный и испорченный, какую бы обиду Пушкинъ ему ни сдѣлалъ, снесъ бы ее, во имя любви своей къ славѣ Россіи, и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи своей руки. Столыпинъ засмѣялся и нашелъ, что у Мишеля раздраженіе нервовъ, почему лучше оставить этотъ разговоръ. Но Лермонтовъ его не слушалъ и, схвативъ листъ бумаги, что-то быстро по немъ чертилъ карандашемъ, ломая одинъ за другимъ, и переломалъ такъ съ полдюжины. Между тѣмъ, Столыпинъ, замѣтивъ это, сказалъ, улыбаясь и полушопотомъ: «La poésie enfante!» (поэзія разрѣшается отъ бремени); потомъ, поболтавъ еще немного и обращаясь уже только ко мнѣ, собрался уходить и сказалъ Лермонтову: «Adieu Michel!», но нашъ Мишель закусилъ уже поводья, и гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ сердито взглянулъ на Столыпина и бросилъ ему: «Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда». Столыпинъ не заставилъ себя приглашать къ выходу дважды и вышелъ быстро, сказавъ только: «Mais il est fou a lier» (но, вѣдь, онъ просто бѣшеный!). Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій столько карандашей, пока тутъ былъ Столыпинъ, и потомъ писавшій совершенно спокойно набѣло перомъ то, что въ присутствіи непріятнаго для него гостя писано имъ было такъ отрывисто, прочиталъ Юрьеву тѣ стихи, которые начинаются словами: «А вы, надменные потомки!»

Юрьевъ разсказывалъ Бурнашеву, что это «дополненіе къ стихамъ на смерть Пушкина быстро облетѣло весь городъ, чему онъ и самъ способствовалъ, дошло и до Бенкендорфа и до великаго князя, но что и первый не желалъ придавать «поэтической вспышкѣ» значенія, и великій князь только сказалъ, смѣясь: «Эхъ, какъ же онъ расходился. Кто подумаетъ, что онъ самъ принадлежитъ къ высшимъ дворянскимъ родамъ?» и шепнулъ Бенкендорфу, что «желательно, чтобы этотъ вздоръ не обезпокоилъ вниманія Государя Императора». Но на одномъ раутѣ къ графу подошла одна изъ извѣстнѣйшихъ въ то время петербургскихъ сплетницъ, Хитрово, съ вопросомъ: «А вы вѣрно, читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ и въ которыхъ сливки дворянства отдѣланы на чемъ свѣтъ стоитъ». Она назвала Лермонтова и сказала первый стихъ: «А вы, надменные потомки». Дѣло становилось настолько гласнымъ, что Бенкендорфъ не осмѣлился дольше не докладывать о немъ Императору, но Николаю Павловичу уже было все извѣстно, онъ показалъ графу полученный имъ отъ кого-то по почтѣ экземпляръ стиховъ съ надписью: «воззваніе къ революціи». Это было дѣло, вѣроятно, той же Хитрово.

Дѣлу данъ былъ ходъ. Понадобилось узнать, кто былъ распространителемъ стиховъ, такъ какъ самъ Лермонтовъ сидѣлъ боль-

ной дома и не могъ ихъ распространять. Лермонтову пригрозили разжалованіемъ въ солдаты, если онъ не укажетъ распространителя, и онъ назвалъ жившаго у нихъ въ домѣ его большого пріятеля Святослава Аѳанасьевича Раевскаго, человѣка, университетски образованнаго, высоко цѣнившаго талантъ Лермонтова; но еще раньше этого показанія Раевскій былъ уже арестованъ и принялъ на себя большую часть вины; онъ, дѣйствительно, былъ въ восхищеніи отъ опасныхъ стиховъ Лермонтова и способствовалъ ихъ распространенію въ публикѣ. О своемъ арестѣ и показаніи Раевскій пытался переслать записку Лермонтову, но она была перехвачена.

Лермонтовъ, арестованный сначала на дому, былъ переведенъ въ одну изъ комнатъ верхняго этажа Главнаго Штаба. Къ нему пускали только его камердинера, приносившаго обѣдъ. По разсказу Шанъ-Гирея онъ велѣлъ завертывать хлѣбъ въ сѣрую бумагу, и на этихъ клочкахъ, съ помощью вина, печной сажи и спички, написалъ нѣсколько пьесъ, а именно: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Я матерь Божія, нынѣ съ молитвою», «Кто бы ни былъ ты печальный мой сосѣдъ», и передѣлалъ старую пьесу «Отворите мнѣ темницу», прибавивъ къ ней послѣднюю строфу: «но окно тюрьмы высоко».

А. Н. Муравьевъ разсказываетъ, что Лермонтовъ передъ арестомъ пытался искать въ немъ защиты и помощи въ надвигавшемся для него несчастіи. «Онъ просилъ меня», говоритъ онъ, «поговорить въ его пользу Мордвинову (начальнику III отдѣленія и родственнику Муравьева), и на другой день я поѣхалъ къ моему родичу. Муравьевъ былъ очень занятъ и не въ духѣ. «Ты всегда со старыми пѣснями», сказалъ онъ, «я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго». Обрадованный такою вѣстью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не заставъ его дома, написалъ ему отъ слова до слова то, что сказалъ мнѣ Мордвиновъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозила опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи «Вѣтка Палестины», которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, привезенныхъ мною съ востока»... «Но каково было мое изумленіе, когда флигель-адъютантъ Столыпинъ сообщилъ мнѣ, что Лермонтовъ уже подъ арестомъ»...

Дѣло Лермонтова пошло быстро. Раевскій былъ арестованъ 21 февраля 1837 г., Лермонтовъ нѣсколько позже, а 25-го числа участь ихъ была рѣшена. По Высочайшему повелѣнію, приказомъ 26 числа, Лермонтовъ переведенъ тѣмъ же числомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, бывшій на Кавказѣ, съ приказаніемъ выѣхать въ 48 часовъ; Раевскій же, по выдержаніи на гауптвахтѣ въ теченіе мѣсяца, высланъ въ Олонецкую губернію на службу, въ распоряженіе мѣстнаго губернатора, и онъ гораздо позже Лермонтова, именно только въ декабрѣ 1838 года, возвращенъ въ Петербургъ.

Бабушка была въ отчаяніи; она сильно пожалѣла, что нѣкогда позволила, какъ думала, Мерзлякову пристрастить Мишеля къ литературѣ, и принялась хлопотать, чтобы высвободить внука изъ постигшаго его несчастія. Прежде всего ей удалось добиться разрѣшенія ему пробыть нѣсколько дней въ Петербургѣ. Лермонтовъ, опечаленный тѣмъ, что изъ-за него пострадалъ Раевскій, добивался свиданія съ нимъ, но, кажется, ему это не удалось.

Нижегородскій полкъ, въ который предстояло ѣхать Лермонтову, стоялъ за Кавказскимъ хребтомъ. Между тѣмъ, главныя военныя дѣйствія происходили тогда на сѣверномъ Кавказѣ, готовилась большая экспедиція за Кубань подъ начальствомъ генерала Вельяминова, и Лермонтовъ, что было обычно тогда, выхлопоталъ себѣ прикомандированіе къ экспедиціонному отряду. Въ серьезныхъ битвахъ ему, однако, быть не удалось. Въ маѣ, какъ ясно изъ писемъ, онъ былъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ—уже послѣ многочисленныхъ поѣздокъ по линіи.

Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ онъ свое пребываніе на Кавказѣ Раевскому уже въ исходѣ 1837 года: «Съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по черкески, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское.

Простудившись дорогою, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить,—въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную: пью вино, только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну и, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь...—Я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два, три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался: разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы,—я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирный, разумѣется),—и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовую) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь».

Въ Тамани съ Лермонтовымъ случилось какое то происшествіе, которое дало ему поводъ позже написать «Тамань». Цейдлеръ, бывшій въ этомъ городкѣ годъ спустя, видѣлъ «честныхъ контрабандистовъ» Лермонтова: красавицу съ ребенкомъ на рукахъ, теперь уже жену стараго татарина, сынвшаго серебряныхъ дѣлъ масте-

ромъ, но болѣе похожаго на контрабандиста и слѣпого мальчика. По всей вѣроятности мнѣ суждено было жить въ томъ же домикѣ, гдѣ жилъ и Лермонтовъ, говоритъ Цейдлеръ.

Въ одной изъ книжекъ «Современника» въ 1837 году появилось стихотвореніе Лермонтова «Бородино». Вѣроятно, оно было написано на Кавказѣ, т.-е. собственно передѣлано изъ юношескаго «Поле Бородина», и выслано въ Петербургъ. На Кавказѣ же окончательная форма придана Лермонтовымъ и «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова», и выслана имъ издателю «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» Краевскому, съ которымъ онъ познакомился черезъ Раевскаго задолго до отъѣзда на Кавказъ. Напечатана «Пѣсня», однако, много позже, въ 1838 г., и не безъ затрудненій. Цензура находила невозможнымъ напечатать произведеніе человѣка сосланнаго. Жуковскій, къ которому за помощью обратился Краевскій, далъ письмо къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Уварову, и министръ разрѣшилъ печатать «Пѣсню», но безъ имени автора.

Годъ первой ссылки Лермонтова былъ временемъ перелома всей его умственной и поэтической жизни. Все, начатое имъ прежде, было имъ оставлено не оконченнымъ или кореннымъ образомъ переработано, какъ мы видимъ уже на примѣрѣ «Бородина».

Поэтическія впечатлѣнія отъ Кавказа воскресли съ новой силой, и на Кавказъ переносится дѣйствіе почти всѣхъ произведеній Лермонтова. Изъ «Боярина Орши» возникаетъ въ переработкѣ «Мцыри», изъ «Княгини Лиговской»—«Герой нашего времени». Допустимо, что въ Лермонтовѣ возникаетъ политическое настроеніе, хотя и не строго опредѣленное, подъ вліяніемъ декабристовъ или близкихъ къ нимъ людей, съ которыми Лермонтовъ сошелся на Кавказѣ. «Кн. Одоевскій», памяти котораго посвящены имъ трогательные стихи, былъ однимъ изъ декабристовъ.

Хлопоты бабушки, между тѣмъ, оказали свое дѣйствіе, Бенкендорфъ и Дуббельтъ, относившіеся къ ней съ глубокимъ уваженіемъ, приложили свои старанія, чтобы исполнить ея желаніе. Императоръ Николай, посѣтившій тогда Кавказъ, былъ въ Геленджикѣ, куда для встрѣчи его собрался отрядъ Вельяминова, къ которому прикомандированъ былъ Лермонтовъ. Бенкендорфъ воспользовался этимъ случаемъ и испросилъ Лермонтову прощеніе. Приказомъ отъ 11 октября поэтъ былъ возвращенъ въ гвардію, однако, не въ прежній свой лейбъ-гвардіи гусарскій, а въ лейбъ-гвардіи гродненскій, стоявшій въ Новгородской губерніи.

Возвращеніе внука въ Новгородъ не могло вполнѣ удовлетворить Елизавету Алексѣевну, и графъ Бенкендорфъ, конечно, вслѣдствіе ея просьбъ, писалъ военному министру графу Чернышеву: «Родная бабка его, Лермонтова, огорченная невозможностью безпрерывно видѣть его, ибо по старости своей она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея въ л.-гв. гусарскій полкъ». Графъ просилъ министра «въ личное одолженіе» ему испросить совершенное прощеніе къ празднику Пасхи. Вели-

кій князь Михаилъ Павловичъ далъ на это свое согласіе, и приказомъ отъ 9 апрѣля Лермонтовъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ которомъ началъ въ 1832 году свою военную карьеру. Въ концѣ 1832 года Лермонтовъ произведенъ въ слѣдующій чинъ поручика.

Введенскій.

Отраженіе кавказскихъ впечатлѣній на Лермонтовѣ.

Поэтъ обновилъ впечатлѣнія, памятныя ему съ дѣтства. Горная природа во всемъ ея дивномъ разнообразіи высотъ и долинъ, вершинъ и ущелій открылась передъ взоромъ болѣе сознательнымъ и вдумчивымъ, чѣмъ въ годы дѣтства. Жизнь горцевъ Лермонтовъ увидѣлъ теперь и разсмотрѣлъ ближе, уже не подъ угломъ зрѣнія пушкинской романтической поэзіи, а и въ реальныхъ, бытовыхъ особенностяхъ. Теперь предъ глазами Лермонтова прошли всѣ слои русскаго образованнаго общества, отъ блестящихъ вершинъ аристократическаго столичнаго міра до скромныхъ и ужъ нисколько не блестящихъ по внѣшности героевъ ежедневной, опасной борьбы съ горцами,—кавказскихъ офицеровъ и казаковъ. Изгнаніе усилило горечь думъ поэта о людской мелочности и злобѣ и окрасило суровымъ оттѣнкомъ глухого негодованія все его творчество. Ему онъ отдался съ удвоенною энергіею, частью перерабатывая свои прежніе наброски, частью создавая новыя произведенія.

Въ 1837 г. была, напр., написана и появилась въ печати въ 1838 г. «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ». Народная словесность давно привлекала вниманіе Лермонтова. Еще въ 1830 г. онъ писалъ въ своихъ замѣткахъ: «если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская,—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности». Это чутье къ художественности народнаго творчества, не обмануло поэта. Въ своей «Пѣснѣ» онъ счастливо нашелъ и чудный поэтическій матеріалъ и удачную форму для воспроизведенія драматическаго эпизода древней русской жизни. Пѣсня принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ первоклассныхъ произведеній, которыя, будучи доступны пониманію и мало развитаго слушателя-простолюдина, способны увлечь и тронуть и высоко-образованнаго читателя съ развитымъ художественнымъ вкусомъ. Къ тому же роду произведеній, что и «Пѣсня», относится и извѣстное каждому школьнику «Бородино», мастерски выдержанный разсказъ стараго солдата о бородинской битвѣ, перешедшей въ народную легенду. Характерно стихотвореніе и для самого Лермонтова, какъ жалоба на свое поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, какъ зависть къ прошлому, полному грандіозной борьбы.

Разнообразныя впечатлѣнія кавказской жизни Лермонтова отвлекли его до извѣстной степени отъ раздумья надъ собственною судьбою, и, опираясь на эти впечатлѣнія и наблюденія, Лермон-

товъ даетъ въ своихъ новыхъ произведеніяхъ рядъ живыхъ типовъ, выхваченныхъ изъ жизни.

Встрѣча со скромнымъ, старымъ кавказскимъ служакою даетъ ему случай нарисовать необыкновенно симпатичный образъ Максима Максимовича, и косвенное вліяніе этого литературнаго типа чувствуется даже на нѣкоторыхъ характерахъ разсказовъ Льва Толстого. Въ уста Максима Максимовича Лермонтовъ вкладываетъ трогательный эпизодъ «Бэла». Стоитъ сравнить живой, реальный образъ Бэлы съ «младыми черкешенками» предыдущихъ произведеній Лермонтова, чтобы убѣдиться, какой огромный шагъ впередъ сдѣлалъ поэтъ. Отъ надуманныхъ, чисто разсудочныхъ созданій онъ перешелъ къ дѣйствительно художественному творчеству, къ образамъ, навѣяннымъ подлинными жизненными фактами, а не вычитаннымъ только изъ книгъ и изукрашеннымъ болѣе или менѣе пылкою фантазіею. Это замѣтно даже на такихъ незначительныхъ, но полныхъ жизни набросахъ, какъ «Тамань» или «Фаталистъ».

Поэма «Демонъ» и «Мцыри» и романъ «Герой нашего времени»—вотъ тѣ наиболѣе крупныя произведенія Лермонтова, которыя окончательно созрѣли, были выношены имъ подъ впечатлѣніями Кавказа и изгнанія.

Въ «Демонѣ» (окончательной редакціи) и особенно въ «Мцыри» Лермонтовъ достигъ въ отношеніи формы высшаго совершенства: могучій, красочный, сверкающій стихъ этихъ произведеній говоритъ, что талантъ поэта созрѣлъ. Проза «Героя нашего времени»—ея художественная простота и гибкость въ выраженіи сложныхъ психологическихъ настроеній обѣщали дальнѣйшее развитіе поэта, какъ первокласснаго романиста. Что касается содержанія этихъ произведеній, то, при всемъ разнообразіи его, оно носитъ всюду отраженіе основныхъ чертъ настроенія автора. Общее, что роднитъ эти произведенія, это—проникающая ихъ горькая мысль, что не для жизни, ежедневной будничной жизни, не ко времени, скучному, тяжелому времени, тѣ гордые порывы къ свободной и могучей жизни, которыми живутъ герои Лермонтова. Демонъ напрасно ищетъ въ душѣ робкой, ослѣпленной имъ и порабощенной Тамары родственныхъ ему струнъ. Мцыри, въ душѣ котораго родилось одно желанье, «узнать для воли иль тюрьмы на этотъ свѣтъ родимся мы», гибнетъ въ тщетномъ порывѣ къ свободѣ, къ вольной и гордой роднѣ изъ монастырскихъ стѣнъ. Печоринъ,—лучшія силы недюжинной натуры, проницательный умъ и время, котораго у него слишкомъ много, тратитъ на травлю жалкихъ Грушницкихъ, на недостойную игру съ сердцами женщинъ ради удовлетворенія самолюбія, ставитъ ради остраго ощущенія жизнь на карту и самъ изнываетъ отъ безцѣльности и ненужности такого существованія...

По возвращеніи съ Кавказа Лермонтовъ сильнѣе прежняго почувствовалъ гнетъ обязательныхъ служебныхъ отношеній и безсодержательность жизни того общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Но не было и надежды, чтобы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ явилась въ русской жизни перемѣна, чтобы

нашли себѣ исходъ силы, тратившіяся безплодно. Въ знаменитой «Думѣ», единственномъ лирическомъ стихотвореніи, написанномъ въ 1838 году, поэтъ съ неподражаемою силою безпощадно осудилъ свое поколѣніе, которое осуждено состариться въ бездѣйствіи. Глубокая психологическая правда словъ поэта дѣлаетъ это произведеніе не только историческимъ памятникомъ, характеристикою настроенія извѣстнаго періода, но возвышаетъ его на степень общечеловѣческаго значенія. Не одно Лермонтовское поколѣніе, а и многія другія твердили и будутъ еще твердить такіе укоры себѣ:

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно-малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы...
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Безнадежный взглядъ на жизнь тѣмъ сильнѣе давалъ чувствовать себя въ творчествѣ Лермонтова, чѣмъ опредѣленнѣе чувствовалъ онъ свое призваніе, чѣмъ глубже онъ сознавалъ необходимость «подвига», «плодовитой мысли», великаго труда надъ созданіемъ лучшаго будущаго родины, который слѣдовало бы передать потомству...

Но все это были несвоевременныя мечтанія. Отъ Лермонтова требовали, чтобы онъ «служилъ», а онъ—просился то въ отставку, то въ отпускъ, раздражая этимъ начальство. Независимость и отчужденность, которую все меньше и меньше скрывалъ Лермонтовъ, ему прощали всего менѣе. А что касается таланта, то никто въ той средѣ, гдѣ онъ преимущественно осужденъ былъ привычками воспитанія вращаться, не придавалъ литературѣ или таланту ни малѣйшаго значенія.

Какъ порою все это способно было дѣйствовать на Лермонтова, можетъ дать понятіе разсказъ Тургенева о томъ, какимъ онъ видѣлъ поэта какъ разъ въ это время. «Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ. Слова: «глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся» и т. д. —дѣйствительно, при-

мѣнялись къ нему». «Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ», добавляетъ Тургеневъ, «напустилъ на себя извѣстнаго рода байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ! Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда втолкнула его судьба»... Слова Тургенева относительно того, что Лермонтовъ напускалъ на себя байроновское настроеніе, справедливы лишь отчасти. Поэтъ бывалъ вполнѣ искрененъ передъ собою, когда, чувствуя себя одинокимъ со своими думами и мечтами и возвращаемый къ дѣйствительности праздною веселостью окружавшихъ его людей, испытывалъ желаніе

...смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

Вѣтринскій.

Кавказъ въ поэзіи Лермонтова.

Кромѣ непосредственныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ созерцанія окружающей дѣйствительности, многія изъ юношескихъ стихотвореній Лермонтова были внушены ему воспоминаніями о Кавказѣ, гдѣ онъ побывалъ,—правда, въ полосѣ предгорья,—когда ему было только десять лѣтъ отъ роду. Впечатлѣніе, произведенное на него величественной и дикой природой кавказскаго края, было настолько сильно, что сохранилось на всю его жизнь. «Мой геній свилъ себѣ вѣнокъ—въ разсѣлинахъ Кавказскихъ скалъ»,—говоритъ Лермонтовъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній («Посвященіе», 1830 г.). Въ другомъ стихотвореніи того же года онъ выражается такъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Какъ сладкую пѣсню отчизны своей
Люблю я Кавказъ!

Обращеніемъ къ Кавказу начинается и поэма «Измаилъ-Бей» (1832).

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой;
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили,—
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.

Такое же обращеніе къ Кавказу находимъ мы и въ «посвященіи» къ поэмѣ «Аулъ Бастунджи», въ которомъ юный поэтъ восклицаетъ въ избыткѣ чувства: «Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!»

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня лелѣя ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И подо мной, какъ остовъ великана,
Въ степи обросшій мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ гремя катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликалися кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые
И въ край подзвѣздный пылкою душой
Леталъ на колесницѣ громовой!

Въ юношескихъ поэмахъ Лермонтова («Каллы», «Аулъ Бастунджи», «Измаилъ-Бей», «Хаджи-Абрекъ») разбросано множество картинъ Кавказской природы. Картины эти, въ большинствѣ случаевъ, отличаются нѣкоторой блѣдностью и схематичностью, такъ какъ написаны по воспоминаніямъ, а не подъ живымъ и непосредственнымъ впечатлѣніемъ. Однако самый фактъ постояннаго обращенія мысли Лермонтова къ далекому Кавказу показываетъ, насколько сильно было то обаяніе, какимъ этотъ дикій край былъ окруженъ въ воображеніи поэта. И это обаяніе сохранилось у Лермонтова на всю жизнь. Кавказъ неотразимо привлекалъ къ себѣ воображеніе поэта, «фасциннировалъ» и въ то же время вдохновлялъ его, давалъ ему матеріалъ для его творческой работы. Онъ прожилъ въ немъ, въ общей сложности, не много времени, но чувствомъ и мыслью онъ сжился съ нимъ настолько, что Кавказъ сталъ для него второю родиной, любимымъ краемъ его поэтическаго вдохновенія. Туда переносилъ онъ дѣйствіе большинства своихъ наиболѣе крупныхъ по размѣрамъ и по художественному достоинству произведеній («Демонъ», «Мцыри», «Герой нашего времени»). Кавказъ служитъ великолѣпнымъ фономъ, прекрасно гармонирующимъ съ трагическими порывами духа мятежныхъ и страдающихъ героевъ Лермонтова,—этихъ призрачныхъ двойниковъ самого поэта. Кавказу посвящены и многія лирическія стихотворенія, принадлежащія къ лучшимъ созданіямъ его зрѣлаго періода: «Казбекъ», «Сонъ», «Утесъ», «Дары Терека», «Валерикъ» и др.

Въ чемъ же заключается причина этого неизмѣннаго обаянія, приковывавшаго фантазію нашего поэта къ Кавказу? Вопросъ этотъ можно замѣнить другимъ, болѣе общимъ: что Лермонтовъ искалъ въ природѣ? какія явленія ея производили наиболѣе сильное впечатлѣніе на его душу? какія картины внѣшняго міра глубже всего волновали его, вызывали въ немъ поэтическій отголосокъ?

Постоянно тяготѣніе Пушкина къ простому, скромному русскому пейзажу, съ его неяркими красками, съ его широкимъ и плоскимъ просторомъ, отъ котораго вѣетъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ и сладкою грустью: мы видѣли, съ какой любовью изображалъ Пушкинъ эти задумчиво грустныя картины родного края,—полосатыя нивы, однообразныя равнины, «на небѣ сѣренькія тучи, передъ избой соломы кучи, да прудъ подъ сѣнью и въ густыхъ, раздолье утокъ молодыхъ».

Но не таковъ любимый пейзажъ Лермонтова: безпокойная и мятежная душа его, въ которой жила какая-то трагическая сила, не удовлетворялась сѣрой, однообразной обыденностью жизни, жаждала сильныхъ и яркихъ впечатлѣній. Поэтому и въ природѣ Лермонтовъ искалъ, по преимуществу, *величественнаго*, необычайнаго, поражающаго чувство и воображеніе. «Любилъ онъ моря шумъ, молчанье синей степи и мрачныхъ горъ зубчатые хребты»,—говоритъ онъ въ стихотвореніи, посвященномъ памяти князя Одоевскаго,—и эти же слова можно вполнѣ примѣнить и къ нему самому. Природа родной земли съ ея «красою тихою блистающей смиренно» не могла дать ему тѣхъ сильныхъ и яркихъ впечатлѣній, которыхъ алкала его душа, томившаяся жаждой «бури» среди тишины и однообразія жизни. Только величественный, *героическій* пейзажъ могъ удовлетворить этимъ запросамъ и потребностямъ его духа,—и такой пейзажъ нашелъ Лермонтовъ въ горной природѣ Кавказскаго края. Вотъ почему Лермонтовъ и сталъ въ русской поэзіи «пѣвцомъ Кавказа», какъ его неоднократно называли, вотъ почему онъ съ такимъ постоянствомъ обращался мыслью и мечтою къ грандіознымъ, мрачнымъ и дикимъ картинамъ Кавказскихъ горъ.

Въ стихотвореніи «1831 года, іюня 11», представляющемъ собой какъ бы исповѣдь молодого поэта и потому очень важномъ для пониманія его настроеній и преобладающаго направленія его вкусовъ и симпатій, Лермонтовъ говоритъ:

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

Этому величественному виду снѣговыхъ горъ поэтъ противопоставляетъ однообразную и печальную картину степи, при чемъ картина эта получаетъ у него своеобразное аллегорическое значеніе:

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль;
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

Здѣсь картина степи олицетворяетъ въ воображеніи поэта все однообразіе, весь мертвенный покой будничнаго существованія. «Какъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ!»—восклицаетъ онъ далѣе, изображая снѣдающую его тоску бездѣйствія, томительную «жажду бытія», жажду иной, полной и яркой жизни. И не находя этой жизни въ окружающей его «степи людской, печальной и безбрежной», онъ переносился мечтой въ иныя условія, въ иную прекрасную и величественную обстановку, связывавшуюся въ воображеніи поэта съ картинами далекаго, дикаго Кавказа.

Впрочемъ, въ своемъ увлеченіи природой Кавказа Лермонтовъ былъ не одинокъ среди русскихъ писателей того времени. Для многихъ изъ нашихъ романтиковъ 20—30-хъ годовъ Кавказъ имѣлъ особую притягательную силу. Вспомнимъ, напр., Бестужева-Марлинскаго, князя А. Одоевскаго, Полежаева, въ произведеніяхъ которыхъ такъ много мѣста отведено изображенію кавказской природы и кавказской жизни. Но ни у кого изъ нихъ эти поэтическія картины Кавказа не достигли такой художественной законченности, никто такъ близко не сроднился душою съ величественной и дикой природой этого края, какъ Лермонтовъ [1]).

Одна изъ причинъ интереса и тяготѣнія къ Кавказу, присущаго этому романтическому поколѣнію, заключается въ свойственномъ романтикамъ стремленіи ко всему экзотическому, необычайному, въ ихъ любви ко всему яркому и эффектному, мрачному и таинственному.

Западные писатели этой эпохи часто и охотно переносили дѣйствіе своихъ произведеній въ далекія и мало извѣстныя страны,окутанныя дымкой таинственности: въ лѣса и степи Америки (Шатобріанъ), на мусульманскій Востокъ (Байронъ), въ фантастически-прекрасную Индію (Т. Муръ), даже въ далекую сѣверную Исландію (В. Гюго). Для нашихъ писателей и поэтовъ такою страной, *романтической*, par excellence, былъ Кавказъ. Къ этому присоединялось еще обаяніе постоянныхъ войнъ, боевыхъ опасностей и приключеній, придававшихъ всей обстановкѣ жизни отпечатокъ чего-то необыкновеннаго и героическаго.

Но была еще одна весьма важная черта въ установившемся

[1]) Вообще, пониманіе красоты *горнаго пейзажа* составляетъ одно изъ пріобрѣтеній новаго времени. Ни античный міръ, ни средневѣковье, ни эпоха Возрожденія не находили въ немъ элементовъ прекраснаго: безлюдныя и мрачныя горы скорѣе отталкивали воображеніе поэтовъ и художниковъ, чѣмъ привлекали ихъ. Только въ XVIII вѣкѣ интересъ къ горной природѣ начинаетъ проникать въ европейское искусство и литературу. Однимъ изъ первымъ піонеровъ на этомъ пути былъ англійскій писатель Аддисонъ, посѣтившій въ самомъ началѣ этого вѣка Швейцарію, альпійская природа которой произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Въ 1729 г. появилась поэма Галлера „Альпы“, въ которой однако гораздо больше мѣста отведено идиллическимъ описаніямъ жизни и быта обитателей швейцарскихъ горъ, чѣмъ самой природѣ ихъ. Только Руссо, болѣе чѣмъ кто-либо изъ современниковъ способствовавшій развитію чувства природы въ европейскомъ обществѣ и литературѣ, далъ въ своей „Новой Элоизѣ“ (1761 г.) ключъ къ пониманію красоты горной природы. Восторженныя описанія альпійскаго ландшафта въ письмахъ Saint-Preux открыли читателямъ цѣлый міръ невѣдомыхъ до тѣхъ поръ ощущеній и настроеній. Со времени Руссо горный пейзажъ становится излюбленнымъ фономъ романтическихъ произведеній. Однимъ изъ наиболѣе восторженныхъ пѣвцовъ горъ въ европейской поэзіи былъ Байронъ, въ произведеніяхъ котораго („Чайльдъ-Гарольдъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Манфредъ“) разбросано много яркихъ и блестящихъ картинъ альпійской природы. Байронъ, какъ общеизвѣстно, имѣлъ громадное вліяніе на Лермонтова, особенно въ его юношескіе годы. Въ частности нельзя не замѣтить многихъ общихъ чертъ въ ихъ отношеніи къ природѣ и даже въ самыхъ пріемахъ ея изображенія. Впрочемъ, вопросъ о томъ, какое воздѣйствіе оказалъ Байронъ на развитіе чувства природы у Лермонтова, стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ объ общемъ вліяніи его на характеръ и творчество нашего поэта. Вопросъ этотъ, по своей сложности, требуетъ внимательнаго и разносторонняго разсмотрѣнія и потому выходитъ изъ предѣловъ задачи, поставленной нами себѣ въ этомъ этюдѣ. Къ нему однако намъ придется еще вернуться впослѣдствіи.

представленіи о Кавказѣ, которая придавала ему особенное обаяніе въ глазахъ романтически настроеннаго поколѣнія. Вспомнимъ духовную физіономію тѣхъ «пѣвцовъ Кавказа», имена которыхъ мы только что приводили: это или декабристы, какъ Марлинскій и кн. Одоевскій, или же люди, близко стоящіе къ нимъ по своему настроенію, по своему мятежному, протестующему духу, какъ Полежаевъ и какъ самъ Лермонтовъ. Совпаденіе этихъ именъ не является простой случайностью, но имѣетъ болѣе глубокія основанія. Въ эпоху господства канцелярско-казарменнаго режима, въ эпоху процвѣтанія крѣпостного права и всеобщаго сервилизма, дикій кавказскій край, съ его отважнымъ, свободолюбивымъ населеніемъ, упорно и храбро отстаивавшимъ родныя горы отъ напора могущественнаго врага, пріобрѣталъ особенный ореолъ въ представленіи людей, плохо мирившихся съ тяжелыми, обезличивающими и угнетающими условіями современной русской дѣйствительности. Въ противоположность закрѣпощенной Россіи, «странѣ рабовъ, странѣ господъ», Кавказъ являлся въ ихъ глазахъ по преимуществу страной *свободы*, «пріютомъ вольности святой», привлекавшимъ поэтому къ себѣ ихъ вниманіе и симпатіи.

Этотъ взглядъ сказался еще въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» Пушкина, герой котораго, «отступникъ свѣта, другъ природы», покидаетъ культурное общество и отправляется въ далекій кавказскій край, увлекаемый *веселымъ призракомъ свободы*.—«Свобода! онъ одной тебя еще искалъ въ подлунномъ мірѣ», замѣчаетъ о немъ поэтъ, подчеркивая такимъ образомъ эту характерную черту своего разочарованнаго героя. Съ подобнымъ же представленіемъ о Кавказѣ, какъ странѣ свободы, встрѣчаемся мы и у Лермонтова. «Прекрасенъ ты, *суровый край свободы!*» говоритъ онъ въ поэмѣ «Измаилъ-Бей» (1832). Даже и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ поэта находимъ мы выраженіе той же мысли; такъ, въ одномъ изъ стихотвореній 1830 года («Кавказъ») Лермонтовъ совершенно ясно обнаруживаетъ свое настроеніе, показывая, на чьей сторонѣ находятся его юношескія симпатіи въ борьбѣ между дикой свободой и культурнымъ насиліемъ:

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной...
Ужель пещеры и скалы,
Подъ дикой пеленою мглы,
Услышать также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?...

Въ этихъ стихахъ сказалось характерное для всей эпохи романтизма противопоставленіе природы и культуры, первобытной простоты и свободы, съ одной стороны,—и условности, искусственности и однообразія культурнаго существованія—съ другой. Противопоставленіе это мы видимъ уже раньше у Пушкина (напр., въ «Цыганахъ»), но у Лермонтова, который въ гораздо большей мѣрѣ воспринялъ въ себя идеи и тенденціи романтизма, оно сказывается чаще, чѣмъ у его предшественника. Съ особенной яркостью оно выразилось въ поэмѣ «Мцыри», герой которой олицетворяетъ собой это пламенное стремленіе къ дикой свободѣ, стремленіе—«въ тотъ

чудный міръ тревогъ и битвъ, гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, гдѣ люди вольны, какъ орлы».

Вообще, эта поэма, одно изъ наиболѣе яркихъ и цѣльныхъ произведеній Лермонтова, даетъ намъ ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ чертъ въ его отношеніяхъ къ природѣ. Какъ писатель съ рѣзко выраженнымъ субъективнымъ складомъ творчества, Лермонтовъ, подобно своему учителю Байрону, обыкновенно переносилъ на своихъ героевъ черты собственной личности. Есть такія черты и въ характерѣ Мцыри. Мцыри—натура мятежная, боевая. Спокойное, мирное существованіе, среди обычной и однообразной дѣйствительности, не удовлетворяетъ его. Онъ жаждетъ бурь и битвъ, въ монастырскихъ стѣнахъ онъ мечтаетъ о «блаженствѣ вольности», о подвигахъ и опасностяхъ. Мцыри бѣжитъ изъ монастыря во время грозы, когда монахи въ испугѣ съ молитвами толпились передъ алтаремъ. «О, я какъ братъ обняться съ бурей былъ бы радъ!» говоритъ онъ, вспоминая объ этой «дружбѣ краткой, но живой, *межъ бурнымъ сердцемъ и грозой*».

Такимъ же «бурнымъ сердцемъ», тоскующимъ въ оковахъ бездѣйствія, жаждущимъ «тревогъ и битвъ», былъ надѣленъ и Лермонтовъ. Его мятежная душа не находила себѣ удовлетворенія въ условіяхъ сѣренькой и однообразной дѣйствительности: въ немъ живы были пламенные порывы къ какой-то героической дѣятельности, онъ ясно ощущалъ въ себѣ богатый запасъ силъ и не находилъ для нихъ точки приложенія. «Дайте воли, воли, воли,—и не надо счастья мнѣ!» восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ варіантовъ «Узника». Это же смутное чувство недовольства монотонностью мирной будничной жизни и жажду борьбы и подвиговъ Лермонтовъ символизировалъ въ своемъ «парусѣ», бѣлѣющемъ «въ туманѣ моря голубомъ».

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,—
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Тотъ же мотивъ звучитъ и въ другомъ, болѣе раннемъ стихотвореніи «Крестъ на скалѣ» (1830); поэтъ переносится мыслью «въ тѣснины Кавказа», гдѣ на подоблачной скалѣ чернѣетъ деревянный крестъ, привлекающій къ себѣ его взоры и думы:

О, если бъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я бросилъ бы цѣпь бытія
И съ бурею братомъ назвался бы я!

Изъ крупныхъ произведеній Лермонтова наиболѣе богаты картинами кавказской природы поэмы: «Хаджи-Абрекъ», «Демонъ» и «Мцыри»,—особенно послѣдняя, представляющая собою одинъ восторженный гимнъ красотѣ Божьяго міра, гимнъ, вложенный въ уста умирающаго юноши, которому только на краткій мигъ удалось вырваться на волю, припасть на лоно дикой, но вѣчно прекрасной природы, отъ которой онъ былъ насильственно оттор-

гнуть. Въ этихъ яркихъ и красочныхъ картинахъ сказалось то могущественное обаяніе, которое производилъ Кавказъ на душу поэта. Мы не приводимъ ихъ здѣсь, такъ какъ иначе пришлось бы перепечатать большую часть поэмы.

Широкую общую картину Кавказа, снятую какъ бы съ высоты птичьяго полета, Лермонтовъ рисуетъ во вступительныхъ строфахъ «Демона»:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ;
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на спинѣ,
Ревѣлъ; и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремотой полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,—
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ...

Интересно сравнить эту картину съ Пушкинскимъ изображеніемъ Кавказа въ его извѣстномъ стихотвореніи «Кавказъ». Изображеніе Пушкина отличается полной простотой и объективностью. Поэтъ спокойно и неторопливо рисуетъ широкую картину, перечисляя отдѣльныя части ея, которыя одновременно развертываются передъ нимъ, какъ въ громадной панорамѣ, при чемъ взоръ его медленно и постепенно спускается сверху внизъ, съ заоблачной высоты къ людскимъ жилищамъ. Личность самого поэта нигдѣ не выступаетъ впередъ; благодаря этой строгой объективности изображенія, отъ всей картины вѣетъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ и величавой тишиной, которая нарушается лишь «голоднымъ» ревомъ Терека, бьющагося о прибрежныя скалы «въ враждѣ безполезной»...

Напротивъ того, Лермонтовъ стремится прежде всего передать то общее *впечатлѣніе*, которое производитъ видъ Кавказскихъ горъ. Для этого онъ, не заботясь о полнотѣ картины, старается схватить наиболѣе яркія черты ея, сопоставляя ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ взаимно оттѣняли другъ друга («сіяющій», бѣлоснѣжный Казбекъ—и мрачно чернѣющее ущелье Дарьяла); не забываетъ онъ воспользоваться и чисто романтическими элементами картины («башни замковъ на скалахъ»), а для усиленія общаго впечатлѣнія вездѣ прибѣгаетъ къ помощи метафоръ и уподобленій, сопровождающихъ почти каждый образъ въ его картинѣ (Казбекъ—«грань алмаза», Дарьялъ—«трещина, жилище змѣя», башни—«сторожевые великаны», Терекъ—«львица, съ косматой гривой на спинѣ», скалы—«надъ нимъ (Терекомъ) склонялись головой, слѣдя мелькающія волны», облака—«его на сѣверъ провожали»). Пушкинъ не прибѣгаетъ къ подобнымъ художественнымъ пріемамъ, за исключеніемъ послѣдней строфы, въ которой изображенъ Терекъ, бьющійся, какъ звѣрь, въ клѣткѣ, въ тѣсныхъ бере-

4*

гахъ своихъ [1]). Зато Пушкинъ, по своему обыкновенію, оживляетъ свою картину присутствіемъ людей («пастырь», «нищій наѣздникъ») и мирныхъ домашнихъ животныхъ («и ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ»); напротивъ того, пейзажъ, нарисованный Лермонтовымъ, не только безлюденъ, но и почти безжизненъ. И, несмотря на это, онъ не даетъ того впечатлѣнія высшаго торжественнаго спокойствія, которое разлито во всей картинѣ Пушкина: въ немъ чувствуется какая-то внутренняя тревога, что-то жуткое и зловѣщее; этотъ мрачный характеръ пейзажа подчеркивается и подборомъ нѣкоторыхъ художественныхъ образовъ; Дарьяльское ущелье—«трещина, *жилище змѣя*»; скалы «*таинственной* дремотой полны»; башни замковъ—«смотрятъ *грозное* сквозь туманъ».

Совершенно инымъ, мирнымъ, почти идиллическимъ характеромъ отличается картина Грузіи, которую Лермонтовъ рисуетъ въ слѣдующей строфѣ той же поэмы:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли:
Столпообразныя руины,
Звонко бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней самоцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви:
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Саводникъ.

Возвращеніе въ столицу и новая ссылка.

Ссылка Лермонтова продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ. По ходатайству его бабушки, Е. А. Арсеньевой, приказомъ отъ 11 октября 1837 года онъ былъ снова переведенъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года обратно въ лейбъ-гусары. Имя Лермонтова тогда уже разнеслось по всей Россіи; его «исторія», его талантъ воздвигли ему пьедесталъ, и большой свѣтъ столицы, гдѣ онъ являлся интересной новостью, принялъ поэта съ распростертыми объятіями. «Въ теченіе мѣсяца на меня была мода,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорбилъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Было время, когда я, какъ новичокъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня

[1]) Нельзя не отмѣтить, что образъ Терека отличается у Пушкина большею художественной точностью и законченностью, чѣмъ у Лермонтова, который притомъ допустилъ въ своемъ сравненіи явную ошибку: „Терекъ, прыгая какъ львица съ косматой гривой на спинѣ“, какъ это уже было отмѣчено, кажется, Страховымъ: образъ этотъ невѣренъ, такъ какъ именно у львицъ не бываетъ гривы.

заперты; теперь въ это самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя свои права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что я вѣдь тоже левъ... Согласитесь, что все это можетъ опьянить...»

И «опьяненный» Лермонтовъ, самолюбію котораго успѣхъ въ свѣтѣ льстилъ, повелъ настоящую свѣтскую, разсѣянную жизнь. Тѣмъ не менѣе онъ скучалъ. «Мало-по-малу,—говорилъ онъ въ томъ же письмѣ, я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна; она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами; тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ, конечно, не встрѣчается столько низостей и столько смѣшного, какъ тутъ». Здѣсь нельзя не отмѣтить довольно ощутительнаго раздвоенія въ характерѣ поэта. Лермонтовъ презиралъ свѣтъ и искалъ развлеченій свѣта. Бывая въ обществѣ, на балѣ и будучи «пестрою толпою окруженъ», онъ видѣлъ только, какъ «при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей мелькаютъ образы бездушные людей—приличьемъ стянутыя маски»; ему сильно хотѣлось «смутить веселость ихъ и дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью»... И тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи былъ разорвать со свѣтомъ, отрѣшиться отъ его предразсудковъ: онъ добровольно носилъ свѣтскія цѣпи. Онъ даже не любилъ, когда на него смотрѣли, какъ на писателя. «Лермонтовъ, говоритъ Панаевъ,- хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно такъ же, какъ и Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора... Высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно, несмотря на его глубокій умъ и огромный поэтическій талантъ... Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежащими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями». Съ литературнымъ кругомъ онъ, бывая лишь у избранныхъ, не сближался, часто по причинѣ своей несообщительности, замкнутости натуры, частью потому, что глядѣлъ на литераторовъ глазами своихъ великосвѣтскихъ пріятелей, «довольно беззаботныхъ на счетъ литературы», а часто «изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказываться», какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ.

Разсѣянная жизнь свѣта нимало, однако, не мѣшала Лермонтову создать прекрасныя поэтическія вещи, краснорѣчиво говорившія, какъ крѣпло и росло его дарованіе. Имя поэта уже облетѣло всю Россію: во всѣхъ уголкахъ ея распространялась въ безчисленныхъ спискахъ его поэма «Демонъ»; на музыку клались его лучшія пьесы, и въ журналахъ стали печататься, несмотря на разныя препятствія, многія его стихотворенія. Въ «Современникѣ» были помѣщены «Бородино» и «Казначейша», въ «Отечественныхъ Запискахъ» появился цѣлый рядъ стихотвореній, которыя пред-

ставляютъ собою жемчужины лермонтовской поэзіи: «Дума», «Поэтъ», «Русалка», «Вѣтка Палестины», «Душа моя мрачна», «Три пальмы», «Въ минуту жизни трудную», «Дары Терека», «Памяти Одоевскаго», «Воздушный корабль», «Казачья колыбельная пѣсня», «Первое января» и другія. Въ этомъ же журналѣ въ 1839 и началѣ 1840 года были напечатаны прозаическіе отрывки «Бэла» и «Тамань», вошедшіе въ составъ романа «Герой нашего времени», который тогда же вышелъ отдѣльно около марта мѣсяца. Въ томъ же 1840 году началось печатаніемъ и первое собраніе стихотвореній Лермонтова, вышедшее въ концѣ года.

Въ самый разгаръ этихъ успѣховъ поэта новый несчастный случай выбилъ его изъ колеи, произвелъ смятенье въ его жизни. Лермонтовъ былъ весьма неравнодушенъ къ тогдашней извѣстной въ свѣтѣ красавицѣ, которая «промѣняла цвѣтущія степи Украйны на свѣтскія цѣпи, на блескъ упоительный бала». Это была княгиня Марія Алексѣевна Щербатова, нравившаяся также и барону Эрнесту де-Баранту, сыну историка и тогдашняго французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, что баронъ искалъ столкновенія и ссоры со своимъ соперникомъ, и случай не замедлилъ представиться. На балѣ у графини Лаваль, 16 февраля 1840 года, когда княгиня Щербатова оказала слишкомъ явное предпочтеніе поэту передъ французомъ, послѣдній потребовалъ у Лермонтова объясненія насчетъ сказаннаго будто бы о немъ. Лермонтовъ отвѣтилъ, что переданное Баранту—есть сплетня, не имѣющая никакого основанія. Барантъ, желавшій ссоры, не удовлетворился; произошелъ обмѣнъ колкостей, кончившійся вызовомъ Баранта. Дуэль происходила черезъ два дня, 18-го числа, въ 12 час., за Черною рѣчкою, близъ Паргелова. По странному капризу Баранта, имѣвшаго право выбирать оружіе, поединокъ начался на шпагахъ и окончился на пистолетахъ. Конецъ шпаги Лермонтова обломился, и Барантъ слегка ранилъ поэта въ руку. Затѣмъ, когда взялись за пистолеты, Барантъ далъ промахъ, и Лермонтовъ, по свойственному ему великодушію, выстрѣлилъ на воздухъ. Послѣ дуэли Лермонтовъ пріѣхалъ прямо къ Краевскому и показалъ ему и бывшему здѣсь Панаеву царапину на рукѣ. Онъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. «Кажется, ему дѣйствительно доставляли удовольствіе сильныя ощущенія или чувство побѣжденной опасности». Разумѣется, началось разслѣдованіе дѣла о дуэли. Такъ какъ то обстоятельство, что Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ, могло служить смягчающимъ вину, то поэтъ и упомянулъ объ этомъ на слѣдствіи. Баранту объясненіе это не понравилось; онъ сталъ утверждать, что факты извращены Лермонтовымъ. Тогда между дуэлистами произошло объясненіе на гауптвахтѣ, гдѣ содержался поэтъ, который и предложилъ Баранту драться вторично. Назойливый свѣтскій шалопай, однако, удовлетворился объясненіемъ, а Лермонтовъ поплатился за него, такъ какъ это объясненіе увеличивало его вину. Когда поэтъ содержался на гауптвахтѣ во время слѣдствія, его посѣтилъ Бѣлинскій. Бывшій дотолѣ не совсѣмъ выгоднаго мнѣнія о Лермонтовѣ, онъ остался въ восхищеніи отъ

него послѣ свиданія. Бѣлинскій, по словамъ Панаева, пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—говорилъ Бѣлинскій,—было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою». Свидѣвшись съ Лермонтовымъ, знаменитый критикъ пришелъ подѣлиться своей радостью съ Панаевымъ. «Ну, батюшка,—говорилъ онъ,—въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ! Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть... Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ! Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ». Этотъ разсказъ Панаева вполнѣ справедливъ. Въ письмѣ Бѣлинскаго о Лермонтовѣ много тождественнаго съ тѣмъ, что передаетъ Панаевъ. Вотъ что писалъ нашъ критикъ: «Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій умъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше Вальтеръ-Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ, и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ «Онѣгина». Женщинъ ругаетъ, однѣхъ за то, другихъ за это. Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры и достоинство того и другого... Каждое слово его—онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ,—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества».

Послѣ того, когда «дѣло Лермонтова» прошло не мало инстанцій, 13 апрѣля 1840 года послѣдовала Высочайшая конфирмація, по которой Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Иначе говоря, помимо перевода въ полкъ армейскій, онъ ссылался на Кавказъ, гдѣ этотъ полкъ стоялъ. Тяготила ли эта ссылка поэта? Покидалъ ли онъ съ сожалѣніемъ Петербургъ, свѣтскую жизнь, женщинъ, его интересовавшихъ,

или былъ равнодушенъ совершенно и мирился съ своимъ изгнаніемъ? Сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Но судя по тому, что еще въ 1839 году онъ,—какъ самъ говорилъ въ письмѣ,—просился на Кавказъ, и ему отказали, «не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили»,—можно предположить, что поэтъ былъ не слишкомъ огорченъ разлукою со столицей. «Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои прикованы судьбою неизбѣжной; на сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой, я сердцемъ твой, всегда и всюду твой»,—говоритъ Лермонтовъ о Кавказѣ, посвящая ему «снова стихъ небрежный», свою поэму «Демонъ». Значитъ, поэтъ, такъ любившій эту страну съ дѣтства, ѣхалъ сюда не безъ радости. «Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,—говоритъ Лермонтовъ въ томъ же «Посвященіи» къ поэмѣ «Демонъ»,—и вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ, какъ нѣкогда ребенку твой привѣтъ изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ». Кромѣ того, Лермонтова давила эта сфера, въ которой онъ вращался, гдѣ, внутренно скучая, додумывался онъ до такой безотрадной мысли, что «жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—такая пустая и глупая шутка...» И судьба устроила ему разлуку съ той обстановкой, которая только удвоила тоску, столь прочно свившую гнѣздо въ душѣ поэта. По прибытіи на мѣсто назначенія, Лермонтовъ почти тотчасъ отправился въ экспедицію противъ чеченцевъ. Надо сказать, и въ первую ссылку свою въ 1837 году онъ уже бывалъ за Кубанью и участвовалъ въ дѣлѣ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. На этотъ разъ онъ состоялъ при генералѣ Галафѣевѣ, очень любившемъ поэта, и какъ получившій начальство надъ «отборною камандою охотниковъ»—храбро бился подъ Валерикомъ, презирая опасности. Въ этомъ походѣ поэтъ зачастую ѣлъ одну пищу съ «охотниками» и спалъ, какъ они, на голой землѣ, прикрытый буркою. Отъ снѣдавшей его тоски, отъ припадковъ черной меланхоліи несчастный поэтъ бросался въ водоворотъ сильныхъ ощущеній; онъ какъ-будто искалъ смерти, по крайней мѣрѣ, рисковалъ жизнью постоянно. «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ,—говоритъ въ донесеніи своемъ Галафѣевъ,—во время штурмовъ непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу, за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы». Ближайшее начальство представило храбраго офицера къ высшей наградѣ—къ ордену Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, но высшая власть соглашалась на представленіе его лишь къ ордену Станислава 4-й ст. Въ концѣ-концовъ Лермонтовъ не получилъ никакой награды. Это жаркое, кровавое дѣло поэтъ обезсмертилъ въ стихотворномъ посланіи своемъ къ В. А. Бахметевой, урожденной Лопухиной, которую любилъ почти

всю жизнь. Дивные стихи эти печатаются въ собраніяхъ сочиненій поэта подъ заглавіемъ «Валерикъ». Замѣчательно, что въ этой пьесѣ нѣтъ и тѣни намека на подвиги храбрости самого Лермонтова, высказавшаго въ «Валерикѣ» всю мощь своего таланта. Е. А. Арсеньевой, несмотря на старанія, не удалось выхлопотать прощеніе внуку, но зато ему все-таки разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ, гдѣ онъ и пробылъ съ января по апрѣль 1841 года. Весною, передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ, Лермонтовъ пробылъ короткое время въ Москвѣ. и здѣсь, какъ предполагаютъ, произошла его встрѣча и близкое знакомство съ извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ Фридрихомъ Боденштедтомъ, который потомъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ лучшими произведеніями Лермонтова, издавъ переводы стихотвореній въ 1852 году съ прекрасной характеристикой знаменитаго поэта и личными воспоминаніями о немъ. Въ первый разъ Боденштедтъ увидѣлъ Лермонтова во французскомъ ресторанѣ и, любя его поэзію, разочаровался въ самомъ поэтѣ; но зато, встрѣтивъ его на слѣдующій же вечеръ въ салонѣ Мятлевой, вполнѣ остался доволенъ свиданіемъ съ поэтомъ и вынесъ отрадное впечатлѣніе. Лермонтовъ, по его словамъ, умѣлъ вполнѣ быть милымъ. Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался всей душою, но это было рѣдкостью, и лишь лица, коротко знавшія поэта, могутъ дать настоящее понятіе о его обаятельныхъ качествахъ. Людей же, видѣвшихъ въ немъ одни недостатки, онъ скорѣй отвращалъ отъ себя, нежели привлекалъ. Выдавались, однако, минуты, когда онъ являлся нѣжнымъ, кроткимъ ребенкомъ. Вообще же въ его характерѣ преобладало задумчивое, совершенно скорбное настроеніе, а серьезная мысль прежде всего читалась на его благородномъ лицѣ. Самую наружность Лермонтова Боденштедтъ описываетъ такъ: «Открытый высокій лобъ, слегка вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы, умные большіе глаза, а на красиво очерченныхъ губахъ играетъ насмѣшливая улыбка. Лермонтовъ держалъ себя гордо и непринужденно, былъ средняго роста, но широкъ въ плечахъ и отличался замѣчательною гибкостью движеній». Здѣсь кстати будетъ привести изображенія внѣшности Лермонтова, сдѣланныя Тургеневымъ, видѣвшимъ его два раза въ жизни, и Панаева, встрѣчавшагося съ нимъ у Краевскаго. По словамъ Панаева, Лермонтовъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. «Въ наружности Лермонтова,—говоритъ Тургеневъ,—было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ глазъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій». Уѣзжая на

Кавказъ, Лермонтовъ былъ настроенъ особенно грустно; его грызла ужасная тоска, думы самыя безотрадныя не давали ему покоя, и мрачныя предчувствія закрадывались въ душу этого Прометея нашего вѣка. При всей его любви къ Кавказу, ему какъ-то не хотѣлось уѣзжать туда. «Мы собрались,—разсказываетъ гр. Растопчина,—на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку. Мы ужинали втроемъ за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставила его молчать и стала смѣяться надъ его мнимыми пустыми предчувствіями, но они поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце». Надо сказать, что Лермонтовъ былъ въ сильной степени фаталистъ и суевѣренъ и предчувствіямъ придавалъ особенное значеніе. И предчувствія не обманули его. Пріѣхавъ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Около него составился кружокъ весьма близкихъ пріятелей, членами котораго, кромѣ Столыпина, были: М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, князь А. И. Васильчиковъ. Лѣчебный сезонъ 1841 года въ Пятигорскѣ былъ оживленнѣе, чѣмъ когда-либо, и кружокъ этотъ, къ которому примыкала изрѣдка вся молодежь, гостившая въ пятигорскомъ краѣ, т.-е. что нынѣ составляетъ самый Пятигорскъ и смежные съ нимъ Желѣзноводскъ, Ессентуки, Кисловодскъ,—проводилъ время очень весело. «Мы жили дружно, весело, нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ,—говоритъ князь Васильчиковъ.— Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать наша дружба, были искренни, чистосердечны. Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ, какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ—добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Кромѣ того, въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно согласуется съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился... Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины: между серьезными занятіями и чтеніемъ и такими шалостями, какія могутъ прійти въ голову развѣ только 15-лѣтнему школьному мальчику». Объ этихъ шалостяхъ и продѣлкахъ и о томъ, какъ Лермонтовъ вдохновлялъ на это всю молодежь Минеральныхъ водъ, повѣствуетъ и майоръ Карповъ, современникъ поэта передававшій нѣкоему Филиппову нѣсколько интересныхъ подробностей о времени пребыванія Лермонтова на Кавказскихъ водахъ. Филипповъ, съ его словъ, подробно разсказываетъ объ этомъ времени изъ жизни поэта, окончившемся катастрофой. Михаилъ Юрьевичъ прибѣгалъ къ шалостямъ, чтобы сколько-нибудь оживить монотонное те-

ченіе жизни. Онъ давалъ смѣшныя прозвища многимъ, и особенно доставалось отъ него жительницамъ пятигорскихъ слободокъ: Кабардинской и Горячеводской. Самое лучшее прозвище у него было «груздокъ», и этимъ груздкомъ онъ окрестилъ хорошенькую Надю, младшую изъ дочерей генеральши Верзилиной, гостепріимный домъ которой всегда былъ полонъ золотой молодежи. Надежда Петровна Верзилина, подростокъ, не достигшій и шестнадцатилѣтняго возраста, была весела, наивна, остра, и ею восхищались всѣ, кто бывалъ у нихъ въ домѣ. Больше всѣхъ ухаживалъ за ней красавецъ Мартыновъ—майоръ, товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ, тоже пріѣхавшій на воды, которому Надежда Петровна, повидимому, оказывала особое предпочтеніе. Лермонтову, въ свою очередь, плѣнившемуся Верзилиной, эта внимательность ея къ Мартынову не нравилась, и онъ донималъ всевозможными остротами товарища, стараясь, чтобы ихъ слышали всѣ и преимущественно Надя. Мартыновъ отворачивалъ рукава и носилъ длинный кинжалъ, и это давало поводъ злому на языкъ Лермонтову называть его «montagnard au grand poignard», или «le farouche montagnard» (горецъ съ огромнымъ кинжаломъ, свирѣпый горецъ); а однажды онъ нарисовалъ карикатурное изображеніе Мартынова съ засученными рукавами и злополучнымъ длиннымъ кинжаломъ. Это было 14-го іюля на вечерѣ у генеральши Верзилиной. Лермонтовъ нарисовалъ карикатуру на ломберномъ столикѣ и показалъ ее Надеждѣ Петровнѣ, а когда зорко слѣдившій за ними Мартыновъ подходилъ къ нимъ, онъ поспѣшно стеръ рисунокъ. Однако, Мартыновъ догадался, что это была какя-то злая острота на его счетъ, и по окончаніи вечера подошелъ къ Лермонтову и сказалъ, что онъ уже просилъ его прекратить несносныя шутки, и что если онъ еще разъ выберетъ его предметомъ своихъ остротъ, то Мартыновъ заставитъ его перестать. Лермонтовъ въ отвѣтъ объявилъ, что тонъ этой проповѣди ему не нравится и что вмѣсто пустыхъ словъ Мартыновъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. «Ты знаешь,—сказалъ онъ,—что отъ дуэли я не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Такъ показывалъ Мартыновъ на судѣ. По словамъ же князя Васильчикова, Мартыновъ, когда всѣ стали расходиться, подошелъ къ Лермонтову и тихимъ, ровнымъ голосомъ сказалъ ему по-французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ».—«А, такъ вы серьезно обижаетесь и вызываете меня на дуэль?»—возразилъ Лермонтовъ. «Да, я вызываю васъ»,—отвѣтилъ такъ же спокойно Мартыновъ, и тутъ же разстался съ нимъ. Есть еще разсказъ о томъ же майора Карпова. По выходѣ отъ Верзилиныхъ Мартынова и Лермонтова на улицу, первый, подойдя къ Лермонтову, сказалъ: «За сегодняшнія остроты я тебя, Мишa, не желаю прощать». Тогда Лермонтовъ, захохотавъ, отозвался: «Пожалуйста, придумай возмездіе посерьезнѣе». Мартыновъ вспыхнулъ на эту выходку и произнесъ: «Серьезнѣе? Дуэль!.. Прошу назначить часъ и мѣсто, если желаешь кончить серьезно».

Чуйко.

Лермонтовъ въ Пятигорскѣ.

Устроившись съ офиціальными дѣлами, въ силу которыхъ они получили разрѣшеніе остаться для лѣченія въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ и Столыпинъ зажили довольно веселой жизнью, процвѣтавшей тогда на минеральныхъ водахъ. Они застали тамъ нѣсколько хорошо знакомыхъ по Кавказу и по Петербургу лицъ: князя Васильчикова, корнета Глѣбова, Н. Н. Раевскаго, князя Сергѣя Трубецкого, Льва Сергѣевича Пушкина, брата великаго поэта, Н. Мартынова, Дорохова и проч. Черезъ этихъ знакомыхъ они перезнакомились съ мѣстнымъ обществомъ, и, между прочимъ, съ семействомъ генералъ-лейтенанта Петра Семеновича Верзилина, представлявшимъ собою лучшій и гостепріимнѣйшій «домъ» въ Пятигорскѣ.

Семейство Верзилиныхъ, сверхъ его самого и жены, состояло изъ дочери Петра Семеновича отъ перваго брака, Аграфены Петровны, дочери его жены отъ перваго брака—Эмиліи Александровны Клингенбергъ и общей ихъ дочери—Надежды Петровны. Изъ трехъ дѣвицъ Эмилія Александровна, прозванная «розой Кавказа», всѣхъ больше привлекала въ домъ молодежь; Аграфена Петровна была просватана за пристава трухменскихъ народовъ, Дикова.

Этой-то семьѣ и, главнымъ образомъ, Эмиліи Александровнѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за товарища дѣтства Лермонтова, Акима Павловича Шанъ-Гирея, предстояло сыграть выдающуюся роль въ роковой судьбѣ Лермонтова.

Пятигорское общество развлекалось какъ могло. Составлялись parties de plaisir,—ѣздили на Перкальскую скалу, на склонѣ лѣсистаго Машука, къ Провалу, въ шотландскую колонію Каррасъ, лежащую верстахъ въ семи отъ Пятигорска, по дорогѣ въ Желѣзноводскъ и т. п. У Верзилиныхъ играли въ кошку-мышку, бѣгали въ горѣлки. Въ Пятигорскъ пріѣзжали и уѣзжали. Петербургскіе чванные гости не всегда склонны были смѣшиваться съ недостаточно аристократическими элементами мѣстнаго и пріѣзжаго общества. Возникали отдѣльные кружки, враждебные другъ другу. Словомъ, дѣлалось все то, что дѣлается во всякомъ человѣческомъ обществѣ.

Лермонтовъ, не терпѣвшій никакого чванства и неестественности, своимъ злымъ языкомъ клеймилъ многихъ безпощадно. Онъ создалъ свою «банду», которая, не допуская въ себѣ пошло-мѣщанскихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе не допускала аристократничанья. У Лермонтова появились враги. Многіе, задѣтые имъ за живое, поговаривали, что «не худо бы проучить ядовитую гадину». Разсказывали, что одного юнкера, сына знаменитаго кавказскаго героя Лисаневича, подговаривали вызвать Лермонтова на дуэль по поводу шутокъ надъ нимъ поэта. Но Лисаневичъ оказался благороднѣе аристократическихъ враговъ Лермонтова и болѣе понимающимъ его душу и значеніе въ обществѣ: не видя въ его шуткахъ повода къ ненависти, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ всегда

старался дружески успокоить его, если заходилъ въ шуткахъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, онъ сказалъ пристававшимъ къ нему: «Что вы! чтобъ у меня поднялась рука на такого человѣка!»

Услуги Лисаневича или кого-либо другого для желающихъ «проучить» Лермонтова не понадобилось. Ихъ желаніе выполнилъ «другъ Лермонтова», Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Причины столкновенія между ними понынѣ остаются не вполнѣ разъясненными, хотя на почвѣ предположеній угадываются.

Говорятъ, что Лермонтовъ увлекся Надеждой Петровной, а она отдавала предпочтеніе Мартынову, въ то же время кокетничая съ Лермонтовымъ. Предположеніе это совершенно не нужно для объясненія послѣдующихъ событій. Несравненно вѣроятнѣе, что Лермонтовъ не уважалъ кокетливую Надежду Петровну, не способную по достоинству оцѣнить такого человѣка, какъ Мартыновъ. А ухаживалъ онъ за ней шутя. Вообще онъ шутливо держалъ себя у Верзилиныхъ. На просьбу, носившей на поясѣ маленькій кинжальчикъ и небрежно причесанной, Надежды Петровны написать ей что-нибудь въ альбомъ, онъ пишетъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ:
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной;
На поясѣ—ножъ—
C'est un vers, qui cloche.

Нисколько не увлекаясь дѣвицей Надеждой Петровной и не ревнуя ее, Лермонтовъ по своему характеру не могъ равнодушно и безъ насмѣшки смотрѣть на такихъ людей, какъ Мартыновъ. Мартыновъ принадлежалъ къ той породѣ людей, на которыхъ всякій порядочный человѣкъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ съ ироніей. Это франтъ и позёръ въ худшемъ значеніи слова. Ограниченный и пустой, онъ, будучи въ отставкѣ, одѣвался въ черкесскій костюмъ, постоянно мѣняя цвѣта его: то онъ являлся въ бѣлой черкескѣ и черномъ бархатномъ или шелковомъ бешметѣ, то въ черной черкескѣ и бѣломъ бешметѣ. Онъ красовался. На поясѣ у него висѣлъ длинный кинжалъ. Онъ желалъ вполнѣ походить на настоящаго джигита—и былъ, конечно, только смѣшонъ, особенно, когда гарцовалъ верхомъ на конѣ, въ высокой папахѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ красивъ, прекрасно сложенъ, нравился женщинамъ, и, какъ многіе ограниченные люди, считалъ себя выше другихъ, смотрѣлъ на всѣхъ свысока. Онъ считался пріятелемъ Лермонтова, и Лермонтовъ, знавшій людей слишкомъ хорошо, относился къ нему просто, какъ къ обыкновенному человѣку, какихъ много, нисколько не сторонился его. Для Лермонтова онъ былъ только забавенъ, и поэтъ издавна потѣшался надъ нимъ—безъ злости, но ѣдко и остроумно. Видѣть этого человѣка, красующагося передъ кокеткой, и видѣть эту дѣвицу, цѣнившую себя, конечно, очень высоко, плѣняющейся этимъ ограниченнымъ и пошловатымъ франтомъ, и не чувствовать ѣдко-презрительнаго чувства—для Лермонтова было неестественно. И онъ смѣялся надъ обоими ими. На дѣвицу онъ написалъ эпиграмму, которая, конечно, дошла до нея и возбудила къ Лермонтову злобное чувство.

Можно, навѣрное, сказать, что не безъ ея вліянія Мартыновъ возбуждался противъ Лермонтова. Мартынова же Лермонтовъ прозвалъ: «montagnard au grand poignard»—горецъ съ большимъ кинжаломъ или, сокращенно «poignard»—кинжалъ или большой кинжалъ, вообще смѣялся надъ нимъ, и не словами только, а и манерой обращенія съ нимъ.

У молодежи былъ заведенъ альбомъ, и Лермонтовъ, хорошо рисовавшій, изображалъ въ немъ и себя, и пріятелей, и другихъ въ карикатурахъ мѣткихъ и острыхъ. Рисовалъ онъ чаще другихъ и Мартынова. Князь Васильчиковъ разсказывалъ Висковатому, что помнитъ, напримѣръ, слѣдующую карикатуру: Мартыновъ изображенъ въѣзжающимъ верхомъ въ Пятигорскъ, а кругомъ него восхищенныя его красотой дамы; подъ карикатурой надпись по-французски: «Господинъ Кинжалъ, совершающій свой въѣздъ въ Пятигорскъ». Былъ еще рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей назадъ. И Лермонтовъ по поводу ея говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, а лошадь его боится выстрѣловъ. Не виноватъ же онъ, что она боится и скачетъ отъ нихъ»...

Мартыновъ бѣсился. Онъ неоднократно просилъ Лермонтова прекратить свои шутки, «особенно при дамахъ». Лермонтовъ предложилъ ему отвѣчать такими же шутками, если сумѣетъ. Наконецъ, въ домѣ Верзилиныхъ Мартыновъ очень обидѣлся на Лермонтова. Послѣ дуэли нужно было выгородить изъ дѣла домъ Верзилиныхъ и другихъ лицъ, оставивъ въ жертву суду двухъ дуэлистовъ и двухъ секундантовъ; поэтому давались показанія, заранѣе условленныя и дѣйствительности не соотвѣтствующія,— это не подлежитъ сомнѣнію.

На слѣдствіи было показано, что секунданты старались помирить ихъ, но что Мартыновъ былъ непреклоненъ. Мартыновъ же посмертно черезъ сына категорически заявляетъ, что ему никто не говорилъ о примиреніи. Напротивъ, ему даже не передали заявленія Лермонтова, что тотъ «стрѣлять не будетъ». Предполагать, что послѣ Лисаневича враги Лермонтова просили Мартынова «проучить» «несноснаго выскочку и задиру», «ядовитую гадину», мы также не видимъ никакихъ основаній. Едва ли обиженные остротами Лермонтова могли желать его смерти. Но что существованіе этихъ «враговъ» поощряло ограниченнаго франта, сомнѣнію не подлежитъ. Онъ чувствовалъ себя героемъ передъ ними, какъ и передъ дамами, которымъ Лермонтовъ досаждалъ эпиграммами, какъ утверждаетъ г. Мартьяновъ, со словъ бывшаго пятигорскаго плацъ-адъютанта Чиляева; по его словамъ, Мартынову въ обществѣ пожимали руки и укрѣпляли въ рѣшимости довести дуэль до конца. Даже овація ему была сдѣлана. Какой смыслъ имѣли эти рукопожатія и были ли при нихъ только враги поэта, остается сомнительнымъ.

Столыпинъ, которому вся эта исторія была непріятна, выпроводилъ Лермонтова въ Желѣзноводскъ, разсчитывая, что время принесетъ примиреніе; да и выѣздъ Лермонтова успокаивалъ на-

чальство, встревоженное слухами о предстоящей дуэли. Но Мартыновъ недѣли черезъ полторы, при встрѣчѣ съ кружкомъ друзей Лермонтова, сказалъ: «Что жъ, господа, скоро ли ожидается благополучное возвращеніе изъ путешествія? Я уже давно дожидаюсь. Можно было бы понять, что я не шучу». Дѣлать было нечего, нужно было вызвать Лермонтова.

Изъ письма М-lle Быховецъ, «la belle noire, какъ ее называли въ обществѣ въ Пятигорскѣ, о встрѣчѣ съ которой Лермонтова передъ дуэлью въ колоніи Каррасъ говорятъ всѣ біографіи поэта, разъясняется многое въ исторіи этой дуэли. Письмо писано уже послѣ рокового исхода поединка. «Этотъ Мартыновъ глупъ ужасно, всѣ надъ нимъ смѣялись; онъ ужасно самолюбивъ, карикатуры на него безпрестанно прибавлялись», пишетъ г-жа Быховецъ и, разсказавъ коротко исторію ссоры, прибавляетъ: «Лермонтовъ совсѣмъ не хотѣлъ его обидѣть, а такъ посмѣяться хотѣлъ, бывши такъ хорошъ съ нимъ».

Лермонтовъ былъ родственникъ этой дѣвицы Быховецъ и, по ея словамъ, любилъ быть съ нею, потому что «находилъ въ ней сходство» съ В. А. Бахметевой (Лопухиной), которую все еще страстно любилъ. Къ Быховецъ, вѣроятно, относится стихотвореніе: «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю». Уѣзжая въ Желѣзноводскъ, Лермонтовъ просилъ ее пріѣхать туда, и она ему обѣщала. 15-го іюля, въ шесть часовъ утра, она и поѣхала туда въ коляскѣ, а Дмитревскій (вице-губернаторъ Кавказской области), Бенкендорфъ и Пушкинъ сопровождали ее верхами. «Какъ мы пріѣхали въ Желѣзныя», говорится въ письмѣ, «Лермонтовъ сейчасъ прибѣжалъ: мы пошли въ рощу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами, коса моя распустилась, и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадываться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль».

Съ гостями ѣхалъ въ Пятигорскъ и Лермонтовъ. Эти «гости» были, вѣроятно, вѣстники встрѣчи его съ Мартыновымъ. Въ «колонкѣ» обѣдали. Разсказы, что Мартыновъ встрѣтился въ колоніи съ Лермонтовымъ, не оправдываются. Его встрѣтилъ здѣсь только Глѣбовъ, чтобы отсюда прямо ѣхать на назначенное мѣсто дуэли. Князь Васильчиковъ съ Мартыновымъ пріѣхали туда же прямо изъ Пятигорска на бѣговыхъ дрожкахъ. Дѣвица Быховецъ, конечно, отправилась домой. Къ сожалѣнію, она не написала, сопровождали ли ее до Пятигорска спутники ея. *Введенскій.*

Кончина Лермонтова.

«Странно подумать, что поводомъ къ дуэли, а слѣдовательно, и причиною смерти незабвеннаго поэта было одно пустое, мимоходомъ сказанное слово сослуживцу своему. Изъ-за этого слова

завязался крупный разговоръ, кончившійся вызовомъ со стороны Лермонтова. Оружіемъ были избраны пистолеты, а секундантами: Васильчиковъ (Лермонтова) и Глѣбовъ (его противника). Друзья Лермонтова надѣялись, однако, какъ-нибудь уладить дѣло, и потому упросили поэта отправиться на нѣсколько дней въ Желѣзноводскъ (въ 17 верстахъ отъ Пятигорска); но противникъ не соглашался на мировую, и Лермонтовъ возвратился въ Пятигорскъ. Въ самый день дуэли поэтъ танцовалъ еще на пикникѣ въ колоніи Шотландка, находящейся между Пятигорскимъ и Желѣзноводскомъ. Около 5 часовъ вечера между горами Машукомъ и Бештау разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Пятигорска сошлись противники у подошвы Машука. Лермонтовъ былъ раненъ подъ самое сердце, упалъ и, вздохнувъ два раза, скончался. Секунданты, не предвидя такого конца, насилу нашли экипажъ. Нельзя было хладнокровно смотрѣть на покойнаго; его канаусовая рубашка вся была смочена кровью. На другой день смерти Лермонтова художникъ Р. А. Шведе снялъ съ него портретъ. Спустя полгода, именно въ мартѣ 1842 года, тѣло Лермонтова было перевезено въ деревню, въ село Тарханы, Пензенской губерніи».

Лермонтовъ умеръ въ то время, когда совершился въ душевномъ его настроеніи замѣчательный переворотъ. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій: «Лермонтовъ немного написалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устраиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣкъ Екатерины II, Александра I и Николая I), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовой тетралогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ Могикановъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ пустынѣ» и «Піонеромъ», оканчивающейся «Степями», какъ вдругъ онъ умеръ»...

Не знаемъ почему, но, написавъ эти строки, мы невольно обратились къ одному очень раннему стихотворенію Лермонтова (1829 г.), еще пятнадцатилѣтняго мальчика:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ не долго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...

И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,
Не зная ни любви ни дружбы сладкой.
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ...

Дудышкинъ.

Взглядъ Лермонтова на поэтическое творчество.

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ пушкинскій пророкъ, глаголомъ своимъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать «чистыя ученья любви и правды», хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи «Поэтъ».

Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ оиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ, на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ.
Насъ тѣшатъ блески и обманы:
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи «Пророкъ». Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но, встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждой, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индифферентностью. Въ стихотвореніи «Журналистъ, читатель и писатель» намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, разговоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова; онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

Бываетъ время, *говоритъ поэтъ*,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны
И риомы дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія является поэтическая идеализація:

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ..

Однако «странныя творенія», возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда «диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ», когда поэтъ смѣло предастъ позору «приличьемъ скрашенный порокъ». Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать «неприготовленному взору», и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такою тяжкою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается Лермонтовымъ въ стихотвореніи «Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой». Для толпы людской смѣшонъ урокъ и плачъ поэта,

Какъ разрумяненый трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи «Первое января». Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія:

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ, «царства дивнаго всесильный господинъ», находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ; но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ незваную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

Этими послѣдними словами мы привыкли вообще характеризовать и содержаніе и форму лермонтовской поэзіи.

Котляревскій.

Мотивы поэта Лермонтова.

2-го октября исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго поэта. Намъ приходится поминать его при обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ... Невольно приходятъ на память нѣкоторые мотивы его поэзіи, такъ или иначе подходящіе къ переживаемому нами историческому моменту, напримѣръ, патріотическія стихотворенія, какъ «Бородино» и др., великолѣпныя описанія битвы въ поэмахъ («Измаилъ-Бей», «Валерикъ»), или, наконецъ, такой мотивъ (въ «Валерикѣ»):

И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Но я постараюсь, какъ это ни трудно, отвлечься отъ всепоглощающихъ помысловъ о міровой войнѣ и о грандіозныхъ перспективахъ, которыя открываетъ она всему цивилизованному міру, чтобы отдать посильную дань памяти одного изъ великихъ русскихъ поэтовъ, творенія котораго уже давно вошли въ міровую литературу и принадлежатъ вѣчности.

Я попытаюсь—на мигъ—забыть Лермонтова, какъ человѣка и писателя своего времени, «героя безвременья». Я оставлю въ сторонѣ и вопросъ о томъ, что дала Россіи, что внесла въ нашу духовную культуру поэзія Лермонтова въ эпоху отъ 40-хъ годовъ до нашихъ дней...

Я хотѣлъ бы уловить въ поэзіи Лермонтова то, что въ ней не ограничено условіями времени и мѣста, что чарующе-властно говоритъ и всегда будетъ говорить всякой душѣ человѣческой. И невольно мое воображеніе переносится въ будущее, лелѣя мечту о грядущемъ человѣчествѣ, которое преодолѣетъ всѣ остатки варварства и, недоступное рецидивамъ дикости, будетъ имѣть возможность и право сказать о себѣ:

И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Будетъ ли оно, счастливое и жизнерадостное, въ состояніи прочувствовать, понять и оцѣнить поэзію тоски, унынія и міровой скорби,—творенія такихъ поэтовъ, какъ Леопарди и нашъ Лермонтовъ?

Сопоставляя эти имена, я уже предрѣшаю характеристику Лермонтова, какъ поэта-пессимиста. Конечно, я знаю, что въ его сложной и противорѣчивой душѣ, какъ и въ его огромномъ художественномъ дарованіи, было много достояній, не подводимыхъ подъ понятіе пессимизма. Не забываю я и того, что онъ умеръ слишкомъ рано, унеся въ могилу тайну новыхъ поэтическихъ откровеній, возможность которыхъ чувствуется въ лучшихъ созданіяхъ его генія. И, тѣмъ не менѣе, едва ли нужно доказывать, что преобладающими и излюбленными мотивами его

поэзіи были мотивы грусти, тоски, унынія, скорби, наконецъ, отчаянія и «тошноты жизни».

По прирожденному укладу натуры онъ былъ меланхоликъ, и непосредственное, безпричинно-радостное чувство жизни было чуждо ему. Онъ былъ обреченъ носить въ душѣ «тяжелый грузъ» мрачныхъ и скорбныхъ настроеній. Когда уже въ юношескихъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ о своей безпричинной грусти, тоскѣ, объ усталости души, о мрачныхъ предчувствіяхъ, о зловѣщихъ снахъ, то это—не реторика, не фразы, это—сущая правда, обнаруженіе которой свидѣтельствуетъ о напряженномъ самоанализѣ и объ изумительно-проницательномъ діагнозѣ, предвосхитившемъ глубокій и тонкій психологическій анализъ «Героя нашего времени».

Въ большомъ стихотвореніи, озаглавленномъ «1831 г., іюня 11 дня», онъ говоритъ:

Есть время,—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама съ собой стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

Ему было всего около 17-ти лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ эти изумительныя строки, которыя сдѣлали бы честь проницательному психологу или опытному психіатру.

Такое «сумеречное» состояніе души, очевидно, возникало у него далеко нерѣдко, что видно изъ признанія, которымъ начинается слѣдующая (25-ая) строфа:

Я къ состоянью этому привыкъ...

Этотъ меланхоликъ былъ одаренъ могучимъ творческимъ умомъ и необычайной силой духа, жаждущаго дѣятельности и борьбы: онъ говоритъ (въ томъ же стихотвореніи): «жизнь скучна, когда боренья нѣтъ»,—«мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь великаго героя, и понять я не могу, что значитъ отдыхать»... (строфа 22).—«Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь въ моемъ умѣ»... (строфа 23). Но нѣтъ ни бодрости, ни радости, ни свѣтлыхъ надеждъ въ этомъ кипѣніи ума, въ этихъ стремленіяхъ къ дѣятельности, въ этомъ порывѣ къ борьбѣ:

....Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь... (23).

Сомнѣнія и опасенія приходятъ на смѣну жажды борьбы:

.....Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то... (Тамъ же).

Наступають тѣ «сумерки души», о которыхъ говоритъ строфа 24-ая...

Оттуда уже недалеко до безотраднаго пессимистическаго настроенія, до мысли, что на землѣ вообще нѣтъ счастья (строфа 26), и, наконецъ, до мрачныхъ предчувствій, до помысловъ о трагической смерти:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,—
Но равнодушный міръ не долженъ знать,
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ... (28).

Въ болѣе раннемъ стихотвореніи «Къ друзьямъ» (1829 г.) поэтъ, которому было около 15 лѣтъ, говоритъ:

.....Нерѣдко, средь веселья
Духъ мой страждетъ и грустить,
Въ шумѣ буйнаго похмелья
Дума на сердцѣ лежитъ...

Въ одномъ стихотвореніи 1830 года поэтъ жалуется на свое «одиночество», которое обусловливается тѣмъ, что

Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить...

Холодъ одиночества, безнадежность, преждевременная усталость, безпредметная тоска, душевныя страданія, пустота и тягота жизни, предчувствіе скорой смерти,—вотъ о чемъ такъ часто говорятъ юношескія стихотворенія Лермонтова (1828—1831 гг.), не блещущія поэтическими достоинствами, но подкупающія глубокой искренностью. Любопытно отмѣтить, что въ стихотвореніяхъ этого рода, въ противоположность другимъ опытамъ Лермонтова, относящимся къ тому же періоду, въ стихахъ и въ прозѣ, нѣтъ ни подражанія ни перепѣвовъ съ чужого голоса, а равно нѣтъ и реторики, отъ которой несвободны нѣкоторыя не только юношескія, но и позднѣйшія, зрѣлыя произведенія Лермонтова. И когда его геній созрѣлъ, когда поэтъ овладѣлъ всѣми дарами и чарами своего творчества, тогда его печальныя думы, его грусть и тоска, его мрачныя настроенія, его глубокая скорбь выразилась въ задушевныхъ, чарующихъ «созвучьяхъ словъ живыхъ», которыя навсегда останутся классическими образцами пессимистической лирики.

Таковы въ особенности пьесы (1840 г.) «И скучно, и грустно» и «Благодарность». Вспомнимъ послѣднее:

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,

За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ.
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Это идетъ отъ сердца къ сердцу. И это доступно интимному пониманію и сочувствію «по человѣчеству» не только тѣхъ, которые тяготятся жизнью, утратили вкусъ къ ней, но и тѣхъ, кто цѣпко держится за жизнь и говоритъ радуюсь, потому что существую. Не будетъ парадоксомъ сказать, что человѣку счастливому и жизнерадостному приведенное стихотвореніе дастъ (или можетъ дать) гораздо больше, чѣмъ человѣку разочарованному, потерявшему непосредственную привязанность къ жизни: вѣдь для послѣдняго настроеніе, выраженное здѣсь, не ново,— оно переживалось имъ много разъ,—ему нова и мучительно-отрадна только лирическая обработка мотива; напротивъ, для того, кто привязанъ къ жизни, этотъ мотивъ есть нѣчто новое, чуждое, не входящее въ репертуаръ личнаго душевнаго опыта. И, воспринимая чужую скорбь, человѣкъ счастливый и жизнерадостный, становится духовно-богаче и—человѣчнѣе.

Поэзія пессимизма, какъ и его философія, психологически и морально важнѣе и нужнѣе оптимистамъ, чѣмъ пессимистамъ...

Великое дѣло—органическая привязанность къ жизни, инстинктъ самосохраненія,—это корень существованія человѣчества. Но онъ выращивается слезами всѣхъ скорбей человѣческихъ,— безъ этой влаги онъ засохнетъ «подъ знойнымъ солнцемъ бытія». Великое и основное дѣло—«миръ и благоволеніе на земли», но оно опошлится и заглохнетъ безъ «славы въ вышнихъ Богу», безъ высшихъ—святыхъ—идеаловъ человѣчества, безъ борьбы за нихъ, безъ великихъ страданій и, наконецъ, безъ вѣчнаго напоминанія, что счастье, радость бытія, сама жизнь не должны быть самодовлѣющими, при всей своей самоцѣнности.

И съ этой точки зрѣнія поэзія пессимизма, какъ и его философія, отъ Будды и Экклезіаста до Шопенгауэра и Лермонтова, являются для человѣчества оздоровляющимъ началомъ: своимъ безжалостнымъ и разъѣдающимъ скептицизмомъ онѣ предохраняютъ насъ отъ опасности удовлетворяться достигнутыми благами, успокаиваться и слишкомъ «пещись о земномъ». Въ существѣ дѣла онѣ представляютъ собою не что иное, какъ рѣзкую (часто преувеличенную и злую) критику всѣхъ человѣческихъ благъ и цѣнностей, не исключая основной—самой жизни. Это— ядъ, но ядъ спасительный...

Здѣсь въ пору вспомнить одно изъ юношескихъ стихотвореній Лермонтова, очень злое и очень умное,—«Исповѣдь» (1831 г.):

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лѣчитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель—не названье,
И жизнь—поболѣе, чѣмъ сонъ!

По вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ.
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

Это стихотвореніе, какъ и другія, даетъ намъ достаточно ясное представленіе о той «психологической позиціи», какую занялъ въ отношеніи къ обществу, къ міру юноша Лермонтовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это была именно позиція, а не поза. Съ годами, съ дальнѣйшимъ опытомъ жизни и съ ростомъ таланта и всѣхъ духовныхъ силъ поэта, сами собою намѣтились двѣ перспективы, два выхода изъ сумрака безотрадныхъ идей и скорбныхъ чувствъ скептика-пессимиста: съ одной стороны, «хладный опытъ», противорѣчащій «теплой вѣрѣ», ожесточалъ и влекъ къ борьбѣ,—поэтъ превращался въ грознаго обличителя и трибуна,—съ другой—возникала и томила жажда покоя, душевнаго умиротворенія и даже религіознаго умиленія,—борецъ-трибунъ уступалъ мѣсто вдохновенному пѣвцу тихой печали, сладкой истомы духа, проникновенныхъ молитвъ.

И было два Лермонтова: одинъ, написавшій «На смерть Пушкина», «Думу», «Пророка», «Первое января» и пр., другой, создавшій такіе перлы лирики, какъ «Вѣтка Палестины», «Молитва» («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...»), «Когда волнуется желтѣющая нива», «Выхожу одинъ я на дорогу...»

Между этими «двумя Лермонтовыми», при всемъ бьющемъ въ глаза различіи, не было внутренняго противорѣчія по существу. Мы видимъ тутъ «двуединую» правду души великаго поэта, прозвучавшую—въ одномъ направленіи—«желѣзнымъ стихомъ», «облитымъ горечью и злостью», а въ другомъ благостной молитвой «теплой Заступницѣ міра холоднаго». Эти двѣ тяги у Лермонтова исходили изъ одного и того же начала,—изъ психологическаго (не философскаго, не разсудочнаго) отрицанія жизни и всѣхъ благъ ея, какъ призрачныхъ и мнимыхъ. Но вѣря въ силу добра поэтъ-пессимистъ, однако, не можетъ примириться со зломъ и выступаетъ на борьбу съ нимъ, вооруженный тою силою негодующаго слова, какую онъ приписываетъ поэту-трибуну былыхъ временъ, о которомъ онъ говоритъ:

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ оиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ...

Такъ именно прозвучалъ и «отзывъ» Лермонтова въ годину великаго народнаго бѣдствія—смерти Пушкина...

Пессимистическое «отрицаніе» добра превращается здѣсь въ его могущественное утвержденіе и оправданіе.

Передъ нами огромная человѣческая цѣнность, съ которою надлежитъ обращаться бережно, не растрачивая ее зря, по мелочамъ... Ее нужно хранить впрокъ,—на случай «торжествъ и бѣдъ народныхъ»... Иначе поэту-трибуну грозитъ опасность надоѣсть и самому размѣняться на мелочь. Лермонтову эта опасность не угрожала: слишкомъ глубока, сложна и богата была его душа, чтобы онъ могъ уподобиться «разрумяненному трагическому актеру», «махающему мечомъ картоннымъ». Онъ владѣлъ не только громами негодующихъ словъ и «желѣзнымъ стихомъ, облитымъ горечью и злостью», но и тайною музыки словъ простыхъ и кроткихъ, задушевною лирикою «молитвы»... Онъ говорилъ:

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ...

И онъ дорожилъ этими рѣдкими минутами душевнаго замиренія, когда

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Онъ порою завидовалъ «тучкамъ небеснымъ», «вѣчнымъ странникамъ», у которыхъ нѣтъ ни страстей, ни привязанностей, «ни родины, ни изгнанія», «вѣчно-холодныя», «вѣчно-свободныя», онѣ были для него символомъ вождел̈ѣннаго и недоступнаго ему состоянія «свободы и покоя», утопію котораго онъ выразилъ въ стихотвореніи, гдѣ говоритъ:

Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть,—
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,
Я бъ хотѣлъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной, чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ, склонялся и шумѣлъ...

«Прелесть» этихъ словъ поистинѣ «непонятна», и чѣмъ она непонятнѣе, тѣмъ эти слова убѣдительнѣе,—какъ разъ въ противоположность «прелести» и силѣ тѣхъ другихъ, негодующихъ, громовыхъ словъ, которыя совершенно «понятны» и, поскольку понятны, постольку и убѣдительны...

Лермонтову была открыта тайна и правда тѣхъ и другихъ; это съ очевидностью доказывается лучшими созданіями его генія,—въ томъ и въ другомъ родѣ. Но онъ умеръ (на 27 году!), успѣвъ повѣдать міру лишь очень малую часть этой тайны и этой правды. Если бы онъ прожилъ еще лѣтъ 10, двѣ тяги его души слились бы въ гармоничномъ синтезѣ, и, быть можетъ, его геній,

послѣ напряженной внутренней работы, достигъ бы той грани, на которой осуществляется возможная для такихъ натуръ, какъ Лермонтовъ, свобода духа и нѣкоторое спокойствіе творчества. Эта свобода и это спокойствіе, оставаясь лишь относительными, все-таки приблизились бы въ извѣстной мѣрѣ къ тому поэтическому идеалу, который для краткости можно обозначить однимъ терминомъ: Пушкинъ.

Но и то немногое, что онъ успѣлъ создать, представляетъ великую цѣнность для всего человѣчества,—сокровищницу поэтическихъ думъ и чувствъ, изъ которой во всѣ вѣка люди будутъ черпать то, что имъ нужно для души, какъ «въ дни торжествъ и бѣдъ народныхъ», такъ и въ повседневной, затяжной юдоли бытія на многострадальной землѣ, подъ обманчивымъ куполомъ далекаго неба, кажущагося близкимъ... *Овсянико-Куликовскій.*

Разочарованіе—преобладающій мотивъ поэзіи Лермонтова.

Обращаясь къ содержанію поэзіи Лермонтова, мы замѣчаемъ въ ней преобладаніе мотивовъ разочарованія, разлада съ обществомъ. Охарактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ «Дума», «На смерть Пушкина» и другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ «воли», «воли», «воли», а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой настоящей жизни, онъ надѣется найти ее среди непосредственныхъ натуръ, нетронутыхъ фальшивой цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, и здѣсь онъ издаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ демоническихъ типовъ.

Апоѳеозомъ воли является поэма «Мцыри». Въ своей исповѣди старику Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть;
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызала душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.

«Давнымъ давно», разсказываетъ Мцыри,

. . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ. И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.

Съ восторгомъ онъ описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря на волю во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы.

......О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ.

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ:

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ.

.....Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, измученному, изстрадавшемуся, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодолимая сила души, которой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей, видна натура непреклонная, демоническая, нисколько не подходящая къ типу того поколѣнія, холодно-разсудительнаго, бездѣйственнаго, которое изображено въ «Думѣ» и отъ котораго поэтъ отворачивается съ такою горечью и презрѣніемъ. Этотъ типъ символически изображенъ въ стихотвореніи «Парусъ», какъ такой человѣкъ, который «ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Этотъ же типъ мятежнаго скитальца, искателя бурь такъ художественно представленъ въ «Демонѣ», «Измаилъ-Беѣ», и «Героѣ нашего времени». Таковъ былъ отчасти и самъ поэтъ, душа котораго «томилась, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

«Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», демоническій типъ долго привлекалъ къ себѣ сочувствіе Лермонтова, однако, съ годами мы видимъ признаки поворота въ отношеніяхъ поэта къ этому типу. Въ «Сказкѣ для дѣтей» Лермонтовъ такъ говоритъ объ этомъ поворотѣ:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоской
Сжималася, и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами.

Какъ, однако, ни ясно въ этихъ словахъ ироническое отношеніе къ прежнему любимому образу титанической силы, отдѣлаться

отъ него одними стихами еще мало, и нужно этому образу противопоставить другой, который бы обнаружилъ его слабыя стороны. Подобное критическое противопоставленіе мы находимъ у Лермонтова въ его романѣ «Герой нашего времени».—И этотъ романъ, какъ и многія другія произведенія Лермонтова, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ—Онега, Печоринъ—Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ, напр., отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочарованнаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера, тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермонтовъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ самъ собою,—недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть «портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи». Затѣмъ въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ о разочарованныхъ людяхъ Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочарованіе есть «мода, которая донашивается въ нижнихъ классахъ»; о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа, это противопоставленіе Печорину Максима Максимыча. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ образованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: «Дай Богъ побольѣ встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей».

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: «Повѣрите ли, я, стоя за дверью, даже заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость»... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ.—«Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы,—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила». Конечно, мы поймемъ, что «глупость» слу-

чилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, человѣка, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимычу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идей противопостановленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей «простыхъ», но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ романѣ «Идіотъ» называетъ «главнымъ умомъ» людей, отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ, выше Печорина.

Обращаясь отъ образовъ къ непосредственному выраженію чувствъ поэта въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы тоже замѣтимъ преобладаніе мрачнаго мотива разочарованія, неудовлетворенности жизнью вслѣдствіе высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеальныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи «Ангелъ», изъ котораго мы видимъ, что поэтъ томится той дѣйствительностью, которая его окружаетъ, онъ какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда почти одинокимъ, и это не можетъ не вызвать въ немъ грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи «Одиночество». Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный.
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ судьбѣ послушны,
Года уходятъ, будто сны.

И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный—
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей!
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы въ стихотвореніи «Смерть».

Закатъ горитъ огнистой полосою.
Любуясь имъ, безмолвно подъ окномъ,
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною,
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,—
То мысль о ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами

Не поцѣлуетъ здѣсь моихъ ланитъ.
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ бездиѣ безконечной!..

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ «Смерть», выражающія такія же тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть «дальше, дальше отъ людей», а въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я,—
Обманутъ жизнью былъ во всемъ.
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣрить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1830 года онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно,—
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ «Парусѣ»; поэтъ «счастья не ищетъ», потому что въ него не вѣритъ, - ему нуженъ только покой и въ стихотвореніи «Выхожу одинъ я на дорогу» онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ желалъ забыться и заснуть.
И т. д.

Кромѣ покоя, поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи «Отворите мнѣ темницу»... Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи «И скучно и грустно». Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній, восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни итти не можетъ.

Бороздинъ.

Условія жизни, способствовавшія преобладанію протестующаго характера поэзіи Лермонтова противъ несовершенствъ жизни.

Преобладающей чертой творчества М. Ю. Лермонтова, этого геніальнаго преемника Пушкина, признается обыкновенно разочарованіе въ существующемъ складѣ жизни, энергичный протестъ противъ несовершенства этой жизни. Причина этого разочарова-

ванія и протеста указываются частью въ обстоятельствахъ біографіи поэта, частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества. Конечно, всѣ эти причины имѣютъ далеко не одинаковое значеніе, а поэтому мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Уже съ самаго дѣтства въ жизни поэта замѣчаются такіе факты, которые далеко не могли содѣйствовать выработкѣ въ немъ бодраго, жизнерадостнаго настроенія. Ранняя смерть матери была для Лермонтова первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ ласкъ матери, хотя неясный образъ этой нѣжной женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: «когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ея я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать».

Лишившись матери, Лермонтовъ становится свидѣтелемъ раздора между своей бабушкой и отцомъ, и, конечно, это обстоятельство не можетъ пройти для него безъ слѣда: оставалось горькое воспоминаніе объ этомъ раздорѣ. Но, и кромѣ этого, обстановка дѣтства была далеко не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ, какъ это легко можно видѣть изъ слѣдующаго «отрывка изъ неоконченной повѣсти», въ которой подъ видомъ Саши Арбенина, Лермонтовъ рисуетъ самого себя: «Сашѣ было съ ними (дворовыми дѣвушками) очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ уже умѣлъ прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ наклонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая имъ дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бы не пришла на помощь корь—болѣзнь, опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки, Цѣлые три года оставался онъ въ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными дѣтскими забавами дѣтей, онъ

началъ ихъ искать въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Ненормальность обстановки дѣтскихъ лѣтъ поэта выражается и въ его раннемъ любовномъ увлеченіи: уже 10 лѣтъ онъ полюбилъ какую-то дѣвочку, и характеръ этого увлеченія былъ сильно отличенъ отъ подобныхъ проявленій чувства у другихъ дѣтей. Если нельзя назвать нормальнымъ воспитаніе Лермонтова въ раннемъ дѣтствѣ, то въ одинаковой степени не было нормальнымъ его развитіе въ отрочествѣ и юности. Чтеніе вызываетъ въ немъ рядъ мыслей, не соотвѣтствующихъ возрасту и той обстановкѣ, въ которой приходится ему вращаться. Отсюда является какая-то сосредоточенность, какое-то стремленіе удалиться отъ сверстниковъ, скрыть отъ нихъ свою глубокую душевную работу. Уже въ юности Лермонтовъ начинаетъ носить маску: онъ старается казаться удальцомъ, при чемъ въ этой удали есть не мало пошлости, составляющей общую черту того круга, въ которомъ онъ жилъ; но черновыя его тетради показываютъ, что онъ думаетъ совсѣмъ не объ этихъ удалыхъ похожденіяхъ, что его духъ возносится къ высшимъ идеальнымъ запросамъ. Эта же двойственность въ поведеніи остается у Лермонтова почти до самой его смерти.

Что касается литературныхъ вліяній, то, какъ извѣстно, они были многочисленны, и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермонтова, то и это сильное вліяніе значительно придется ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя. Можно много говорить о вліяніи Пушкина, Барбье, Шиллера и др., но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти вліянія были скорѣе формальны, что Лермонтовъ всегда стремился быть самимъ собою.

Наконецъ, касаясь третьяго изъ указанныхъ выше мотивовъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта съ окружающею дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андреевскаго. «Неизбѣжность высшаго міра,—говоритъ нашъ критикъ-поэтъ,—проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь—ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу толпѣ, все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ;

онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается «Ангеломъ», составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для «печали и слезъ», всегда здѣсь «томилась» и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго, не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ какую угодно эпоху, не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что «его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ»; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно «съ космической точки зрѣнія». Во-первыхъ, уже чисто-формально «Дума», написанная въ 1833 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы все-таки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отождествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фронтовиковъ, людей индифферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ: среди этой массы идеалисты если не бывали въ такомъ же полукомическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались «героями безвременья».

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его «Думѣ». Эти люди старятся въ бездѣйствіи, «къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы».

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть «иль пусто иль темно». Печально заключаетъ поэтъ свою думу:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда,
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ, оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индиферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущается. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи «Волны и люди»:

Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что же?
Души ихъ волнъ холоднѣй.

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напримѣръ, Печоринъ и Арбенинъ.

Если «Дума» и стихотвореніе «Волны и люди» такъ же, какъ и юношеское произведеніе «Два Сокола», могутъ разсматриваться какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи «На смерть Пушкина». Съ чисто ювеналовскимъ паѳосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ «безчувственныхъ невѣждъ», «клеветниковъ безбожныхъ», «свободы генія и славы палачей». Мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, что ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ вопросовъ.

Въ противоположность этому общественному индиферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ». «Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ», говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «11 іюня 1831 года».

Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день

Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать:
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.

Бороздинъ.

Мотивы поэзіи Лермонтова, вносившіе успокоеніе въ его разочарованную душу.

Для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: «Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Въ минуту жизни трудную». Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ мотивы любви и дружбы; припомнимъ, напр., такія стихотворенія, какъ «Памяти князя А. И. Одоевскаго», «Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей». Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково, напр., его стихотвореніе «Родина», выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе «Изъ альбома С. Н. Карамзиной».

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру—ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи. Критическое отношеніе къ Западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ:

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпою.
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья

На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ «Бородино» и «Споръ».

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ отношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая «Пѣсня про купца Калашникова», о которой уже сказано выше.

Все это позволяетъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыя онъ сказалъ о кн. А. И. Одоевскомъ:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Бороздинъ.

Стихотворенія Лермонтова.

Свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія— суть родовыя и характеристическія примѣты Лермонтова и залогъ ея будущаго великаго развитія...

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческихъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще «Русланомъ и Людмилою»—содержаніемъ, котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, сознаніемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Эта была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмой, мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ человѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу

читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избытка чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія—совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества.

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ «Современникѣ» въ 1837 году, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется «Бородино». Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тридцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль—жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта «тоска по жизни» внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до «Бородина»,—это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаетъ осязаемо-ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не можетъ еще показать, чего отъ автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году была напечатана его поэма «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра не удовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда

и не знавалъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ею довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее—и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ «мужъ кровей», какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?... Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи: замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность,—то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились, и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ мучителю... Можетъ-быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во-время, слишкомъ рано явившійся Россіи,—пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ; можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія, вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ небесный, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ—«И всѣ пили, царя славили». Лишь только

одинъ изъ опричниковъ «Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ», и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго,—«Да не поднялъ глазъ молодой боецъ».

Царь стукнулъ объ полъ своею палкой, съ желѣзнымъ наконечникомъ—палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ:

Вотъ промолвилъ царь слово грозное,
И очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучки прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной?..»

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную—не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

Царь разспрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы—перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣевича дышитъ такою полнотой чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечесть его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца—молодушка, которая закрывается фатою, когда на нее любуются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебёдушка,
Смотритъ ласково — какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Въ семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
Отпусти меня въ степи приволжскія,

На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть—лава, ея горесть—тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника; какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ,—это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ сперва поклониться смышлёной свахѣ, а потомъ послать своей Аленѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

«Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».
«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ къ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника,—и тщетно испуганный слухъ его ждетъ, что скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту такъ трагически недоконченную картину, такъ странно прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это не наяву, что все это—только разсказъ пѣсельниковъ.

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненною тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагическою катастрофою, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича - не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не пріобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И

при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ—и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкомъ.

> Шелковые товары раскладываетъ,
> Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
> Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени: на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце—чуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что «молодому купцу, статному молодцу» задался недобрый день:

> Ходятъ мимо бояре богатые,
> Въ его лавочку не заглядываютъ.
> Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
> За Кремлемъ горитъ заря туманная,
> Набѣгаютъ тучки на небо—
> Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
> Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью «да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною», привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса

> И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
> Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался?—или душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?..

Пришедъ въ свой «высокій домъ», Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молодая жена ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью, и свѣчка передъ образомъ еле теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ «дѣвалась, затаилась» Алёна Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

> ...Къ вечернѣ пошла Алёна Дмитріевна;
> Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
> Засвѣтили свѣчку, сѣли ужинать,—
> А по сю пору твоя хозяюшка
> Изъ приходской церкви не вернулася.
> А дѣтки твои милыя
> Почивать не легли, не играть пошли—
> Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ, семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
И на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестпая!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ее такъ растрепаны и одежда изорвана.

Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ, затряслася Алёна Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она «не боится смерти лютыя, а боится его немилости»: въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена разсказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, «оглянулася—человѣкъ бѣжитъ»: этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славныя семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ,—подарочекъ мужа. Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу—не дать ее, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и разсказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ;

А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому;

говоритъ о своемъ намѣреніи—биться насмерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, нашъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя родного не выдадимъ!»

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно подчеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценой семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы; дѣйствующія лица и завязка дѣйствій уже рѣзко обозначились,—и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые;
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Въ небо чистое смотритъ улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася!
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы, «разгуляться для праздника, потѣшиться». Самъ царь пріѣхалъ съ дружиною, боярами и опричниками, и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 саженъ «для охотницкаго бою, одиночнаго». Потомъ царь велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщаясь «лишь потѣшить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого». Вдругъ раздалась толпа—и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, «чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было, чѣмъ похвастаться».

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И, услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Межъ сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно—ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама—нравственный законъ и свой неумолимый судъ!...

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила:

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? Съ невыразимою тоской повторите вы за поэтомъ жалкую мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу: мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было они своей виной...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова волей или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго

бойца. Вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной—и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местью врагу, не возвратившею его прежняго блаженства,—для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ—даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ—все или ничего, которые не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ, однако, причину своего мщенія:

А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь, и лишь проситъ царя «не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его». Въ отвѣтѣ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, выказывается колоссальный образъ Грознаго:

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти,
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью»...

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и величія царственной натуры, и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!.. Какая страшная трагедія! сама судьба въ лицѣ Грознаго присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!.. И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ большимъ правомъ представлять лицо судьбы, как Іоаннъ Грозный!

На площади собирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.

Онъ велѣлъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велить сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Въ крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безымянной могилкою.

И вотъ занавѣсъ опустился, и трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее опять стало прошедшимъ

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей
Столь полныхъ волею страстей?

Что?—могила, жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣетъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говоритъ преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стоитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой,—но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ: заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!.. Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ—понятное человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому да перемѣнится печаль ваша на радость и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкальный финалъ, которымъ по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляетъ онъ гусляровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте.
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому бояршну слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубокость идеи, которыми она запечатлѣна; что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силѣ выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія—эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы—пусть читаютъ и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ...

Содержаніе поэмы въ смыслѣ разсказа происшествія само по себѣ полно поэзіи; если бъ оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія—жизнію. Но тѣмъ не менѣе, онъ не существовалъ бы для насъ, нашли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или по какому-нибудь чуду сами были его свидѣтелемъ—оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко, вмѣсто ея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Поэма Лермонтова—созданіе мужественное, зрѣлое, и столько же художественное, сколько и народное. Но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ ней, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее передъ собою, какъ предметъ, и также по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, истинный художникъ,—и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она—художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи, послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора.

По внутреннему плану нашей статьи, мы должны были сперва

говорить о тѣхъ произведеніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто художественныя стихотворенія его заключитъ нашу статью. И если мы остановились на «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которую сами признаемъ художественною, то потому что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой «Пѣснѣ» онъ подделывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусляровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта «Пѣсня» представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностью и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобъ тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ только можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, властитель нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія—сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти простодушныя слова изъ «Гимна музамъ» древняго старца Гезіода: «Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своею горькою думою, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ,—въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его». Но эта сила поэзіи вообще сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственныя страданія, еще чуднѣе сказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтленными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ—вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность выростаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ

есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленія, «рефлексіи». *Вопросъ*—вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ,—вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца,—и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье—скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...

Ужасно! Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое въ своей молодости такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнью. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порыванiй и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе, лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть впослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами—вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни; общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни—благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ «Манфредѣ», «Каинѣ» и дру-

гихъ произведеніяхъ; Гёте особенно въ «Фаустѣ»; вся поэзія Шиллера по преимуществу *рефлектирующая*, размышляющая. Въ наше время едва ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ, и способность воспроизводить явленіе жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэмѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ.

Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностью, какъ она есть. Это и было причиною, почему менѣе гётевской художественная, но болѣе человѣчественная, гуманная поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ человѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
　　На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
　　Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
　　Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
　　Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
　　Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
　　Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
　　Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
　　Махающій мечомъ картоннымъ.

Въ талантѣ великомъ, избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ— о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова, и даже порадоваться, что ихъ

больше, чѣмъ чисто художественныхъ. По этому признаку мы узнаёмъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣческая личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы съ стихотвореніемъ «Дума», изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостью стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими, безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее «иль пусто, иль темно», что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанія* и сомнѣнія; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною* наукою. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: сомнѣнье—такъ; но излишества познанія и науки, хотя бы и «безплодной», мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бъ взамѣнъ утраченной жизни мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія—и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ выступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи—безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ;
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ, для насъ—поздній умъ: великая истина!

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,

Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью: они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ «сатирою» должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества,—то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!..

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи «Поэтъ». Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?.. Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ.
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ оиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ, на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гоголь называетъ въ Шиллерѣ

паөосомъ!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта,—и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли это характеристика поэта—характеристика благороднаго Шиллера?..

«Не вѣрь себѣ» есть стихотвореніе, составляющее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко, но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!..

Со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе», которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать.

Погибшій жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература впервые еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина—«Демонъ». Этотъ демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе—врагъ жизни! «Демонъ» Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страннаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?.. на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

Страненъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это похоронная пѣсня всей жизни! Кому незнакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ,—тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слушалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! Такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните «Героя нашего времени», вспомните Печорина— этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее и самого себя, не вѣритъ ни въ нее ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой—гонится за жизнью, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?.. на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?... Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для многихъ слишкомъ многознаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: мнѣ суждено судьбою
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою
Я никогда не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.

Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя;
И, какъ безумный, я и плачу и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!..

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ-быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любилось—любили; разлюбилось—не тужили; даже соединясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобы приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства, переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?... Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ... Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ многаго требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что, послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній, дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?... Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?... Можетъ-быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить, какъ живется?... Можетъ-быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?... Можетъ-быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непремѣнно должны дать ему то и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и унынію?... Или, можетъ-быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?... Можетъ-быть—чего не можетъ быть!...

«И скучно и грустно» изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! Имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди—дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшить сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышло и стихотво-

ренie «Въ минуту жизни трудную»—эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнью.

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе «Памяти А. И. О—го»: это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно-успокаивающее душу... И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиной заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной «Молитвы», въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, «теплой заступницѣ холоднаго міра», невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва—возлюбленная ли сердца, или милая сестра,—не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной—все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою «1-е января», читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце, словомъ—ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ—«стянутыхъ приличьемъ масокъ», когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются «давно безтрепетныя» руки многихъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же говоритъ онъ, шумъ людской толпы «спугнетъ мою мечту»,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

«Журналистъ, читатель и писатель» напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ «Разговоръ книгопро-

давца съ поэтомъ» Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы — верхъ совершенства: рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

«Ребенку»—это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!... Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестокія проклятья, а потомъ, можетъ-быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки;
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Чтò имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія?—спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ — дитя не учила ли *она* его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?... Она проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: «было ли это?»; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: «возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?» Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэти-

ческую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ: новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ будто коротко знакомое намъ по опыту,—и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите «Сосѣда» Лермонтова—и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется,что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣсни его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю: но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой, эти унылые мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою; эти слезы, льющіяся одна за другой, какъ звукъ за звукомъ,—сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эѳиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшійся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: «Когда волнуется желтѣющая нива». «Разстались мы, но твой портретъ», и «Отчего»,—и грустно, болѣзненно въ пьесѣ «Благодарность». Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждая изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслію!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!... И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной «благодарности», въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей, какъ масло для лампады!... Это утомленное чувствомъ сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ итти стихотвореніе Лермонтова, «Завѣщаніе»: это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее—все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ, какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться,—все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка—она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца—пусть поплачетъ: вѣдь это ей нипочемъ! Страшно!... Но поэзія—сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія усиливается диссонансомъ, въ духѣ—блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства сухостью чувства, любовь ненавистью, сильная жизненность отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ заживо, тотъ и не встанетъ... Жалѣйте поэта, или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственныя раны; но не отчаивайтесь ни за поэта ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ вёдро, безотрадность—надежда...

Два перевода изъ Байрона—«Еврейская мелодія» и «Въ альбомъ»—тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

«Вѣтка Палестины» и «Тучи» составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе «полнаго славы творенья». Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Вторая пьеса «Тучи» полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

«Русалкою» начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ русской поэзіи. «Три пальмы» дышатъ знойною природой востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается,—и онъ поступилъ съ нею, какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціей. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ «Восточное сказаніе»; иначе она была бы дѣтскою мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формы и яркій блескъ восточныхъ красокъ—сливаютъ въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: эта картина Брюллова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее.

«Дары Терека» есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности и выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ-море, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ—безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

...Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхался, всплыла.
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такія стихотворенія, какъ «Русалка», «Три пальмы» и «Дары Терека», можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна «Казачья колыбельная пѣсня». Ея идея—мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать—казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что есть святого, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышитъ любовь матери,—все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ, прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описаніе; какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

«Воздушный корабль» не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней.—Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ стихотвореніи «Горныя вершины», въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова «Мцыри». Плѣнный мальчикъ-черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать, монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ—и ушелъ.

«Давнымъ давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..»

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственною мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношескою незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпать передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи,—то не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного посредственнаго либретто даетъ геніальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно кто-то, резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его «Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» произведеніемъ дѣтскимъ, а «Мцыри»—произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ «Мцыри», и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo—«Мцыри» зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или сообразоваться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи «Мцыри»,—подробности изложенія этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у грома, гулъ у вѣтровъ,—что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того отягощенъ обременительною полнотой внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслью, чтобы только освободиться отъ нихъ,—и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ «Шильонскомъ узникѣ», звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! Тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли, и отчаяніе, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ Мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головой

уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ-будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиной! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ—«Кавказскаго плѣнника», и одна изъ послѣднихъ его поэмъ—«Галубъ»—тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое «Горе отъ ума»; дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновила его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе апатическаго ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ—этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ—и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиной, пламенно любимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнассъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило «Горе отъ ума»: мы говоримъ о «Демонѣ». Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль «Мцыри», и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостью, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставитъ ее несравненно выше «Мцыри» и превосходитъ все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напримѣръ, въ «Дарахъ Терека», гдѣ «сердитый потокъ» описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

Но красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

Осѣдлалъ онъ вороного
И въ горахъ въ ночномъ бою
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти; или что онъ еще не знаетъ

о погибели своей возлюбленной, и потому не тужит о ней, готовясь в бой. Такая неопредѣленность вредит художественности, которая именно в том и состоит, что говорит образами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную в них мысль. Можно найти в книгѣ Лермонтова пять-шесть неточных выраженій, подобных тому, которым оканчивается его превосходная пьеса «Поэт»:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророк,
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

«Ржавчина презрѣнья»—выраженіе неточное и слишком сбивающееся на аллегорію. Каждое слово в поэтическом произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго произведенія, чтобы видно было, что нѣт в языкѣ другого слова, которое тут могло бы замѣнить его. Пушкин и в этом отношеніи величайшій образец; во всѣх томах его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говорим не больше, как о пяти или шести пятнышках в книгѣ Лермонтова: все остальное в ней удивляет силою и тонкостью художественнаго такта, полновластным обладаніем совершенно покореннаго языка, истинно Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взгляд на стихотворенія Лермонтова, мы видим в них всѣ силы, всѣ элементы, из которых слагается жизнь и поэзія. В этой глубокой натурѣ, в этом мощном духѣ все живет: им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он всевластный обладатель царства явленій жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русскій в душѣ—в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним міром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалоб, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзких желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, как звук за звуком, льющіяся в полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепет разлуки, радость свиданья, чувство матери, презрѣніе к прозѣ жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стон отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицанія, холод сомнѣнія, борьба полноты чувства с разрушающею силой рефлексіи, падшій дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дѣва—все, все в поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и ад... Но глубинѣ мысли, роскоши поэтических образов, увле-

кательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорятъ о нихъ всѣ. Даже восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуетъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобы преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* риѳмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ «лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи», такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его—за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (нешуточнаго) примиренія

всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ... *Бѣлинскій.*

Природа, какъ источникъ поэтическихъ вдохновеній Лермонтова.

Къ природѣ обращается Лермонтовъ въ своихъ поэтическихъ созерцаніяхъ очень часто, но онъ живописуетъ ея красоты не столько ради ихъ эстетической цѣнности, сколько для того, чтобы при ихъ помощи, путемъ сопоставленія, выразить свое собственное душевное настроеніе. Подобно Пушкину, Лермонтовъ любилъ въ особенности природу Кавказа и во многихъ своихъ произведеніяхъ далъ дивныя картины этого края. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Лермонтова, посвященныя природѣ, представляютъ собою удивительное сочетаніе картинъ природы съ жизнью и чувствами человѣческой души. Таковы, напримѣръ, «Утесъ», «Тучки».

Есть извѣстіе, что послѣднее стихотвореніе набросано было Лермонтовымъ въ домѣ Карамзиныхъ, передъ самымъ моментомъ отъѣзда его на Кавказъ, послѣ дуэли съ Барантомъ, въ 1840 году, когда лошади стояли уже у подъѣзда.

Сюда же относятся не менѣе извѣстныя полупереводныя «Изъ Гете» (Соч. 11, 288) и «Сосна» (Соч. 11, 289).

Въ этихъ двухъ стихотвореніяхъ гармонія содержанія и формы столь совершенна, что ихъ нужно поставить не только по внѣшнему выраженію, но и по мысли, по проникающему ихъ настроенію въ разрядъ самостоятельныхъ поэтическихъ твореній Лермонтова, а выполненіе такихъ переводовъ вызываетъ еще большее удивленіе таланту Лермонтова, чѣмъ его самостоятельныя произведенія этого рода, такъ какъ тутъ ему приходилось считаться не только съ самимъ собой, но и съ поэтической индивидуальностью авторовъ другой національности. Къ природѣ подходилъ Лермонтовъ не съ одной только мыслью найти въ ней символы для своихъ поэтическихъ созерцаній и душевныхъ переживаній или для добыванія яркихъ красокъ на свою артистическую палитру; онъ обращался къ природѣ такъ же, какъ и къ живому началу, ища въ ней отвѣта на тревожные вопросы своего духа или сочувствія себѣ въ минуты особенно остраго ощущенія одиночества и сердечной тоски.

Отвѣтъ на эти обращенія, конечно, всецѣло зависѣлъ отъ самого поэта. То природа, особенно въ своихъ мирныхъ краскахъ, навѣвала на его душу успокоеніе («Когда волнуется желтѣющая нива»), то, съ другой стороны, въ обстановкѣ болѣе таинственной, она напоминаетъ ему не только говоръ звѣздъ, но и холодъ могилы («Выхожу одинъ я на дорогу»).

Послѣднее четверостишіе этого стихотворенія:

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной, чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ,

такъ и просится на сравненіе съ двумя послѣдними строфами знаменитыхъ «Стансовъ» Пушкина: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»... Такъ поэтъ, не думая лично о себѣ, любовно мыслилъ только о «миломъ предѣлѣ» (родинѣ) и о «младой жизни» (новомъ поколѣніи), которая будетъ играть у его гробового входа при вѣчномъ свѣтѣ «равнодушной природы», а Лермонтовъ сосредоточилъ все вниманіе на себѣ, желая и въ могилу унести утѣхи земной жизни—любовь и красоту.

Наконецъ, независимо отъ поэтическихъ или душевно-личныхъ цѣлей, Лермонтовъ обращался къ природѣ и цѣнилъ ее какъ живительное начало, вѣчно обновляющееся и потому никогда не умирающее, при этомъ щедрое своими дарами и часто беззащитное противъ насилія грубой человѣческой руки: таково великолѣпное стихотвореніе «Три пальмы», внѣшнія поэтическія красоты котораго, роскошь описательной фантазіи и музыка стиха такъ очаровываютъ читателя, что онъ почти забываетъ о внутренней идеѣ этой удивительной баллады, а идея эта—тоска поэта по внутренней гармоніи міра, въ которомъ онъ видѣлъ, главнымъ образомъ, разъединеніе между человѣкомъ и природой, отсутствіе ихъ взаимной духовной связи.

Пѣтуховъ.

Природа, какъ источникъ религіозныхъ чувствованій Лермонтова.

Религіозно-чуткія души видятъ и чувствуютъ Творца вселенной во всемъ, чего коснулось дыханіе Божіе. Отъ начала созданія міра люди наиболѣе явственно видѣли Бога въ природѣ. И чѣмъ человѣкъ по своей душѣ ближе къ Богу, роднѣе Ему, тѣмъ онъ отчетливѣе читаетъ и понимаетъ книгу природы. Истинные поэты во всѣ времена являлись лучшими истолкователями этой поучительной книги.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье;
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Эти прелестныя строки, посвященныя Баратынскимъ Гёте, могутъ быть отнесены въ той или другой мѣрѣ любому поэту. Изъ нихъ самое первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ нашему Лермонтову.

Чувство природы стало проявляться въ немъ еще въ дѣтскіе годы. Въ неоконченной повѣсти, имѣющей автобіографическое зна-

ченіе, Лермонтовъ говоритъ про своего героя Арбенина: «Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку».

Вотъ что читаемъ мы въ одной замѣткѣ Лермонтова, относящейся къ 1830 году: «Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ въ грозу ѣхалъ куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя, въ видѣ рыцарей съ шлемами, тѣснились вокругъ нея, будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства».

Самое первое стихотвореніе Лермонтова, написанное имъ въ 14-лѣтнемъ возрастѣ, посвящено описанію осени. Вотъ это стихотвореніе:

Листья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся и летятъ;
Лишь въ бору, поникши, ели
Зелень мрачную хранятъ.
Подъ нависшею скалою
Ужъ не любитъ, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный поневолѣ
Скрыться гдѣ-нибудь спѣшитъ;
Ночью мѣсяцъ тускль, и поле
Сквозь туманъ лишь серебритъ.

Въ юношескомъ и болѣе зрѣломъ возрастѣ интересъ и любовь Лермонтова къ природѣ не только не уменьшилась, а, напротивъ, возрастали все болѣе и болѣе, принимая особый, чисто Лермонтовскій отпечатокъ, котораго мы не находимъ у другихъ поэтовъ: «Чувство природы у Лермонтова,—справедливо говоритъ Саводникъ,—было органически связано со всѣмъ строемъ его душевной жизни, со всѣмъ складомъ его характера и міросозерцанія; оно входило въ его внутренній міръ, какъ необходимый элементъ, какъ опредѣленная величина въ сложной функціи его душевной жизни... Поэтому изученіе различныхъ проявленій чувства природы въ поэзіи Лермонтова даетъ чрезвычайно важный матеріалъ для уразумѣнія всего его духовнаго облика и бросаетъ яркій свѣтъ на многія стороны его поэтическаго творчества»[1]).

Какъ натура глубоко-религіозная, Лермонтовъ не только любовался красотами природы, но и чувствовалъ въ ней присутствіе Бога. Въ тихую ночь, когда «въ небесахъ торжественно и чудно», и «спитъ земля въ сіяньи голубомъ», онъ слышитъ, какъ «пустыня внемлетъ Богу, и звѣзда съ звѣздою говоритъ».

А какимъ торжественнымъ аккордомъ звучатъ послѣдніе стихи его знаменитаго и, можно сказать, безпримѣрнаго по глубинѣ мысли, силѣ чувства и красотѣ формы, стихотворенія «Когда волнуется желтѣющая нива».

[1]) *Саводникъ В. О.* Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. Москва. 1911 г.

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Такимъ образомъ созерцаніе природы для Лермонтова равносильно молитвѣ. То и другое приводитъ его къ духовному умиротворенію, религіозному умиленію и восторженному настроенію, счастью.

Понятнымъ дѣлается, почему Лермонтовскій пророкъ, гонимый «ближними», удаляется въ пустыню: здѣсь въ общеніи съ природой онъ находилъ для себя то, чего не встрѣтилъ среди холодныхъ, самомнѣнныхъ людей.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Людямъ, толкаемымъ и увлекаемымъ страстями къ враждѣ, злобѣ и ненависти, Лермонтовъ ставитъ въ примѣръ природу, для всѣхъ одинаково благодушпою и любвеобильную.

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Невольно припоминается кроткій, исполненный любви къ людямъ, призывъ Спасителя наблюдать надъ солнцемъ, восходящимъ надъ злыми и добрыми, и дождемъ, льющимся для праведныхъ и неправедныхъ.

Съ глубокой скорбью повѣствуетъ поэтъ о тупой, безсмысленной жестокости, которую человѣкъ проявляетъ иногда къ матери-природѣ. Читая печальную повѣсть о трехъ пальмахъ, загубленныхъ людьми, которымъ онѣ дали пріютъ, какъ-то невольно чувствуешь всю ту душевную боль, которую переживалъ поэтъ, изображая трагическій конецъ гостепріимныхъ красавицъ песчаныхъ степей аравійской земли.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій.
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Критики и біографы Лермонтова, желающіе видѣть въ немъ гордаго и озлобленнаго человѣка, обыкновенно ссылаются на то, что поэтъ очень любитъ изображать людскую черствость, безсердечіе и жестокость.

Но если бы подобные толкователи Лермонтова поглубже вникли въ дѣло, тогда они увидѣли бы, что любовь Лермонтова къ изображенію человѣческаго бездушія и тупого самодовольства вытекаетъ не изъ человѣконенавистническихъ побужденій, а изъ самаго чистаго Божественнаго источника, изъ котораго почерпали и почерпаютъ свое вдохновеніе всѣ избранники Божіи и истинные друзья человѣчества. Такимъ источникомъ является любовь и чистая правда, провозглашать которую людямъ сталъ и пророкъ Лермонтова, получивши отъ Бога даръ всевѣдѣнія.

И чѣмъ сильнѣе горитъ сердце избранника Неба любовью и правдой, тѣмъ грознѣе и безпощаднѣе гремитъ его вдохновенное слово противъ всѣхъ гасителей Духа Божія. Кроткій и снисходительный къ падшимъ, Христосъ былъ неумолимо строгъ и грозенъ къ лживымъ и лицемѣрнымъ фарисеямъ и книжникамъ. «Порожденія ехидны», «безумные и слѣпые вожди», «сыны дьявола», «окрашенные гробы, полные червей», «сообщники убійцъ пророковъ», «хищники и грабители вдовъ и сиротъ»—вотъ названія, которыя Христосъ даетъ этимъ ненавистникамъ добра и правды.

Лермонтовъ, бичуя огненнымъ глаголомъ «наперсниковъ разврата», «свободы, генія и славы палачей», проявляетъ самую трогательную нѣжность ко всему великому, чистому, доброму и прекрасному. Мы знаемъ, какою задушевностью звучатъ его стихи, посвященные матери и ребенку. Извѣстна та безпредѣльная любовь, которой согрѣто каждое слово, посвященное имъ Пушкину.

Холодный, озлобленный богоборецъ, какимъ стараются представить Лермонтова пицписанцы, органически не въ состояніи былъ бы переживать нѣжныя чувства... Только богоносная, любвеобильная душа способна приходить въ умиленіе и восторгъ отъ истинно прекраснаго и великаго.

Рождественскій.

Благотворное воздѣйствіе природы на мятежную душу человѣка.

Лермонтовъ,—по удачному сравненію Саводника,—какъ Антей, касаясь земли, чувствовалъ приливъ новыхъ силъ и подъема вѣры [1]). Въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ поэтъ все говоритъ, что тяжело ему жить среди людей: они «безжалостны», у нихъ «каменныя сердца» (I, 68). Жизнь скучна, горька, и единственное «благо»—ничтожество (I, 74). И дружба, и любовь отягчены цѣпями приличій, и со смѣхомъ проливается братская кровь (I, 133). Бремя жизни стало еще тягостнѣе, когда юноша возмужалъ и ближе узналъ ее. Онъ ищетъ уединенія, отдохновенія и съ открытою душою идетъ на зовъ природы. Въ дружескомъ посланіи, подъ живымъ ея обаяніемъ, онъ пишетъ: «Для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ черту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣ-

[1]) Саводникъ. „Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева". М. 1911 г., 127.

лую жизнь» (IV, 330). Сколько бодрости, жизнерадостности въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ! Тѣмъ же настроеніемъ проникнуты слѣдующія строки изъ «Героя нашего времени»: «Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы... Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ» (IV, 172). Развитію чувства природы въ Лермонтовѣ способствовали литературныя вліянія; напримѣръ, вліяніе Руссо, Шатобріана и Гейне, съ произведеніями которыхъ онъ былъ знакомъ. Пророкъ Лермонтова на людяхъ бывалъ угрюмъ и блѣденъ, а въ пустынѣ обрѣталъ душевный покой.

Въ Толстомъ, предпочитавшемъ жизнь, близкую къ природѣ, шумной, суетливой городской жизни, чувство природы развилось подъ вліяніемъ Руссо. Уже на закатѣ жизни великій писатель говорилъ французскому профессору Буайэ: «Я прочелъ всего Руссо, всѣ двадцать томовъ, включая «Словарь музыки». Я болѣе, чѣмъ восхищался имъ,—я боготворилъ его. Въ 15 лѣтъ я носилъ на шеѣ медальонъ съ его портретомъ вмѣсто натѣльнаго креста. Многія страницы его такъ близки мнѣ, что мнѣ кажется, я ихъ написалъ самъ». (Бирюковъ, I, 279; см. еще—148.) Извѣстное вліяніе долженъ былъ оказать на него и Лермонтовъ съ его скептическимъ отношеніемъ къ культурѣ и гимнами природѣ. Самъ Толстой чувствовалъ внутреннее свое родство съ Лермонтовымъ; интересно привести его мнѣніе о Лермонтовѣ, высказанное въ 1883 году: «Вотъ кого жаль, что́ рано такъ умеръ! Какія силы были у этого человѣка! Что бы сдѣлать онъ могъ! Онъ началъ сразу, какъ власть имѣющій. У него нѣтъ шуточекъ,—презрительно и съ удареніемъ сказалъ Толстой:—шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словомъ человѣка, власть имѣющаго.

— Тургеневъ — литераторъ, — дальше говорилъ Толстой; — Пушкинъ былъ тоже имъ, Гончаровъ—еще больше литераторъ, чѣмъ Тургеневъ; *Лермонтовъ и я—не литераторы*». (Русановъ. «Поѣздка въ Ясную Поляну».—Толстовскій ежегодникъ. 1912 г., М., 69.) «Изъ русскихъ писателей,—говоритъ Сергѣенко,—на Л. Н. Толстого имѣлъ *наибольшее вліяніе Лермонтовъ. Онъ до сихъ поръ горячо относится къ нему*[1]), дорожа въ немъ тѣмъ свойствомъ, которое онъ называетъ *исканіемъ*[1]). Безъ этого свойства Л. Н. считаетъ талантъ писателя неполнымъ и какъ бы съ изъяномъ». (Сергѣенко. «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой». М., 1908 г., 51.) Въ число авторовъ, оказавшихъ вліяніе на Толстого въ его юности (отъ 14—21 года), самъ Толстой ставитъ Лермонтова (Герой нашего времени. Тамань). Степень вліянія—*«очень большое»*. (Бирюковъ, I, 148.)

Андрей Болконскій и Пьеръ Безуховъ, которыхъ Толстой на-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ Сергѣенка.

дѣлилъ многими чертами личнаго «я», поддаются, какъ лермонтовскіе герои, обаянію природы. Князь Андрей, глядя на зазеленѣвшій дубъ, на красоту и сіяніе природы, соглашается въ душѣ, что можно жить, что въ 31 годъ жизнь еще не кончена (V, 127). Пьеръ, любуясь звѣзднымъ небомъ, забываетъ, какъ низко все земное (V, 299, 300).

У Лермонтова и Толстого любовь къ природѣ сливается съ религіознымъ чувствомъ. Въ стихотвореніяхъ «Когда волнуется желтѣющая нива» и «Выхожу одинъ я на дорогу»—молитвенный экстазъ. Созерцая одинъ красоту природы, Лермонтовъ во всемъ чуетъ присутствіе Божества. Тамъ, гдѣ нѣтъ человѣка, враждебно относящагося къ природѣ, она хороша, какъ «*Божій* садъ» (II, 316); на небѣ и на землѣ тихо, «какъ въ сердце человѣка въ минуту утренней *молитвы*» (IV, 172); «воздухъ тамъ чистъ, какъ *молитва* ребенка» (I, 106) [2]). Степь и небо—*храмъ*, курганъ—*алтарь* (I, 89); звѣзды—«*ангеловъ* вечернія лампады» (II, 158); роса блистаетъ, какъ *райскій* жемчугъ (II, 65) [3]). Особенно близки душѣ поэта горы: «*Вы къ небу меня пріучили*, и я съ той поры все мечтаю *о васъ да о небѣ*» (I, 105). Онѣ—*престолы*, а облака, плавающія надъ ними,—*онміамъ* (I, 105; II, 20, 313). Какъ трогательно обращеніе поэта къ Казбеку:

Сердца *тихаго* моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы. (II, 213) [1]).

Природа немолчно славитъ Творца (I, 139; II, 317); «пустыня внемлетъ *Богу*» (II, 347); ангелъ молился за душу грѣшницы,

и мнилось—
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась. (II, 398).

Герои Лермонтова страстно любятъ природу и испытываютъ на себѣ ея умиротворяющее вліяніе. Измаилъ-Бей заплакалъ, увидѣвъ родимыя горы послѣ долгой разлуки:

Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья;
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ! (II, 30).

Онъ еще ребенкомъ любилъ ее, и съ годами

Не измѣнилось только это въ немъ! (II, 83).

Такъ же любятъ природу—русскій офицеръ, врагъ Измаила-Бея (II, 55), Вадимъ (IV, 24). Мцыри передъ смертью признавался, что безъ трехъ «блаженныхъ дней», проведенныхъ въ лѣсной трущобѣ, его жизнь

Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости... (II, 315).

[1]) Ср. IV, 204.
[2]) Ср. II, 316, ст. 291; 361, ст. 356.
[3]) Ср. стихотвореніе „Крестъ на скалѣ“ (I, 128, 129).

Эгоистическая душа Печорина смягчалась при видѣ красотъ природы, и не было женскаго взора, котораго бы онъ не забылъ при созерцаніи ихъ (IV, 220; ср. 204); отправляясь на дуэль, т.-е. идя навстрѣчу смерти, онъ «въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде», любилъ природу (IV, 256). Саша Арбенинъ съ шести лѣтъ испытывалъ «непонятно-сладостное чувство», любуясь закатомъ или мѣсяцемъ, заглядывавшимъ въ его кроватку; бѣдному ребенку въ эти минуты «хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ» (IV, 299).

Небо приковываетъ къ себѣ взоры героевъ Лермонтова и Толстого. Мцыри разсказываетъ:

Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ... (II, 317).

Такъ любуется небомъ Нехлюдовъ: «Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденіемъ,— мысль, что любовь и добро есть истина и счастіе, и одна истина и одно возможное счастіе въ мірѣ» (III, 38). Оленинъ, очарованный лѣснымъ уютомъ и тишиной, ни о чемъ не думалъ и ничего не желалъ. «И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастія и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, *сталъ креститься и благодарить кого-то*» (II, 85).

Переживанія этихъ героевъ—переживанія самихъ авторовъ. Природа восхищала Лермонтова и Толстого своей гармоніей, избыткомъ своихъ силъ. Ея торжественная тишина и величіе напоминало имъ о Богѣ. Ея красота притягивала, плѣняла ихъ, какъ художниковъ. Блескъ неба, причудливые узоры облаковъ, мерцанье звѣздъ, яркіе цвѣты, окропленные росой, пѣніе птицъ, шумъ листвы, говоръ волнъ—все сливалось для нихъ въ мощную, чудесную симфонію красокъ и звуковъ, разгоняло гнетущія мысли, смягчало боль душевныхъ ранъ, разглаживало на челѣ морщины, навѣвало радужныя мечты... И понятно, что вторженіе человѣка-хищника въ мирную жизнь природы являлось страшнымъ диссонансомъ и вызывало со стороны Лермонтова и Толстого благородное негодованіе.

Семеновъ.

Родина и Лермонтовъ.

Какъ поэтъ съ мягкой любящей душой, Лермонтовъ отличался поразительною любовью къ родинѣ, которую онъ, по собственному его признанію, любилъ странною любовью, надъ которой не властенъ разсудокъ:

Но я люблю—за что, не знаю самъ...
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая по ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Въ этихъ стихахъ Лермонтова мы видимъ рѣдкое у него совпаденіе чувства природы съ чувствомъ родины,—той инстинктивной, кровной, сыновней привязанности къ родной землѣ, которая крѣпче и устойчивѣе всякаго сознательнаго патріотизма, именно благодаря своей непосредственной органичности.

У Лермонтова любовь къ родинѣ не была только органической, инстинктивной. Какъ и у другихъ великихъ писателей, напримѣръ, у Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя и др., она углублялась и расширялась вѣрой въ богатыя, свѣжія силы русскаго народа и его свѣтлое будущее. Для Лермонтова Россія это то же, что «сказочный Еруслaнъ Лазаревичъ, который сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжкаго сна и всталъ и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать»...

Лермонтовъ былъ искренно убѣжденъ, что Западъ уступитъ первенствующее мѣсто Россіи. Во второй части стихотворенія «Умирающій гладіаторъ» онъ обращается къ европейскому міру съ такими знаменательными словами:

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ,—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!..

Какъ видимъ, по своимъ взглядамъ Лермонтовъ близко подходилъ къ славянофиламъ; и это совершенно правильно подмѣтилъ критикъ Спасовичъ, съ неудовольствіемъ указавшій на склонность Лермонтова къ національному, на привязанность его къ «родной почвѣ со множествомъ корней».

Подобно Грибоѣдову, Лермонтовъ крайне негодовалъ на рус-

скую интеллигенцію за ея привязанность ко всему иностранному. Онъ часто говорилъ А. А. Краевскому: «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное въ общечеловѣческое. Зачѣмъ намъ все тянуться за Европою?»

Съ нескрываемымъ возмущеніемъ поэтъ восклицаетъ:

И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?.. Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служитъ,
Слабѣйшихъ давитъ, бьютъ его—не тужитъ!
Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный—каждый нихъ сапожникъ!

Изученіе прошлаго Россіи являлось для Лермонтова духовной потребностью: въ родной исторіи онъ находилъ много не только интереснаго, но и поучительнаго, такъ какъ «наша степь святая» имѣетъ «славные памятники». Ему было жаль, что «родовъ, обычаевъ боярскихъ теперь и слѣду не ищи», что «забыто право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества».

Съ большимъ увлеченіемъ Лермонтовъ изучалъ и русскую народную поэзію. Насколько глубоко Лермонтовъ постигалъ прошлое Россіи, духъ народной поэзіи, мы видимъ изъ его «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». По безсмертнымъ словамъ Бѣлинскаго, Лермонтовъ чрезъ свою «Пѣсню» вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ: «Онъ доказалъ этимъ богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ,—и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь—въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она—художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному».

Вспоминая послѣднія бесѣды съ Лермонтовымъ, Бѣлинскій писалъ: «Уже кипучая натура его начала устанвиться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, и орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи». Какое колоссальное твореніе могъ дать Лермонтовъ, если бы ему удалось осуществить свои мечты, мы можемъ судить по его стихотворенію «Бородино». Только Пушкинъ и Л.

Толстой могутъ соперничать съ Лермонтовымъ въ пониманіи русскаго народнаго духа. Только въ ихъ поэтическихъ произведеніяхъ русскій народъ встаетъ передъ нами въ той разительной правдѣ или точнѣе сверхправдѣ, съ которой изображенъ онъ въ «Бородинѣ». Читая это стихотвореніе, не знаешь, чему больше удивляться и чѣмъ восхищаться—геніальной ли способностью поэта переноситься во внутренній міръ родного народа или его чудодѣйственнымъ даромъ облекать свое творчество въ неподражаемую по чарующей простотѣ и красотѣ художественную форму.

Рождествинъ.

„Бородино".

«Валерикъ»—одна сторона эпопеи Толстого, предсказанная Лермонтовымъ, «Бородино»—другая.

Еще въ 1830 г. Лермонтовымъ было написано стихотвореніе «Поле Бородина»; черезъ семь лѣтъ эта юношеская, напыщенная ода чарами поэзіи была превращена въ знаменитое «Бородино». «Весьма можетъ статься, что поэтъ въ кавказскихъ «Суворовскимъ» духомъ проникнутыхъ войскахъ и подслушалъ разговоръ стараго солдата, очевидца Бородинской битвы, съ рекрутомъ и, по обычаю своему, все, что писалъ, бравъ изъ жизни, облекъ свое стихотвореніе въ форму діалога между старикомъ солдатомъ и рекрутомъ».

Комендантъ Бѣлогорской крѣпости, ветеранъ изъ «Бородина», Максимъ Максимычъ, капитанъ Хлоповъ, Каратаевъ—незабвенные, родственные между собою, типы русскаго воина, русскаго благодушнаго человѣка. «Между маленькимъ Печоринымъ и большимъ Максимомъ Максимычемъ, какъ двумя полярными точками, колеблется все творчество нашего поэта. И побѣдилъ Максимъ Максимычъ. Въ общемъ смиреніи Пушкина и Лермонтова есть та высшая внутренняя дѣйственность, которую прославилъ Толстой въ Платонѣ Каратаевѣ»... Еще Боденштедтъ подмѣтилъ, что Лермонтовъ выше всего тамъ, гдѣ наиболѣе народенъ. Въ Лермонтовѣ была стихійная любовь къ русскому человѣку. Смутное, но могучее тяготѣніе къ русскому народу сказалось въ искреннихъ словахъ юноши-поэта: «Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская,—я не слыхалъ сказокъ народныхъ» (IV, 350, 351). Оно сказалось въ его глубоко-вѣрномъ, замѣчательномъ самоопредѣленіи:

> Нѣтъ, я не Байронъ: я другой,
> Еще невѣдомый избранникъ,—
> Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
> Но только съ русскою душой. (I, 300).

Оно сказалось въ созданіи Калашникова, въ которомъ таится столько духовной мощи, смиренія, любви къ семьѣ и готовности постоять за правду «до послѣднева»; она сказалась въ созданіи выпуклой фигуры милаго Максима Максимыча, этой золотой души; казачки, воспитывающей для трудной боевой жизни новаго бога-

тыря; въ созданіи трогательной картины смерти капитана, окруженнаго сѣдыми усачами, съ запыленныхъ рѣсницъ которыхъ капаютъ слезы. Поэту дорогъ этотъ ярославскій мужикъ, «безпечный русакъ»,который не слѣзъ съ облучка на такомъ опасномъ мѣстѣ горной дороги, гдѣ даже привычный туземецъ шелъ, осторожно ведя коренную (IV, 173); ему любо смотрѣть до полночи:

На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ. (II, 330).

Ему до боли жаль этихъ мужичковъ, угнетаемыхъ помѣщиками («Странный человѣкъ»).

Въ «Бородино» поэтъ вложилъ всю свою любовь къ русскому народу, всю вѣру въ его скрытыя могучія силы. Его ветеранъ 12-го года—не хвастунъ, не балагуръ; передъ нами человѣкъ, видавшій виды, но степенный. Ему присущи высокія качества нашего солдата—любовь къ отчизнѣ, крѣпкая вѣра въ Бога, отвага, преданность своему вождю, готовность всего себя отдать для блага другихъ; онъ шутитъ передъ самымъ боемъ, выказывая этимъ избытокъ бодрости, спокойную увѣренность въ своихъ силахъ; онъ наблюдателенъ, словоохотливъ; онъ пересыпаетъ разсказъ мѣткими простонародными выраженіями: «у нашихъ ушки на макушкѣ», «ломить стѣною», «постой-ка, братъ, мусью», «пу-жъ былъ денекъ». Этимъ напоминаетъ онъ Каратаева, который такъ любилъ употреблять пословицы и поговорки; ласковостью же, трезвымъ умомъ, смиреніемъ Каратаевъ похожъ на Максима Максимыча; Толстой говоритъ, что Платонъ Каратаевъ—«олицетвореніе всего русскаго, добраго и круглаго» (VII, 40); это было бы приложимо и къ Максиму Максимычу. Лермонтовскій ветеранъ покоренъ волѣ Бога:

Не будь на то Господня воля... (II, 204).
Когда бъ на то не Божья воля... (II, 207).

По наблюденіямъ Толстого, въ русской арміи «чаще другихъ встрѣчающійся типъ,—типъ болѣе милый, симпатичный и, большею частью, соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями: кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей» (II, 232). Каратаевъ, какъ доказываетъ Овсянико-Куликовскій, солдатъ по службѣ, но «психологически совсѣмъ не солдатъ». Зато лермонтовскій участникъ Бородинской битвы—настоящій солдатъ. Готовность лечь костьми за родину («Ужъ постоимъ мы головою за родину свою!»), за святую Москву («Не будь на то Господня воля, не отдали бъ Москвы!», «Умереть мы обѣщали...») [1]), восхищеніе своимъ начальникомъ («Рожденъ былъ хватомъ: слуга царю, отецъ солдатамъ...»), любовь къ нему («Да, жаль его...»), къ своимъ товарищамъ («Тогда считать мы стали раны, товарищей

[1]) Самъ поэтъ очень любилъ Москву, свою родину:

Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій,— сильно, пламенно и нѣжно! (II, 145).

считать...») [2]), нетерпѣливое ожиданіе рѣшительнаго боя («Досадно было, боя ждали, ворчали старики...», «Два дня мы были въ перестрѣлкѣ. Что толку въ этакой бездѣлкѣ?»), отвага и задоръ («Постой-ка, братъ, мусью! Что тутъ хитрить?—Пожалуй къ бою...»), упоеніе битвой («Вамъ не видать такихъ сраженій!...», «Русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой!»), полупрезрительное отношеніе къ новому поколѣнію («Да, были люди въ наше время, не то, что нынѣшнее племя: богатыри,—не вы!») [1]),—всѣ эти черты присущи именно солдату. Въ такихъ выраженіяхъ, какъ—«Есть разгуляться гдѣ на волѣ!», «Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною», «Русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой!»—проявляется широкая натура русскаго простого человѣка. Лермонтовъ и Толстой останавливаются на изображеніи борьбы Россіи съ наполеоновскими полчищами потому, что это тотъ моментъ русской исторіи, въ которой нашъ народъ ярко выразилъ свою скрытую внутреннюю силу, единодушіе; на первомъ планѣ у обоихъ художниковъ не отдѣльныя личности, герои, а цѣлый народъ, народная масса; потому-то лермонтовскій ветеранъ и говоритъ отъ перваго лица множественнаго числа: «*Мы* долго молча отступали», «Два дня *мы* были въ перестрѣлкѣ», «*Мы* ждали третій день», «Умереть *мы* обѣщали» и проч.; въ этомъ видна и могучая сплоченность народа, и кротость разсказчика, который только однажды говоритъ лично отъ себя:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга! (II, 205).

Отдавая должную дань положительнымъ качествамъ родного народа, Лермонтовъ и Толстой, какъ истинные художники, *сумѣли избѣгнуть шовинизма;* каждое ихъ слово согрѣто теплой, искренней любовью къ своему народу; въ отношеніи къ врагу русскій солдатъ не проявляетъ непримиримой злобы, презрѣнія или бахвальства. Въ словахъ—«Постой-ка, братъ, мусью!»—добродушная шутка. Въ словахъ—«Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало, что значитъ русскій бой удалый»—справедливая оцѣнка дѣятельности общихъ усилій, сознаніе собственныхъ силъ, гордость,—но все въ умѣренной степени. Разсказчикъ даже какъ бы любуется, какъ знатокъ, стройностью и картинностью французскихъ войскъ:

Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ. (II, 206).

Москву пришлось отдать непріятелю, но это—«Господня воля», и русскій солдатъ не питаетъ къ французамъ націоналистической ненависти; эту черту подмѣчаетъ въ нашемъ солдатѣ и Толстой;

[1]) Ср.: Товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли. (II, 304).

[2]) Ср. Пушкинъ: Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды. („Гусаръ“).

въ «Севастопольскихъ разсказахъ» и «Войнѣ и мирѣ» онъ рисуетъ свѣтлыя картины перемирія, во время котораго русскіе низшіе чины отъ чистаго сердца шутятъ съ своими противниками.

Подобно «Бородину» Лермонтова, превосходящему все, что написано у насъ въ стихахъ о Двѣнадцатомъ годѣ, эпопея Толстого возвышается надъ всѣмъ, что дала наша художественная проза о борьбѣ «двухъ великановъ». Характерно это тяготѣніе Лермонтова и Толстого къ однѣмъ и тѣмъ же темамъ: напр., элементы «Бородина» легко разыскать въ «Войнѣ и мирѣ» и другихъ произведеніяхъ Толстого.

Лермонтовъ:

Тихъ былъ нашъ бивакъ открытый. (II, 205).

Толстой тоже подчеркивалъ строгое спокойствіе русскихъ солдатъ передъ рѣшительнымъ боемъ; они надѣваютъ чистыя рубашки, не пьютъ водки (VI, 163, 170).

Лермонтовъ:

Кто кiверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито... (II, 205).

Толстой: «*кто,* снявъ *киверъ,* старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; *кто* сухой глиной, распороши въ ее въ ладоняхъ, *начищалъ штыкъ*»... (VI, 204). Здѣсь тѣ же образы, почти тѣ же выраженія; несомнѣнно, вліяніе «Бородина».

Лермонтовъ:

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой. (II, 206).

У Толстого «Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «*умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!*» (II, 153). Ср. варіантъ въ письмѣ къ брату: «Корниловъ, объѣзжая войска вмѣсто: «здорово, ребята!» говорилъ: «нужно умирать, ребята, умрете?» и войска отвѣчали: «умремъ, Ваше Превосходительство, ура!» И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а *взаправду*».

Смирнова передаетъ слѣдующія слова Пушкина: «Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемѣна въ нихъ настроеніи *до* и *послѣ* дѣла, производили на меня сильное впечатлѣніе. Конечно, я видалъ битвы только издали, но не могу сказать, до чего трогали меня лица солдатъ, идущихъ на бой и возвращающихся оттуда, а также погребеніе. Ни хвастовства, ни фразёрства нѣтъ въ нашихъ войскахъ». (А. О. Смирнова. «Записки». I. СПБ. 1895 г., 193.) Именно такимъ изображаютъ нашего воина Лермонтовъ и Толстой. Съ виду грубый и сдержанный, русскій человѣкъ, вообще, на самомъ дѣлѣ добръ и мягокъ, проникается теплымъ сочувствіемъ къ страданію ближняго. Послѣ Валерикскаго боя сѣдые

усачи плачутъ надъ умирающимъ капитаномъ. Вернеръ (Лермонтовъ подчеркиваетъ его русское происхожденіе), этотъ скептикъ и матеріалистъ, «плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ» (VI, 210). Съ такою же непосредственностью русскій человѣкъ отзывается на чужую радость; Максимъ Максимычъ, разсказавъ о примиреніи Бэлы съ Печоринымъ, добавляетъ: «Повѣрите-ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то чтобъ заплакалъ, а такъ... глупость!..» (IV, 171). Такъ плачетъ за дверью Василій Лукичъ: онъ хотѣлъ войти въ дѣтскую, гдѣ была Анна Каренина съ сыномъ, «но ласки матери и сына, звуки ихъ голосовъ и то, что они говорили, все это заставило его измѣнить намѣреніе. Онъ покачалъ головой и, вздохнувъ, затворилъ дверь. «Подожду еще десять минутъ», сказалъ онъ себѣ, откашливаясь и утирая слезы» (IX, 87).

Лермонтовъ, какъ изобразитель военнаго быта, является однимъ изъ немногихъ предшественниковъ Толстого. «Въ повѣстяхъ Лермонтова, Марлинскаго и Даля (который одно время былъ полковымъ докторомъ) жизнь военнаго человѣка была впервые описана на основаніи наглядпаго наблюденія и потому кое-какія стороны этой своеобразной души и открылись читателю; и—что важнѣе всего—рядомъ со свѣтскимъ военнымъ появился въ литературѣ и смиренный армеецъ, и солдатъ». Кромѣ Максима Максимыча и ветерана 12-го года изъ «Бородина», Лермонтовъ создалъ такіе удачные типы, какъ Печоринъ, Грушницкій, драгунскій капитанъ, Вуличъ, князь Звѣздичъ. Онъ, какъ впослѣдствіи Толстой, отмѣчаетъ въ подобныхъ людяхъ бретгерство, исканіе сильныхъ ощущеній, погоню за успѣхами въ свѣтѣ, душевную пустоту, эгоизмъ. Эти люди лишены высшихъ умственныхъ интересовъ. Умнѣйшіе изъ нихъ, какъ Печоринъ, сжигаютъ жизнь въ поискахъ минутныхъ наслажденій, въ соперничествѣ изъ-за первенства въ провинціальномъ обществѣ съ Грушницкими-Мартыновыми. Что наполняетъ ихъ жизнь? Балы, маскарады, товарищескія попойки да карты.

—«Господа,—говоритъ Вуличъ,—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?» Онъ играетъ жизнью, товарищи слабо протестуютъ, но ни у кого не хватитъ духу твердо сказать, что это пари—безуміе. Печоринъ подбросилъ карту, и «дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно...» (IV, 271). Вуличъ готовился спустить курокъ, а окружающіе испытывали только смѣшанное чувство страха и *любопытства*. Такое же безразсудное пари держитъ Долоховъ съ англичаниномъ Стивенсомъ: будучи пьянъ, онъ, сидя на окнѣ третьяго этажа, со спущенными наружу ногами, долженъ былъ выпить бутылку рому. Одинъ благоразумный человѣкъ хотѣлъ было вмѣшаться, но Долоховъ заявилъ, что кто будетъ къ нему соваться, того онъ спуститъ за окно. Пари состоялось. Вуличъ оцѣнилъ свою жизнь въ двадцать червонцевъ, Долоховъ—въ пятьдесятъ («Хотите на сто?» спросилъ онъ англичанина, но тотъ сказалъ: «Нѣтъ, пятьдесятъ».—IV, 33). На-

помнимъ, что Лермонтовъ, какъ мы уже говорили, былъ знакомъ съ Долоховымъ, прототипомъ Долохова. Князь Звѣздичъ, Вуличъ, Гаринъ—страстные любители картежной игры; объ увлеченіи военными азартной игрой Толстой говоритъ въ «Двухъ гусарахъ», «Войнѣ и мирѣ» и другихъ произведеніяхъ. Бреттерство военныхъ подчеркнуто въ Долоховѣ и Турбинѣ.

Лермонтовъ мечталъ написать большой романъ, который долженъ былъ обнять вѣка Екатерины II, Александра I и Николая I; онъ говорилъ объ этомъ Бѣлинскому. Разсказываютъ еще, что по пути на роковой поединокъ онъ передавалъ Глѣбову, что задумалъ два романа, изъ которыхъ одинъ «изъ временъ смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи и подъ Парижемъ и развязкой въ Вѣнѣ»; другой—изъ кавказской жизни, съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмиреніемъ Кавказа, Персидской войной и катастрофой въ Тегеранѣ, въ которой погибъ Грибоѣдовъ.

Семеновъ.

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича“.

«Пѣсня про царя Ивана Васильевича» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Лермонтова, въ которыхъ поэтъ выводитъ сильные характеры,—какъ бы противопоставляя ихъ тѣмъ дряблымъ натурамъ, которыя ему приходилось наблюдать въ современномъ ему обществѣ.

Главнѣйшими фигурами въ этой «Пѣснѣ» являются Іоаннъ Грозный, опричникъ Кирибѣевичъ и купецъ Калашниковъ, и эти фигуры до того стихійно-велики своими могучими характерами, что подавляютъ читателя своей колоссальностью.

Слѣпой случай столкнулъ двухъ изъ этихъ лицъ,—Калашникова и Кирибѣевича, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ народа, да такъ столкнулъ, что или одинъ изъ нихъ или оба должны исчезнуть съ лица земли. Изображеніе этой борьбы и составляетъ главную нить «Пѣсни». Въ изображеніи Лермонтова эта драма получаетъ потрясающую силу, заставляя содрогнуться читателя въ ужасѣ передъ тѣми слѣпыми силами, которыя управляютъ судьбой человѣка.

Уже начало поэмы даетъ почувствовать, что зарождается трагическое дѣло. Читателю жутко и передъ гнѣвомъ Грознаго и передъ дерзостью опричника. Ждешь—вотъ-вотъ свершится кровавая расправа,—опричникъ поплатится головой за свое молодечество. Но тучи расходятся. Читатель узнаетъ, что Кирибѣевичъ ничего преступнаго не затѣялъ, что кручинушка опричника объясняется страстью, овладѣвшей имъ къ красавицѣ. Грозный повеселѣлъ и вызывается быть сватомъ своего опричника. Отвѣтъ Кирибѣевича громомъ поражаетъ и царя, и гостей. Всѣ смутно чувствуютъ, что дѣло пахнетъ кровью. Этотъ отвѣтъ одинъ изъ главныхъ драматическихъ моментовъ поэмы.

Вторая пѣсня только усиливаетъ грусть читателя. Ему неволь-

но сообщается тоскливое чувство, испытываемое Степаномъ Парамоновичемъ въ лавкѣ, и по дорогѣ домой, и дома, до и послѣ прихода Алёны Дмитревны. Сразу видно, что Кирибѣевичъ наскочилъ на достойнаго соперника, который не дастъ въ обиду себя и въ защиту своей чести выйдетъ

На смертный бой, на послѣдній бой.

Къ концу второй пѣсни драматизмъ дѣйствія достигаетъ, пожалуй, самаго сильнаго напряженія. Уже выяснились взаимныя отношенія всѣхъ участниковъ драмы, уже ясенъ исходъ борьбы и томительность ожиданія, можно сказать, тяжелѣе самой развязки, которая происходитъ въ третьей пѣснѣ.

Стоитъ чудное зимнее утро, прекрасная погода не радуетъ поэта. Ему обидно, что природа можетъ нарядиться въ чудный уборъ предъ лицомъ страшной драмы, которая сведетъ одну изъ двухъ могучихъ натуръ въ безвременную могилу. Читатель вмѣстѣ съ поэтомъ бросаетъ зарѣ укоръ:

Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Неумолимо разматывается драматическій клубокъ,—драма кончается ужаснымъ финаломъ: сходитъ въ могилу не одинъ богатырь, а оба...

Сильное впечатлѣніе, помимо прекраснаго развитія драматической нити, достигается у Лермонтова психологической вѣрностью въ изображеніи характеровъ, знаніемъ человѣческаго сердца. Эти типы- не теоретическіе очерки, а живые люди. Какъ живой, встаетъ предъ нами Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Вотъ онъ сидитъ за трапезой, пируя съ удалыми опричниками. Лермонтовъ мастерски нарисовалъ его образъ.

Даже на веселомъ пиру, среди вѣрной дружины, Ивана Васильевича не оставляетъ болѣзненная подозрительность. Онъ пытливо вглядывается во всѣхъ гостей и вдругъ замѣчаетъ, что его любимѣйшій опричникъ не веселъ. Туча набѣгаетъ на лобъ Ивана Васильевича. Онъ навелъ на Кирибѣевича очи зоркія,

Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго.—

Съ подозрительностью въ царѣ соединяется вспыльчивость.

Не поднялъ глазъ молодой боецъ,—

и Иванъ Васильевичъ весь горитъ отъ негодованія, и ударяетъ палкой объ полъ такъ, что

дубовый полъ на полъ четверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ наконечникомъ.

И затѣмъ произноситъ грозное слово, жестокость котораго рельефнѣе проступаетъ въ той поэтической формѣ, въ какую облекъ его Грозный:

Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ, звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая за тучку прячется,—
Та стремглавъ на землю падаетъ...

Разсчитанная жестокость царя особенно ярко проявляется въ ироніи, съ которой онъ утѣшаетъ Калашникова, говоря, что обставитъ его казнь съ царской роскошью:

Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью.

Не менѣе художественна характеристика купца Калашникова. Это тоже могучая натура, которая спокойна только до тѣхъ поръ, пока не разразится надъ ней буря и не разбудитъ спящія страсти. Но Степанъ Парамоновичъ—свѣтлая личность. Онъ прекрасный семьянинъ, любитъ и лелѣетъ свою жену и своихъ дѣтей, и говоритъ о нихъ съ нѣжностью, даже не идущей нисколько къ его могучей фигурѣ. У него такое духовное сродство съ женой, что въ разлукѣ съ ней онъ ощущаетъ какую-то тоску, словно предчувствуя, что на другомъ концѣ города, въ эту самую, быть можетъ, минуту, обижаетъ ее опричникъ. Въ его голосѣ, когда онъ упрекаетъ жену, звучитъ не только упрекъ, въ немъ звучитъ тоска, въ немъ звучитъ боль, стыдъ за человѣка, за женскую стыдливость...

И онъ намѣренъ строго наказать Алёну Дмитревну:

Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла...

Жены не пришлось наказывать. Но она опозорена. Смотрите на Калашникова: его глаза мечутъ молніи. Затронута его честь, а онъ сознаетъ ее въ себѣ. Онъ не можетъ простить оскорбленія и смѣло идетъ на бой съ оскорбителемъ, чтобы постоять

За святую правду-матушку.

Неподатливая совѣсть уже исключаетъ трусость. Степанъ Парамоновичъ непоколебимо твердъ и идетъ на бой, готовый умереть,—не такъ, какъ Кирибѣевичъ, который ищетъ смерти, зная, что она, при его силѣ и здоровьи, за горами, но боится ея, и, встрѣтившись съ мужемъ красавицы, поразившей его сердце, блѣднѣетъ отъ ужаса.

Но вотъ Степанъ Парамоновичъ убиваетъ Кирибѣевича. Онъ отмщенъ. Его ведутъ предъ лицо Ивана Васильевича, который

спрашиваетъ, «вольной волею или нехотя» убилъ онъ его любимаго опричника. Рѣшается вопросъ жизни и смерти. Калашниковъ отмщенъ. Преступникъ наказанъ. Нарушенная гармонія возстановлена. Естественно, Калашникову еще хочется пожить. Стоитъ ему солгать, и онъ спасъ свою жизнь, но царь спрашиваетъ его по правдѣ, по совѣсти, и онъ, какъ прямая натура, не можетъ купить жизнь такой цѣной, ему жизнь была бы не мила послѣ этого, и онъ смѣло идетъ на казнь. Вотъ истинное нравственное величіе!

И Кирибѣевичъ прекрасенъ въ своемъ порокѣ! Это тоже могучая натура, по несчастному стеченію обстоятельствъ погибшая въ цвѣтѣ лѣтъ «смертью лютою». Это была поэтическая натура, способная къ глубокому чувству, къ какому не способны мелкіе людишки. Жизнь ему не мила безъ зазнобушки:

Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые
И не надо мнѣ золотой казны,

плачется онъ, просится «на житье, на вольное, на казацкое», и въ жалобѣ, проникнутой самой искренной грустью, оплакиваетъ свою близкую преждевременную смерть:

«Ужъ сложу я тамъ буйную головушку,
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю вострую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется»...

Онъ вообще поэтъ. Говоря объ Алёнѣ Дмитревнѣ, онъ почти импровизируетъ, описывая ея красоту:

«На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ,
Горятъ щечки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются!»

Вотъ какіе три великихъ образа создалъ Лермонтовъ въ одной небольшой, сравнительно, поэмѣ.

И всѣ эти колоссальные образы рисуются на прекрасномъ фонѣ исторической эпохи. Лермонтовъ весь проникся духомъ эпохи Іоанна Грознаго, понялъ ее, какъ только Пушкинъ могъ бы ее понять, и воспроизвелъ съ замѣчательной рельефностью.

Не является ли Іоаннъ Грозный олицетвореніемъ того состоянія московскаго государства, когда оно окрѣпло и, чуя въ себѣ колос-

сальныя силы, искало простора, гдѣ бы и какъ бы имъ развернуться?

Рельефно встаютъ въ нашемъ воображеніи подъ волшебнымъ перомъ поэта дворъ Іоанна Грознаго, его пиры, картина семейной жизни, сердечныхъ отношеній между членами семьи, патріархальнаго нравственнаго вліянія старшаго брата, который «во отца мѣсто», на младшихъ братьевъ, лавка купца въ гостиномъ дворѣ, кулачный бой.

Всѣ эти достоинства «Пѣсни про царя Ивана Васильевича» дѣлаютъ ее глубоко народнымъ произведеніемъ. Ее можно отнести къ «историческимъ пѣснямъ». И дѣйствительно, хотя бы оказалось, что случай, разсказанный поэтомъ, не дѣйствительный фактъ, а вымышленный,—его поэма остается исторической, потому что въ ней преобладающимъ элементомъ является, какъ мы видѣли, именно историческій: среди дѣйствующихъ лицъ есть историческій дѣятель: Грозный царь Иванъ Васильевичъ; остальныя дѣйствующія лица—типичные представители эпохи Іоанна Грознаго.

Иванъ Васильевичъ понятъ Лермонтовымъ такъ же, какъ и народомъ. Если нарисовать по народнымъ пѣснямъ образъ Ивана Васильевича, то получится портретъ, во всѣхъ деталяхъ сходный съ портретомъ, нарисованнымъ Лермонтовымъ въ его «Пѣснѣ».

Еще болѣе замѣчателенъ взглядъ Лермонтова на Кирибѣевича. Кирибѣевичъ преступникъ, его нельзя оправдать, потому что преступленіе неоправдываемо. Таковъ и взглядъ Лермонтова. Читатель чувствуетъ, что Лермонтовъ испытывалъ нравственное удовлетвореніе при мысли, что преступникъ наказанъ, но читатель чувствуетъ также, что Лермонтовъ страдалъ душою и сердцемъ, описывая преждевременную смерть опричника. Этотъ опричникъ имѣлъ прекрасную, поэтическую душу, богатые природные задатки, т.-е. имѣлъ всѣ данныя, изъ которыхъ складывается честный и полезный человѣкъ. Но несчастное стеченіе обстоятельствъ погубило прекраснаго юношу, поставивъ его на ложный путь, доведя его до могилы.

И поэту жаль прекрасную душу, имѣвшую несчастье вспыхнуть пламенемъ пожирающей страсти, имъ овладѣваетъ грустное настроеніе, отравляющее торжество нравственнаго чувства, настроеніе, которое невольно прорывается сквозь эпическое спокойствіе поэмы, невольно же сообщаясь читателю, такъ что и читателю становится грустно, и онъ сожалѣетъ невольно бѣднаго опричника. Это настроеніе Лермонтова выражается въ самомъ складѣ рѣчи, въ гармоніи стиха. Вспомнимъ тѣ стихи, въ которыхъ Лермонтовъ описываетъ смерть Кирибѣевича:

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору,
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Это жалостливое сравненіе съ сосенкой, эмблемой неустойчивости, это повтореніе словъ «на холодный снѣгъ» и «будто сосенка»,

эта образность, эта нѣжность, которыми дышитъ описаніе, этотъ тяжелый стихъ:

Подъ смолистый, подъ корень подрубленная,

которымъ замыкается рядъ легкихъ, воздушныхъ стиховъ, свидѣтельствуютъ о томъ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ поэтъ говоритъ о смерти Кирибѣевича. Это доброе чувство тоже чисто народное чувство. У русскаго простого народа замѣчательный взглядъ на преступника. Онъ не оправдываетъ преступника, онъ его осуждаетъ; но не отталкиваетъ, а привлекаетъ, видитъ въ немъ павшаго брата и призываетъ къ нему милость.

Чисто народенъ и характеръ изложенія у Лермонтова. Мы знаемъ, что характерной чертой народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ является эпическое спокойствіе, которымъ проникнуто ихъ изложеніе. Но это эпическое спокойствіе не надо понимать въ смыслѣ холоднаго безучастія разсказчика, въ смыслѣ нравственнаго безразличія по отношенію къ разсказываемымъ событіямъ. Уже въ былинахъ часто прорывается сквозь чувство спокойствія настроеніе пѣвца, которое выражается въ самомъ складѣ рѣчи и музыкѣ стиха. Такъ, напримѣръ, въ былинѣ о Вольгѣ Всеславьичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ пѣвецъ, описывая работу Микулы Селяниновича, три раза повторяетъ одну и ту же картину:

Оретъ ратай въ полѣ, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ;
Въ край онъ уѣдетъ,—другого не видать...

Это повтореніе одной и той же картины, эта подробность, съ которой описывается работа пахаря, эти уменьшительныя имена: «сошка, омѣшики», эта гипербола, «въ край онъ уѣдетъ, другого не видать» невольно выдаютъ любовное отношеніе пѣвца къ народному любимцу, Микулѣ Селяниновичу. Тѣмъ не менѣе эпическое спокойствіе въ общемъ не нарушено. Это значитъ, что эпическое спокойствіе только противопоставляется интенсивному проявленію чувствъ пѣвца, не исключая подобныхъ вышеуказанному отступленій.

Но въ историческихъ пѣсняхъ уже встрѣчаются прямыя нарушенія эпическаго спокойствія лирическимъ изліяніемъ чувствъ. Такъ, напримѣръ, въ былинѣ, составляющей переходъ отъ былинъ къ историческимъ пѣснямъ, въ былинѣ о Калинѣ-царѣ, поэтъ, разсказывая о появленіи огромной орды татаръ, восклицаетъ въ тоскѣ:

Ужъ зачѣмъ мать-сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?

Въ другой пѣснѣ, относящейся къ Смутному времени, пѣвецъ, охваченный глубокой грустью, плачется:

О Боже, Боже, Спасъ Милостивый!
Зачѣмъ Ты, Боже, на насъ разгнѣвался,
Послалъ намъ злого Отрепьева.
Ужели Гришка на царство сѣлъ?..

Въ «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича» въ общемъ тоже не нарушено эпическое спокойствіе, но встрѣчаются мѣста, которыя складомъ рѣчи и гармоніей стиха изобличаютъ настроеніе поэта. Таково указанное нами выше описаніе смерти Кирибѣевича. Таково и то мѣсто, гдѣ Лермонтовъ описываетъ казнь Калашникова:

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Это повтореніе союза «и» и эпитеты «лютою», «позорною» прекрасно передаютъ волненіе, которое овладѣваетъ душой Лермонтова при мысли о казни богатыря духа.

Есть въ «Пѣснѣ» и случай прямого нарушенія эпическаго спокойствія лирическимъ отступленіемъ, напоминающимъ вышеприведенное отступленіе въ былинѣ о Калинѣ-царѣ. Описавъ чудное московское утро въ день боя на Москвѣ-рѣкѣ, Лермонтовъ, томимый зловѣщимъ предчувствіемъ, обращается къ зарѣ съ тоскливымъ вопросомъ: зачѣмъ она вышла такая блестящая и румяная, когда черезъ нѣсколько часовъ должна разыграться кровавая драма?

Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Онъ не говоритъ «заря алая», какъ выше въ описаніи:

Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.

Онъ сознательно нарушаетъ плавность и гармонію стиха, сознательно дѣлаетъ стихъ тяжелымъ, прекрасно передавая свое тяжелое душевное настроеніе.

И форма «Пѣсни» вполнѣ народная. У Лермонтова тѣ же пріемы творчества, какъ и у народа. Въ «Пѣснѣ» встрѣчаемъ мы много сравненій:

Повалился онъ на холодный снѣгъ,
. . . . будто сосенка. . .

Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря...

Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка...

Также встрѣчаемъ много эпитетовъ: «грудь широкая», «дума крѣпкая», «плечи богатырскія», «ленты яркія», «кости сирыя», «заря алая», «солнце красное» и т. д. Стихотворный размѣръ напоминаетъ размѣръ народныхъ пѣсенъ. Стихъ часто начинается съ тѣхъ же словъ, какими оканчивается предыдущій стихъ. Рядъ легкихъ стиховъ замыкается тяжелымъ.

Григорьевъ.

„Ангелъ".

Стихотвореніе Лермонтова «Ангелъ»—одно изъ наиболѣе характерныхъ и драгоцѣнныхъ созданій великаго поэта. Отличаясь высокими художественными достоинствами, оно въ то же время тончайшими нитями связано и съ личной жизнью поэта, и со многими его произведеніями, написанными до и послѣ «Ангела». Детальный разборъ этого стихотворенія вводитъ насъ въ сферу завѣтныхъ идеальныхъ стремленій Лермонтова, показываетъ, какъ рано созрѣлъ его геній, съ какой настойчивостью поэтъ обращается къ нѣкоторымъ вопросамъ, занимавшимъ его съ юныхъ лѣтъ, какъ сильна была въ немъ вѣра въ прекрасное, какъ бережно онъ лелѣялъ свои излюбленныя мечты въ трудномъ, суровомъ, одинокомъ пути.

Стих. «Ангелъ» написано было въ 1831 г., когда поэту было лишь 17 лѣтъ. Ни университетъ, въ которомъ онъ въ эту пору учился, ни окружающая среда не удовлетворяли юношу поэта, съ раннихъ лѣтъ критически относящагося и къ себѣ, и къ другимъ. Онъ мужалъ не по днямъ, а по часамъ. Пытливый, наблюдательный умъ переходилъ отъ одного мучительнаго вопроса къ другому. Замкнутый, нелюдимый, поэтъ былъ откровененъ въ своихъ произведеніяхъ, и они—лучшій матеріалъ для ознакомленія съ личностью Лермонтова. Въ стих. «Ангелъ», по словамъ изслѣдователей, Лермонтовъ «является самимъ собою и даетъ намъ возможность заглянуть въ святая святыхъ души своей. Здѣсь нѣтъ и тѣни того насилованія чувствъ, которое мы порой можемъ замѣтить въ его произведеніяхъ и которымъ онъ замаскировываетъ настоящее свое «я». Тутъ нѣтъ ни вопля отчаянія, ни гордаго сатанинскаго протеста, ни презрѣнія, ни бѣшенаго чувства ненависти или холодности къ людямъ, которыми онъ прикрываетъ глубоко любящее сердце свое». «Ему тѣсно было въ той средѣ, для которой его воспитывали, изящной и блестящей по внѣшности. За блескомъ и изяществомъ поэтъ чувствовалъ «міръ печали и слезъ». Это стихотвореніе живо выражаетъ настроеніе души, которую не удовлетворяетъ окружающая жизнь. «Звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли». Замыкаясь въ гордое одиночество, поэтъ только бумагѣ ввѣряетъ порывы своихъ чувствъ, свои стремленія къ сильной, свободной жизни и тяжелое раздумье надъ тѣмъ, какъ далеки подобныя мечты отъ дѣйствительности».

Въ стихотвореніи «Ангелъ» Лермонтовъ обнаруживаетъ свои лучшія душевныя качества; передъ нами молодой поэтъ мечтательный, религіозный, вѣрящій въ прекрасное, неудовлетворенный земной жизнью—и тѣсной, и скучной; для Лермонтова,—человѣка протеста, человѣка съ огненнымъ темпераментомъ, человѣка, нещадно казнившаго и себя и общество, погрязшее въ будничной, мелочной жизни,—для Лермонтова, большинство произведеній котораго полно то благороднаго, непримиримаго гнѣва, то безнадежной тоски или отчаянія, для этого поэта, написавшаго

въ 15 лѣтъ такія стихотворенія, какъ «Жалоба турка», «Монологъ» («Повѣрь, ничтожество...») и «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный»), —въ высшей степени знаменательно стих. «Ангелъ», полное тихой грусти, сладкихъ грезъ о раѣ, о «Богѣ великомъ», полное вѣры въ то, что искры добра, брошенныя въ нашу душу Создателемъ, не тухнутъ, но вѣчно волнуютъ человѣка, побуждая его стремиться въ идеальный надзвѣздный міръ, поддерживая недовольство земными благами.

Поэзія Лермонтова, по словамъ проф. Дашкевича, «затрогивала міровыя темы, выражала скорби, много разъ удручавшія душу человѣка и вполнѣ намъ близкія, обращалась къ проблемамъ, передъ которыми останавливались многіе изъ лучшихъ поэтовъ вѣковъ прошлыхъ и настоящаго».

Пушкинскій пророкъ слышалъ—
«*Неба содроганье*
И горній ангеловъ полетъ».

Это примѣнимо и къ Лермонтову. Онъ любитъ говорить о Богѣ, о раѣ, объ ангелахъ; онъ убѣжденъ, что небо—его отчизна. По словамъ Полонскаго, поэтъ можетъ

«Съ молитвою, выше полночной звѣзды,
Къ праведнымъ, въ царство небесное, очи зажмуривъ, подняться,
И услыхать, какъ въ раю, тамъ поютъ Херувимскую».

Въ поэзіи Лермонтова съ самаго начала можно прослѣдить тяготѣніе его къ небу. Его плѣняютъ образы Демона, Ангела Смерти, Азраила. Поэтъ-обличитель, во многомъ—человѣкъ своей эпохи, онъ скучалъ на «маскарадѣ» жизни и отдыхалъ тогда лишь, когда оставался лицомъ къ лицу съ природой или когда на мощныхъ крыльяхъ фантазіи уносился отъ людской суеты въ міръ «звуковъ сладкихъ и молитвъ». Недовольство земной жизнью заставляло его непрестанно обращаться къ мечтамъ о жизни мирной, далекой отъ людей, приближающей къ Богу. Не даромъ онъ столько лѣтъ не разставался съ «Демономъ», въ которомъ такъ причудливо и неразрывно переплелось земное и небесное; проникнутый стремленіемъ къ высшей правдѣ и красотѣ, онъ реабилитируетъ Демона, «духа изгнанья»; въ его любимомъ героѣ нѣтъ ни дьявольской, ненасытной злобы ни мрачной, неколебимой гордости. Демонъ Лермонтова—духъ, блистающій неземной красотой, похожій на вечеръ ясный, одинокій скиталецъ, которому давно наскучили и зло и вѣчность, который съ тайной грустью вспоминаетъ о лучшихъ дняхъ, который можетъ плакать, каяться, порою поддаваться обаянію прекраснаго, въ которомъ вспыхиваетъ готовность постигнуть «святыню любви, добра и красоты», готовность примиренія съ небомъ; въ Демонѣ идеальное не умерло, а только заглохло. Въ своей поэмѣ Лермонтовъ *отрицаетъ существованіе абсолютнаго зла.*

Такимъ образомъ, возвышенныя, искреннія стремленія, выраженныя въ «Ангелѣ», всю жизнь волновали душу и умъ поэта. На зарѣ поэтической дѣятельности онъ создаетъ дивный образъ ан-

гела, несущаго новую душу на землю, а незадолго до смерти — образъ ангела, возвращающаго душу на ея родину. По нашему мнѣнію, поэма «Демонъ» — *идейное продолженіе и окончаніе «Ангела»*. Въ «Ангелѣ» поэтъ говоритъ о томъ, какъ посланникъ Божій уноситъ изъ рая душу человѣка, какъ томится она на землѣ, «желаніемъ чуднымъ полна». Въ «Демонѣ» поэтъ разсказываетъ *дальше* — о томъ, какъ душа изъ земного плѣна вырывается на волю и возвращается въ горнюю обитель. Молодой женихъ Тамары нежданно умираетъ, но за то —

«Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей:
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны?..»

Вскорѣ умираетъ и Тамара, которую давно ждали на небесахъ.

«Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье...
...Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!»

Стихами изумительной красоты и мелодичности поэтъ описываетъ, какъ золотокрылый ангелъ «въ пространствѣ синяго эѳира» летитъ съ этой душой, какъ успокаиваетъ со «сладкой рѣчью упованья», какъ они, уносясь навсегда отъ «грѣшной земли», приближаются къ раю, откуда долетаютъ хвалебные гимны...

Въ «Ангелѣ» и «Демонѣ» изображена исторія всей человѣческой жизни, продолженная религіознымъ поэтомъ за земныя грани.

Лермонтовъ сжился, сроднился съ этими образами добрыхъ и отверженныхъ ангеловъ, съ этими плѣнительными грезами о небѣ; онъ говоритъ обо всемъ этомъ, какъ о чемъ-то знакомомъ, дорогомъ его душѣ.

Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ,
«Кто слышитъ тайную гармонію природы
И голоса привратниковъ небесныхъ».

Поэтъ субъективный, Лермонтовъ, съ необыкновенной искренностью и полнотою выражая свои лучшія чувства, свои идеальныя стремленія, служитъ въ то же время «правдѣ глубокой вселенской».

Семеновъ.

„Казачья колыбельная пѣсня“.

До окончательнаго покоренія Кавказа (1864 г.) отважные горцы, черкесы по Кубани, чеченцы по Тереку, постоянно нападали на русскія земли и производили грабежи и убійства. Для защиты отъ этихъ набѣговъ правительствомъ обязаны были держать охранительную военную линію такъ наз. линейные казаки, поселившіе-

ся по берегамъ Кубани, кубанскіе или черноморскіе (малороссы изъ Запорожской Сѣчи, съ 1772 года), и по берегамъ Терека, терскіе или гребенскіе (великорусскаго происхожденія, по преданію, еще со временъ Іоанна Грознаго). Эта линія, простиравшаяся по берегамъ рѣкъ Кубани и Терека болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ, состояла изъ станицъ (селеній), представляющихъ нѣкоторое подобіе крѣпостей съ 3—4 пушками, а также изъ батарей и постовъ, имѣвшихъ отъ 25 до 50 человѣкъ, и пикетовъ отъ 3 до 10 человѣкъ. Въ этихъ селеніяхъ казаки должны были держать кордоны (караулы) да, кромѣ того, дѣлать постоянные разъѣзды и устраивать такъ наз. секреты, или тайные караулы въ плавняхъ, т.-е. прибрежныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ камышами. Горцы были хитры и смѣлы: понятно, что такая трудная служба требовала отъ казака великой отваги, проворства и необыкновенной осмотрительности. Тревожная и полная опасностей жизнь воспитывала такую удаль, какой въ севастопольскую войну изумлялась Россія и Зап. Европа.

Вслѣдствіе постояннаго присутствія мужей на службѣ все домашнее хозяйство держалось трудами и работами женъ, вслѣдствіе чего казаки (особенно гребенскіе) поразительно развили въ себѣ, помимо физической силы, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера.

Лермонтовъ и Гоголь, создавшіе лучшіе образы любящей матери, оба изображаютъ мать-казачку.

Казачка «только мигъ жила любовью», для себя: мужъ «покидалъ ее для сабли, для товарищей»; при рѣдкихъ свиданіяхъ она не встрѣчала со стороны суроваго рыцаря-мужа, казака душою, отвѣта на нѣжныя чувства, которыми живетъ сердце женщины. Оттого, говоритъ Гоголь про жену Тараса Бульбы, «вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство».

Изъ „Филолог. Записокъ" за 1890 г.

„Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою"...

Существуетъ разсказъ о томъ, что Лермонтова, Печоринскаго отрицателя, злого Лермонтова, одинъ изъ его товарищей засталъ однажды въ церкви. Онъ молился на колѣняхъ. Такимъ же тайнымъ молитвенникомъ, явнымъ отрицателемъ былъ онъ и въ жизни и въ поэзіи. Быть можетъ, ни одного изъ русскихъ поэтовъ поэзія не является до такой степени молитвой, какъ у Лермонтова, но эта молитва—тайная.

Лермонтовъ слылъ безбожникомъ—и прослылъ имъ донынѣ!..

И все же *правда* о немъ—то, что увидѣлъ заставшій его въ церкви товарищъ, а не то, что увидѣли его критики, друзья и враги. Молитва Лермонтова тайна, сокровенна; хула—явна, примѣтна. Молитва его стыдлива, она боится, чтобъ не нарушилось ея одиночество, и она *сознательно* скрытна, затаена, прикровенна. Въ не предназначавшейся для печати автобіографической поэ-

мѣ «Сашка» есть мѣсто, рѣшающее споръ о первичной, изначальной религіозности Лермонтова:

Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный
Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда,
И поневолѣ станешь хулить Христа,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

Боязнь «шпіона ничтожнаго» сдѣлала молитву Лермонтова скрытной, утаенной, какъ будто не существующей. Но навсегда осталась привычка «поневолѣ лицемѣрить»—подъ явной хулой хранить тайную молитву. Тутъ еще разъ вскрывается противоположность Пушкина и Лермонтова. Величавая славянская молитва Пушкина «Отцы пустынники»—не молитва вовсе: переложеніе молитвословія, разсказъ о молитвѣ, читаемой постомъ. Пушкинъ любилъ передавать молитвы, разсказывать, что читаютъ на молитвѣ. Мальчикъ въ «Борисѣ Годуновѣ» читаетъ молитву за царя, опять великолѣпную, подлинно церковно-славянскую, православную молитву, а слушаютъ ее лукавые бояре съ хитрымъ Шуйскимъ, и если молятся, то сердцемъ просятъ обратнаго, чѣмъ устами. Пушкинъ можетъ—и *никто* другой такъ не можетъ передать о томъ, какъ молится правовѣрный о гибели гяуровъ («Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ»), какъ арабъ хвалитъ всесоздавшаго Аллу, онъ передастъ религіозную муку суроваго пуританина («Странникъ»), онъ разскажетъ просто и прекрасно о любезной ему картинѣ, висящей предъ нимъ—о ликѣ Мадонны, онъ съ негодованіемъ сравнитъ николаевскихъ солдатъ, охраняющихъ «Распятіе» Брюлова, съ мироносицами, охраняющими Распятіе Господне—онъ разсказываетъ, передаетъ, описываетъ, читаетъ молитвы. Есть молитвословія христіанскія, магометанскія, есть слова молитвъ, но нѣтъ молитвы.

Обратное Лермонтовъ. Есть молитва—и нѣтъ молитвословій. По обращенію есть только одна: «Я, матерь Божія», не похожая ни на одну молитву ни въ одномъ молитвенникѣ; по устремленію, по сокровенному порыву, по радости или мукѣ всѣ стихи—молитва.

Но средь безгласныхъ, сокровенныхъ, защищенныхъ отъ людского слуха «лицемѣрьемъ поневолѣ» молитвъ Лермонтова есть одна, больше всѣхъ сокровенная, но, къ счастью нашему, не до конца безгласная. Мы одинъ лишь разъ услышимъ, Кому возносится эта молитва, но мы разслышимъ многія слова, многія воздыханія Лермонтовской молитвы, прочтя это единственное молитвословіе Лермонтова:

Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою,
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, ни передъ битвою,
Не съ благодарностью или съ покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

И это единственное молитвословіе Лермонтова молитва не о себѣ: и здѣсь онъ остался безмолвникомъ, неисповѣдникомъ. Эта молитва—Единой спасающей *Женѣ*—о спасеніи Женственнаго земли, молитва о Той, Которой онъ надѣялся спастись самъ.

Въ этой своей молитвѣ Лермонтовъ глубоко народенъ. Русская молитва есть по преимуществу молитва къ Богоматери и только черезъ нее ко Христу. Мы не знаемъ многихъ образовъ Христа, но образы и иконы Богоматери многообразны: точно вся многообразная народная скорбь и печаль прибѣгала къ многообразной Заступницѣ. Молитва къ Богоматери—простѣйшая, дѣтская, женская молитва, и сю-то впервые помолился Лермонтовъ, уже не боясь креститься при «шпіонѣ ничтожномъ». Въ этой молитвѣ Лермонтовъ соединилъ свою судьбу съ религіозной судьбой русскаго народа.

Увидѣвъ вселенную въ свѣтѣ лазурнаго огня, порываясь къ глубокой «душѣ вселенной» (въ поэмѣ своей «Сашка»), Лермонтовъ пришелъ къ тому, чему, много лѣтъ спустя, жизнію, поэзіей и мыслію послужилъ Вл. Соловьевъ,—къ признанію бытія этой *души вселенной* (у Соловьева такъ же, какъ у Лермонтова: «*душа вселенной* тосковала о духѣ вѣры и любви»), *св. Софіи*, той св. Софіи, которой наши предки, по удивительному пророческому чувству, строили алтари и храмы, сами еще не зная, «кто она» (Вл. Соловьевъ). Подобно этимъ предкамъ, «не зная, кто она», Лермонтовъ воздвигъ ей то, для чего созидается храмъ,—молитву, тайную и сокровенную, но молитвословіе его и ихъ было къ единой Женѣ—къ Богоматери. Въ древней Руси праздникъ св. Софіи совпадалъ съ днями Успенія и Рождества Богоматери, и въ церковной службѣ св. Софіи величаніе Ей совпадаетъ съ величаніемъ Богоматери. *Вѣчно женственное*, стремящееся къ полному возсоединенію съ Богомъ, праведно припадаетъ здѣсь къ *Совершенной Женѣ*—Богоматери, одинаково вмѣстившей *Женственное земли и неба*. Вотъ почему, подобно русскому народу, ощущая и почитая предчувственно *св. Софію*, Лермонтовъ молитву, свою единственную молитву, слагаетъ *Богоматери*. *Ея* благоуханнымъ именемъ онъ, такъ боявшійся произнести Имя, завершилъ тотъ «таинственный разговоръ» съ Женственнымъ Существомъ, «съ глазами, полными лазурнаго огня», которымъ былъ занятъ всю свою жизнь.

Дурылинъ.

Содержаніе, построеніе и основная мысль стихотворенія „Споръ“.

Двѣ величайшія горы, Казбекъ и Шатъ, ведутъ между собою «великій» споръ. Свидѣтелями ихъ спора являются группы и гряды Кавказскихъ горъ.

«Сѣдовласый» Шатъ (Эльбрусъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ) предсказываетъ Казбеку, что наступитъ время, когда онъ окончательно покорится человѣку, который по уступамъ горъ настроитъ хижинъ (келій), въ ущельяхъ станетъ рубить лѣсъ («въ глубинѣ ущелій загремитъ топоръ») и будетъ добывать металлы («въ камен-

ную грудь, добывая мѣдь и злато, врѣжетъ страшный путь»). Труденъ былъ для человѣка лишь первый шагъ, но онъ сдѣланъ: «ужъ проходятъ караваны черезъ тѣ скалы, гдѣ носились лишь туманы да цари-орлы». И дальнѣйшее подчиненіе всего Кавказа неминуемо. Словами: «люди хитры» (въ смыслѣ: изобрѣтательны, находчивы и способны къ преодолѣнію всевозможныхъ препятствій), Шатъ указываетъ на то качество людей, которое дастъ имъ возможность успѣшно вести борьбу съ природой и подчинять ее себѣ. Опасность, по мнѣнію зловѣщаго предсказателя, грозитъ прежде всего со стороны Востока. Онъ говоритъ: «Берегися! многолюденъ и могучъ Востокъ!..» Но извѣстно, что могущество и сила каждаго государства зависитъ не столько отъ многолюдства его, сколько отъ нравственнаго и умственнаго развитія членовъ (гражданъ) его, ихъ энергіи, стойкости и знаній. Возражая Шату, Казбекъ говоритъ, что нечего бояться Востока: «родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ»; т.-е. уже девятый вѣкъ народы Востока предаются умственной и нравственной спячкѣ, бездѣйствію, и потому ослабѣли. Въ подтвержденіе своей мысли онъ характеризуетъ въ отдѣльности каждый изъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ. Грузины предаются лишь сну и вину («въ тѣни чинары пѣну сладкихъ винъ на узорныя шальвары сонный льетъ грузинъ»); персы, нѣкогда могущественные, нынѣ отдаются лѣни и дремотѣ, вызывая въ себѣ лишь фантастическіе образы куреніемъ кальяна («склонясь въ дыму кальяна на цвѣтной диванъ у жемчужнаго фонтана, дремлетъ Тегеранъ»); евреи, составлявшіе нѣкогда самостоятельное государство, давно уже потеряли свою политическую самостоятельность, разсѣяны по всему лицу земли, и страна ихъ превратилась въ мертвую пустыню («у ногъ Ерусалима Богомъ сожжена, безглагольна, недвижима мертвая страна»): Египетъ, бывшій тоже нѣкогда сильнымъ самостоятельнымъ государствомъ, нынѣ представляется безжизненной страной, народонаселеніе которой лишено самостоятельности, и только однѣ пирамиды напоминаютъ о прежнемъ величіи и могуществѣ этой страны («вѣчно чуждый тѣни, моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ»); арабы, прежде полные энергіи, воинственности, въ настоящее время утратили свой героическій пылъ и проводятъ время въ бездѣйствіи въ своихъ палаткахъ («бедуинъ забылъ наѣзды для цвѣтныхъ шатровъ и поетъ, считая звѣзды, про дѣла отцовъ»).

Охарактеризовавъ каждый изъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ, Казбекъ повторяетъ общую мысль, высказанную имъ вначалѣ, именно, что всѣ народы, обитающіе на Востокѣ, отжили свой вѣкъ, ослабѣли, лишены энергіи и не представляютъ никакой опасности для него: «Нѣтъ, не дряхлому Востоку покорить меня!» Но «старый» Шатъ, предвидящій, что Кавказъ все-таки будетъ покоренъ людьми, обращаетъ вниманіе Казбека на сѣверъ: «Не хвались еще заранѣ!» говоритъ онъ: «вотъ на сѣверѣ въ туманѣ что-то видно, братъ!» Эта вѣсть смутила Казбека. Онъ, полный думъ смотритъ на сѣверъ и «видитъ странное движенье, слышитъ звонъ и шумъ». Онъ видитъ, что на всемъ пространствѣ отъ Урала до

Дуная, т.-е. на пространствѣ, занимаемомъ Европейской Россіей, стройно движутся полки. Сначала мчится кавалерія: «Мчатся пестрые уланы»; за кавалеріей слѣдуетъ пѣхота: «Боевые батальоны тѣсно въ рядъ идутъ; впереди несутъ знамена, въ барабаны бьютъ»; за пѣхотой движется артиллерія, готовая къ бою: «Батареи мѣднымъ строемъ скачутъ и гремятъ, и дымясь, какъ передъ боемъ, фитили горятъ», все войско ведетъ опытный и знающій свое дѣло военачальникъ: «И испытанный трудами бури боевой, ихъ (полки) ведетъ, грозя очами, генералъ сѣдой». Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ объ А. П. Ермоловѣ, полководцѣ, отличавшемся военными подвигами, силою воли и строгостью выполненія правилъ военной дисциплины. Войско движется прямо на востокъ, и нѣтъ ему преграды, никакая сила не удержитъ его: «Идутъ всѣ полки могучи, шумны, какъ потокъ, страшно-медленны, какъ тучи, прямо на востокъ». Хотѣлъ было Казбекъ сосчитать движущіеся полки, но не смогъ сосчитать ихъ: «Сталъ считать Казбекъ угрюмый и не счелъ враговъ». Тутъ только ясно созналъ онъ, что онъ самъ и весь Кавказъ съ нимъ должны покориться новой мощной силѣ, должны лишиться своей независимости. «Полный черныхъ думъ, грустнымъ взоромъ онъ окинулъ племя горъ своихъ, шапку на брови надвинулъ—и навѣкъ затихъ».

Такъ простился Казбекъ со своею независимостью.

Въ разсматриваемомъ стихотвореніи поэтъ олицетворяетъ неодушевленные предметы—горы Казбекъ и Шатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и все стихотвореніе имѣетъ переносное (аллегорическое) значеніе. Подъ выведенными высочайшими горами Кавказа подразумѣваются независимыя кавказскія племена, которыя долго отстаивали свою независимость и, наконецъ, должны были подчиниться болѣе культурной державѣ. И покорителемъ явились не изнѣженные и облѣнившіеся восточные народы, а русскіе, народъ дѣятельный, энергичный, мощный.

Этому народу и суждено было не только покорить Кавказъ, но и водворить въ немъ просвѣщеніе, промышленность и торговлю. Значитъ, споръ Шата съ Казбекомъ шелъ о политической самостоятельности племенъ, населяющихъ Кавказъ; этотъ споръ слишкомъ важенъ для этихъ племенъ, почему и названъ въ стихотвореніи «великимъ споромъ». Кромѣ того, онъ очень близокъ всѣмъ кавказскимъ племенамъ, почему и велся въ присутствіи ихъ («передъ толпою соплеменныхъ горъ»).

Въ стихотвореніи «Споръ» невольно отразилось глубокое патріотическое чувство поэта, его благоговѣніе передъ могуществомъ и таинственной силой Россіи, призванной внести свѣтъ и высшую культуру въ полудикія кавказскія племена. При полномъ единствѣ стихотвореніе «Споръ» представляетъ слѣдующія части, органически связанныя между собою: I—вступленіе; II—споръ Казбека съ Шатомъ; въ этой части различаются слѣдующія второстепенныя части: а) рѣчь Шата, б) отвѣтъ Казбека, в) указаніе Шата на опасность съ сѣвера; III-картина боевого движенія русскихъ войскъ; IV.—впечатлѣніе, произведенное этой картиной на Казбека.

Ельницкій.

Анализъ стихотворенія Лермонтова „Пророкъ“.

Человѣкъ, просвѣтившись мыслію о жизни лучшей и болѣе возвышенной, чѣмъ та, которою обыкновенно живутъ люди, и понявъ настоящій смыслъ ея, почувствовалъ и сильное стремленіе къ ней. Для изображенія такого человѣка поэтъ беретъ изъ Библіи образъ пророка, а потому во всѣхъ подробностяхъ долженъ быть вѣренъ библейской обстановкѣ. Пророку легко было читать въ глазахъ людей страницы злобы и порока - мысли и желанія человѣка отражаются въ чертахъ его лица, въ глазахъ, особенно если душа его возбуждена какою либо страстію. Значитъ, поэтъ могъ уподобить лицо человѣка книгѣ, гдѣ само написалось все то, что происходитъ въ душѣ. Ясно, что человѣкъ съ высшими стремленіями и съ лучшимъ пониманіемъ жизни не могъ быть доволенъ жизнію тѣхъ людей, которые заботились только о своихъ личныхъ интересахъ и, стремясь жить на счетъ другихъ, разумѣется, давали волю своимъ страстямъ. При такомъ ихъ стремленіи не могло быть общаго счастія между людьми, а пророкъ объ этомъ счастіи и хлопоталъ, убѣжденный, что оно должно быть удѣломъ человѣка. На это намъ указываетъ его ученье *любви и правды*, потому что только онѣ и могутъ быть твердымъ основаніемъ общему счастію. Пусть онѣ распространятся между всѣми людьми, и всѣ будутъ счастливы; бѣдствія и несчастія однихъ происходятъ оттого, что въ другихъ нѣтъ ни любви ни правды. Кого мы любимъ, тому не будемъ дѣлать зла, а, напротивъ, постараемся въ горѣ помочь ему. Съ кѣмъ мы хотимъ быть справедливыми, у того ничего не отнимемъ для себя, а, напротивъ, безкорыстно защитимъ его отъ всякой несправедливости. Если всѣ разовьютъ въ себѣ эти чувства, то, конечно, цѣль пророка будетъ достигнута. Вотъ смыслъ его ученія; но оно-то и возбудило людское негодованіе, потому что требовало, чтобы люди отказались отъ нѣкоторыхъ личныхъ выгодъ, добываемыхъ насчетъ ближняго, а это, каждый знаетъ по опыту, не совсѣмъ-то легко; уступить другимъ то, что я считаю своею собственностью или своимъ правомъ, не всякій вдругъ рѣшится. Послѣ этого неудивительно, что они озлобились противъ такого человѣка, который такъ близко коснулся ихъ личныхъ интересовъ: они прогнали его отъ себя, или, выражаясь сообразно съ библейскими нравами, бѣшено бросали въ него каменья. Слѣдуя тѣмъ же нравамъ, пророкъ для выраженія сердечнаго горя «посыпалъ пепломъ свою голову» и удалился въ пустыню. До сихъ поръ, показывая собою примѣръ другимъ, онъ не могъ заботиться о собственности, о корысти, иначе его слова были бы въ разладѣ съ дѣломъ, что несогласно съ строгою нравственностью, съ которою соединяется ученіе о любви и правдѣ: онъ былъ нищій; нищимъ явился и въ пустынѣ, гдѣ, подобно птицамъ, питался тѣмъ, что Богъ пошлетъ. Но, разорвавъ связи съ людьми, онъ сохранилъ тѣсную связь съ природою. Ее сдѣлалъ онъ предметомъ своихъ наблюденій и изученій. Просвѣщенный умъ его нашелъ и здѣсь пищу, и его силѣ

какъ бы покорилась вся природа по завѣту предвѣчнаго, а этотъ завѣтъ заключается въ назначеніи обнимать мыслію все, что составляетъ вселенную. Нищенская жизнь и труды не могли сдѣлать привлекательнымъ наружный видъ его, едва прикрытый рубищемъ, онъ исхудалъ, сталъ блѣденъ, угрюмъ. Эта-то внѣшность и привлекала на себя вниманіе людей, когда ему случалось проходить черезъ шумный городъ, гдѣ еще недавно бросали въ него каменья. Помня это, онъ шелъ «торопливо», чтобы вновь не быть предметомъ ярости; но теперь уже другое чувство возбуждалось въ сердцахъ тѣхъ же людей; оно выражается въ ихъ «самолюбивой улыбкѣ». Теперь они находятъ уже оправданіе своимъ поступкамъ въ его жалкой внѣшности. Не только они, и Богъ противъ него. Какъ же иначе объяснить это нищенское положеніе человѣка, который говорилъ, что «Богъ гласитъ его устами»? Если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то неужели бы Богъ оставилъ его и допустилъ бы до такого состоянія? Нѣтъ, тутъ скорѣе видно Божеское наказаніе. Значитъ, Богъ вмѣстѣ съ ними караетъ его. Какъ же отъ такой мысли не почувствовать самодовольствія, какъ не разыграться самолюбію? И вотъ отцы указываютъ на него дѣтямъ, какъ на дурной примѣръ гордости и неуживчивости. Что же можетъ быть для него болѣе язвительнаго? Его называютъ самозванцемъ-пророкомъ, человѣкомъ, ослѣпленнымъ гордостью, и удѣлъ его—общее презрѣніе, какъ достойное наказаніе за дерзость противъ Бога. Вотъ какъ эти люди объясняютъ себѣ жалкую внѣшность пророка. Въ сознаніи своей силы они и не подозрѣваютъ, что они ослѣплены сами, видятъ только одну его сторону; а замѣтить другую самолюбіе не позволяетъ имъ; иначе они должны бы были обвинить самихъ себя. Пріятнѣе же оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, опершись на видимый фактъ, котораго никто не опровергнетъ: нищета, блѣдность, худоба... какъ же объяснить всѣ эти знаки страданія, тогда какъ они, старцы, продолжаютъ благоденствовать? Но мы не держимъ ихъ стороны. Передъ нами рисуется величавый образъ пророка, несмотря на его непривлекательную наружность. Вмѣстѣ съ поэтомъ мы видимъ другую его сторону, которая возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ. Онъ передъ нами является человѣкомъ, страдающимъ не за себя, а за истину, за ученіе о любви и правдѣ, за то добро, которое онъ хотѣлъ принести всѣмъ людямъ. Чтобы избѣжать страданій и лишеній, ему стоило только поддѣлаться подъ понятія старцевъ, прогнавшихъ его, или просто замолчать, не противорѣчить имъ, не показывать, что онъ читаетъ въ ихъ глазахъ страницы злобы и порока,—и онъ могъ бы, подобно имъ, наслаждаться тѣмъ же внѣшнимъ довольствомъ и счастіемъ. Повидимому, все это сдѣлать было такъ легко. Да, легко, кто хлопочетъ только о самомъ себѣ! Но что тогда было бы съ ученіемъ о любви и правдѣ, съ мыслію объ общемъ человѣческомъ счастіи, если въ нихъ заключались не одни пустыя слова? Человѣку честному, съ твердымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ, невозможно отказаться отъ нихъ, если онъ не хочетъ унизить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Такой человѣкъ все отдастъ, всего

лишится, а не оставитъ своего дѣла, не отступится отъ истины, иначе его замучитъ совѣсть. Онъ предпочтетъ нищету, страданія, лишь бы только остаться съ чистой, спокойной совѣстью, лишь бы не пришлось упрекать себя въ низости, въ отступничествѣ, въ подлости. Такой человѣкъ, конечно, долженъ возбуждать въ насъ особенное уваженіе и благоговѣніе къ себѣ. Онъ поражаетъ силою своего духа, любовью къ человѣку, безкорыстнымъ служеніемъ человѣчеству; подвигъ его намъ представляется не въ торжествѣ, а въ страданіи. Вотъ такихъ людей и изображаетъ намъ поэтъ въ библейскомъ образѣ пророка. Зато какъ мелки и ничтожны должны казаться намъ эти старцы, съ самолюбивой улыбкой, презрительно указывающіе на тотъ величавый, сіяющій образъ, на его нищету, которая не унижаетъ, а еще болѣе возвышаетъ его. Онъ, угрюмый, худой и блѣдный, рядомъ съ ними, самодовольными, и можетъ быть, счастливыми, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны, уничтожаетъ ихъ до того, что мы вмѣстѣ съ поэтомъ уже насмѣшливо относимся къ ихъ самолюбію, или, говоря иначе, смотримъ на нихъ *иронически*.

Говоритъ о всемъ этомъ поэтъ заставляетъ самого пророка. Въ его словахъ мы видимъ сознаніе своего достоинства, глубокое убѣжденіе въ своей правотѣ; но въ то же время въ нихъ нѣтъ ничего высокомѣрнаго, хвастливаго. Онъ просто и спокойно разсказываетъ то, что съ нимъ было, и то что онъ слышалъ, и это еще болѣе возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ. Страданія, которыя выставляются на видъ съ цѣлью похвалиться ими, возвысить себя, теряютъ для насъ значеніе подвига, потому что мы видимъ, что они удовлетворяютъ самолюбію человѣка, и слѣдственно въ нихъ онъ находитъ себѣ какъ бы вознагражденіе—этимъ чувствомъ значительно смягчилась для него ихъ сила и горечь. Слушая слова пророка, мы и не думаемъ спрашивать себя: правду ли говоритъ онъ? можно ли вѣрить его словамъ? не правы ли, наоборотъ, старцы, смотрящіе на него, какъ на самозванца-пророка? не самозванецъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, насъ удостовѣряетъ, съ одной стороны, содержаніе его ученія, съ другой—его страданія, которыхъ бы онъ могъ избѣжать, какъ мы видѣли, и въ которыхъ онъ не видитъ никакой для себя славы. Дойти добровольно до такого положенія не было никакой цѣли какому-нибудь шарлатану, который разсчитываетъ на свои краснорѣчивыя рѣчи, прикидываясь и честнымъ, и праведнымъ, и даже страдающимъ за правду, но въ сущности, пуская только пыль въ глаза изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ. Такихъ ловкихъ людей можно встрѣтить не мало, но на нихъ не похожъ пророкъ Лермонтова. Искренность его словъ подтверждается фактами.

Стоюнинъ.

Пророкъ въ изображенiи Пушкина и Лермонтова.

Какъ два разныхъ писателя въ одномъ и томъ же предметѣ избираютъ разныя стороны, смотря по своему личному характеру, мы можемъ повѣрить на двухъ стихотворенiяхъ, подъ названiемъ «Пророкъ», изъ которыхъ одно писано Пушкинымъ, а другое Лермонтовымъ. Чтó заключается въ стихотворенiи Пушкина? Внутреннее перерожденiе человѣка, послѣ котораго онъ, бывши прежде невѣжественнымъ и лживымъ, становится мудрымъ и способнымъ на то, чтобы возвѣщать людямъ слово правды.—Возможны ли такiя перерожденiя въ человѣкѣ?—Очень можетъ случиться, что человѣкъ, способный отъ природы, но испорченный съ дѣтства, чрезъ чтенiе хорошихъ книгъ, чрезъ бесѣду съ честными людьми усвоиваетъ себѣ лучшiя понятiя и тѣмъ съ большею силою ненавидитъ зло, чѣмъ порочнѣе былъ онъ прежде. Чтобы «жечь глаголомъ сердца людей», какъ говоритъ Пушкинъ, или, по словамъ Лермонтова, «провозглашать чистыя ученья любви и правды», на самомъ дѣлѣ необходимо, кромѣ природнаго таланта и глубокаго знанiя жизни, еще имѣть очень твердый характеръ: мужество, прiобрѣтенное послѣ многихъ испытанiй, добрую волю, основанную на непреклонномъ убѣжденiи въ истинѣ того, чтó человѣкъ защищаетъ. Разумныя убѣжденiя и мужество отстаивать ихъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни даются человѣку только трудною борьбою, при чемъ, конечно, ему приходится бороться и съ своею лѣнью, со своею наклонностью ко лжи, къ лицемѣрiю, къ грубымъ наслажденiямъ, унижающимъ его нравственную природу, словомъ, съ самимъ собою. Пушкинъ и хотѣлъ представить постепенное *просвѣтлѣнiе характера въ этой внутренней борьбѣ*, но избралъ для этого *восточную аллегорiю*, гдѣ является ангелъ, преобразующiй обыкновеннаго человѣка въ пророка. Разсказъ такимъ образомъ основанъ *на чудесномъ вымыслѣ*, но при такомъ фантастическомъ изображенiи Пушкину удобно было передать свою мысль съ особенной краткостью, силою и наглядностью.

Какъ развивается мысль въ стихотворенiи.—А. Человѣкъ, ищущiй чего-то лучшаго (духовная жажда) и утомленный жизнiю (влачился), скитается въ пустынѣ и вдругъ встрѣчаетъ шестикрылаго серафима, воздушнаго генiя, «съ перстами легкими, какъ сонъ». В. Серафимъ явился, чтобы создать изъ унылаго странника новаго человѣка. Начинается его преобразованiе, составляющее главное содержанiе разсказа: въ немъ преобразованы зрѣнiе и слухъ, языкъ и сердце. 1) Едва ангелъ коснулся очей странника, какъ онъ прозрѣлъ, пробудившись отъ смутныхъ грезъ въ трепетномъ сознанiи силы (какъ у испуганной орлицы). 2) Послѣ прикосновенiя къ ушамъ сначала помутилась голова отъ прилива тысячи звуковъ, отъ множества новыхъ представленiй и идей, нахлынувшихъ въ умъ; но потомъ сознанiе прояснилось, и странникъ начинаетъ понимать все, что происходитъ въ небѣ и въ безднахъ водъ и на землѣ, все далекое и близкое, недоступ-

ное обыкновенному слуху. Таково и вліяніе знанія, науки на умъ человѣка. Но вмѣстѣ съ развитіемъ ума должны развиваться и сила слова и сила нравственныхъ убѣжденій, зависящая отъ чистоты сердечной. 3) Ангелъ безпощадно вырываетъ «празднословный и лукавый» языкъ изъ устъ странника и на мѣсто его влагаетъ «жало мудрыя змѣи», то-есть даетъ мудрость, при которой человѣкъ дорожитъ каждымъ своимъ словомъ, и слово у него становится такимъ же рѣшительнымъ, какъ дѣло. 4) Ангелъ кладетъ страннику въ грудь на мѣсто вырваннаго имъ сердца уголь, пылающій огнемъ: огонь, т.-е. благородное чувство должно очищать душу отъ всякаго низкаго расчета и давать жаръ для будущей дѣятельности человѣка. Усилія, какія человѣкъ дѣлаетъ надъ своею волею, испытанія, при которыхъ можетъ высказаться его благородное чувство, вызываютъ его на самую тяжелую борьбу и болѣе всего потрясаютъ его душу. Оттого и въ двухъ послѣднихъ преобразованіяхъ обрисована передъ нами страшная картина: замершія уста, кровавая десница, вырвалъ трепетное сердце и проч. Послѣ этого странникъ лежитъ, какъ мертвый, въ пустынѣ. С. Но силы, истощенныя борьбою, въ немъ понемногу пробуждаются вновь, и изъ испытаній онъ выходитъ уже новымъ человѣкомъ. Бога гласъ къ нему взываетъ: виждь, внемли и, странствуя всюду, «глаголомъ жги сердца людей». Странникъ становится мудрымъ, вѣщимъ и достойнымъ того служенія людямъ, къ какому призываютъ его даръ краснорѣчія и даръ честныхъ убѣжденій. Выставилъ ли здѣсь Пушкинъ человѣка среди извѣстнаго народа и извѣстнаго общества?—Нѣтъ, онъ взялъ только общую идею, и для ней черты общечеловѣческія, однако умѣлъ придать осязательность своему изображенію тѣмъ, что воспользовался характернымъ восточнымъ сказаніемъ, нѣсколько сходнымъ съ нашими библейскими разсказами, и облекъ это сказаніе славянскими выраженіями, свойственными предмету: персты, отверзлись, вѣщія зѣницы, горній полетъ, дольняя лоза, жало мудрыя змѣи, десница, виждь, внемли, глаголъ. Какъ же Лермонтовъ изображаетъ своего пророка?—Лермонтовъ представляетъ его уже во время служенія людямъ: люди, исполненные лжи и злобы, не признаютъ его и гонятъ опять въ пустыню. А. Пророкъ возбуждаетъ одну ненависть въ людяхъ, тогда какъ бездушная тварь покоряется его разумной силѣ. 1) Онъ, получивъ даръ вѣдѣнія, ясно понимаетъ, какъ искажено людское сердце злобой и порокомъ. Самая любовь къ добру заставляетъ его видѣть темныя стороны жизни, и тѣмъ яснѣе для него людская безнравственность, тѣмъ сильнѣе онъ возбужденъ провозглашать чистое ученье любви и правды. Но лицемѣры и глупцы не терпятъ правды. Страхъ, что честный человѣкъ своимъ разумнымъ словомъ можетъ повредить ихъ выгодамъ, легко переходитъ у нихъ въ ярость, и они бросаютъ въ пророка каменьями. 2) Въ горести (*посыпалъ пепломъ я главу*) онъ удаляется въ пустыню: въ городахъ онъ скитался нищимъ; но здѣсь природа, какъ и всякой другой твари, доставляетъ ему пищу: здѣсь, въ кругу неразум-

ныхъ созданій, полный просторъ его уму и чувству, и по естественному закону признано превосходство нравственной силы. В. Не опасаясь болѣе пророка, люди съ презрѣніемъ смотрятъ на него, когда онъ торопливо пробирается черезъ шумный городъ, и въ тупоумномъ самодовольствѣ ставятъ его въ примѣръ наказанной гордости дѣтямъ. 1) Старцы, какъ наиболѣе опытные въ жизни, поучаютъ дѣтей не дѣлать того, что дѣлалъ пророкъ, то-есть, учатъ мириться со всею пошлостью людскою, не вѣрить въ свое лучшее назначеніе. 2) Они въ подтвержденіе своихъ мнѣній приводятъ печальную судьбу пророка и такимъ образомъ развиваютъ въ дѣтяхъ мелкій эгоизмъ, съ которымъ человѣкъ считаетъ полезнымъ только то, что̀ доставляетъ одному ему разныя пріятности въ жизни.

Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ и блѣденъ;
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его.

Вотъ какова практическая людская мудрость въ противоположность чистымъ ученіямъ любви и правды!- Какая же разница между изображеніемъ пророка у Пушкина и у Лермонтова? Пушкинъ представляетъ, какъ пророкъ въ уединеніи, вдали отъ свѣта, готовится къ своему служенію; Лермонтовъ выводитъ его въ самой жизни, посреди тѣхъ препятствій, какія онъ могъ встрѣтить въ людяхъ. Пушкинъ рисуетъ намъ одну внутреннюю борьбу въ человѣкѣ, Лермонтовъ изображаетъ борьбу внѣшнюю, общественную, то-есть положеніе мыслящаго и честнаго человѣка среди испорченнаго свѣта. У Пушкина находимъ однѣ общечеловѣческія черты, онъ изображаетъ только могущество разумной мысли; Лермонтовъ, кромѣ личности пророка, имѣетъ въ виду извѣстный кругъ людей, потому что не всѣ и не вездѣ люди такъ порочны и тупы, какими представляетъ ихъ поэтъ. Мы видимъ, что два поэта берутъ разныя стороны въ изображеніи одного и того же предмета. Случайно ли произошелъ этотъ выборъ, или онъ зависитъ отъ различнаго направленія Пушкина и Лермонтова?—Тутъ выразился личный взглядъ каждаго изъ поэтовъ. Изъ сличенія съ другими стихотвореніями тѣхъ же авторовъ мы видимъ, что различное изображеніе пророка произошло отъ различнаго ихъ направленія. Пушкинъ представляетъ намъ высокое значеніе мыслящаго человѣка, Лермонтовъ—его борьбу со свѣтомъ. Было ли этому причиною то, что Пушкинъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, чѣмъ Лермонтовъ, и находилъ больше себѣ сочувствія? Конечно, нѣтъ; общество могло быть одно и то же, но Пушкинъ болѣе былъ занятъ своими высокими идеями безъ всякаго отношенія ихъ къ жизни. Онъ самъ о себѣ говоритъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Напротивъ, Лермонтова болѣе всего поражало противорѣчіе, какое онъ видѣлъ между высокими идеями и тѣмъ, что происходило въ жизни; его болѣе смущали темныя стороны общества. Въ этомъ высказывается личный характеръ обоихъ поэтовъ.

Водовозовъ.

Демонъ въ міровой поэзіи и образъ Демона, созданный Лермонтовымъ.

Въ поэзіи Лермонтова сохранился цѣлый рядъ набросковъ мрачныхъ сюжетовъ. Изъ этихъ поэтическихъ замысловъ Лермонтова вызрѣлъ преимущественно одинъ. Онъ представляетъ особый интересъ, какъ одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтищъ поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ принадлежащій къ одной изъ самыхъ грандіозныхъ концепцій міровой литературы.

Сатана интересовалъ поэтическое творчество въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и имѣетъ весьма длинную исторію въ литературѣ, не лишенную значительнаго интереса, если принять во вниманіе, что надъ поэтическою разработкою этого образа трудились не только народныя массы, но и такіе поэты первостепеннаго таланта, какъ Тассо, Мильтонъ, Гёте, Байронъ, не говоря о множествѣ второстепенныхъ, каковы Фондель, Лесажъ, Клопштокъ и др.

Бѣглый взглядъ на исторію сатаны въ литературѣ можетъ обстоятельно разъяснить намъ, изъ какихъ элементовъ сложилась личность Демона у Лермонтова и есть ли что оригинальнаго въ этомъ образѣ у нашего поэта. Пройдемъ же спѣшно вдоль длинной поэтической галлереи образовъ демона, въ которыхъ послѣдній предстаетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ болѣе древнія представленія о духѣ зла, мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями о видоизмѣненіяхъ въ изображеніи его въ Европѣ новаго времени.

Въ средніе вѣка діаволъ былъ въ высшей степени грознымъ призракомъ, и одни, фантазія которыхъ подпала болѣзненному страху, съ ужасомъ открещивались отъ рисовавшагося ихъ воображенію заклятаго врага Божія и противника всѣхъ стремящихся къ добру, и отъ этого тяжелаго кошмара не могли освободиться даже суровые аскеты, проводившіе всю жизнь въ подвигахъ благочестія и, казалось, вовсе не долженствовавшіе бояться врага рода человѣческаго; другіе же совсѣмъ преклонялись предъ мощью діавола и становились его почитателями. Діаволъ былъ героемъ множества легендъ, въ которыхъ являлся въ роли искусителя; между прочимъ, средневѣковая фантазія знала и о томъ, что діаволомъ были обольщаемы дѣвушки, между проч.—монахини. Былъ весьма распространенъ также мотивъ о преніи діавола съ ангеломъ за грѣшную душу. Но къ концу среднихъ вѣковъ въ повѣстенкахъ потѣшнаго содержанія, каковы Fableaux, діаволъ выступилъ въ самой обыденной житейской обстановкѣ, являясь участникомъ нерѣдко глупыхъ и смѣшныхъ приключеній. Въ

этихъ веселыхъ разсказцахъ въ тонѣ легкой насмѣшки выражается народное представленіе о діаволѣ, и послѣдній предстаетъ какъ чертенокъ-проказникъ, любящій помучить человѣка и пугнуть его, постоянно вмѣшивающійся въ дѣла людей, чтобы толкать ихъ ко злу, и нерѣдко при этомъ зло подсмѣивающійся. Діавола винятъ во всѣхъ неудачахъ и во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ человѣка. Діаволъ отстаетъ-де отъ своей несчастной жертвы лишь въ томъ случаѣ, когда за послѣднюю вступятся Богородица и святые; онъ изобрѣтаетъ тысячи способовъ соблазнять человѣка и является въ различныхъ видахъ, между проч. и въ образѣ женщины; опасаясь, что жертва, которою онъ овладѣлъ, можетъ ускользнуть изъ его власти, діаволъ старается поскорѣе умертвить ее. Онъ обладаетъ острымъ и подвижнымъ умомъ, силенъ въ словопреніяхъ и отличный «логикъ». Народная драма послѣднихъ столѣтій средневѣковья, впадая въ фривольность, также надѣляла діавола, получавшаго въ ней все болѣе и болѣе мѣста, ролью комика и интригана, смѣялась надъ нимъ и ставила его въ комическія положенія, при чемъ иногда онъ подвергался потасовкѣ изъ-за человѣческихъ душъ. Этотъ діаволъ одновременно и страшенъ и смѣшонъ. Наружность его получила видъ, какой приписывала ему грубая народная вѣра и вслѣдъ за нею средневѣковое искусство: черти были снабжены рогами, когтями, хвостами и лошадиными копытами; они черны и т. п.

Послѣ реформаціи діаволъ вновь началъ казаться могучимъ врагомъ. Лютеранство и противоположность раціонализму гуманизма содѣйствовали усиленію вѣры въ личнаго діавола и его пособниковъ.

Въ половинѣ XVII в. голландскій католикъ Joost van den Vondel въ своемъ драматическомъ произведеніи о паденіи ангеловъ и человѣка («Luisevaer», 1654) представилъ гордаго, себялюбиваго, честолюбиваго и завистливаго Люцифера въ величавомъ видѣ героя, полнаго силы и мужества.

Поэтому Vondel-я зналъ, вѣроятно, Мильтонъ. Этотъ великій поэтъ и публицистъ первой англійской революціи и пуританства въ обрисовкѣ сатаны выказалъ огромную мощь таланта и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ обычнымъ представленіемъ о врагѣ всякаго добра. Мильтонъ отрѣшилъ образъ демона отъ искаженій, которымъ подвергся этотъ типъ въ народной фантазіи, и, напротивъ того, усвоилъ Сатанѣ значительную возвышенность ума и величіе, такъ что Сатана является главнымъ лицомъ въ «Потерянномъ раѣ» а всѣ остальныя личности блѣдны по сравненію съ нимъ и отступаютъ на задній планъ. Поборникъ англійской революціи изобразилъ въ Сатанѣ неукротимо гордаго революціонера-республиканца, побѣжденнаго, но не сломленнаго, не пожелавшаго признавать высшій авторитетъ и предпочитавшаго царство въ аду рабству на небѣ. Онъ надѣленъ качествами мощнаго начинателя и вождя революціи. Онъ гордъ, исполненъ пламенной ненависти и несокрушимъ въ своемъ мужествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не вполнѣ заглохло влеченіе къ добру: увидѣвъ невинную человѣческую чету, Сатана былъ тронутъ

почти до слезъ. Онъ все-таки сохранялъ отпечатокъ своего прежняго величія. Онъ богоподобенъ, какъ и Михаилъ, и не вполнѣ лишился своего прежняго блеска. Въ немъ все еще можно узнать перваго когда-то между ангелами. И въ то же время Сатана Мильтона громаденъ, и видъ его чудовищенъ и страшенъ. Въ общемъ однако образъ энергичнаго, все преодолѣвающаго Сатаны внушаетъ удивленіе читателю поэмы Мильтона и, понятно, производилъ глубокое впечатлѣніе и оказалъ значительное вліяніе на поэтическое творчество. Онъ положилъ начало представленію Сатаны какъ бы съ чертами Прометея библейскаго вѣроученія и былъ первообразомъ гордаго и непримиримаго на всю вѣчность Байронова Люцифера.

Но на первыхъ порахъ такое опоэтизированіе Сатаны и оттѣненіе грандіозности его характера не могло еще вполнѣ возобладать надъ обычными вѣрованіями о немъ, и въ XVIII в. демонъ долго еще представалъ въ обрисовкѣ, согласной съ вѣковыми преданіями.

Вслѣдъ за Мильтономъ и Клопштокъ въ изображеніи Сатаны болѣе или менѣе возвратился къ библейскому представленію о демонахъ. Сатана и Абрамелехъ—лишь упорные противники Божіи. Но при этомъ, прославляя Бога, какъ отца любви, Клопштокъ отвергалъ вѣчность адскихъ наказаній, и у этого поэта отпадшій ангелъ Аббадона въ концѣ будетъ спасенъ и, призванный Спасителемъ, станетъ блаженнымъ, какъ и Сатана примиряется съ Богомъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ. Кающійся Аббадона очень нравился сантиментальнымъ современникамъ Клопштока.

Демонъ Анамелехъ въ идилліи Геснера «Смерть Авеля»—существо гораздо низшаго порядка, чѣмъ Сатана Мильтона и «глава духовъ» Байрона, не имѣетъ ни смѣлости тѣхъ демоновъ ни всего другого, что внушаетъ удивленіе. Онъ труслив и дѣйствуетъ исподтишка. Такое изображеніе близко къ народнымъ представленіямъ о діаволѣ, которыя не разъ продолжаютъ возникать и въ творчествѣ новаго времени.

Но въ XVIII в. Сатана долженъ былъ воспринять въ себя скептическое настроеніе того времени, подиявшись, какъ представитель систематической насмѣшки и отрицанія, ступенью выше по сравненію съ средневѣковою своею ролью.

«Хромой бѣсъ» Лесажа (1707 года), желавшаго дать широкую картину нравовъ Парижскаго общества, сталъ утонченнѣе бѣса той испанской сатирическо-аллегорической новеллы «Diablo cojuelo», которая послужила однимъ изъ источниковъ для французскаго романиста. У испанскаго новеллиста діаволъ только чародѣй и сатирикъ. У Лесажа Асмодей понятъ шире. Это—болѣе прочихъ извѣстный въ обоихъ мірахъ и самый занятой изъ всѣхъ бѣсовъ, такъ какъ ему очень много хлопотъ въ свѣтѣ, гдѣ онъ водворяетъ роскошь, всѣ новѣйшія моды, буйство, азартныя игры и химію, каруссли, танцовальныя и музыкальныя увеселенія, комедіи, устраиваетъ смѣшные браки и содѣйствуетъ разврату; это—демонъ сладострастья. Онъ изворотливѣе испанскаго и остроумнѣе въ обнаруженіи передъ своимъ спутникомъ, которому служитъ изъ благодарности, закулисной стороны человѣческой жизни; онъ

зло и вмѣстѣ весело раскрываетъ всю изнанку этой жизни и людскую глупость. Онъ все видитъ, все знаетъ въ прошломъ и настоящемъ (но не въ будущемъ) и, переступая всѣ правила, смѣется надъ всѣми глупостями и пренебрегаетъ всѣми авторитетами.

Изъ-подъ пера Вольтера явилась подъ названіемъ «Бѣднаго чертенка» («Le pauvre Diable», 1758) одна изъ самыхъ удачныхъ и язвительныхъ сатиръ его.

Такой же поворотъ въ изображеніи демона замѣчается и въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII в. Гёте въ письмѣ къ Шиллеру 1799 г. призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы изъѣденнымъ червями, и автору Фауста принадлежитъ преобразованіе и обновленіе типа демона, между проч. и въ направленіи Лесажа, а не только въ духѣ народныхъ представленій о цинически-пронырливомъ бѣсѣ. Библейскій демонъ съежился и сталъ насмѣшливымъ Мефистофелемъ. Послѣдній занятъ совращеніемъ съ пути истины одного изъ даровитѣйшихъ представителей рода человѣческаго, котораго старается завлечь въ свои сѣти искушеніями, чтобы доказать, что и этотъ человѣкъ разстанется съ богоподобіемъ, лишь только поставить его въ соприкосновеніе съ обольщеніями со стороны зла. Новою чертою въ демонѣ, изображенномъ Гёте, явилось отчетливое оттѣненіе дьявольскаго отрицанія: Мефистофель—«духъ, что вѣчно отрицаетъ» и издѣвается, и въ то же время онъ подвластенъ чарамъ заклинаній. Онъ «не можетъ ничего уничтожить въ великомъ, и потому начинаетъ съ малаго». Онъ сознается, что оттого ему немного проку,—что онъ не можетъ ничего подѣлать съ этимъ «Нѣчто, несуразнымъ міромъ», считаетъ людей жалкими, но все-таки не прочь еще разъ доказать свое могущество надъ человѣкомъ, обуреваемымъ безграничными хотѣніями и не находящимъ удовлетворенія ни въ ближайшей дѣйствительности ни въ познаваніи далекаго. Въ внѣшнихъ явленіяхъ своихъ Мефистофель не заключаетъ въ себѣ ничего чарующаго.

Демонъ вновь сталъ колоссальною фигурою подъ перомъ величайшаго поэта первой четверти настоящаго вѣка, Байрона, повліявшаго на весь цивилизованный міръ. Байронъ былъ могучимъ выразителемъ идей освобожденія, завѣщанныхъ интеллектуальнымъ и политическимъ движеніемъ второй половины прошлаго вѣка. Онъ протестовалъ противъ всякаго рода утѣсненія, духовнаго и политическаго, питалъ антипатію къ «тихому счастью безстрастнаго духа», къ спокойнымъ и умѣреннымъ характерамъ, любилъ изображать сильныя страсти, гордыя стремленія, своенравныя натуры съ безпокойнымъ и скептически настроеннымъ умомъ, одержимыя мрачнымъ отчаяніемъ и горькимъ негодованіемъ, и Сатана явился однимъ изъ типическихъ представителей Байроновскаго протеста, что̀ должно отнести отчасти ко вліянію Мильтона.

Образъ «врага Бога и человѣка» представляетъ собою у Байрона на высокой степени законченный типъ. Въ мистеріи «Каинъ», лучшемъ изъ драматическихъ произведеній Байрона, возвышенномъ, трогательномъ, но полномъ горечи и чрезвычайной смѣлости, «господинъ духовъ» («master of spirits») является непри-

примымъ врагомъ Бога и всего существующаго порядка. Онъ принадлежитъ къ числу душъ, которыя

......дерзаютъ наслаждаться
Своимъ безсмертьемъ и дерзаютъ также
Всесильному въ глаза смотрѣть и прямо
О томъ, что зло—не благо, говорить.

Люциферъ, какъ и Каинъ, исполненъ недовольства существующимъ порядкомъ, горькаго негодованія, ненависти къ Всемогущему и не вѣритъ въ благость Божію. Рѣчи его дышатъ упорствомъ и сомнѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неукротимо гордъ. Все это находится въ связи съ его безпокойною натурой, отстаиваніемъ правъ и культомъ ума. Девизъ Люцифера сказался въ его совѣтѣ Каину:

Будь независимъ. Умъ свободный можетъ
Царить надъ міромъ. Умъ не ползать долженъ,
Но возвышаться гордо надъ землею.

Уча такъ Каина, сколь рѣзко отличается Люциферъ отъ Мефистофеля, который старался прежде всего подѣйствовать усыпляющими, чарующими образами на чувство Фауста и побуждалъ послѣдняго отречься отъ умствованій и пуститься поскорѣе въ наслажденіе благами жизни. Люциферъ умѣетъ мастерски будить мучительныя сомнѣнія въ груди Каина и раздувать въ немъ протестъ противъ предполагаемой несправедливости Божіей. Вознесши Каина въ пространство міровъ, Люциферъ показалъ ему въ теченіе часа, какъ неизмѣримо великъ былъ міръ въ протекшія времена, какъ мелко и ничтожно настоящее и неутѣшительное будущее, и открылъ своему спутнику многія изъ тайнъ міротворенія и міровой жизни. На ряду съ высокими интеллектуальными дарованіями падшій ангелъ надѣленъ у Байрона небесной красотою и мало утратилъ изъ своей первоначальной лучезарности. Меланхолическій отпечатокъ несчастія, сообщенный его образу, внушаетъ участіе къ нему, и привлекательности діавола поддается не только Каинъ, но и Ада, которая говоритъ:

Пришельцу, что стоитъ передо мной,
Я отвѣчать не въ силахъ; не умѣю
Противиться, и на него смотрю
Съ пріятнымъ, тайнымъ страхомъ; убѣжала бъ,
Но не могу. Его блестящій взглядъ
Сковалъ меня своей могучей силой;
Въ груди трепещетъ сердце ... онъ страшитъ
И въ то же время ближе все и ближе
Влечетъ къ себѣ ....

Въ мистеріи Байрона «Небо и земля» выведены ангелы, которые пали, поддавшись земной любви. Исходнымъ пунктомъ для Байрона послужило толкованіе повѣствованія 2-го ст. VI-й главы Книги Бытія въ такомъ именно смыслѣ и апокрифическая книга Эноха. Въ разсматриваемой мистеріи изображена, между проч.,

взаимная любовь Аны и Аголибамы, принадлежавшихъ къ потомству Каина, и серафимовъ Азазіила и Саміазы; любовь земныхъ дщерей эти ангелы предпочитаютъ небесной святости и блаженству, пребыванію «межъ звѣздъ и престола», раю и счастью тысячъ лѣтъ, и съ наступленіемъ потопа хотятъ унести своихъ милыхъ на одну изъ планетъ, становясь открытыми мятежниками противъ Бога. Но брачный союзъ небожителей съ дочерьми праха былъ невозможенъ и не могъ принести счастья ни тѣмъ ни другимъ.

Почти одновременно съ Байрономъ ту же тему о взаимной любви ангеловъ и дочерей земли разработалъ англійскій же поэтъ Томасъ Муръ въ поэмѣ «The loves of the angels», выпущенной въ свѣтъ до выхода Байроновой мистеріи. Мура плѣнила въ этой фабулѣ не только пригодность ея для поэтической обработки, но и возможность внесенія въ нее аллегорическаго смысла, прообразующаго судьбу души, лишающейся первоначальной чистоты и подпадающей наказаніямъ за гордость и дерзновенную попытку проникнуть во внушающія благоговѣнія тайны Божіи. При сопоставленіи поэмы Мура съ Байроновой мистеріей явственно выступаетъ различіе міровоззрѣній того и другого поэта. У Байрона постоянно проглядываетъ пессимизмъ какъ въ рѣчахъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ изображеніи ихъ судьбы. У Мура же ангелы, полюбившіе дщерей человѣческихъ, также наказаны Богомъ, но не ропщутъ на Него и не озлоблены противъ Него. Возлюбленная перваго ангела сразу становится блаженной, а третій ангелъ, носящійся въ пространствѣ вмѣстѣ со своею подругою, будетъ принятъ со временемъ въ небо въ награду за вѣру въ Бога. У Мура, слѣдовательно, повѣствованіе не мрачно протестующее, а примиряющее съ приговорами Промысла, благоустрояющаго, мудраго и справедливаго.

Лишь самое отдаленное отношеніе къ сюжету Лермонтовскаго «Демона» имѣетъ одинъ изъ эпизодовъ романа Мура Lalla Rook, именно—носящій заглавіе «Paradise and the Peri», но интересно, что на сродный «Демону» сюжетъ наталкивалъ Байронъ Мура. «Я придумалъ было»,—писалъ Байронъ,— исторію, основанную на любви Пери къ смертному. Въ нее, однако, потребовалось бы вложить пропасть поэзіи, а по части нѣжнаго чувства я не мастеръ. Вотъ причина, въ связи съ нѣкоторыми другими, побудившая меня отказаться отъ этой темы, которую я вамъ предлагаю единственно въ предположеніи, что вы могли бы ею воспользоваться».

Новый, весьма возвышенный и поэтичный, полетъ творческой фантазіи въ обработкѣ мотива о любви падшаго ангела къ женщинѣ сказался въ «мистеріи» Альфреда де-Виньи «Eloa, ou la Soeur des anges», написанной въ 1823 г. и вышедшей въ свѣтъ въ 1824 году: Элоа, сестра ангеловъ, происшедшая изъ слезы Спасителя, пролитой при видѣ умершаго Лазаря, увлекаемая любопытствомъ, спустилась въ низшую сферу, гдѣ усилилось зародившееся въ ней ранѣе состраданіе къ Сатанѣ, и она согласилась раздѣлить скорбную участь послѣдняго. Въ задуманной, но не выполненной поэмѣ «Satan sauvé» de Vigny хотѣлъ представить Сатану спасеннымъ любовью Элоа. Этимъ вполнѣ выясняется возвышенная основная

мысль поэмы de Vigny, оригинально внесенная имъ въ старую легенду: поэтъ хотѣлъ символически представить всю глубину сострадания, къ какому способна высшая любовь, любовь невинной души, даже въ отношенiяхъ къ крайнему злу, къ существу вполнѣ грѣховному, въ которомъ ангельская душа усматриваетъ лишь наиболѣе достойное жалости изъ самыхъ несчастныхъ существъ; далѣе, онъ задумывалъ показать и всю силу, присущую такому состраданiю, возможность для послѣдняго перeродить зло любовiю.

Въ нашей новѣйшей литературѣ А. С. Пушкинъ въ стихотворенiи «Демонъ» (1824 г.), если не ошибаемся, одинъ изъ первыхъ изобразилъ «злобнаго генiя», который «тоской внезапной осѣнилъ» «часы надеждъ и наслажденiй» поэта:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ:
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Пушкинъ, въ своей творческой выработкѣ образа демона, не остановился на однѣхъ отрицательныхъ чертахъ характера демона. «Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», презиравшiй и ненавидѣвшiй мiръ, не вполнѣ утратилъ идеализмъ въ представленiи Пушкина. Въ стихотворенiи «Ангелъ» (1827 г.) «мрачный и мятежный» демонъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда онъ узрѣлъ ангела, сiявшаго «въ дверяхъ Эдема»:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ...

И демонъ признаетъ, что для него не прошло безслѣдно созерцанiе лучезарнаго ангела:

Не все я въ мiрѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мiрѣ презиралъ.

Отсюда уже недалекъ переходъ къ тому представленiю о демонѣ, которое найдемъ у Лермонтова.

Вотъ въ какихъ разнообразныхъ обрисовкахъ предстаетъ демонъ въ мiровой литературѣ: онъ является то въ величавомъ видѣ вождя возстанiя противъ неба въ началѣ мiра или въ крупныхъ событiяхъ человѣческой исторiи (Книга Бытiя, Данте, Тассо, Фондель, Мильтонъ, Клопштокъ), то какъ искуситель отдѣльныхъ личностей съ цѣлью завлечь ихъ въ сѣти ада, какъ искуситель, который, по выраженiю Фауста, «не будучи въ силахъ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ» (церковныя легенды, Марло, Кальдеронъ, Гёте), то въ видѣ мелкаго интригана (повѣстелки и драмы среднихъ вѣковъ); въ нѣкоторыхъ произведенiяхъ его изображали соблазнителемъ дѣвъ изъ желанiя имѣть

отъ нихъ сына, который могъ бы противопоставить отпоръ искупленію рода человѣческаго Христомъ (средневѣковые романы о Мерлинѣ и драма Иммерманна), или вообще изъ злостнаго умысла лишать небо лицъ, ему дорогихъ и угодныхъ (легенды объ искушеніи дѣвъ, поэма де Виньи); въ новѣйшее время дьяволъ оказывается представителемъ протеста и отрицанія во имя глубокой мысли, которой исполненъ (таковы Люциферъ Байрона и отчасти Гётевскій Мефистофель и Пушкинскій демонъ).

Ознакомившись съ исторіей Сатаны въ міровой поэзіи, мы можемъ основательнѣе выяснить и оцѣнить образъ демона, созданный Лермонтовымъ.

Демонизмъ началъ занимать Лермонтова съ 15-лѣтняго возраста (съ 1829 г.), если не ранѣе,—съ того времени, когда и нашъ юный поэтъ, проникшись недовольствомъ собою и всѣмъ остальнымъ, исполнился присущей Байронову Каину неудовлетворенности своимъ существованіемъ, боязни и ненависти къ смерти, которая должна прекратить это существованіе, призналъ, что жизнь не имѣетъ цѣны потому, что должно умереть, и пересталъ находить удовлетворительное объясненіе въ догмѣ преданія. Все это сближало Каина съ Люциферомъ, а нашего поэта съ тѣмъ и другимъ. Подобно Байронову Каину, и Лермонтовъ началъ говорить, что Богъ создалъ человѣка только для страданій и смерти; и Лермонтовъ готовъ былъ усматривать въ людской судьбѣ дѣло Божіей несправедливости и протестовать противъ послѣдней подобно Люциферу.

Понятно послѣ этого, какъ Лермонтовъ пришелъ къ созданію своего «Демона».

Образъ его получилъ для юнаго поэта особый смыслъ, какъ олицетвореніе духа недовольства кратковременными радостями и эфемерными благами жизни и демоническаго пессимизма, котораго былъ исполненъ самъ поэтъ въ средній періодъ своей жизни. Это недовольство лишало Лермонтова полнаго счастія, но, при всей мучительности настроенія, въ которое повергало, было вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего поэта «лучомъ чудеснаго огня», «озарявшимъ его умъ»; оно сообщало его поэзіи энергію и значительный подъемъ.

Тотъ демонъ, котораго Лермонтовъ принялъ въ свои спутники, былъ обязанъ своею основною идеею отчасти Гётевскому, Байроновскому и Пушкинскому демону, какъ и самъ Лермонтовъ нѣсколько уподоблялся Гётевскому Фаусту разочарованіемъ даже въ наукѣ.

Но на ряду съ этимъ демонизмомъ въ душѣ поэта не умирала любовь, которая доставляла моменты отрады, хотя и кратковременной. Любовь представляла контрастъ демонизму въ его исключительности, но контрастъ, который не разъ уживался съ послѣднимъ въ литературномъ преданіи, и такъ какъ Лермонтову была особливо дорога его чистая любовь къ предмету его постоянной сердечной привязанности съ лѣтъ юношества и до могилы, то не удивительно, что его, по преимуществу, заинтересовали тѣ фабулы о демонѣ, въ которыхъ гордый врагъ Бога подпадаетъ любви къ смертной, плѣнившей его своею душевною и внѣшнею кра-

сотою, и ищеть успокоенія въ этомъ чувствѣ. Не удивительно, что поэть занялся съ чрезвычайною любовію переработкою этихъ легендъ: онъ, какъ то свойственно великимъ поэтамъ, влагалъ въ избранный сюжеть часть собственной души и, одолѣвая его, одолѣвалъ то, что тяготило его духъ.

Когда Лермонтовъ принялся за первые наброски своей поэмы, онъ зналъ уже и неукротимо гордаго Мильтонова Сатану, сатану-революціонера, который предпочелъ царство въ аду рабству на небѣ, и Байроновскаго Люцифера, вѣчнаго врага Божія: и тотъ и другой величавы и въ самомъ паденіи не утратили первой красы. Оттуда-то, вѣроятно, чудная и вмѣстѣ страшная краса того демона, образъ котораго рано началъ тревожить душу поэта. Зналъ Лермонтовъ и язвительнаго наемѣшника Мефистофеля, и демона, который являлся Пушкину. Были извѣстны Лермонтову далѣе и нѣкоторые другіе литературные образы демона. Юный поэтъ не убоялся состязанія съ корифеями творчества и вышелъ изъ этого состязанія съ торжествомъ, которое тѣмъ значительнѣе, что сюжетъ, которымъ онъ занялся, представлялъ особыя трудности въ нашъ вѣкъ нерасположенія къ символизму въ поэзіи.

Чѣмъ впервые было обращено вниманіе Лермонтова на сказаніе о любви демона къ смертной, притомъ обрекшей себя на служеніе Богу и соблюденіе дѣвства, мы точно не знаемъ. Мы должны лишь ограничиться предположеніемъ, которое кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, именно, что исходнымъ пунктомъ поэмы Лермонтова о демонѣ были произведенія сроднаго содержанія, незадолго до того явившіяся въ западной литературѣ; разумѣемъ поэмы: «Eloa» Альфрейда де-Виньи и въ особенности «The loves of the angels» Томаса Мура. Что до мистеріи Байрона «Каинъ», изъ которой заимствованъ эпиграфъ ко второму очерку «Демона», «Небо и земля» и драматической поэмы «Манфредъ», то онѣ, какъ и нѣкоторыя другія произведенія, оказали второстепенное вліяніе на замыселъ Лермонтова рѣзкимъ выраженіемъ того общаго пессимистическаго взгляда на міръ и жизнь людей, которымъ пропитаны Каинъ, Люциферъ, Манфредъ и большая часть дѣйствующихъ лицъ мистеріи «Небо и земля» и представителемъ котораго въ поэмѣ Лермонтова является Демонъ. Такимъ образомъ «Демонъ» Лермонтова составляетъ творческій сплавъ мотивовъ, оставшихся въ воображеніи автора отъ впечатлѣній, произведенныхъ цѣлымъ рядомъ произведеній, съ которыми ознакомился поэтъ; при этомъ главнымъ источникомъ вдохновенія было сближеніе, въ которомъ поэтъ приравнивалъ себя къ демону, подобно послѣднему хватаясь за свою любовь, какъ за единственный выходъ изъ демоническаго пессимизма.

Наиболѣе совпаденій представляетъ поэма Лермонтова съ названной поэмою Мура: въ исторіи *одного* демона у Лермонтова повторяются подробности печальныхъ любовныхъ исторій трехъ ангеловъ Мура.

Отмѣчая черты сходства обоихъ этихъ произведеній, должно начать съ того, что какъ ангелы Мура утратили небо не въ силу прямого возстанія противъ Бога, а лишь изъ-за любви къ земнымъ

дѣвамъ, такъ и героиня «Демона» въ первомъ и второмъ очеркѣ этой поэмы вначалѣ была любима *ангеломъ* и любила его и лишь потомъ влюбилась въ одного изъ демоновъ, притомъ далеко не главнаго.

Демонъ Лермонтова плѣнился Тамарой, пролетая надъ землею, какъ и первый ангелъ Мура. Демонъ смущалъ Тамару чарующими рѣчами, «мечтой пророческой и странной», внушая ей «страсть безотчетную», «тоску и трепетъ», навѣвая заманчивые сны, прежде чѣмъ предсталъ предъ нею: такъ точно поступалъ съ красавицей, которую полюбилъ, и второй ангелъ Мура: онъ воспламенялъ фантазію дѣвы и возбуждалъ въ ней нѣжныя желанія въ снахъ и видѣніяхъ.

Въ особенности монахиня Лермонтова своею «думой», «грустью скрытной», «печалью» (уже во второмъ очеркѣ), «невыразимою тоской, неизъяснимою заботой» походитъ на дѣвъ, которыхъ любили ангелы у Мура.

Это была дѣвушка возвышенныхъ порываній. Она томилась жаждой все постигнуть на землѣ и на небѣ, хотя бы пришлось тотчасъ же послѣ того умереть. Она проникалась энтузіазмомъ, когда ангелъ началъ показывать ей чудеса міра, и стремленіе уносило ее все впередъ и впередъ, къ познанію тайнъ, недоступныхъ человѣческому разумѣнію.

Демонъ предсталъ воочію Тамарѣ въ монастырѣ. Второй ангелъ у Мура также явился Lilis «въ священномъ мѣстѣ, избранномъ ею для молитвъ, въ гротѣ изъ чистѣйшаго мрамора».

Развязка поэмы «Демонъ» отчасти представляетъ какъ бы сліяніе развязокъ любовныхъ отношеній перваго и второго ангеловъ у Мура. Первый ангелъ пожелалъ однажды напечатлѣть поцѣлуй на устахъ Lea и едва произнесъ при этомъ таинственное слово заклинанія, которое должно было вознести его къ небу, слово, дотолѣ не выговаривавшееся ни передъ однимъ изъ существъ земли, какъ видъ Lea преобразился въ просвѣтлѣніи, и она поднялась къ звѣздѣ, къ которой столь часто уносилась прежде своею фантазіею, ангелъ же, наоборотъ, напрасно повторялъ мистическое слово—въ его устахъ оно не имѣло уже прежней силы, и онъ былъ обреченъ оставаться на землѣ. Второй ангелъ лишился своей Lilis, когда предсталъ предъ нею, по ея просьбѣ, во всемъ блескѣ своего небеснаго величія; едва онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, какъ пламень, исходившій отъ ангела, сжегъ дѣвушку, которая въ моментъ смерти напечатлѣла на его челѣ пламенный поцѣлуй.

Изъ исторіи третьяго ангела и смертной, которую онъ полюбилъ, въ поэму Лермонтова вошли отдѣльныя мысли, впрочемъ, нѣсколько переработанныя въ нашемъ «Демонѣ». Такъ, доводы демона о ничтожествѣ земныхъ благъ и чувствъ представляютъ нѣкоторое совпаденіе съ подобнымъ отзывомъ о земной любви у Мура, а равно объясненіе вознесенія Тамары въ рай тѣмъ, что

Она страдала и любила—
И рай открылся для любви.

находитъ себѣ также нѣкоторое соотвѣтствіе.

Но есть и болѣе существенныя совпаденія. «Вдохновенная пѣвица»-монахиня Лермонтова напоминаетъ Наму Мура чудною игрою на лютнѣ.

Какъ о Zaraph'ѣ у Мура говорится, такъ и о демонѣ Лермонтова читаемъ въ первомъ и второмъ очеркахъ:

Однажды вечеромъ (въ первомъ очеркѣ: въ полночь) межъ скалъ,
И надъ сѣдой равниной моря...
Бѣглецъ эдема пролеталъ...
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ.

Наконецъ, *моральный* смыслъ, на который указываетъ Муръ въ переданной имъ исторіи ангеловъ, присущъ и повѣствованію Лермонтова, хотя болѣе или менѣе полное совпаденіе замѣчается въ одномъ лишь отношеніи - въ характерахъ и стремленіяхъ дѣвъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ поэтомъ: любовь этихъ дѣвъ къ неземнымъ существамъ приноситъ имъ самимъ озареніе и возноситъ ихъ надъ чисто земными помыслами.

Что до личности Лермонтовскаго демона, то онъ не походитъ на ангеловъ Мура, а равно и на ангеловъ Байроновской мистеріи «Небо и земля», представляющихъ сходство съ первыми. Близокъ къ Байронову Люциферу, но еще болѣе родства у него съ Сатаною Мильтона и съ демономъ Альфреда де-Виньи, также оказавшимъ значительное воздѣйствіе на поэму Лермонтова.

Демонъ у Лермонтова, какъ и Сатана у де-Виньи, является искусителемъ дѣвы, невинная красота которой увлекаетъ его, какъ отблескъ неземной красы, и на мгновеніе въ душѣ того и другого пробуждаются тѣ добрыя чувствованія, которыя когда-то наполняли ихъ душу. Такимъ образомъ, и въ то время какъ у Байрона и у Мура изображено увлеченіе ангеловъ земною красотою, приводящее ихъ къ забвенію небеснаго блаженства, которымъ они дотолѣ наслаждались, у де-Виньи и въ особенности у Лермонтова, наоборотъ, демонъ, плѣненный ангельскою красотою земной дѣвы, начинаетъ испытывать порывы къ возрожденію въ себѣ прежней чистоты духа. У нашего поэта эта мысль оттѣнена весьма отчетливо. Она выступала все замѣтнѣе и замѣтнѣе при послѣдовательныхъ обработкахъ поэмы, при чемъ и демонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе поэтической красоты, да и возлюбленная демона въ послѣдовательныхъ редакціяхъ становилась все выше и выше въ своей духовной организаціи. Какая громадная разница между дѣвою Азраила и монахинею перваго очерка, съ одной стороны, и Тамарою послѣднихъ редакцій «Демона»- съ другой! Лермонтовъ какъ бы хотѣлъ олицетворить въ своемъ Демонѣ тяжесть исключительнаго сомнѣнія и отрицанія, невозможность для личности успокоиться на томъ и другомъ и испытываемую ею и послѣ разочарованія потребность найти какое-нибудь положительное начало жизни хотя бы въ такомъ узкомъ ограниченіи послѣдняго, какъ любовь къ единому существу. Эта любовь, какъ скоро станетъ якоремъ спасенія, можетъ постепенно возвышать проникаю-

щуюся ею личность къ нравственному возрожденію, устраняя въ ней эгоизмъ гордаго отрицанія, коренящійся въ крайнемъ индивидуализмѣ. Понятно послѣ этого, что Лермонтовъ отличалъ своего демона отъ демона де-Виньи, какъ разнится своимъ нравственнымъ складомъ демонъ Лермонтова и отъ Байронова Люцифера.

Еще болѣе различія замѣчается въ героиняхъ поэмъ Лермонтова и де-Виньи. Правда, Тамара, не будучи женщиной-ангеломъ, какова Элоа, все-таки по своей духовной организаціи была изъ существъ необычныхъ:

Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ [1]).

Въ этомъ отношеніи Тамара, будучи близка къ подругамъ ангеловъ Мура, не совсѣмъ далека и отъ Элоа. Первоначально уподоблялась она послѣдней и въ томъ, что демонъ завлекъ ее изображеніемъ прелести любви хотя бы и въ аду, на который вдобавокъ Богъ не обращаетъ вниманія:

Она. Насъ могутъ слышать!...
Дем. Мы одни!
Она. А Богъ?
Дем. На насъ не кинетъ взгляда.
Онъ небомъ занятъ, не землей!
Она. А наказанье, муки ада?
Дем. Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая!
Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Далѣе, какъ демонъ обольстилъ дѣву, «она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада». Но потомъ между Элоа и Тамарою усматривается коренное различіе. Уже при первомъ знакомствѣ съ исторіею Сатаны состраданіе, являющееся одною изъ первыхъ ступеней любви, закралось въ душу Элоа, склонной къ милосердію по самой своей природѣ, по происхожденію изъ слезы, пролитой Христомъ при видѣ умершаго Лазаря. Кромѣ

[1]) Въ восхищеніи Лермонтова реальною высшею женской красотою отзывался платонизмъ. Вотъ какъ говорилъ поэтъ, описывая „подъ видомъ дѣвы горъ, созданіе земли и рая“: (II, 85—86):

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ —
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ —
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.

того, Сатана прельщаетъ ангельскую дѣву Элоа у де-Виньи заманчивою разрисовкою утѣхъ любовнаго единенія, и ангельски-невинное существо, уже предварительно проникнись состраданіемъ, поддается приманкѣ этой неизвѣданной имъ прелести; никакихъ другихъ увлекательныхъ обѣщаній Элоа не слышитъ отъ Демона, потому что ничего лучшаго и не могъ онъ пообѣщать ей помимо того, что она уже знала и чѣмъ наслаждалась на небѣ. У Лермонтова рѣчи демона иныя. Демонъ не только противополагаетъ «повѣсти тягостныхъ лишеній, трудовъ и бѣдъ толпы людской» свою «безсмѣнную печаль», такъ что Тамара «невольно и съ отрадой тайной» слушаетъ «страдальца», который не разъ

. . . . передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...

помимо того Демонъ указываетъ Тамарѣ на все ничтожество и пошлость людской жизни, на то, что на землѣ

. . . нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть ни любить.

Замѣчаніемъ о полной непрочности земныхъ привязанностей Демонъ заканчиваетъ внушеніе Тамарѣ того пессимизма, который можетъ быть присущъ всякому идеализму, извѣдавшему на опытѣ всѣ обманы и горечь жизни. Послѣ того Демонъ начинаетъ обольщать воображеніе Тамары картиною иного существованія, къ которому она «присуждена», намекнувъ предварительно на высшую духовную организацію Тамары, на то, что она не можетъ удовлетвориться ничтожнымъ жребіемъ людскимъ. Послѣднее было вѣрно угадано Демономъ, и его искусныя рѣчи достигли цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Сердцемъ Тамары не только овладѣваетъ глубокое состраданіе къ тому, кто казался столь несчастливымъ въ безсмѣнной и безконечной печали и мукахъ демонизма, которыхъ никакой другой поэтъ не передавалъ съ такою силою, какъ Лермонтовъ устами демона; Тамару увлекаютъ не только нечеловѣческій пылъ любви Демона и сила «нездѣшней страсти», изливающаяся въ рѣчахъ, полныхъ чарующей прелести, «огня и яда», со «всѣмъ упоеньемъ безсмертной мысли и мечтѣ», «полное гордыни» сердце Тамары окончательно плѣняютъ такія обѣщанія, очаровывающія слухъ, самое пылкое воображеніе и сердце, какъ слѣдующія:

Мы, дѣти вольнаго эѳира,
Тебя возьмемъ въ свои края,
И будешь ты царицей міра...
Пучину гордаго познанья
. . . . *открою я тебѣ*...
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ...
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ...
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой...
Я дамъ тебѣ все, все земное...

У Байрона и также у Мура изображено увлеченіе земною красотою до забвенія небесной. У Лермонтова видимъ, наоборотъ, увлеченіе красотою, сообщающее нѣкоторый нравственный подъемъ даже демону; Тамара же, подобно Lea и Lilis Мура, подпадаетъ любви въ порывахъ къ неземному счастію и высшему свѣту. Тамара поддается искушенію, но немедленно умираетъ, чтобы перейти въ тотъ самый горній міръ, мечта о которомъ плѣнила ее въ рѣчахъ Демона, и за эту, вѣроятно, мечту вѣчная, Божественная правда приняла Тамару въ свою обитель, какъ приняла Маргариту и Фауста. Въ словахъ позднѣйшихъ очерковъ:

Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви,

не совсѣмъ ясно опредѣляется намъ причина Божія милосердія къ Тамарѣ. Оправданіе послѣдней заключается, надо думать, не исключительно въ томъ, что она въ силу нѣжности, свойственной женской натурѣ, руководилась, по преимуществу, любовью, но и въ другихъ ея душевныхъ движеніяхъ, приведшихъ къ торжеству искусителя. Тамара вняла мольбамъ Демона не сразу, а съ душевной борьбой (отъ того «она страдала»), и уступила, стараясь обмануть себя клятвами его въ томъ, что онъ уже не врагъ Бога. Любовь Тамары къ Демону была нѣсколько отлична отъ чисто-грѣховной любви: въ любви Тамары съ чувствомъ сострадания, хотя бы даже къ духу злобы, сливались и нѣкоторая надежда на обращеніе этого духа къ добру, и идеалистическія увлеченія міромъ вышнимъ, и такая любовь могла возвести къ высшему спасенію, при чемъ восторжествовало добро надъ примѣсью зла, между тѣмъ какъ, по первоначальному замыслу Лермонтова, Демонъ всецѣло овладѣвалъ предметомъ своей страсти, измѣнившимъ ради дьявола даже любившему монахиню и дотолѣ любимому ею ангелу, какъ и Элоа поддалась довольно скоро Сатанѣ, оставивъ міръ ангеловъ. Такъ, въ концѣ поэма Лермонтова стала отлична отъ произведенія де-Виньи, которое кажется нѣкоторымъ не вполнѣ яснымъ по своей идеѣ.

Изъ всего сказаннаго понятно, съ какими отмѣнами является у Лермонтова образъ Демона, надъ которымъ работали вѣка и первую идею поэтической переработки котораго нашъ поэтъ заимствовалъ несомнѣнно изъ западно-европейской поэзіи. Демонъ Лермонтова не дьяволъ лишь вѣкового преданія, «духъ изгнанья», «гордости», «отверженія и зла», «бѣглецъ Эдема», «мрачный искуситель», «злой духъ», который «перемѣниться не могъ бы», «лукавый», демонъ нашего поэта—не только обольщающій невинную душу чудными снами и искусными рѣчами величавый Сатана Мильтона; онъ не только «гордый духъ, мрачный духъ сомнѣнья», «духъ безпокойный» и вмѣстѣ «блиставшій неземной красой», «царь познанья и свободы» подобно Байронову Люциферу, «вѣчному противнику Бога»; соблазняя невинную дѣвственную душу, какъ въ «Элоа» де-Виньи, Демонъ Лермонтова чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порывъ возвратиться къ воспоминаніямъ лучшихъ дней, что немыслимо для Байроновскаго Люцифера, хотя въ сущности

такой переломъ въ характерѣ Демона былъ возможенъ для него не всегда; онъ томится своимъ положеніемъ и очеловѣченъ до того, что испытываетъ «земныя мученія», «земную страсть» и

Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда.

У Лермонтова Демонъ, «душой измученною боленъ», охваченный мечтою, еще въ большой степени, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, приближенъ къ человѣческой душѣ съ высшими, но демоническими порываніями. Демонъ Лермонтова умѣетъ очаровывать эту душу, одновременно затрогивая струны самыхъ сильныхъ звуковъ и гордыхъ порывовъ и вызывая «чудной нѣжностью рѣчей» отзвуки струнъ самыхъ нѣжныхъ. Образъ Демона у нѣкоторыхъ поэтовъ сближали съ Прометеемъ; Демонъ Лермонтова представленъ, какъ уже пережившій время,

Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ.

Демонъ нашего поэта близокъ къ человѣку, изстрадавшемуся отъ «надеждъ погибшихъ страстей». Знаніе не принесло ему отрады, зло ради зла уже опостылѣло, «наскучило ему», прежняя жизнь съ ея злодѣйствами казалось ему уже страшно тяжелою:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за *добро* вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!..

Вотъ это-то весьма яркое раскрытіе муки демонизма и составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ и одну изъ оригинальнѣйшихъ особенностей Лермонтовскаго «Демона», то новое, что внесъ Лермонтовъ въ тему, надъ которою работало столько вѣковъ. Безпросвѣтный эгоизмъ и отрицаніе не дали счастья, и Лермонтовскій демонъ въ иные моменты уже является

. . . . .любить готовый,
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.—
. . . . и вновь
Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молніей любовь,
И онъ опять постигъ святыню,
И міръ добра и красоты...

«Полонъ жизни новой», онъ готовъ «гордо снять вѣнецъ терновый съ своей *преступной* (выраженіе самого Демона) головы и все былое бросить впрахъ». Все это можно бы слышать изъ устъ человѣка необычайной силы страстей и воли, и всего этого можно бы ожидать въ повѣствованіи о такомъ человѣкѣ, но не о демонѣ сложившихся

обычныхъ представленій. Такимъ образомъ Демонъ у Лермонтова поставленъ въ положеніе, которое гораздо драматичнѣе и интереснѣе обстановокъ, въ какихъ онъ является у предшествовавшихъ поэтовъ. Онъ—олицетвореніе демонизма, свойственнаго иной неугомонной человѣческой душѣ, тоже одолѣваемой стремленіемъ къ «познанью и свободѣ» и вмѣстѣ «мрачнымъ духомъ сомнѣнья». Человѣкъ такой души ищетъ выхода изъ своего томительнаго состоянія, можетъ на непродолжительныя, сравнительно, мгновенья постигать «святыню любви, добра и красоты», но затѣмъ проклинаетъ иногда

Мечты безумныя свои,
И *остается вновь* надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!.:

Затрогивая въ человѣческой душѣ стремленіе къ иной, высшей, участи, убаюкивая душу и обольщая гордыми, несбыточными мечтами и «соблазна полными рѣчами», при чемъ «всѣ чувства въ ней вдругъ кипятъ», и такой Демонъ, какъ Лермонтовскій, не дастъ отрады человѣку, какъ не утѣшилъ души Фауста, безгранично жаждавшаго познанія и другихъ высшихъ утѣхъ, язвительный скептикъ Мефистофель. Помимо послѣдняго, не удовлетворенный Фаустъ, нашелъ успокоеніе незатѣйливой и простой, но вполнѣ достигающей цѣли, практической дѣятельности на общую пользу и, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ отказался отъ гордыхъ порывовъ къ божественному знанію и отъ жажды безграничнаго наслажденія прекраснѣйшими благами жизни. Гёте поставилъ демона въ соприкосновеніе съ высшею человѣческою мудростію, стремившеюся постигнуть жизнь и извѣдать все лучшее въ человѣческой жизни; Лермонтовъ—въ соприкосновеніе съ одной изъ душъ, не удовлетворяющихся обычнымъ пошлымъ существованіемъ,—такихъ, которыя поклялись «земныя страсти позабыть».

Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ.

Такая личность, которой мысль и «сердце, полное гордыни», постоянно смущаютъ «неотразимая мечта», таинственныя грезы и «чудныя видѣнья» «пестрыхъ, странныхъ сновъ», повергающія въ «тоску и трепетъ», при чемъ «огонь по жиламъ пробѣгаетъ», въ концѣ-концовъ можетъ не перенести «смертельнаго яда лобзанья» демона—виновника этихъ грезъ, можетъ поддаться обаянію зла, но нёбо словами своего ангела, какъ бы примѣнительно къ изреченію евангелія о прощеніи грѣшницѣ за ея великую любовь, оправдываетъ возвышенную натуру за ея «неземную любовь» и высшія стремленія, хотя бы въ порывѣ послѣднихъ ей пришлось пасть. Такимъ образомъ, въ концѣ развитія этого поэтическаго замысла и у Лермонтова какъ бы проводится идея, во имя которой получилъ небесное оправданіе Фаустъ у Гёте:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.

Итакъ, даже въ чистую, невинную душу юной дѣвушки, которой болѣе не плѣняетъ окружающая ее дѣйствительность, успѣваютъ проникать «соблазна полныя рѣчи» Демона и поселять въ ней «сомнѣнія». Эти рѣчи могутъ всколебать дѣвственную душу и ея «женскія мечты» грезами о необычномъ счастіи, и она, «покой навѣки погубя, невольно съ отрадой тайной» прислушивается къ обольстительнымъ рѣчамъ и становится не чуждой влеченій, сродныхъ демонизму. А что же сказать о людяхъ, которыхъ душевное состояніе вполнѣ предрасполагаетъ къ воспріятію внушеній демонизма? Они могутъ стать весьма близкими къ Демону Лермонтова. Вѣдь искуситель Тамары

...не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь,—ни мракъ, ни свѣтъ!..

Въ подобномъ состояніи бываетъ и человѣческая душа:

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И; какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ опавшій вновь не зацвѣтетъ.

Такое настроеніе человѣческой души—порожденіе демоническаго недовольства:

Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ.
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,
Все, что ему еще завидно въ насъ.

Это тягостное состояніе переживали въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, какъ увидимъ, многіе «сыны вѣка». Хорошо извѣдалъ такую душевную муку и Лермонтовъ. Его «Демонъ» собралъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, различныя составныя части ранняго пессимистическаго настроенія поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэмѣ Лермонтова дана оригинальная переработка и сплавъ элементовъ демонизма, уловленныхъ и возсозданныхъ нѣкоторыми изъ лучшихъ

западно-европейскихъ поэтовъ, при чемъ образъ Демона у нашего поэта, не уступая замѣчательнымъ западно-европейскимъ обрисовкамъ этого типа, пріобрѣлъ новый интересъ и краску вслѣдствіе оттѣненія въ немъ такихъ чертъ, которыя выступали не столь отчетливо у другихъ поэтовъ.

Для Байрона Люциферъ былъ готовымъ традиціоннымъ образомъ, въ который наилучше могъ быть вмѣщенъ тотъ безотрадный пессимизмъ, какого былъ преисполненъ англійскій поэтъ. У Лермонтова Демонъ столь же прекрасенъ, какъ у Мильтона и у Байрона, онъ одновременно и увлекаетъ своею красотою, и наводитъ страхъ, какъ Байроновъ Люциферъ, и умѣетъ завлекать страстными рѣчами, какъ Сатана де-Виньи, но не столь мраченъ и непреклоненъ, и пессимизмъ его не столь исключителенъ, потому что то былъ пессимизмъ самого поэта-юноши, который не успѣлъ еще извѣриться во всемъ, хотя и показывалъ видъ вполнѣ разочарованнаго человѣка. У Байрона лишь вскользь говорится о грусти Люцифера. У Лермонтова Демонъ—не только носитель зла, духа сомнѣнія и отрицанія, убивающаго пышныя грезы юности, не только олицетвореніе таинственнаго голоса, смущающаго душевный покой, но и воплощеніе тоски и грусти, являющейся результатомъ разрушенія гордыхъ надеждъ и радостныхъ упованій. Быть можетъ, не безъ вліянія образа Клопштокова кающагося Аббадоны Лермонтовъ развилъ далѣе намекъ на безотрадное душевное состояніе и на проблескъ возможности раскаянія Сатаны, встрѣченный у де-Виньи, и сдѣлалъ «горькую муку», тоску, грусть и жажду счастія преобладающими чертами настроенія своего демона. Послѣдній ищетъ выхода и инстинктивно угадываетъ вѣрно возможность такого выхода—въ любви. Лермонтовъ, слѣдовательно, предварилъ идею, которую де-Виньи хотѣлъ было развить во второй части «Элоа»,—идею о великомъ воздѣйствіи чувства любви даже на демоническія натуры. Этимъ Лермонтовъ окончательно очеловѣчилъ Демона, и въ такомъ изображеніи Демонъ, испытывающій «умиленье», «земное первое мученье и слезы первыя», «позавидовавшій невольно неполнымъ радостямъ людей», сталъ символомъ и какъ бы крайнимъ типомъ неудовлетворенности и тоски людской души, измученной зломъ, какое она встрѣчаетъ въ мірѣ, неудачами и неосуществимостью ея гордыхъ и безграничныхъ порывовъ, невзгодами и собственнымъ отрицаніемъ, души «пылкой»,

Неизъяснимой, своеправной,
Въ борьбѣ безумной и неравной,
Не знавшей власти надъ собой...,

но все-таки ищущей утѣшенія въ слѣдованіи голосу сердца и въ мистическихъ упованіяхъ и находящей свѣтлые, хотя и краткіе, моменты отрады въ чувствѣ любви. Любовь эта своимъ идеальнымъ мотивомъ успѣваетъ вызвать отвѣтное чувство даже въ душѣ, удалившейся отъ міра, которой внушаетъ слабую, не отрѣшенную отъ сомнѣнія, надежду на нравственное перерожденіе Демона. Въ этомъ увлеченіи Тамара подобно Мильтоновой Евѣ является

представительницей нѣжнѣйшей женственности, въ ея возвышенныхъ влеченіяхъ не неприступной для обольщеній демонизма. Образъ ея говоритъ преимущественно нашему сердцу, герой же поэмы—Демонъ—ставитъ также интересную загадку нашему уму, выдвигая вопросъ вѣчной важности—объ источникѣ демонизма, свойственнаго человѣческой душѣ.

Данкевичъ.

Библейскіе мотивы въ поэмѣ „Демонъ“.

Библія притягивала вниманіе Лермонтова и своей неувядаемой поэзіей и высотой религіознаго и нравственнаго ученія. Онъ нерѣдко вдохновлялся ею; замѣтно, что онъ больше тяготѣлъ къ ветхому завѣту; ему по душѣ была и знойная «Пѣснь пѣсней», и мрачный «Экклезіастъ», и скорбно-гнѣвный «Плачъ Іереміи», и восторженные, славящіе благость и мудрость Творца, «Псалмы».

О томъ, какъ глубоко, какъ тонко понималъ Лермонтовъ поэзію библіи, проникался этой поэзіей, съ какимъ совершенствомъ претворялъ библейское въ современное, можетъ свидѣтельствовать поэма «Демонъ». Все, что лежитъ въ ея основѣ,—борьба злого духа съ Небомъ, печальныя думы о томъ, что человѣческая жизнь кратка, что земное счастіе непрочно, что юность быстролетна, что самая пылкая любовь непостоянна, что преходящи и богатства и слава, что плоды трудовъ человѣческихъ недолговѣчны,—все это библейское, влившееся въ поэму или непосредственно изъ библіи, или изъ произведеній чужеземныхъ, болѣе или менѣе широко захватывавшихъ библейскіе мотивы (таковы, напримѣръ, «Потерянный рай» Мильтона, «Мессіада» Клопштока, «Фаустъ» Гёте, «Каинъ» и «Небо и Земля» Байрона, «Элоа» А. де-Виньи и др.). Нельзя не поражаться мощи и гибкости молодого генія, съ честью для себя выдержавшаго соревнованіе съ колоссами міровой литературы. Поэма Лермонтова—не подражаніе; много лѣтъ было потрачено на ея созданіе; эти идеи, эти пышные образы найдены въ мучительныхъ поискахъ идеала, пронесены сквозь огонь душевныхъ страданій поэта, имъ придана новая, ослѣпительная красота.

Тяготѣя болѣе къ сумрачной ветхозавѣтной поэзіи, Лермонтовъ создалъ такіе шедевры, какъ «Пророкъ» и «Демонъ». Однако сердце его лежало не только къ печали, но и къ радости; изъ книгъ ветхаго завѣта онъ взялъ мотивъ восторженной хвалы Творцу неба и земли, всего видимаго и невидимаго. Имъ же написаны—«Вѣтка Палестины» и «Молитвы»—«Я, Матерь Божія» и «Въ минуту жизни трудную»; эти трогательныя молитвы озарены немеркнущимъ сіяніемъ новозавѣтной поэзіи; въ нихъ и безграничная, свѣтлая вѣра въ Бога, въ Божію Матерь, и тихая грусть, и надежда, и нѣжность; въ русской литературѣ нѣтъ религіозныхъ мелодій плѣнительнѣе лермонтовскихъ. Поэтъ равно постигалъ духъ ветхаго и новаго завѣта.

Мы далеки отъ мысли утверждать, что всѣ точки соприкосновенія поэзіи Лермонтова съ Библіей являются доказательствомъ влія-

нія послѣдней, что онъ въ совершенствѣ зналъ ее; многія совпаденія, вѣроятно, случайны; но библію онъ читалъ, цитировалъ ее, вдохновлялся ею; словомъ, она была однимъ изъ тѣхъ источниковъ, которые питали поэтическій геній Лермонтова.

Семеновъ.

Герой нашего времени.

Романъ «Герой нашего времени» начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Койшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное—они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время какъ его тележку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ,—отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа—съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта долж-

но состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудовой службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ «чортъ возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ въ родѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не куреніи табака, а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить» значитъ «служить», и служить на Кавказѣ; «азіаты»—его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и, сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «азіаты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше,—и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія,—и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ громко прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. «Вѣдь этакой народъ,—сказалъ онъ,—и хлѣба по-русски назвать не умѣютъ, а выучилъ: офицеръ, дай на водку!.. Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

Вотъ, наконецъ, путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое—людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

— Жалкіе люди!—сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ, по крайней мѣрѣ, наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно осетины!*

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго брода,—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!..*

— А, чай, много съ вами бывало приключеній?—сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ-три черты—и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... «Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался»: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!.. Принявъ поданный ему стаканъ чаю, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да бываетъ!» Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

— Не хотите ли подбавить рома?—сказалъ я своему собесѣднику.—У меня есть бѣлый изъ Тифлиса! теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ.

Услыхавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы,—продолжалъ онъ,—какъ напьются бузы

на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

Вотъ начало поэтической исторіи «Бэлы». Максимъ Максимычъ разсказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться,—тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ.

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнуть, устануть, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ—увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть, богатый человѣкъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— А долго ли онъ съ вами жилъ?—спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя!—воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ, я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса; безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. «Эй, Азаматъ,—говорилъ ему Максимъ Максимычъ,—не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!» Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ

нихъ женщины не показались красавицами Печорину. «Погодите, сказалъ я усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ».

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

— Какъ бы сказать?.. въ родѣ комплимента.

— А что такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ по-ихнему. «Какова?» шепнулъ онъ Печорину.—«Прелесть! А какъ ее зовутъ?»—«Бэлою».

«И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу». Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хотя онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполнѣ обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. «Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ. Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на лошадь: вороная, какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь».

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился, а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, разсказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомитъ читателя съ черкесами, какъ племенемъ, и въ немъ могучею ху-

дожиической кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича; этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. «Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего Карагёза», сказалъ Азаматъ.—*Іокъ*, не хочу,—равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама вонвается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышитъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія и лошади, и для котораго желаніе—медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата—ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его,—что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ разсказываетъ о любви или ревности,—чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. «На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой, съ своею стройною поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь!» Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. «Послушай!—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ,—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?..

Казбичъ долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во меракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, льстилъ ему. «Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ

затылокъ о камни!»—«Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. «Будетъ потѣха!» подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздалъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы и ускользнулъ.

— Никогда не прощу себѣ одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У татарчонка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ, видимо, блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти оскорбляются!), а Карагёзъ такая чудная лошадь!.. И вотъ—однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меду; Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. «Азаматъ,—сказалъ Печоринъ,—завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня». «Хорошо»,—сказалъ Азаматъ, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой) лежала женщина съ связанными ногами и руками, съ головой, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпость съ своимъ товаромъ: Максимъ Максимычъ попотчевалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ) хотя разбойникъ онъ, «а все-таки былъ моимъ кунакомъ». Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и съ крикомъ: «моя лошадь! лошадь!» выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промахъ, завизжалъ, вдребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Г-нъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...
— И, полноте, что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.
— Что за шутки! пожалуйте вашу шпагу!
— Митька, шпагу!
Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ:
— Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо.
— Что нехорошо?
— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія, Азаматъ!.. Ну, признайся,—сказалъ я ему.
— Да когда она мнѣ нравится?..
Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что, если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.
— Вовсе не надо!
— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь!
— А какъ онъ узнаетъ?
Я опять сталъ втупикъ.
— Послушайте, Максимъ Максимычъ,—сказалъ Печоринъ, приподнявшись,—вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадите дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...
— Да покажите мнѣ ее,—сказалъ я.
— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть, сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня,—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.
Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непремѣнно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое сло-

во такъ безконечно значительно, такъ глубоко знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по-своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски.

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, т.-е., знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ, глупость!..

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы,—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, эта была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не скоро. Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря иного, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ этой жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагеза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня поплакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забывалъ для нея охоту и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять и все чаще и чаще. «Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ), вѣрно между ними пробѣжала черная кошка!» Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

— А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду; я не раба его, я княжеская дочь!..

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

— Правда, правда,—отвѣчала она,—я буду весела!—и съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣсу и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ, какъ бѣшеный, кружиться. Бэла узнала въ немъ Казбича.

Наконецъ, Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимовича, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра часовъ до десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, но тутъ-то было: несмотря ни на зной ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. «Таковъ ужъ человѣкъ: что задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ». Однакожъ, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся—на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла—она была ранена, и кровь лилась изъ ранъ ручьями...

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя: мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. «Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка» (т.-е. по-нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—«Я умру!» сказала она. Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно; она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ; ей не хотѣлось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю: что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: «воды! воды!»

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспомнила обо мнѣ: а кажется я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли па крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки за спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно. Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ «Бэлы». Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимется; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь перечувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ большею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы

въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ черкесъ увезъ было ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бросилъ, нанесши ей рану, отъ которой она умерла: вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего поэтическаго, ни особеннаго ни занимательнаго, а все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго, напримѣръ, и въ содержаніи Шекспирова «Отелло»? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ то же? Но изъ всей этой тысячи только одного «Отелло» знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ возьмется за перо, словомъ—въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать—для него уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т.-е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлію роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя «Бэла»: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листьяхъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо

она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: «Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что бы съ ней сталось, если бы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!...»

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь—и за что?—спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: «не то, чтобы любилъ, а такъ—глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла—Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностію? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича—это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуры во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одинокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ—тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гадкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ—пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговорился объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: «А что, много съ вами бывало приключеній?» такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: «Какъ не бывать! бывало...» Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай

съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: «почему?» молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій; офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи—тревоги нѣтъ, «да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ», отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не хочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: «Какъ же это случилось?»—«Вотъ изволите видѣть»—и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея—страстное желаніе мальчика-черкеса имѣть лихого коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей,—а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. Итакъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: «Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся,—такой хитрый!—а самъ задумалъ коечто». Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онѣ—плодъ вдохновленія.

Итакъ, исторія Бэлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, «балованнаго слуги лѣниваго барина», Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. «Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой! да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?» Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость.—«Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно», отвѣчалъ слуга.—«Ну такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели», прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...—«Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете», сказалъ

тотъ нахмурившись.—«Экой ты, братецъ!... Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?» Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать у полковника Н***. «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?» сказалъ Максимъ Максимычъ: «или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку»... Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. «Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!...» сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: «пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!»

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чаю и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, долго кашлялъ, плевалъ, ворочался.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. «Мнѣ надо сходить къ коменданту», сказалъ онъ: «такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мною». Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, а результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что, когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: «Если вы захотите еще немного подождать,—сказалъ я,—то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...»

— Ахъ, точно!—быстро отвѣчалъ онъ:—мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго, что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырывались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

— А ты?.. а вы?..—пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ:—сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?

— Ѣду въ Персію и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?.. какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ!..—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?.. Славная страна для охотниковъ!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Да, помню!..—сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдаемъ,—говорилъ онъ:—у меня два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако, лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?..»

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако, прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли...—прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забыть!» проворчалъ онъ: «я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!.. Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...»

— Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:—неужели не тотъ же?.. что дѣлать?.. Всякому своя дорога... Удастся ли встрѣтиться—Богъ знаетъ...—Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже начиналъ подбирать возжи.

— Постой! постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?..—кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко. Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который проговорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ уже весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не узнали его лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній.

— Максимъ Максимычъ,—сказалъ я, подошедши къ нему,—а что за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— Богъ его знаетъ! какія-то записки.

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онѣ всѣ,—сказалъ онъ:—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что́ я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?..

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша! а уже надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то-есть не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово. Что́ дѣлать?... есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кое-какія казенныя вещи.

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ, запинаясь,—да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ, первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говоря; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, а если встрѣтите подъ грубою наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни горячее сердце, подъ простою мѣщанскою

рѣчью—теплоту души, то, вѣрно, скажете: «это Максимъ Максимычъ»?... И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить на пути вашей жизни Максимовъ Максимычей!...

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа—«Бэлу» и Максима Максимыча»: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая—повѣсть; вторая—эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести вовнѣ все внутреннее, крывшееся въ ней, какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ, и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Аѳанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ «Бэлѣ» и больше не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однакожъ не знакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти—только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде; всѣ они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не черезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки, а черезъ него же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ «запискамъ».

Первое отдѣленіе ихъ называется «Тамань», и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика лѣтъ 14 и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди—контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ

лодку—онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хвать за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ, мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалилась съ Янко, какъ видно, однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ: это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписывать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица—какія-то фантастическія, тѣни мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа—онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго ни отъ никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельность безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и «Княжна Мери». Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея—или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ—портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

Начинаемъ съ 7-й страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елизаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ—юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію это лицо стоитъ Максима Максимыча: подобно ему, это типъ, представитель

цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій—идеальный молодой человѣкъ, который щеголяетъ своею идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а «львы»—ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, «производить эффектъ»—его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, «не трогаетъ просто прекрасное и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія». «Въ ихъ душѣ,—прибавляетъ онъ,—часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи». Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: «подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ». Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбливаетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились, какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій напалъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. «Нынѣшній годъ,—говорилъ онъ,—изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель, какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ,—тяжело, какъ милостыня». Въ это время прошли мимо нихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что «этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованною фуражкою и сердце подъ толстою шинелью!» Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: «Эта княжна Мери прехорошенькая. У нея такіе бархатные глаза,—именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ,—нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза—безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу!»—«Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади» сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу.

Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ—Печоринъ надъ ними тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіаста обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя въ ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы не похожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо—медикъ Вернеръ. Въ беллетристическомъ смыслѣ это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что̀ хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели, что̀ онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ; это образецъ граціозной шутливости и, вмѣстѣ, полнаго мысли остроумія (стран. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное—о Лиговскихъ. «Что̀ вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?» спросилъ Печоринъ.—«Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?»—«Совершенно убѣжденъ».—«Почему?»—«Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ».—«У васъ большой даръ соображенія», отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. «Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?»—«Разумѣется».—«Завязка есть!» закричалъ Печоринъ въ восторгѣ: «о развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно». Далѣе, Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая—этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ прилетала свои, а дочка слушала со вниманіемъ,—въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ смер-

ти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину—блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ—отнестись о немъ дурно. «Пожалуй!» отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая безпокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. «Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю—ничего!»

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ разсказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружающихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо него съ матерью,—и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за глаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгинею и сказалъ какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ: Грушницкій конфузится, говоритъ: «какой вздоръ!» и самодовольно улыбается. «Другъ мой, Печоринъ», говорилъ онъ: «я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..»—«Да, она недурна!» сказалъ съ важностью Печоринъ: «только берегитесь, Грушницкій!» Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ ей будетъ скучно двѣ минуты сряду—онъ погибъ; что, накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, т.-е. Груш-

ницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстою сѣрою шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ и рядомъ,—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я таилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній: я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные,—и тутъ-то я буду наслаждаться!»

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкою, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самой. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятіе объ ихъ отношеніяхъ.

— Вѣра!—вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.—«Я знала, что вы здѣсь»,—сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами,—въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались,—сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь?..

— Я замужемъ..—сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что же? онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься...—Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ,—наконецъ, прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій!..—Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

«Можетъ быть,—подумалъ я,—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!..»

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ, но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ «Записки» Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части

повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ—приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію черкесовъ.

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?—говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ:—страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ...—сказала княжна, покраснѣвъ.

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!..—вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

«Откуда?»—«Отъ княгини Лиговской,—сказалъ онъ очень важно.— Какъ Мери поетъ!»—«Знаешь ли что?—сказалъ я ему:—я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный».

— Быть можетъ! Какое мнѣ дѣло!..—сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

«Ого!—думалъ я:—у него видно есть уже надежда...»

— Впрочемъ, для тебя же хуже,—продолжалъ Грушницкій,—теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбался. «Самый пріятный домъ для меня теперь мой», сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы итти.

— Однако, признайся: ты раскаиваешься?..

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.

На балѣ, въ ресторацiи, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявила желанiе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскiй капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что «за этимъ дѣло не станетъ». Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ,— и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ.—Печоринъ обернулся; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ и среди нихъ драгунскiй капитанъ потиралъ отъ удовольствiя руки. Вдругъ выходитъ на средину пьяная фигура съ усами и красною рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, уставивъ на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: «Перметс... ну, да что тутъ!.. просто ангажирую васъ на мазурку...» Матери княжны не было вблизи; положенiе княжны было ужасно; она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствiемъ этой исторiи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженiе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанiя на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанiя иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программою той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкiй попрежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенiя Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тирански употреблялъ надъ нею. Но что́ же Печоринъ? Неужели онъ полюбилъ княжну?—Нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее?— Нѣтъ. Можетъ-быть, жениться? Нѣтъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимою красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпрiятiя... Изъ чего же я такъ хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствiе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкiя заблужденiя ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствiе сказать ему, когда онъ въ отчаянiи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: «Мой другъ, со мною было то же самое! и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!»

Потомъ онъ продолжаетъ,—и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

«А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодою, едва распустившеюся душой! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія,—сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара».

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!.. Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..» хоромъ закричатъ, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки,—въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе,—но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И

зато ваше инквизиторское аутодафе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти—бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью,—пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!.. Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врожденна его разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

«Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ;* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своею собственною жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самосознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе*».

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія—если ему назначено дойти до него,—онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ за-

блужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней—аравійская пустыня. Но, скажете вы, зачто же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того благородный металлъ; кто сгорѣлъ или очистился,—натура того дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно лишь одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли,—а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но,—скажутъ, можетъ-быть, резонеры,—зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ?—Старая пѣсня, господа, такая же старая, какъ и «Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю»!.. Литература восемнадцатаго вѣка была, по преимуществу, моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux, contes philosophiques; однакожъ эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ, по преимуществу, безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не

значить: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости: они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVII вѣка,—искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій—земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица—люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти цари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? Говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ? Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости: онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филлидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляя мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина—въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства—не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка—въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія,—черезъ то ли, что разъ звучная струна снова настраивается, или разрывается, вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а, слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое

дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей,—оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства,—и, какъ крайности сходятся, то оно вмѣстѣ съ моральными произведеніями составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

— Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею?..

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? Какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и, вѣроятно, по-твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись:—мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась—и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасть подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки другихъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою

и свѣтомъ: лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе,—не то отчаяніе, которое лѣчать дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой, я сдѣлался нравственнымъ калѣкою; одна половина души моей не существовала, она высохла, испортилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными; но мнѣ нѣтъ, особенно, когда вспомню, что̀ подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь, предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся—трудно рѣшить опредѣленно: кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и, что̀ бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія,—они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать—они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ—они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ—вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго,—будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе,— и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный,— не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: «я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы». А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна,—и какъ бы вы не представлялись себѣ дурны, но, если и лучшій изъ людей не лучше васъ,—ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается ими въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ,—имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того, начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить, они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ—вопль души или когда они—фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнью души, и при-

вычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе. Отъ чего родилось у него отчаяніе?—Видите ли, онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! воскликнете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клевещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого было не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжною, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня!—Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала, а это великій признакъ!..

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ее; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣяна, грустна. «Любили ли вы?» спросилъ ее Печоринъ. Она пристально на него посмотрѣла, покачала головою и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала, съ чего начать; грудь ея волновалась.—«Неправда ли, я была сегодня очень любезна?» сказала она при разставаньи съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто нея, отвѣтилъ самому себѣ: «Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно!»—Бѣдная Мери!

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ—княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобъ утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. «Я,—говоритъ онъ,—такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги, я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною».

На другой день балъ въ ресторацiи. За полчаса до бала къ Пе-

чорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира.—«Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною?» сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина.— «Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!» отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій попросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ и на рукава и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: «А ты звалъ ее на мазурку?» онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. «Нѣтъ,—говорилъ онъ,—лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...»— «Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу», отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. «Я съ вами не согласенъ», отвѣчалъ Печоринъ, «въ мундирѣ онъ еще моложавѣе». Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею или vis-a-vis, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужъ его ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя,—сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку?—спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.—Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣсить добраго малаго и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

«Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели,—думалъ я,— мое единственное назначеніе—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни придти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго

акта; невольно разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для чтенія»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?..»

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствія перваго и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя какъ на человѣка, вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?... Онъ какъ-будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ-будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху семейной жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе онъ какъ-будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни—результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ итти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостною, то съ грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!... Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ,что все знаетъ.

Позабавившись съ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно,

что я далъ себѣ слово въ тотъ же вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ—теперь настаетъ время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одураченъ; но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина, и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался; а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности. «Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что̀ я называю жизнью!» Ошибочное названіе! восклицаете,—и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винитъ ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. «Авось,—говоритъ онъ,—ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы». Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны—она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. «Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!»—Видите ли, какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечься и самому!... Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, но отъ нечего дѣлать, однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и задумчива. «Вы на меня сердитесь?» Она заплакала и закрыла лицо руками. «Что̀ съ вами?»—«Вы меня не уважаете!...»—отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки насчетъ своего характера—и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце,

что дѣло не можетъ кончиться хорошо!... Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ.

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо—скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду.—«Мнѣ дурно!»—проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... «Что вы со мною дѣлаете! Боже мой!...» говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова—и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она, наконецъ, сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

— Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣрчивости:—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она:—вы, можетъ быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?..

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ. Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное.

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное, на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю вампира!.. а еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія.*

Что такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою; словомъ, намъ ка-

жется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшного... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ бóльшую или мéньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскіе слётки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго — имя княжны упоминается. Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ позабавиться надъ Печоринымъ, заставивъ его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бы ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: «хорошо, я согласенъ».

Поутру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было странною развязкою пустой и ничтожной драмы, которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе странною развязкою.

— Вы больны?—сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.
— Я не спалъ ночь.
— И я также... я васъ обвиняла... можетъ быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...
— Все ли?
— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня презираете, не правда ли?
Она схватила меня за руку.
Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.
— Я вамъ скажу всю истину,—отвѣчалъ я княжнѣ:—не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю.*

Ея губы слегка поблѣднѣли.—«Оставьте меня», сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ себѣ свое сатаническое величіе, и очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться,—прости любовь!.. Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему смерть отъ злой жены... Нѣтъ, это все не то!.. Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ, бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужавшаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ тому только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ «несчастныхъ браковъ по любви»... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ, и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?.. Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно,—что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно ея шипящей пѣны... Повторяемъ, онъ еще

не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческіе свойства и пороки. Но винить ли его за это?—Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится, и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ, когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его,—ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣятельности; но они правы передъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностью. Можно ли винить ихъ за несчастье? Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго—гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,—и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначила ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ какъ своимъ, такъ и Лиговскимъ она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги, и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу—дверь отворилась, и маленькая ручка схватила его за руку...

Около двухъ часовъ пополуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь, и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: «Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрытая книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...»

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоин-

ства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія разсказываютъ онѣ!.. Бѣдная Мери!..

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. «А-га!» сказалъ грубый голосъ: «попался!.. Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!..»—«Держи его крѣпче!» закричалъ другой голосъ,—и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. «Воры! караулъ!» кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ, и дымящійся пыжъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже у себя дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва его человѣкъ успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: «Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?»—«Сплю», отвѣчалъ онъ имъ сердито. «Вставайте!—воры... Черкесы...»—«У меня насморкъ, боюсь простудиться».

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи черкесовъ. На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ разсказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. «Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!» говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба снова доставила Печорину случай подслушать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. «Какова княжна?» заключилъ онъ: «а? Ну ужъ, признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить; только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ». Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости разсказаннаго имъ и, наконецъ, даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто же онъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ са-

молюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ не Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ ресторации мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называя его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!..

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказалъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. «Противъ васъ точно есть заговоръ», сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго—насчетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. «Что жъ,—думалъ онъ,—умереть такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно скучно. Я—какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!..» Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. «Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ на вѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни!..»

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ или убійцею!!. Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-оста-

новившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ правоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? разумѣется, итти впередъ, а чтобы вниканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна... Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта «Шотландскіе пуритане», но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда развѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. «Я, говорилъ онъ, остался доволенъ собою». Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе?—вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, докторъ,—отвѣчалъ я ему,—чтобы я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ, Богъ знаетъ, какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему,—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки со строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, можетъ быть, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, второй... второй?..

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романическаго взгляда на жизнь; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя завѣщая другу локонъ волосъ; не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ, и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это—превосходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрою», и «ипохондріею», и «мнительностью», и «сомнѣніемъ», и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируя его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окамѣнѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой
Имень дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическій апоөеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе!

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего, онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ тебя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если они не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный или философскій вопросъ. «Фаустъ» Гёте есть поэтическій апоөеозъ рефлексіи нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная «Сцена Фауста» Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ—апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической «Думѣ», исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного «господина-сочинителя».

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!..

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ неопредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающей истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, саженъ въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. «Каждый изъ насъ (говорилъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ, даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги: пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться»... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе—лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: «пожалуй!» и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако, онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись отъ него съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: «ты дуракъ! ничего не понимаешь!»

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій—Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться

въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать. «Ни за что на свѣтѣ, докторъ!..» отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку: «вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитымъ...»—«О! это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...» отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнулъ ему что-то, а другой Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, не способнаго ни къ положительному добру ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и, блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: «не могу!»—«Трусъ!» отвѣчалъ капитанъ,—выстрѣлъ раздался; пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлиться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!..

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостью смотрѣлъ на него, и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его, какъ собаку... Какъ бы для очистки совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: «Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова и хорошенько!» Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу перезаряженія пистолета. «Дуракъ же ты, братецъ», сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою: «пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха!..» Печоринъ снова предложилъ Грушницкому—признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему объ ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену со-

всѣмъ въ другомъ родѣ, сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. «Стрѣляйте!» отвѣчалъ онъ: «я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...»

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти! Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ; онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжественное, трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію черезъ признаніе. Этотъ человѣкъ—апоѳеозъ мелочного самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки,—и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе—великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые, не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго,—и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда измученный на измученной лошади пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки—одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его—и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ,—и это такъ поразило и взволновало ее, что она не помнила, что̀ отвѣчала ему, и только догадалась, что то̀ было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекала ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину—и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

«Мы разстаемся навѣки; однако жъ, ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ».

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. «Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ»...

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру она стала для него дороже всего на свѣтѣ—жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ безпрестанно змѣй зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышитъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Ессентуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но, изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость—плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи—все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій,—передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое на эту минуту ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

«И долго лежалъ я неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся».

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй не много бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле,—и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ

утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервовъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимовичемъ.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его какъ человѣка, навѣрное, явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

Прошло пять минутъ; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея,—а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимою грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна,—сказалъ я,—вы знаете, что я надъ вами смѣялся!.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ:—Слѣдственно, вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой!—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите,—сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою,—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись: мой разговоръ съ вашею матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали.—«Я васъ ненавижу...», сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апоѳеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?.. Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято, и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ; я бы не ужился съ этой долей! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

Такою лирической выходкой, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани,—теперь оно все передъ нами, во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя «Княжну Мери», мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороху, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ—осѣчка!.. Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку,—и когда дымъ разсѣялся, всѣ видѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка и предрекъ ему смерть. Въ самомъ

дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!.. Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями; увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя—такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица. Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть—фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпого случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ—явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ?—Здѣсь мы должны обратиться къ «Предисловію», написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить принципы, побудившіе меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобы разразиться надъ его головою громомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки,—самая ея желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣткомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой и силится пересоздать ее по-своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ о друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ недостаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть разражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности или какой-нибудь внѣшней связи,—истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ

видитъ въ дружбѣ одни шипы—и его ошибка не въ ложности, а въ осторожности взгляда. Онъ, видимо, находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи—удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ «Предисловія» еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги.—«Да это злая иронія!..» скажутъ они.—Не знаю.

Итакъ, «Герой нашего времени»—вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою ироніею, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: «Хорошъ же герой!»—А чѣмъ же онъ дуренъ?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
Зато ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?... Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля; пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ,—и кто же эти «всѣ»?—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эго-

измъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ, но мы и не думаемъ ни оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ одnихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее—обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою?—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его же достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самаго порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: «Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый—оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ». Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимомъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобы такъ жестоко быть наказану за зло?... Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно—
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

«Хорошъ же современный человѣкъ!»—воскликнулъ одинъ нравоописательный «сочинитель», разбирая, или, лучше сказать, ругая седьмую главу «Евгенія Онѣгина». Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лекси-
конъ—
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ,—и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ у насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить, вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?—Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это—Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ...

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ?—Лучшею характеристикою и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: «Pétri de vanité il avait encore plus de cette espéce d'orgueil

qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire». Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ «вчужѣ чувства уважалъ», и что въ «его сердцѣ была и гордость и прямая честь». Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все прiѣлось, все прилюбилось и котораго вся жизнь состояла въ томъ,

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько онъ обвиняетъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія.

«Герой нашего времени»—это грустная дума о нашемъ времени.

Но со стороны формы изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія: Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Варнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, что онъ, можетъ-быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него, какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художе-

ственнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ «Вертерѣ» Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданія...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ «Онѣгинѣ» всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить ни замѣнить. «Герой нашего времени» представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что «Бэла», «Максимъ Максимычъ» и «Тамань», отдѣльно взятые, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица—Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но «Княжна Мери», и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ художественна. Изъ лицъ одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотверженію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и безавѣтно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно-глубокую женщину сносить тиранство любви. Она обожаетъ въ Печоринѣ

его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого, она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскальзываетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка не глупая и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ-будто недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ «Предисловіи» къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

> Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ «Вертера», бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу

вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшенье, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ-быть, и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни и въ достоинство женщины...

Бѣлинскій.

Печоринъ и его критики.

Знаменитый романъ Лермонтова, «Герой нашего времени», представляетъ собою геніальное художественное произведеніе, въ смыслѣ формы совершенное. То, что онъ состоитъ изъ ряда какъ бы отдѣльныхъ повѣстей, связанныхъ между собою только главнымъ героемъ, Печоринымъ, не только не нарушаетъ его единства, цѣлостности впечатлѣнія, но способствуетъ ему, усиливаетъ его. Каждою отдѣльною повѣстью Печоринъ ставится въ новое, своеобразное положеніе, окружается другими людьми и другою жизнью, и на новомъ фонѣ каждый разъ выдѣляются рѣзко и своеобразно новыя черты его характера, его свойства. Въ концѣ-концовъ вся фигура героя какъ живая стоитъ передъ читателемъ, раскрывая передъ нимъ самыя сокровенныя тайны своей душевной жизни. Вы узнаете Печорина съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ,— и въ его отношеніяхъ къ простому и доброму Максиму Максимовичу, и къ дикаркѣ Бэлѣ, и къ такъ называемому «образованному» обществу, и къ таинственному будущему, къ «судьбѣ» (въ «Фаталистѣ»), и къ самому себѣ. Случайный пріемъ этотъ, который выбралъ Лермонтовъ для изображенія современнаго ему человѣка, далъ ему возможность съ необыкновенною силой развить свое знаніе человѣческой души, какъ она проявилась въ тогдашнемъ поколѣніи. Съ меньшею, конечно, разносторонностью и глубиной, но съ той же яркостью и правдой изобразилъ Лермонтовъ и всѣхъ остальныхъ лицъ своего романа; всѣ они становятся вамъ близко знакомы и понятны. Съ какою простотой и въ то же время правдой

схваченъ типическій характеръ Грушницкаго! Какъ трогательна бѣдная княжна Мери, послужившая игрушкой для печоринскаго безсердечія! Въ романѣ своемъ Лермонтовъ проявилъ всю силу своего великаго, геніальнаго поэтическаго дарованія.

Художественное значеніе «Героя нашего времени», такимъ образомъ, совершенно ясно и опредѣленно. Но того же нельзя сказать объ общественномъ значеніи романа. Нравственный смыслъ того явленія, которое Лермонтовъ отразилъ въ Печоринѣ, не ясенъ читателю, ускользаетъ отъ него. И это настолько вѣрно, что критика, въ теченіе долгаго періода времени послѣ того какъ романъ былъ написанъ, не находила вѣрной и опредѣленной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на Печорина. Подкупленные художественною красотой романа, не находили критическаго, разумнаго отношенія къ герою и читатели. Въ беллетристической литературѣ того времени, когда романъ Лермонтова сталъ всѣмъ извѣстенъ, тянется длинный рядъ подражаній, при чемъ Печоринъ является лицомъ «увлекательнымъ», настоящимъ героемъ. Въ обществѣ тогдашнемъ, естественно, вслѣдъ за литературою, появились подражатели Печорину, облекавшіеся въ таинственность, представлявшіе изъ себя людей, томимыхъ таинственными страданіями, которыхъ не можетъ понять холодная толпа.

Были, конечно, и тогда простые люди, которыхъ здравый умъ и человѣческое сердце приводили къ отрицательному отношенію къ Печорину, къ осужденію его страшнаго эгоизма, ничѣмъ не оправдываемаго высокомѣрія, холодности, почти жестокости въ отношеніяхъ къ ближнимъ и пр. Но общее сужденіе было не таково. Даже тогдашній знаменитый критикъ Бѣлинскій принялъ Печорина подъ свою защиту и страстно напалъ на осуждавшихъ его. Смыслъ его защиты заключался въ томъ, что Печоринъ не хуже другихъ, лицемѣрныхъ только, но не болѣе нравственныхъ людей; зато онъ отличается необычайною искренностью, самоосужденіемъ, знаніемъ того, что въ немъ хорошо и что дурно, безпристрастнымъ анализомъ своихъ недостатковъ и полнымъ отсутствіемъ стремленія представить, если возможно, свои дурныя свойства въ хорошемъ свѣтѣ, въ качествѣ добродѣтелей, какъ это обыкновенно дѣлается большинствомъ людей. Развитіе этихъ свойствъ въ Печоринѣ Лермонтовъ приписывалъ образованности, давшей герою такія преимущества надъ окружающими. Дѣйствительно, сильный умъ Печорина, развитый образованіемъ, имѣетъ подкупающую силу, и особенно долженъ былъ имѣть ся для Бѣлинскаго, страстнаго поборника европейской образованности.

Увлеченіе Печоринымъ не могло долго удержаться, и критики позднѣйшіе, какъ Добролюбовъ и Гончаровъ, отнеслись къ нему уже иначе. Критики зачислили его въ число паразитовъ общественныхъ, людей безполезныхъ для общества съ ихъ таинственными никому не нужными страданіями внутри себя и со зломъ во внѣ, по отношенію къ окружающимъ. Аполлонъ Григорьевъ, замѣчательнѣйшій критикъ періода послѣ Бѣлинскаго, высказалъ свое осужденіе Печорину и увлеченіямъ имъ въ болѣе опредѣленной и доказательной формѣ, хотя и въ нѣсколькихъ

только словахъ. «Кто,—спрашивалъ онъ,—въ настоящее время вѣритъ въ искренность Печорина, кто вѣритъ, что *хорошо*, въ высшемъ моральномъ смыслѣ, «высосать апельсинъ и бросить его» (какъ выразился Печоринъ по поводу своихъ отношеній къ людямъ), кто вѣритъ въ величіе улыбки Печорина при смерти Бэлы, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Максимычемъ,—кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочного эгоизма? Надобно быть послѣдовательными, милостивые государи,—продолжаетъ Григорьевъ,—надобно вмѣстѣ съ исторіей сознаться, что «герой того времени» умеръ и не воскреснетъ болѣе, что демонъ, который мучилъ поэта,—не тотъ, который мучитъ насъ!..» Аполлонъ Григорьевъ думалъ, что поколѣніе, котораго «грядущее иль пусто, иль темно», было позади него, въ прошломъ, что оно «состарѣлось подъ бременемъ познанья и сомнѣнья» и отошло въ вѣчность, не оставивъ послѣ себя ничего. Григорьевъ, такимъ образомъ, отрицаетъ личную нравственную высоту характера Печорина, въ то время какъ вышеупомянутые критики отмѣчаютъ его общественную непригодность. Ореолъ, которымъ окружили Печорина современники, исчезъ быстро и безвозвратно.

Въ каждомъ изъ указанныхъ выше двухъ противоположныхъ воззрѣній, какъ и слѣдуетъ ожидать, господствуетъ односторонность. То, что Печоринъ дѣйствительно умнѣе толпы и несравненно образованнѣе, съ дѣйствительно развитымъ самосознаніемъ, не исключаетъ, конечно, возможности отнестись съ суровымъ осужденіемъ къ его необыкновенному эгоизму и безсердечному отношенію къ ближнему. Наконецъ, самъ авторъ, рисуя наиболѣе образованнаго человѣка своего времени такимъ въ нравственномъ смыслѣ несовершеннымъ существомъ, не долженъ ли былъ прямо указать на отрицательныя стороны тогдашней образованности, неправильно поставленной, не возвышавшей нравственнаго развитія человѣка. Простое сопоставленіе «Героя нашего времени» съ извѣстною «Думой», въ которой поэтъ съ горечью высказалъ свое отрицательное отношеніе къ современному ему поколѣнію, именно и подтверждаетъ эту мысль. «Время познаній», какъ съ полною опредѣленностью говоритъ поэтъ, т.-е. именно лучшій результатъ образованности, кажется ему тѣсно связаннымъ съ «сомнѣніями», и поколѣніе, обремененное этимъ «бременемъ познаній и сомнѣній», представляется ему фатально осужденнымъ «въ бездѣйствіи состариться». По всему смыслу «Думы», поколѣніе, на которое «печально» смотритъ поэтъ, потому кажется ему такъ безплоднымъ, что «жизнь его томитъ, какъ ровный путь *безъ цѣли*», что оно «къ добру и злу постыдно равнодушно», т.-е. лишено строгихъ и опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ; потому-то оно и вянетъ «безъ борьбы» «въ началѣ поприща», «ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви», и пр.

Образованность «Печоринская», во имя которой Бѣлинскій такъ страстно защищалъ героя романа Лермонтова, нужно думать, не была предметомъ восхищенія для самого поэта, и это обстоятельство ставитъ критика и современную ему публику, увлекавшуюся

Печоринымъ, въ положеніе неудобное и фальшивое. Печоринъ—истинное олицетвореніе тѣхъ чертъ, которыя, такъ сказать теоретически, выражены въ «Думѣ». Именно постыдное равнодушіе къ добру и злу только одно и могло приводить къ злымъ поступкамъ, совершаемымъ Печоринымъ при полномъ сознаніи ихъ гадости. Именно въ бездѣйствіи старѣется Печоринъ, волнуемый своими, никому не нужными, сомнѣніями, и не можетъ онъ не быть въ бездѣйствіи, потому что онъ ни во что не вѣритъ, ничему не видитъ цѣли, ни въ чемъ не находитъ смысла. Въ этомъ—его бѣда, противъ которой безсильно его искреннее и широкое самосознаніе и его образованность. Защищать Печорина во имя его образованности—былъ бы теперь трудъ неблагодарный.

Необходимо замѣтить, что, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ направленію тогдашняго русскаго образованія, Лермонтовъ является продолжателемъ Пушкина, а его романъ—продолженіемъ «Евгенія Онѣгина». Не даромъ даже всѣми внѣшними чертами, начиная именами героевъ (Онѣгинъ и Печоринъ—оба отъ близкихъ другъ къ другу сѣверныхъ рѣкъ, Онеги и Печоры) и кончая всѣми подробностями, романъ Пушкина и Лермонтова такъ схожи. Но Лермонтовъ только съ большею силой отмѣтилъ злыя стороны явленія, поставивъ въ положеніе Онѣгина—человѣка сухого и злого, каковъ Печоринъ. Все значеніе зла, заключающагося въ типѣ, выростаетъ въ романѣ Лермонтова, выставляется рѣзче, результаты его грубѣе и печальнѣе. Само собою разумѣется, Пушкинъ и Лермонтовъ противъ «постыднаго равнодушія къ добру и злу», а не противъ образованія, чье бы оно ни было, и лишь бы оно было истинное образованіе, не приводящее къ столь печальнымъ результатамъ... Невозможно не отмѣтить, что Лермонтовъ не безъ сочувствія относится къ своему герою; но это сочувствіе объясняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, все поколѣніе было жертвой недуга, олицетвореннаго въ Печоринѣ, и заслуживало сострадапія.

Является вопросъ: неужели же все поколѣніе того времени, когда созданъ былъ «Герой нашего времени», дѣйствительно было «равнодушно къ добру и злу»? Мы знаемъ, что тогда, напротивъ, возникало въ образованномъ обществѣ сильное идейное броженіе, готовились появиться Гоголь, Тургеневъ и весь рядъ крупныхъ дѣятелей, давшихъ Россіи великую литературу; были уже на сценѣ Бѣлинскій, Станкевичъ и пр. Слѣдовательно, суровый приговоръ Лермонтова, что «поколѣніе пройдетъ» безъ слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда, является если и оправданнымъ, то во всякомъ случаѣ не вполнѣ. И потому на его романъ и на его «Думу» должно смотрѣть какъ на субъективный анализъ, разборъ фальшиваго русско-европейскаго направленія мысли, которымъ, однако, не исчерпывалось *все* содержаніе тогдашней умственной и общественной русской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ и Лермонтовъ своими произведеніями дали понять фальшивыя стороны жизни и тѣмъ предохранили общество отъ безпрепятственнаго ихъ развитія въ немъ.

Введенскій.

Однородность характеровъ Арбенина, Измаила, Печорина... и родственное ихъ отношеніе къ поэту.

Я желаю, по возможности, опредѣлить, въ чемъ заключается направленіе поэзіи Лермонтова, какъ оно выразилось и откуда оно взялось.

Поэтическая дѣятельность объясняется тѣми же самыми предметами, которые входятъ въ сферу всякой другой дѣятельности, какъ ея основные элементы. Такихъ элементовъ три. На первомъ планѣ стоитъ личность дѣятеля, со всею ея обстановкой, внутреннею и внѣшнею, отъ наклонностей природы до положенія въ свѣтѣ. Второе мѣсто занимаетъ современное поэту состояніе того общества, котораго онъ необходимый членъ, отъ котораго получаетъ непосредственное вліяніе и на которое самъ болѣе или менѣе дѣйствуетъ. Наконецъ, третьимъ условіемъ развитія поэта служитъ умственное и нравственное настроеніе всей европейской жизни, задающее тонъ каждому отдѣльному народу, особенно такому, для котораго, по многимъ историческимъ причинамъ, періодъ заимствованій, подражательности сохраняетъ еще несомнѣнную значительность и силу. Указанные элементы можно уподобить концентрическимъ кругамъ, у которыхъ сосредоточіе одно—поэтическая дѣятельность, но которыхъ окружности не одинаковы по величинѣ своей. Откуда бы ни начали мы осматривать предметъ нашего наблюденія, изъ ближайшаго ли къ нему, или изъ отдаленнѣйшаго отъ него круга, результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же: освѣщенная, опредѣленная дѣятельность поэта. Изслѣдованіе, правильно произведенное, покажетъ, какимъ образомъ развитіе общеевропейской и народной жизни, вмѣстѣ съ развитіемъ личности поэта, обусловило характеръ его дѣятельности; и, наоборотъ, разумное знакомство съ характеромъ поэтической дѣятельности опредѣлитъ, какъ именно отразились на ней всѣ три дѣйствующіе элемента: личный, національный и общеевропейскій. Отраженіе бываетъ иногда такъ ярко, что исторія сочиненій раскрываетъ вмѣстѣ исторію того времени, въ которое они явились. Ломени, біографъ и критикъ Бомарше, имѣлъ право назвать свою книгу «Beaumarchais et *son temps*».

Прежде сужденія о фактѣ намъ нужно ясное представленіе факта: необходимо, по самымъ сочиненіямъ Лермонтова, познакомиться съ его идеаломъ. При этомъ непосредственномъ, личномъ, такъ сказать, знакомствѣ мы соберемъ воедино разсѣянныя въ повѣстяхъ и драмахъ типическія черты героя, какъ представителя направленія, отличающаго поэзію Лермонтова. Для достиженія нашей цѣли нѣтъ надобности держаться хронологическаго порядка пьесъ. Это и невозможно, потому что неизвѣстна въ точности послѣдовательность ихъ появленія; и неинтересно, потому что въ нашемъ намѣреніи интересъ сосредоточивается на представленіи идеала, котораго бо́льшая или ме́ньшая сила не всегда находится въ прямомъ отношеніи къ позднѣйшему или начальному періоду поэтической дѣятельности. Необходимая въ томъ случаѣ, когда

дѣло идетъ о постоянномъ развитіи авторскаго таланта, хронологія теряетъ свою особенную важность, когда критика полагаетъ своею задачею—опредѣлить направленіе поэта. Направленіе можетъ сказаться при первомъ дебютѣ такъ же ясно и сильно, какъ и въ послѣднемъ словѣ, иногда даже сильнѣе и опредѣлительнѣе. Часто мѣняется оно съ возрастающими успѣхами автора: въ дальнѣйшемъ пути своемъ онъ оставляетъ тѣ идеи, за которыя такъ усердно подвизался при началѣ поприща. Наконецъ, въ направленіи совершаются нерѣдко счастливые или несчастные возвраты къ прежнему: царство ума, на ряду съ ренегатами, имѣетъ и блудныхъ сыновей, съ покаяніемъ возвращающихся въ отеческій домъ; мысль, послѣ долгаго и извилистаго теченія, приближается снова къ мѣстамъ родного истока, какъ бы жалѣя, что разставалась съ ними такъ надолго и такъ напрасно.

Если же ясность и живость направленія не зависитъ отъ времени, когда появились поэтическія произведенія, то полнота и точность библіографическихъ данныхъ стоитъ въ сторонѣ, какъ предметы побочные, нужные для комментарія и справокъ, а не для основаній изслѣдованію. Въ поэтической дѣятельности Лермонтова, которую мы именно и разсмотримъ относительно ея содержанія, можно отправиться изъ какого угодно пункта, по придешь непремѣнно къ одному и тому же выводу.

Направленіе мыслей Лермонтова, его взглядъ на людей и природу, его міросозерцаніе выразилось прежде всего и преимущественно въ объективной поэзіи—въ характерѣ созданныхъ имъ лицъ, или, вѣрнѣе, одного лица, постояннаго героя его поэмъ, повѣстей и драмъ. Къ нимъ и должны мы обратиться.

Во второмъ отрывкѣ изъ неоконченныхъ повѣстей является на сцену Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ, десятилѣтній мальчикъ. Описаніе его душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ показываетъ, какой человѣкъ долженствовалъ выйти изъ такого дитяти. Характеръ Саши чрезвычайно замѣчателенъ: природа, вмѣстѣ съ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, дала ему наклонность къ разрушенію, страстные порывы къ безпокойству и тревогѣ. Разсказы раболѣпной дворни о разбойникахъ наполнили его воображеніе картинами мрачными, понятіями противо-общественными. Шести лѣтъ онъ уже мечталъ, вглядываясь на красоты природы: онъ любилъ смотрѣть на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, въ его дѣтскую кроватку. Герой поэмы «Измаилъ-Бей» раздѣлялъ съ Арбенинымъ ту же наклонность:

....Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя вершины,
Разливъ зари и льдистыя картины,
Блестящія на небѣ голубомъ.

Глубокое сочувствіе къ міру физическому, составляя неотъемлемую принадлежность подобныхъ людей, какъ бы вознаграждаетъ ихъ за то, что они немногому сочувствуютъ въ мірѣ человѣческомъ. Семи лѣтъ Саша выказывалъ повелительность, гор-

дость и презрѣніе. Долговременный и опасный недугъ развилъ въ немъ душевную крѣпость: онъ привыкъ побѣждать страданія тѣла грезами и мыслями. То же самое мы видимъ въ шестилѣтнемъ Мцыри: мучительная болѣзнь «развила въ немъ могучій духъ его отцовъ». Если бъ, говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ чернецу

. . . Хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ,—

слова, повторенныя Арсеніемъ игумену (въ поэмѣ «Бояринъ Орша»):

И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ.

Такимъ образомъ подъ разными именами—Арбенина, Измаилъ-Бея, Мцыри—выступаютъ передъ нами черты одного и того же лица, еще въ первомъ дѣтскомъ періодѣ его жизни. Дальнѣйшій анализъ покажетъ, что черты эти нисколько не измѣнились и въ другихъ возрастахъ, при увеличившемся числѣ типовъ, созданныхъ Лермонтовымъ. Отрывокъ, о которомъ говоримъ мы, знакомитъ читателя съ дѣтскими годами Арбенина. Что именно вышло бы изъ него дальше—неизвѣстно: повѣсть только что начата. Авторъ называетъ его «чудакомъ», по рѣдкости страстныхъ людей, какимъ былъ Арбенинъ, въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ. И дѣйствительно, онъ оказался такимъ въ двухъ драмахъ: «Странный человѣкъ» и «Маскарадъ». Обѣ онѣ имѣютъ главнымъ лицомъ—Арбенина, хотя и съ перемѣною его имени; обѣ характеромъ этого лица убѣждаютъ, что въ нихъ идетъ дѣло о томъ самомъ человѣкѣ, который въ отрывкѣ названъ Сашей. Первая пьеса изображаетъ юношу Арбенина, вторая—Арбенина-мужа. Самое заглавіе драмы «Странный человѣкъ» даетъ уразумѣть тождество главнаго дѣйствующаго лица ея, Виктора Павловича, съ *чудакомъ* Александромъ Сергѣевичемъ. Къ этой же мысли склоняютъ и заключительныя слова пьесы, произнесенныя однимъ изъ гостей въ домѣ графа N.: «вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ: онъ былъ *странный человѣкъ*, вотъ и все». Можно предположить съ достовѣрностью, что Лермонтовъ долго вынашивалъ въ умѣ своемъ любимый образъ, пытаясь нарисовать его въ разныхъ поэтическихъ формахъ—и эпической и драматической. Сходство между романтической драмой «Странный человѣкъ» и отрывкомъ изъ повѣсти заключается какъ въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ одномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ—въ разрывѣ между родителями этихъ лицъ: тамъ и здѣсь Арбенинъ, рано лишенный ласкъ матери, остался на рукахъ отца, суроваго и холоднаго, не занимавшагося его воспитаніемъ. Признавая всю силу впечатлѣнія, какое способно произвести подобное событіе въ семейной жизни, мы не можемъ однакожъ объяснить имъ однимъ ни всѣхъ дѣйствій молодого Арбенина, ни всѣхъ сторонъ его характера. Попытки оправдать раціонально тѣ явленія, которыми онъ такъ

странно и большею частію такъ непріятно сталкивается съ окружающими его людьми, будутъ необходимо искусственны. Можетъ-быть, разборъ другихъ позднѣйшихъ сочиненій Лермонтова разъяснитъ дѣло, но драма «Странный человѣкъ» не допускаетъ опредѣленнаго разъясненія. Нельзя основаться на одномъ данномъ, особенно если оно юношеское произведеніе; нельзя тѣмъ болѣе, что изъ драмы видимъ и то смутно, чтó такое Арбенинъ, но нисколько не видимъ, почему онъ именно таковъ и почему долженствовалъ быть такимъ. И отъ кого же, въ самомъ дѣлѣ, могли бы мы узнать объ этомъ? Отъ второстепенныхъ лицъ? Но ихъ отзывы такъ неопредѣленны! Они говорятъ о фактахъ, а не о причинахъ: «умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей»; «переходы отъ веселья къ грусти и отъ грусти къ веселью—вещь обыкновенная въ Арбенинѣ»; «онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ». Отъ самого героя? Но онъ также неоткровененъ. Его исповѣдь прорывается краткими и общими выходками; прямого, рѣзко отличительнаго въ ней нѣтъ. Въ одномъ изъ лирическихъ стихотвореній своихъ (которыя Заруцкій читалъ Рябикову) Арбенинъ говоритъ, что «онъ *проклятъ* строгою *судьбой*»; помогая бѣдному мужику, онъ замѣчаетъ, въ разговорѣ съ Бѣлинскимъ, что «несчастіе мужиковъ ничего не значитъ въ сравненіи съ несчастіемъ многихъ другихъ людей, которыхъ *преслѣдуетъ судьба*». Вездѣ судьба, какъ невѣдомая, враждебная какая-то сила, или природа, которая, надѣливъ человѣка извѣстными, неизмѣнными наклонностями, играетъ роль судьбы. Конечно, къ этимъ двумъ предметамъ можно отнести все: они такъ сильны, что выдержатъ какія угодно тяжести, и такъ верховны, что приговоръ ихъ не допускаетъ апелляціи. Ими, какъ подставными силами, замѣняется любое объясненіе, котораго не находимъ въ жизненной самодѣятельности разумнаго существа, въ его семейномъ и общественномъ положеніи, во всемъ, отчего познается человѣкъ, и чѣмъ онъ оправдывается или осуждается.

Немного больше объяснительныхъ данныхъ и въ драмѣ «Маскарадъ», которая принадлежитъ тоже къ числу начальныхъ произведеній Лермонтова. Большею частію дѣло держится на анатоміи характера и не вступаетъ въ анализъ отправленій, которыми обнаруживается жизненная дѣятельность. А между тѣмъ физіологія была бы здѣсь нужна особенно: герой драмы ведетъ процессъ между собою и свѣтомъ; зрителю или читателю необходимо выслушать истца въ подробности, чтобы произнести свое рѣшеніе, или пусть онъ самъ, этотъ истецъ, приметъ на себя обязанность адвоката, отъ которой требуется не только изложеніе фактовъ, но и сужденіе о фактахъ. Арбенинъ въ третій разъ является здѣсь главнымъ лицомъ, подъ именемъ Евгенія Александровича. Можно допустить, пожалуй, что это сынъ Александра Сергѣевича, котораго дѣтство описано въ отрывкѣ—и тогда онъ наслѣдовалъ всѣ существенныя качества отца. Но вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что это тотъ же Саша, изъ ребенка ставшій мужемъ. Какъ въ повѣсти Лермонтовъ задумывалъ разсказать исто-

рію Александра Сергѣевича Арбенина, «котораго *судьба* (опять судьба!), какъ нарочно, поставила предъ непонятною женщиной»; какъ въ драмѣ «Странный человѣкъ» Владиміръ Павловичъ Арбенинъ сведенъ съ дѣвушкой, которая не была бы съ нимъ счастлива и ему не доставила бы счастія: такъ въ новой драмѣ «Маскарадъ» изображена трагическая судьба Евгенія Александровича Арбенина и жены его Нины. Кромѣ фамиліи главнаго лица, есть и другое внѣшнее соприкосновеніе между обѣими драмами «Странный человѣкъ» и «Маскарадъ»: обѣ онѣ раздѣлены на сцены и выходы, вмѣсто обычнаго дѣленія на явленія. Но существенное дѣло не въ наружномъ, а внутреннемъ сходствѣ, не въ одноименности лицъ, а въ однородности ихъ характеровъ, на что мы и обратимъ вниманіе, какъ на главный предметъ нашей статьи.

Характеры же дѣйствительно однородны, съ тѣмъ однако различіемъ, что не однѣ уже наклонности природы властвуютъ надъ Арбенинымъ, но и тяжкій, долгій опытъ жизни, о которомъ узнаемъ изъ разговора его съ женой.

...Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...

Страданія, которымъ подвергалась грудь Арбенина, были такъ многочисленны и велики, что онъ самъ удивляется, какъ могъ онъ послѣ того оставаться въ живыхъ. Если онъ вынесъ ихъ, то этимъ обязанъ единственно могучимъ силамъ своего духа и тѣла. Юность его прошла въ безумныхъ и напрасныхъ волненіяхъ: странствіяхъ, азартной игрѣ, вѣтрености и трудахъ; коварство любви и дружбы, измѣна всѣхъ обольщеній свѣта были постигнуты имъ вполнѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ, суровъ и угрюмъ. Сердце его погрузилось въ спокойствіе, изъ котораго онъ желалъ бы выйти хотя искусственнымъ волненіемъ крови: его радуютъ случаи, наполняющіе умъ и кровь неожиданною тревогою. Душа его, мрачная и глубокая, подобна могилѣ: принятое ею однажды остается въ ней навсегда. Наконецъ, душа эта исполнена неимовѣрной гордости: ни передъ кѣмъ ни передъ чѣмъ не преклонялась она, никому не завидовала, ни въ комъ не принимала участія; всѣ ей чужды, и она всѣмъ чужая. Сила разочарованія, апатіи, равняется въ ней только силѣ эгоизма. Холодно закрывъ свои объятія для чувствъ и блаженства, Арбенинъ не хочетъ даже благодарности. Бурная природа его безжалостно сокрушаетъ все попадающееся ей на пути и съ гордымъ презрѣніемъ смотритъ на развалины.

Однакожъ въ этомъ человѣкѣ, все испытавшемъ и презирающемъ, отъ всего скучающемъ, смотрящемъ на жизнь какъ на

бремя, таится еще огонь жизни. Черствая кора можетъ спадать съ его сердца, и тогда снова открывается глазамъ его прекрасный міръ. «Душа моя», говоритъ Арбенинъ, «подобна застывшей лавѣ, твердой, какъ камень, пока не растопится, но горе тому, кто встрѣтится съ ея потокомъ!» Ту же мысль, только облеченную въ другія два сравненія, высказываетъ Измаилъ-Бей: «чувства, страсти—темная поверхность моря, которую преждевременный холодъ покрываетъ ледяною корой до первой бури: онѣ таятся глубоко въ сердцѣ, какъ левъ въ пещерѣ, но сердце не избѣжитъ ихъ власти», потому, прибавимъ мы, что эта власть роковая. И взглядъ на жизнь, которая довела обоихъ героевъ до безотраднаго состоянія, одинаковъ у того и другого. Жизнь, по мнѣнію Арбенина, извѣстная шарада, годная для дѣтскаго упражненія, гдѣ первое—рожденье, второе—рядъ заботъ и тайныхъ мученій, послѣднее—смерть, а цѣлое—обманъ. Жизнь, повторяетъ за нимъ Измаилъ-Бей, есть рядъ взаимныхъ измѣнъ; и радость и печаль ея—ложный призракъ; память о добрѣ и злѣ равно ядовиты: зло льститъ человѣку, но болѣе тревожитъ, а добро не въ силахъ принести сердечную отраду; сердце, покорствуя страстямъ, оставляетъ намъ одно только раскаяніе.

Но это временное пробужденіе для жизни пугаетъ Арбенина. Онъ съ ужасомъ отступаетъ, почувствовавъ, что въ мертвой душѣ его, когда онъ женился на Нинѣ, опять возникла любовь, что онъ снова, какъ изломанный челнокъ, брошенъ въ море. Неожиданное оживленіе, онъ это предвидитъ, не на радость ни ему ни другимъ: пристань будетъ бурная въ темныхъ силахъ его духа. Новыхъ и, можетъ-быть, многихъ жертвъ потребуетъ лукавое обольщеніе сердца, которое идетъ наперекоръ неизбѣжной судьбѣ героя.

Такъ гибельны слѣдствія жизни Арбенина, такъ горекъ плодъ испытанныхъ имъ страданій, и не одинъ, а многіе плоды!

Но въ чемъ же заключались эти страданія, и какова именно была эта жизнь?

Къ сожалѣнію, и здѣсь вопросъ не допускаетъ положительнаго отвѣта. Мы попрежнему остаемся въ сомнѣніи и темнотѣ, которой не освѣщаютъ ни самъ Арбенинъ ни дѣйствующія съ нимъ лица. Несомнѣнно лишь одно присутствіе роковой силы, которая, подобно древней судьбѣ грековъ, покорныхъ ведетъ за собой, непокорныхъ влечетъ. Послѣдніе подчиняются ей невольно, при всемъ могуществѣ гордаго сопротивленія. Они не склоняются передъ ней духомъ; но торжество ея надъ новыми Прометеями очевидно изъ того, что она приковываетъ ихъ къ скалѣ страданій. Арбенинъ чувствуетъ и сознаетъ господство фатализма надъ своею жизнію. Онъ говоритъ:

На жизни я своей узналъ *печать проклятья.*

Что значатъ слова эти, какъ не признаніе могущества, или внутри насъ преобладающаго, или внѣ насъ лежащаго, но въ обоихъ случаяхъ независимаго? Существеннымъ отличіемъ Эврипидовыхъ трагедій полагаютъ то, что они низвели судьбу съ неба

въ сердце человѣка, котораго страсти есть тоже своего рода fatum. Не играютъ ли и здѣсь, въ сердцѣ героевъ Лермонтова, такой же фаталистической роли обуревающія ихъ страсти? Судьба виновата, соединивъ въ лицѣ Нины неопытность, невинность и непосредственное чувство съ такимъ лицомъ, какъ Арбенинъ, мужъ разочарованія, апатіи и горькаго знанія. «Оковы одной *судьбы* связали насъ навсегда», говоритъ онъ Нинѣ, и, конечно, эти слова не могли утѣшить ни жену его ни его самого. Другія слова Арбенина:

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ,

не болѣе, какъ перифразъ отзыва княжны Софьи о молодомъ Арбенинѣ (въ драмѣ «Странный человѣкъ»); «онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ».

Мы уже замѣтили, и теперь повторимъ то же самое, что въ роковой силѣ, наложившей свою желѣзную руку на такого желѣзнаго человѣка, каковъ Арбенинъ, природнымъ его склонностямъ дано широкое мѣсто и великое значеніе. Послушайте, какъ описываетъ его Казаринъ:

Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить... Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
А чортъ-то все въ душѣ сидитъ.

Когда въ послѣднемъ актѣ драмы выходитъ на сцену Неизвѣстный, эта какъ бы олицетворенная совѣсть Арбенина, напоминающая ему прошлыя, за семь лѣтъ до того случившіяся событія, или, по выраженію самого Арбенина «грѣхи минувшихъ дней», что слышимъ мы отъ него? Мы слышимъ упреки въ мрачныхъ, роковыхъ свойствахъ души его:

...Въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, *приписать его къ уму*,
Иль къ обстоятельствамъ—я разбирать не буду
Твоей души,—*ее пойметъ лишь Богъ*.

Эти два элемента, управляющіе теченіями жизни Арбенина, внѣшняя судьба и личная природа, весьма значительны. Та и другая имѣютъ значеніе роковой силы, и въ своемъ вліяніи на жизненную обстановку героя до того сливаются, что трудно положить между ними какія-либо границы: судьба служитъ какъ бы второю природой, которой избѣжать невозможно, и природа восходитъ на высоту судьбы, отъ которой также нѣтъ спасенія. Присущія ему естественныя силы и господствующая надъ нимъ сила сверхъестественная образуютъ ту сферу фатализма, въ которой вращаются герои Лермонтова и въ которую вѣровалъ самъ Лер-

монтовъ. Нельзя, безъ пособія этихъ элементовъ, объяснить такой характеръ, каковъ Арбенинъ; еще менѣе можно оправдать его, если нравственнымъ судомъ потребуется онъ къ допросу и отвѣту. Страданіями очищается человѣкъ, что бы ни было ихъ причиною, самъ ли онъ, или другіе люди и обстоятельства; но затрудненіе въ томъ, что читатель видитъ только указаніе голаго факта, то-есть страданій, и притомъ отвлеченное, выраженное общими признаками, но не видитъ причинъ и побужденій, объясняющихъ фактъ. Главными побужденіями пребываютъ, какъ и прежде, природа и судьба, не подлежащія людской расправѣ.

Какъ лицо, на жизни котораго тяготѣетъ таинственная сила рока, Арбенинъ можетъ быть уподобленъ героямъ тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ завязкой и развязкой событія управляетъ судьба. Это уподобленіе находимъ въ статьѣ Грановскаго «Пѣсни Эдды о нифлунгахъ»: «Въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новѣйшихъ литературъ». Присоединимъ сюда небольшую оговорку, какъ защиту героевъ Лермонтова: конечно, въ сравненіи съ великими мужами Эдды, Арбенинъ не отличается значительною величиною, гордый умъ его подъ конецъ изнемогъ, и въ сумасшествіи находитъ онъ спасеніе отъ сознательныхъ несчастій; но все же нельзя назвать его страдальцемъ слабодушнымъ, особенно когда поставишь его рядомъ съ хилыми, болѣзненными натурами, выведенными на сцену во многихъ произведеніяхъ европейскихъ литературъ, въ томъ числѣ и нашей, подъ именемъ человѣка *лишняго, больного* и тому подобныхъ.

Мы сказали, что горьки были послѣдствія изломанной жизни Арбенина. Одно изъ нихъ особенно, своимъ печальнымъ интересомъ, возбуждаетъ сочувствіе мыслящихъ людей. Зловѣщіе признаки его показались еще въ десятилѣтнемъ мальчикѣ Сашѣ, привыкшемъ «побѣждать страданія тѣла грезами души». Тамъ оно было произведеніемъ болѣзни, укрѣпившей мощь духа. Умственный ростъ дитяти быстрыми и сильными побѣгами обогналъ ростъ физическій. Такая несоразмѣрность въ развитіи составныхъ элементовъ человѣка крайне опасна: въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ приводитъ она къ совершенной апатіи, постепенно ослабляя напряженность и свѣжесть естественныхъ ощущеній, омрачая бытіе вѣчнымъ надзоромъ мысли, безотвязнымъ анализомъ, преждевременнымъ знаніемъ дѣла, забѣгающимъ впередъ самаго дѣла. Въ подобномъ состояніи жить тяжело: жизни и скука знаменуютъ одно и то же. Герой «Маскарада» страдаетъ этой болѣзнью, корень которой въ спѣшномъ развитіи души. На помощь его опыту пришла и мысль, какъ анализъ опыта: онъ все видѣлъ, все перечувствовалъ, все узналъ.

Романа не начавъ, онъ зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.

Потому именно несчастна связь его съ Ниной. Его ужасаетъ противоположность между нимъ и женой его: она взглянула только на заглавный листъ въ огромной книгѣ жизни, а онъ прочелъ ее съ начала до конца, прочелъ не только строки, но и между строками. Ничего больше не узнаетъ онъ; смыслъ ея разоблаченъ вполнѣ. Закрывъ ее, онъ восклицаетъ: какая старая и пустая книга! Многіе писатели поставляли на видъ ненормальный перевѣсъ духа надъ тѣломъ, искренно жалѣя о томъ, кому досталось изведать это злое несчастіе. Баратынскій усмотрѣлъ подобныя явленія въ искусствѣ, вредящія искусству. Поэтовъ, постоянно заботящихся о мысли, называетъ онъ бѣдными художниками.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! Тебѣ забвенья нѣтъ!
Все тутъ да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.

«Стремитесь къ чувственному,—совѣтуетъ онъ,—не переступая за грань его. Передъ обнаженнымъ мечомъ мысли блѣднѣетъ земная жизнь».

Перевѣсъ духовнаго развитія надъ чувственнымъ,—развитія, при которомъ незрѣлость одного сталкивается съ страстью другого, при которомъ жизнь, неисчерпанная годами, исчерпывается мыслью, при которомъ душа какъ бы «совершаетъ свой подвигъ прежде тѣла», есть нравственная болѣзнь новыхъ людей, бывшая неизвѣстною древнимъ. Болѣзнь эта растетъ съ годами: къ ней можно отнести то самое, что сказалъ Пушкинъ о печали минувшихъ дней: «чѣмъ старѣе она, тѣмъ сильнѣе». Не годы жизнь, а наслажденье, говоритъ полный очарованія юноша; не годы жизнь, а мысль о жизни, говорятъ люди, дошедшіе до состоянія Арбенина. Мы увидимъ, какіе широкіе размѣры приняла новая нравственная болѣзнь въ дальнѣйшихъ созданіяхъ Лермонтова.

Съ большею подробностью описанъ характеръ Измаилъ-Бея въ восточной повѣсти того же имени. Лицо это взято не изъ европейскаго міра: Измаилъ—горецъ, равно какъ горцы же дѣйствуютъ и въ «Мцыри» и въ «Хаджи-Абрекѣ». Несмотря однакожъ на различныя условія національной жизни, характеръ остался рѣшительно тотъ же. Изъ-подъ одежды боевого черкеса выглядываетъ знакомый намъ Арбенинъ. Самое разительное между ними сходство—власть судьбы, которую они испытываютъ. Да и въ самомъ героѣ восточной повѣсти есть тоже роковое: отношеніе его къ другимъ, вліяніе, производимое на все, что ему соприкосновенно, чисто фаталистическія. То и другое сознаетъ онъ самъ. По поводу сближенія своего съ людьми, которое не обходится имъ даромъ, онъ горестно говоритъ, что «все любящее его увлечено за нимъ вслѣдъ, что его дыханье губитъ радость, что онъ *не властенъ щадить*». Но, принося невольныя жертвы себѣ, какъ судьбѣ, онъ въ то же время и самъ жертва судьбы:

Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе.
Чтобъ самовластье показать свое,

Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ,
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!
И *дѣтямъ рока* мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ, и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри, ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Отъ фатализма рождается въ душѣ Измаила холодное спокойствіе: онъ знаетъ, что положеннаго предѣла переступить нельзя, что людская вражда не постигаетъ главы, постигнутой уже рокомъ, который не уступаетъ своихъ жертвъ земнымъ судьямъ. Но этому мужу судьбы природа дала непобѣдимый умъ, окрѣпшій въ борьбѣ; при немъ всегда настражѣ гордая мысль и холодъ сомнѣнія; онъ не желаетъ ни уступить ни позабыть страданій; онъ мечтаетъ только побѣдить, хотя побѣдить не можетъ.

Но здѣсь снова возникаетъ вопросъ, который уже предлагали: отчего эти страданія? какая причина грусти, этого жестокаго властелина людей, въ такомъ человѣкѣ, каковъ Измаилъ? Правда, онъ сооздanъ для великихъ страстей; но все имъ испытанное—враги, друзья, изгнанье не могли осудить его на тѣ страданія, которыя являются только на вершинѣ утонченной европейской цивилизаціи, не могли привести его ни къ анализу, ни къ сомнѣнію, этому лютому врагу новыхъ людей. Вопросъ, нами предложенный, снова остается безъ отвѣта. Для рѣшенія его не имѣется надлежащихъ объясненій, а есть только фактъ, который разсказать не трудно: юный лѣтами, Измаилъ старъ опытомъ;

Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ;

сердце его сдѣлалось мертвымъ; на душѣ лежитъ бремя тяжелыхъ думъ; уста привыкли къ проклятью; онъ лишній между людьми. Часто обманутый, онъ боялся,

...вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему,—

причина, одинаковая у него съ бояриномъ Оршей, который также не удивлялся злу и не вѣрилъ добру,

Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Страданія Измаила еще сильнѣе страданій Арбенина и выражены превосходными стихами. Выдающійся пунктъ мученія—

извѣстные моменты, которые однакожъ не сокрушаютъ могучихъ мучениковъ:

Видали ль вы, какъ хищные и злые,
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные—
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ, есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь,—и сломится лилея;
Таковъ, съ душой кто слабою рожденъ,
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ.
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладилъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть, забвенья только нѣтъ!

Самозабвеніе, покой, нужные въ такомъ безотрадномъ положеніи, не даются великимъ страдальцамъ. Герои невыразимой печали, они въ то же время герои неотразимой мысли: вотъ второе капитальное сходство между Измаиломъ и Арбенинымъ. А гдѣ мысль, тамъ не стихаетъ живая боль человѣка. «Я глупо созданъ,—восклицаетъ Печоринъ;—ничего не забываю, ничего». Съ другой стороны,

Забылъ онъ *жизни скоротечность;*
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоитъ бы желалъ ихъ вѣчность.

. . . .

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ

...О! я, какъ братъ!
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...

Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, *чье сердце столько лѣтъ*
Мысль о ничтожествѣ томила.

Въ тотъ чудный *міръ тревогъ и битвъ,*
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы...
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

герои такъ горды, что хотятъ прямо смотрѣть въ ужасное лицо страданія и принимать его удары, презирая ихъ. «Судьба,—говоритъ Демонъ (въ поэмѣ того же имени),—не дала мнѣ забвенія, да я и не взялъ бы его».

Изъ толпы мыслей, преслѣдующихъ Измаила, замѣчательна также мысль о скоротечности жизни, о ничтожествѣ ея. Два раза встрѣчаемъ мы ее: однажды при взглядѣ Измаила на родныя горы, въ другой разъ—при смертельной ранѣ, имъ полученной.

Но странно слышать эту мысль отъ человѣка, пораженнаго сомнѣніемъ, которое сдѣлалось обиходною монетой въ переходныя времена цивилизаціи; но какъ понять ее въ устахъ черкеса? Впрочемъ, мы обратимся къ ней впослѣдствіи и постараемся объяснить ея значеніе.

Разсказъ «Мцыри» энергически выражаетъ стремленіе къ простору и свободѣ того гордаго и могучаго горца, котораго хотѣли заперсть въ монастырѣ, какъ орла въ клѣткѣ. Шести лѣтъ привезенный русскимъ генераломъ изъ горъ въ Тифлисъ и сильно заболѣвшій, Мцыри томился безъ жалобъ, не обнаруживалъ мукъ даже слабымъ стономъ, отвергалъ пищу и съ гордымъ безмолвіемъ дожидался смерти. Какъ видите, онъ не уступалъ ни Измаилу ни Арбенину въ могучихъ силахъ духа, укрѣпленныхъ, а не ослабленныхъ болѣзнью, что мы уже замѣтили. Попеченія монаха спасли его отъ смерти. Впослѣдствіи окрестили его; онъ выросъ, сдѣлался послушникомъ и уже готовился изречь обѣтъ монашества, какъ вдругъ одною осеннею ночью, при смутномъ воспоминаніи о родныхъ горахъ и волѣ, убѣжалъ изъ монастыря. Черезъ нѣсколько дней нашли его безъ чувствъ въ степи. Принесенный въ обитель, онъ передъ смертью разсказываетъ чернецу повѣсть своего бѣгства и своихъ ощущеній внѣ монастырскихъ стѣнъ.

Черта наиболѣе замѣчательная въ разсказѣ инстинктивное стремленіе къ бурной жизни, пламенная жажда волненій. Двѣ жизни, подобныя той, которая проведена въ монастырѣ, Мцыри готовъ отдать за одну, полную тревогъ.

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный *міръ тревогъ и битвъ*,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Это бурное сердце, не знающее и не желающее покоя, бьется такъ же неровно и порывисто, какъ у Арбенина и Измаила. Описывая грозу въ дремучемъ лѣсу, Мцыри съ восторгомъ восклицаетъ:

...О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

Къ Измаилу и Арбенину Мцыри относится такъ же, какъ одинъ моментъ жизни относится къ цѣлой жизни. Мцыри умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не искушенный опытомъ, подобно двумъ первымъ. Разсказъ его передаетъ намъ одинъ фактъ, въ которомъ обнаружились свойства могучаго духа; но тѣ же самыя свойства обнаружились бы при подобномъ событіи и у Арбенина и Измаила. Форма проявленія характера могла быть различна: самый характеръ сохранился бы неизмѣннымъ.

Неизмѣнность характера, дѣйствительно, и сохранилась, какъ мы видимъ въ поэмѣ «Бояринъ Орша». Удивительное пристрастіе къ одному и тому же типу! Ни время ни пространство не дѣйствуютъ на него. Какъ въ горцѣ, несмотря на все племенное отличіе его отъ европейцевъ, явился европеецъ Арбенинъ, такъ въ Арбенинѣ, жителѣ нашего вѣка, современникѣ Лермонтова, явились бояринъ Орша и Арсеній, жившій *во время оно* (такъ начинается поэма), въ царствованіе Іоанна Грознаго. Разумѣется, при такой выдержанной любви къ одному образу, преслѣдовавшему воображеніе и мысль поэта, нельзя и требовать вѣрно-поэтическаго, согласнаго со всѣми временными и мѣстными условіями дѣйствительности, воспроизведенія лицъ и событій, которыя берутся изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ. Каковъ бы ни былъ родовой характеръ, онъ не лишенъ способности измѣняться. Явленія этого рода, какъ ступени послѣдовательнаго его осуществленія, не похожи другъ на друга, какъ похожи двѣ капли воды: и движеніе времени и цвѣтъ мѣстности кладутъ на нихъ особенныя отличія, такъ что каждое явленіе, по своимъ характеристическимъ принадлежностямъ, есть нѣчто индивидуальное, статья особая. Что же сказать, напр., о такихъ характерахъ, которые возможны только въ извѣстную эпоху, при извѣстной степени человѣческаго развитія, и которыхъ сформированіе произошло какъ бы на нашихъ глазахъ или, по крайней мѣрѣ, на памяти ближайшихъ нашихъ предшественниковъ? Откуда зашли они въ вѣкъ Іоанна Гроознаго или въ предѣлы Кавказа? Выговариваемъ это замѣчаніе не съ тѣмъ, чтобы поставить въ вину Лермонтову его уклоненія отъ исторіи въ частности или отъ дѣйствительности вообще. Напротивъ, такой недостатокъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ еще свою цѣну. При разсужденіи о поэтѣ намъ нуженъ идеалъ, въ которомъ выразилось духовное настроеніе извѣстнаго общества, въ извѣстную эпоху. Чѣмъ сходственнѣе разныя личности, какъ единичныя явленія одного и того же рода, тѣмъ легче осматривается и удобнѣе опредѣляется самый родъ.

Такихъ личностей въ поэмѣ «Орша» двѣ: самъ Орша и Арсеній. По положенію своему они враги; по своимъ характерамъ—натуры родственныя. Неравенство лѣтъ, конечно, не значитъ здѣсь ничего. У Орши угрюмый, крутой нравъ, никогда не слабѣвшій передъ бѣдами. Сходство его съ Арбенинымъ, выраженное почти тождественными стихами, мы указали выше. Другое сходство—страшная мстительность. Поступокъ его съ дочерью еще ужаснѣе, чѣмъ поступокъ Арбенина съ женой. Нина, отравленная, мучится недолго, но дочь Орши умираетъ медленною голодною смертью, запертая въ башнѣ, гдѣ видѣлась съ Арсеніемъ. Въ битвѣ съ врагами Орша падаетъ героемъ, не измѣняя ни силѣ непреклоннаго нрава, ни чувству непреклоннаго мщенья.

Арсеній—второй экземпляръ Мцыри, съ прибавкою житейской опытности. Разсказъ его о себѣ не только изложеніемъ, но цѣлыми тирадами повторяетъ по мѣстамъ Мцыри. Справедливо будетъ предположить, что послѣдній, какъ болѣе обработанный, передаетъ тотъ образъ, который въ первомъ, еще неясно обозначив-

шемся очеркѣ, зачался въ фантазіи поэта. Это двѣ концепціи одного и того же характера: одна—набросанная безъ отдѣлки, другая болѣе отдѣланная. Изъ монастыря Арсеній убѣжалъ къ шайкѣ разбойниковъ.

Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ;
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.

Кто въ этихъ чертахъ не распознаетъ героевъ Лермонтова, непреклонныхъ и тревожныхъ, которыхъ воображеніе, какъ и Саши Арбенина, еще съ дѣтства наполнялось «понятіями противообщественными»? Гордый видъ и гордый духъ, не смиряющійся передъ судьбой, и эта судьба, какъ грозная тѣнь Банко—все это есть въ Арсеніи, и все это не новость для того, кому знакомы Измаилъ и Арбенинъ. Подобно Измаилу, Арсеній молодъ; но эта молодость у нихъ обоихъ отягощена безсмѣнной думой, силою которой жизнь изживается въ немногіе годы, и грядущее сулитъ только повтореніе прошлыхъ страданій:

...Разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Мысль послѣдняго стиха намъ уже извѣстна изъ словъ Арбенина (въ «Маскарадѣ»). Къ довершенію сходства, укажемъ на безцѣльную жизнь Арсенія; увидавъ остовъ своей возлюбленной, пожелтѣвшій и покрытый прахомъ, онъ заключаетъ поэму такими словами:

Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской...

Если Мцыри изображаетъ одинъ фактъ изъ жизни могучаго духа, то Хаджи-Абрекъ изображаетъ одну страсть такого же духа. Страсть это—мщеніе. Абрекъ мститъ убійцѣ своего брата, Бей-Булату, убивая его любовницу Леилу. Но эта обязанность кровавой отплаты, обычная варварскимъ племенамъ, не даетъ однакожъ права видѣть въ Абрекѣ человѣка дикаго: онъ думаетъ и чувствуетъ, какъ разочарованный европеецъ новаго времени. Похоронивъ все, чему онъ вѣрилъ и что любилъ, Абрекъ находитъ блаженство въ сладострастіи преступленій. На мщеніе смотритъ онъ единственно, какъ на утѣшеніе въ несчастіи, какъ на замѣну счастья. Съ другой стороны, Арбенинъ, при всемъ своемъ европеизмѣ, по чувству мщенія нисходитъ на степень дикаря: подозрѣнія равны для него доказательствамъ; онъ не знаетъ тогда ни жалости ни помилованія;

Когда обиженъ—мщенье, мщенье!
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ!

Средства мщенія у Арбенина и Хаджи-Абрека различны, но сила мщенія одинакова: въ этомъ они сходятся какъ нельзя больше.

На всѣхъ этихъ фигурахъ мрачныхъ и вмѣстѣ обольстительныхъ невыразимою красотой, которой «неизмѣнная мысль дала печальный блескъ свой», лежитъ печать не только фатализма, но и демонической силы. Поэтому одна изъ поэмъ Лермонтова носитъ названіе «Демонъ». Герой ея принадлежитъ къ сферѣ безплотныхъ, но это различіе не существенное; въ образѣ его соединяются черты, которыми надѣлены человѣческія лица, выведенныя въ другихъ поэмахъ и повѣстяхъ Лермонтова. Демону придается эпитетъ «печальный». Его печаль безсмѣнна и безконечна; она

Мечтаній прежнихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

Подобно Арсенію, блуждаетъ онъ «безъ цѣли и пріюта», пустыня души его одно и то же съ грудью Измаила, «опустошенною тоской». Онъ не чуждъ воспоминаній лучшихъ дней, когда онъ вѣрилъ и любилъ, не зная ни страха ни сомнѣнья, когда душѣ его не грозилъ «унылый рядъ вѣковъ». Что для падшаго духа—вѣка, то для человѣка—годы; пространство времени обширнѣе, но свойство жизни, въ большемъ или меньшемъ времени совершающейся, одинаково: это свойство уныніе. Сѣя зло изъ наслажденія, Демонъ наскучилъ зломъ. Скука—болѣзнь его, наравнѣ съ душевными болѣзнями такой человѣческой природы, какою одарены Арбенинъ, Измаилъ и Печоринъ. Съ гордостью смотрѣлъ злой духъ на твореніе, и при этомъ взглядѣ на челѣ его не отражалось ничего, кромѣ холодной ненависти:

Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

Въ безплодной груди Измаила не зарождается также ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія. Къ тому же онъ и «изгнанникъ», только изъ родины, а не съ неба; но для падшаго ангела небо было родиной. Оба они, и Демонъ и Измаилъ, страдаютъ сомнѣніемъ, горькій плодъ котораго—безсмертная мысль, неизбѣжная дума. Имъ желалось бы «забыть незабвенное», но гдѣ взять для этого силъ? Что Арбенинъ говорилъ о себѣ Нинѣ, то самое, почти тѣми же словами, говоритъ Тамарѣ Демонъ:

Какое горькое томленье
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой,
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!

Минуты страданій Измаила, стоящія вѣковъ печали, испытываются и Демономъ въ большей еще силѣ, невыносимой для человѣковъ:

Что повѣсть тягостныхъ лишеній, Грядущихъ прошлыхъ поколѣній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской, Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій!

Наравнѣ съ Печоринымъ, Измаиломъ и Арбенинымъ Демонъ Лермонтова способенъ пробуждаться для чувствъ: при видѣ княжны Тамары онъ ощутилъ въ себѣ «неизъяснимое волненье». Образъ его отмѣченъ тою красотою, которой неизмѣнная мысль даетъ особенный блескъ:

Пришлецъ туманный и нѣмой
Красой блистая неземной...
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о, нѣтъ
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ...

Портретъ дорисовывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ. На вопросъ Тамары: кто онъ? Демонъ отвѣчаетъ:

Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы.

Наконецъ, сходство между Демономъ и тѣми лицами, о которыхъ уже говорили, заключается въ отношеніи ихъ къ женщинамъ. Сближеніе падшаго ангела съ Тамарой причинило ей гибель; ту же участь раздѣляютъ съ ней Нина, Мери и Вѣра, возбуждавшія любовь въ Арбенинѣ и Печоринѣ.

«Могучій образъ врага святыхъ и чистыхъ побужденій» является и въ «Сказкѣ для дѣтей» совершенно такимъ же. Онъ несетъ на себѣ двойное наказаніе—вѣчности и знанія. Какъ царь нѣмой и гордый, сіяетъ онъ волшебно-сладкою красотою, при созерцаніи которой смертному становится страшно. «Сказка» изображаетъ притомъ характеръ Нины, нисколько не похожій на Нину въ «Маскарадѣ»: послѣдняя кроткое и нѣжное существо, тогда какъ первая въ кругу женщинъ то же, что Арбенинъ и ему подобные между мужчинами:

...Душа ея была,
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

Замѣтьте слово «случайность»: оно имѣетъ здѣсь значеніе «судьбы», и такимъ образомъ отводитъ Нинѣ мѣсто въ ряду фаталистическихъ существъ. На жизни ея, если бъ авторъ кончилъ свой разсказъ, непремѣнно легло бы вліяніе рока.

Теперь намъ слѣдуетъ познакомиться съ характеромъ Печорина, героя нашего времени; но можно сказать, что мы уже съ

нимъ знакомы черезъ посредство тѣхъ лицъ, о которыхъ говорено выше. Если и есть какое-нибудь здѣсь различіе, то оно кроется не въ сущности характера, а въ болѣе отчетливой его постановкѣ. У Печорина ближайшее сходство съ Александромъ Радинымъ (въ драмѣ «Два брата»), которое обнаруживается и внутренними и внѣшними свойствами обѣихъ личностей: даже слова одного повторяются иногда въ точности другимъ. Только кругъ дѣйствій Печорина обширнѣе. Радинъ выказываетъ себя въ трагическомъ столкновеніи съ братомъ и княжной Вѣрой, а Печоринъ является героемъ нѣсколькихъ повѣстей, образующихъ одно цѣлое: сводя его со многими и разнохарактерными людьми, авторъ имѣлъ возможность разсмотрѣть его всестороннимъ образомъ и каждую сторону обрисовать полнѣе. Нерѣдко самъ Печоринъ описываетъ или анализируетъ себя; нерѣдко и другіе принимаютъ на себя эту обязанность. Конечно, самыя вѣрныя извѣстія должны принадлежать самому герою. Многое мы узнаемъ отъ него, но это многое недостаточно, однакожъ, ни для того, чтобы вполнѣ разумно объяснить характеръ, какъ естественное произведеніе, ни для того, чтобъ оправдать его дѣйствія, какъ существа нравственнаго. И натуралистъ и правовѣдъ, послѣдній еще болѣе, чѣмъ первый, встрѣтятъ большія препятствія своему дѣлу, за недостаткомъ данныхъ. Что передастъ имъ романъ? Романъ описываетъ героя такимъ образомъ: у него крѣпкое сложеніе, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни ни душевными бурями; онъ бѣшено наслаждался удовольствіями, и удовольствія наскучили ему; кружился въ большомъ свѣтѣ, и общество ему надоѣло; влюблялся и былъ любимъ, но любовь его только раздражала воображеніе, а сердце оставалось пусто; въ наукахъ не нашелъ онъ также ни вкуса ни пользы, ибо видѣлъ, что слава и счастье не зависятъ отъ нихъ нисколько. Ему стало скучно. Этой злой скуки не разогнали ни чеченскія пули ни любовь дикарки Бэлы. Свидѣвшись съ Максимомъ Максимычемъ послѣ долгой разлуки, на вопросъ его: «что подѣлывали?» онъ отвѣчаетъ: *скучалъ*. Скука—ходячая монета всѣхъ героевъ Лермонтова: они расплачиваются ею не только за цѣлую жизнь, но и за каждый періодъ ея, долгій или короткій, все равно.

Какія же причины скуки?.. Вопросъ почти лишній, потому что отвѣтъ на него данъ уже прежними лицами: главная причина—преждевременное знаніе всего,—знаніе, пріобрѣтенное и раннимъ опытомъ жизни (Печорину только двадцать пять лѣтъ) и еще болѣе анализомъ недолговременной еще жизни. Арбенинъ (въ «Маскарадѣ») видѣлъ развязку романа, прежде чѣмъ начиналась его завязка; то же самое Печоринъ говоритъ доктору Вернеру: «мы знаемъ почти сокровенныя мысли другъ друга; одно слово для насъ цѣлая исторія: видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку». Такъ какъ подобные знатоки по зародышу предмета угадываютъ и дальнѣйшее его развитіе и послѣдніе плоды развитія, то нисколько не удивительно, что печальное для другихъ на ихъ глаза смѣшно, и наоборотъ—смѣшное печально. Умъ становится для нихъ тягостенъ: онъ ведетъ къ скукѣ; дураки

имъ спокнѣе и выгоднѣе, потому что при глупости веселѣе въ свѣтѣ. Печоринъ, на ряду съ Измаиломъ и Арбенинымъ, мученикъ безсмѣнной жизни. Постоянный анализъ каждаго душевнаго движенія, каждаго жизненнаго факта раскололь его существованіе на двѣ половины. Въ немъ совершилось раздвоеніе. «Во мнѣ два человѣка,—говоритъ онъ:—одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова; другой мыслитъ и судитъ его». Но слово *живетъ* надобно понимать здѣсь только какъ простую противоположность слова *не живетъ*, а не какъ выраженіе полноты и свѣжести жизни. При анализѣ этого быть не можетъ. Вторая половина человѣка, мыслящая и судящая, губитъ первую половину, живущую. Человѣкъ становится нравственнымъ калѣкою, какъ и сталъ Печоринъ: онъ живетъ не сердцемъ, а головою; у него остались одни только обломки идей, и не спасено ни одного чувства. Поэтому мысль не согрѣта никакимъ чувствомъ: анатомированіе и взвѣшиваніе самого себя производится имъ безъ участія, единственно изъ любопытства.

Замѣчательно, что Печоринъ самъ почти ничего о себѣ не знаетъ. Поэтому онъ рѣдко даетъ категорическую форму сужденіямъ, которыя могли бы опредѣлить образованіе его характера и настоящее его положеніе. Характеръ свой называетъ онъ «несчастнымъ»,—названіе, не дающее опредѣленнаго понятія о предметѣ. Мы видѣли, какъ въ драмѣ «Маскарадъ» Неизвѣстный остается въ нерѣшимости, чему приписать душевный холодъ Арбенина, «обстоятельствамъ или уму»; такую же нерѣшимость выражаютъ слова Печорина Максиму Максимычу: «Воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю,—но знаю только, что если я причиною несчастья другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ». Что жъ онъ такое? На этотъ вопросъ опять нѣтъ отвѣта: «Глупецъ я или злодѣй, не знаю; но то вѣрно, что я очень достоинъ сожалѣнія». Впрочемъ, Печоринъ иногда сваливаетъ вину на другихъ. «Душа моя,—говоритъ онъ,—испорчена свѣтомъ». О ней можно сказать то самое, что авторъ, въ предисловіи къ «Герою нашего времени», сказалъ о русской публикѣ: она дурно воспитана. Худыя качества родились въ ней оттого, что другіе начали предполагать ихъ, когда ихъ не было. Трудно повѣрить этому; однакожъ, употребимъ выраженіе самого Печорина—«это такъ». Когда Мери сравнила его съ убійцею, онъ отвѣчаетъ ей тою же самою тирадою, какою, по поводу такого же сравненія, Александръ Радинъ отвѣчалъ княжнѣ Вѣрѣ (въ драмѣ «Два брата»).

Какъ сильный организмъ, Печоринъ производитъ на окружающихъ его магическое вліяніе, которое всегда разрѣшается бѣдою. Но, подобно неразумной силѣ рока, онъ не дорожитъ своими жертвами, даже не жалѣетъ ихъ. Эгоизмъ его переступаетъ всѣ предѣлы. Самое счастье, по его мнѣнію, не иное что, какъ удовлетворенный эгоизмъ, насыщенная гордость. Въ исповѣди его по этому поводу, разоблачающей внутреннее настроеніе, есть какое-то величіе дерзости, цинизмъ откровенности:

«Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости

другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ: ибо честолюбіе есть не иное что, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ: возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви».

«Есть минуты,—восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Печоринъ,—когда я понимаю вампира».

Такимъ образомъ снова передъ нами неизбѣжная судьба, и Печоринъ, наравнѣ съ другими извѣстными уже намъ лицами, становится роковымъ человѣкомъ. Онъ подчиненъ высшей власти и самъ для другихъ такая же власть. Радинъ, въ упомянутомъ отвѣтѣ княжнѣ Вѣрѣ, говоритъ: «моя безцвѣтная молодость протекла между *собой* и свѣтомъ». Но эта замѣна слова *судьбою* словомъ *собой* сохраняетъ неприкосновенною сущность признанія и мысли. Печоринъ, какъ мужъ судьбы, и самъ былъ судьбою не только для другихъ, но и для себя. Борьба съ собою есть вмѣстѣ борьба съ судьбою; и какъ отъ судьбы нельзя требовать отвѣтовъ и объясненій, такъ и Печоринъ, несмотря на нѣкоторыя свои признанія, мало себя объясняетъ, оставаясь безотвѣтнымъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, слѣдовательно съ самаго начала жизни, если понимать подъ этими словами обыкновенное теченіе лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, съ эпохи юношества, если понимать подъ ними сознательность бытія, открывшуюся для Печорина слишкомъ рано,—съ тѣхъ самыхъ поръ судьба приводила его къ развязкѣ чужихъ драмъ. Онъ справедливо называетъ себя необходимымъ лицомъ пятаго акта: безъ него не могла завершиться пьеса. Но эта пьеса была постоянно трагическимъ крушеніемъ надеждъ и счастья. Необходимое лицо, словно таинственная роковая сила или deux ex machina, разыгрывало роль палача или предателя. Судьба подвинула Печорина на разрывъ Мери съ Грушницкимъ; судьба бросила его въ мирный кругъ контрабандистовъ. Зачѣмъ это такъ было? Зачѣмъ этому слѣдовало быть такъ? спрашиваетъ онъ самъ себя. Какъ камень брошенный въ гладкій источникъ, говоритъ онъ, я тревожилъ его спокойствіе, и какъ камень едва самъ не утонулъ! «Сколько разъ игралъ я роль топора въ рукахъ *судьбы*! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія».

Наконецъ, Печоринъ, какъ и всѣ его предшественники, бурной природы. У него врожденная наклонность къ тревогамъ; тихія радости, душевное спокойствіе ему не по сердцу и не къ лицу: «Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго

брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль, не мелькаетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдаляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной постройкѣ».

Разсмотрѣвъ произведенія объективной поэзіи Лермонтова, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Главныя лица, выведенныя поэтомъ, представляютъ поразительное между собою сходство, доводящее почти до тождества. Можно сказать, что это одинъ и тотъ же образъ, являющійся въ разныхъ возрастахъ и полахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, подъ разными именами, а иногда и подъ однимъ именемъ. Поэтъ изображаетъ его съ одной стороны или со многихъ; разсматриваетъ многія дѣйствія изъ его жизни или одинъ только фактъ; беретъ одну способность его духа или многія способности.

Все различное въ идеалѣ несущественно; все сходственное или тождественное—существенно. Поэтому какое-нибудь представленіе идеала, въ повѣсти или драмѣ, дозволяетъ угадывать безошибочно другія его представленія, во всѣхъ остальныхъ повѣстяхъ и драмахъ. Саша Арбенинъ оказался бы въ зрѣломъ возрастѣ точно таковымъ, каковыми оказались двое другихъ Арбениныхъ, Радинъ, Печоринъ; и наоборотъ, эти послѣдніе въ возрастѣ дѣтскомъ походили бы какъ нельзя больше на Сашу Арбенина. Равнымъ образомъ всѣ эти лица, Арбенины, Радинъ, Печоринъ, будучи европейцами, служатъ подлинниками азіатцевъ—Измаила, Хаджи-Абрека, Мцыри, которые, въ свою очередь, могли бы сдѣлаться образцами для своихъ подлинниковъ. Бояринъ Орша и Арсеній, люди XVI вѣка, ярко отражаются въ своихъ потомкахъ—Печоринѣ и Арбенинѣ, жителяхъ XIX вѣка, современникахъ Лермонтова. Семнадцатилѣтняя Нина, въ «Сказкѣ для дѣтей», имѣетъ такое же значеніе между женщинами. Фактъ, разсказанный въ жизни любого лица (напр., Мцыри), относится къ одной категоріи съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни другого (напр., Печорина): по первому можно опредѣлить второе и наоборотъ. Страсть или наклонность, взятая изъ цѣлаго характера (напр., Абрека), даетъ возможность представить себѣ цѣлый характеръ (напр., Арбенина), и наоборотъ. Одна частность указываетъ цѣлое, одинъ моментъ—все теченіе жизни, одна стихія—весь составъ духа, указываетъ не только въ сферѣ одного и того же характера, но и въ сферѣ всѣхъ прочихъ: ибо эти прочіе равны ему.

Что же слѣдуетъ заключить изъ такой неизмѣнной наклонности поэта къ представленію одного и того же образа? Заключеніе останавливается на слѣдующихъ положеніяхъ:

Или въ герояхъ своихъ Лермонтовъ выводилъ современнаго общественнымъ условіямъ ставшаго героемъ эпохи.

Или, подъ образомъ созданныхъ лицъ, изображалъ онъ себя самого: свой собственный характеръ—въ ихъ характерахъ, свою жизнь—въ ихъ жизни. Поэма, драма, повѣсть были только формы объективной поэзіи, нужныя для раскрытія личности поэта, которая вовсе не была выраженіемъ современнаго человѣка, героя Лермонтовской эпохи.

Или, наконецъ, оба эти предположенія совмѣстимы, т.-е., творя идеалъ, воплощающій въ себѣ понятіе о современномъ человѣкѣ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ рисовалъ и себя самого, подходящаго подъ это понятіе. Примѣры подобныхъ явленій нерѣдки въ исторіи поэтическаго творчества.

Чтобъ узнать, которое изъ трехъ предположеній ближе къ истинѣ, необходимо обратиться къ лирическимъ произведеніямъ Лермонтова. Лирическая поэзія, имѣя предметомъ не внѣшній, а внутренній міръ,—міръ души поэта, изображаетъ его личныя чувства и мысли.

Но прежде этого остановимъ вниманіе читателя на одномъ замѣчаніи, важномъ для нашей цѣли. Уже въ повѣстяхъ и поэмахъ Лермонтова проявляются его личныя ощущенія. Вольное или невольное отношеніе собственной жизни къ жизни созданныхъ лицъ достаточно показываетъ, что поэтъ сочувствовалъ имъ, что они ему не чужіе, не только какъ автору, съ любовію творящему образы, но и какъ человѣку, видящему въ нихъ себя самого. Такъ, въ «посвященіи» «Демона» прямо говорится, что эта поэма, хотя сюжетъ ея заимствованъ изъ грузинскаго преданія, есть «простое выраженіе тоски, много лѣтъ тяготившей умъ поэта». Разсказъ написанъ, слѣдовательно, съ извѣстною цѣлью—въ положеніи дѣйствующаго лица изобразить положеніе разсказчика. Главное дѣло здѣсь не Демонъ, а судьба человѣка, одареннаго демоническими силами. Эпиграфъ къ «Измаилу-Бею» даетъ также знать о внутреннемъ настроеніи поэта, родственномъ или даже тождественномъ такому же настроенію вымышленнаго героя: въ немъ Лермонтовъ называетъ свою душу «безжизненною»; вдохновеніе, снова на него нисшедшее, воспѣваетъ «тоску, развалину страстей». Послѣднія слова какъ бы повторяются въ самой повѣсти, при описаніи потока, шумящаго на днѣ пропасти. «Слыхалъ я этотъ шумъ,—прибавляетъ отъ себя Лермонтовъ,—и много будилъ онъ мыслей въ груди, *опустошенной тоскою*». Самый разсказъ чеченца объ Измаилѣ характеризуется эпитетами: «буйный и печальный». Лермонтовъ, перенося его съ юга на дальній сѣверъ, не боится невниманія публики, да и не требуетъ вниманія.

Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца.

Такимъ образомъ, «тоска, тяготѣющая надъ умомъ», «грудь, опустошенная тоскою», этою развалиной страстей, «душа безжизненная и вмѣстѣ гордая»—вотъ признаки, общіе героямъ и пѣвцу ихъ. Еще важнѣе то указаніе, которымъ Лермонтовъ положительно обнаруживаетъ свою родственную связь съ любимымъ идеаломъ. Обрисовавъ въ «Сказкѣ для дѣтей» характеръ Нины, этой

какъ бы родной сестры Арбениныхъ, Печориныхъ и Радиныхъ, онъ замѣчаетъ:

Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ.

Мы увидимъ, что слова «былъ» и «немножко» употреблены здѣсь не въ строго-точномъ своемъ значеніи. Вмѣсто прошедшаго времени поэтъ могъ бы поставить настоящее и отъ нарѣчія «немного» откинуть отрицаніе.

Указанія эти достаточно свидѣтельствуютъ о сочувствіи Лермонтова къ его героямъ; а такъ какъ сочувствіе основывается на родственномъ сходствѣ характеровъ, на ихъ принадлежности къ одной и той же породѣ, то... Но мы не хотимъ заблаговременно высказывать выводы, для полной ясности которыхъ необходимы многія другія свидѣтельства и, между прочимъ, искреннее свидѣтельство лирическихъ пьесъ.

Самая характеристическая изъ нихъ, по моему мнѣнію, «Парусъ». Это эмблема добровольнаго изгнанника изъ родины:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...

Увы, онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой...
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ-будто въ буряхъ есть покой!

Чѣмъ инымъ объяснить душевное настроеніе, выраженное въ стихотвореніи, какъ не врожденною наклонностью къ тревогѣ, подобною такой же наклонности семилѣтняго Арбенина къ разрушенію? Обстоятельства жизни совершенно благопріятныя: и золотые лучи солнца и свѣтло-лазурныя струи. Обвинять ихъ, ссылаться на нихъ нѣтъ никакого права. Можетъ-быть, по естественному недовольству нашего сердца, поэтъ стремится къ лучшему? Нѣтъ: «онъ счастія не ищетъ». Но отсюда не слѣдуетъ, однакожъ, что счастіе найдено, и нечего искать его: нѣтъ, «онъ бѣжитъ *не отъ счастія*». Онъ самъ не даетъ себѣ отчета, зачѣмъ бросилъ родину и направился въ далекій край. И мы напрасно стали бы вмѣстѣ съ нимъ искать положительныхъ тому причинъ. Причина одна—природа. Мятежно-рожденный проситъ бури, потому что въ него вложенъ инстинктъ мятежа, и ему такъ же необходима бурная погода жизни, какъ хищной птицѣ—хищничество. Такъ, Печоринъ не уживается съ мирною долею: его душа сроднилась съ битвами и бурями; онъ томится и вздыхаетъ на гостепріимномъ берегу, не прельщаясь ни тѣнистыми рощами ни свѣтомъ солнца. Онъ сравниваетъ себя съ челнокомъ, брошеннымъ въ море; поэтъ беретъ другое сравненіе для выраженія такого же состоянія—парусъ, бѣлѣющій въ голубомъ туманѣ моря. Такъ и Мцыри готовъ отдать двѣ спокойныя жизни за одну, полную тревогъ и битвъ; ничего не возьметъ онъ взамѣнъ живой дружбы межъ гро-

зой и бурнымъ сердцемъ; онъ былъ бы радъ обняться съ бурей. Что въ пьесѣ «Парусъ» представлено эмблематически, то въ другихъ стихотвореніяхъ выражается непосредственно. Романсъ «Къ ***» говоритъ, что авторъ уноситъ на чужую сторону, подъ южное небо свою *мятежную* кручину; элегія «Когда волнуется желтѣющая нива» указываетъ, какъ, при видѣ спокойной природы, смиряется *тревога* его души.

Другой предметъ, взятый изъ міра физическаго для уподобленія ему предмета нравственнаго, есть гранитный утесъ (въ пьесѣ «Я не хочу»). Это символъ гордости, источникъ которой и право на которую—высокая душа. Угрюмый жилецъ двухъ стихій, воды и воздуха, ввѣряетъ свои думы только громамъ и бурямъ: такъ и душа поэта равнодушна къ одобренію и укору людскому. Поэтъ не склоняется передъ кумирами свѣта; для него нѣтъ предметовъ ни сильной любви ни сильной злобы; онъ гордъ не меньше Измаила, Арбенина, Печорина.

Наравнѣ съ этими лицами поэтъ пораженъ преждевременнымъ опытомъ жизни, приведшимъ его къ анализу и сомнѣнію. Въ пьесѣ «Гляжу на будущность съ боязнью» душа его уподобляется «раннему плоду, лишенному сока»: она увяла въ роковыхъ буряхъ подъ знойнымъ солнцемъ бытія. Какъ дубовый листокъ, она выросла въ суровой отчизнѣ и «созрѣла до срока» (пьеса «Дубовый листокъ оторвался»). Можно замѣтить, что бездушные предметы: парусъ, дубовый листокъ, гранитный утесъ, облака и другіе, взятые для символическаго представленія предметовъ душевныхъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ такъ же относятся къ поэту, какъ относятся къ нему лица повѣстей и драмъ. это образы его самого.

Что же вынесъ поэтъ изъ ранняго опыта жизни и ея анализа? Пустую душу, сомнѣніе, скуку, отсутствіе всякой цѣли. Припомнимъ изъ эпиграфа къ «Измаилу» грудь, «опустошенную тоской», которая сверхъ того называется «развалиною страстей», и намъ понятно будетъ, почему въ «Молитвѣ» (одной изъ двухъ пьесъ того же названія) поэтъ называетъ свою душу «пустынною», а себя «безроднымъ странникомъ въ свѣтѣ» (какимъ и былъ Измаилъ), и почему въ другой пьесѣ «Благодарность» онъ благодаритъ «за жаръ души, растраченный въ пустынѣ». Припомнимъ также Арсенія, который отправляется въ чужую сторону «*одинъ*, безъ думъ *цѣли* и труда»: такъ и дубовый листокъ, образъ поэта, носится по свѣту *одинъ* и *безъ цѣли*. Въ настоящемъ поэтъ живетъ подъ «бурей тягостныхъ *сомнѣній* и страстей» (Первое января»); онъ радъ, когда святыя слова молитвы далеко отгоняютъ отъ него *сомнѣнье* («Въ минуту жизни трудную»).

Несмотря, однакожъ, на всю тягость бремени, душа поэта не подчиняется скорби, но презрительно смотритъ ей въ очи. При немѣ всегда не умирающая память боли и томленья. Онъ не забудетъ ихъ даже въ могильной странѣ покоя; онъ не хочетъ забвенья:

Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ. («Любовь мертвеца».)

Невольно представляется при этихъ стихахъ и Печоринъ, который называлъ себя глупымъ созданьемъ, ничего не забывающимъ; и Измаилъ, который восклицалъ тоскливо, что въ мірѣ все есть, кромѣ забвенья; и еще болѣе Демонъ, которому не дано забвенья, и который его бы не взялъ. Не ясное ли здѣсь сходство, даже тождество!

Что же осталось поэту, которому такъ больно и такъ трудно? ждетъ ли онъ чего-нибудь? жалѣетъ ли о чемъ?.. Вотъ собственный отвѣтъ его въ элегіи: «Выхожу одинъ я на дорогу»:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.

Совершенно такое же состояніе жизни изображено подъ видомъ облаковъ въ поэмѣ «Демонъ». Волшебный голосъ, утѣшая Тамару, говоритъ объ облакахъ, не оставляющихъ по себѣ слѣдовъ на небѣ:

Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Другіе два стиха въ томъ же описаніи облаковъ:

Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, ни печаль,

какъ бы повторены въ пьесѣ «Договоръ», при представленіи неразгаданнаго союза двухъ сердецъ, въ которомъ:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Такимъ образомъ мысли, чувства и даже выраженія, приписанныя героямъ поэмъ и драмъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ относятся къ самому поэту и составляютъ его неотъемлемую собственность.

Укажемъ еще одинъ примѣръ. Отрывокъ изъ повѣсти, въ которой идетъ рѣчь о Сашѣ Арбенинѣ, описываетъ господскій садъ, домъ и ихъ окрестности: «отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ; съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы». Пьеса «Первое января» вспоминаетъ родныя мѣста, которыми поэтъ восхищался въ дѣтствѣ:

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
  И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
  Вдали туманы надъ полями.

Измаилъ также обращается мечтою къ картинамъ природы, которыя онъ любилъ, будучи еще ребенкомъ. У подобныхъ людей воспоминаніе о дѣтствѣ и первыхъ впечатлѣніяхъ есть своего рода мысленный рай, куда они любятъ временно уходить отъ же-

стокихъ треволненій сердца, отъ безсмѣннаго присутствія одолѣвающихъ мыслей отъ себя самихъ.

Понятіе поэта о жизни одинаково съ понятіемъ Измаила и Арбенина. Жизнь, по его мнѣнію, «пустая и глупая шутка» (въ пьесѣ «И скучно и грустно»). Не то же ли говорили и Арбенинъ, назвавшій жизнь дѣтскою шарадой, и Измаилъ, опредѣлившій ее рядомъ измѣнъ?

Временное преображеніе поэта, закаленнаго въ роковыхъ буряхъ, совершается при помощи тѣхъ предметовъ, которые по своей сущности противоположны душевному его состоянію. Прелести природы, подчиненной положительнымъ законамъ, тихая пѣсня незнакомаго сосѣда, слова молитвы, дарующей благодатную силу разбитому сердцу, видъ прекраснаго ребенка, живущаго непосредственно жизнью, или память о другѣ, сохранившемъ и въ недѣтскомъ возрастѣ—

И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей, и жизнь иную...

вотъ что усмиряетъ тревогу души его, наполняетъ грудь покоемъ и заставляетъ иногда проливать тихія слезы. Тогда онъ можетъ постигать земное счастье и способенъ видѣть въ небесахъ Бога. При такомъ внутреннемъ настроеніи самая рѣчь становится нѣжнѣе и спокойнѣе, какъ бы въ противоположность энергическому, сжатому и мятежному стиху. Доказательствами служатъ пьесы: «Двѣ молитвы», «Ребенку», «Памяти А. Н. Одоевскаго», «Къ сосѣду», «Ангелъ», «Ребенка милаго рожденье», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Когда волнуется желтѣющая нива» и пр.

Временные переходы отъ тревоги къ спокойствію принадлежатъ и каждому изъ лицъ, созданныхъ поэтомъ, особенно Печорину. Отрадное чувство разливалось въ его жилахъ при яркомъ солнцѣ, при синемъ небѣ, при воздухѣ, чистомъ и свѣжемъ, какъ поцѣлуй ребенка. Умственное волненіе затихало въ немъ, когда передъ нимъ открывались высокія горы и широкія степи. «Я люблю,—говорилъ онъ,—скакать на горячей лошади, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль, все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума».

Такимъ образомъ сличеніе лирическихъ произведеній Лермонтова съ его повѣствовательными и драматическими пьесами убѣдительно показываетъ, что онъ самъ является въ созданныхъ имъ лицахъ, или что внутреннее состояніе этихъ лицъ выражается его собственнымъ душевнымъ состояніемъ. Родственное отношеніе, существующее между образами Арбенина, Печорина, Измаила и другихъ, существуетъ также между ними и творцомъ ихъ. Они зеркало его самого, и онъ самъ вѣрное ихъ отраженіе и воспроизведеніе.

Галаховъ.

Мужскіе типы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Въ средѣ духовной атмосферы, которая отличается напряженіемъ мысли и ослабленіемъ воли, пытливостью ума и недостаткомъ энергіи, нужной для дѣятельности, являются иногда люди исключительные, не въ примѣръ большинству. Ихъ также коснулась зараза времени; въ натурѣ ихъ также совершилось раздвоеніе, по которому одна ея половина живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а другая мыслитъ и судитъ; ихъ также разумѣла «Дума», оплакивая пустоту и мракъ современнаго поколѣнія: однакожъ, по особеннымъ дарамъ природы, они возвышаются надъ общимъ уровнемъ и не могутъ примириться съ окружающимъ ихъ міромъ. Къ числу такихъ людей относятся герои Лермонтова, преимущественно Печоринъ. Печоринъ сознаетъ въ себѣ эту врожденную мощь. Вопросы о самомъ себѣ, о цѣли своей жизни нерѣдко выступаютъ передъ нимъ, особенно въ тѣ минуты, когда онъ видитъ чудное фаталистическое сплетеніе своей судьбы съ судьбой другихъ: «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно, зачѣмъ я жилъ, для какой цѣли я родился?.. А вѣрно она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я *чувствую въ душѣ моей силы необъятныя*. Ужъ не назначенъ ли я судьбой въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для чтенія»?... Почему знать? *Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками!* Геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара».

Вотъ какъ смотрѣлъ на себя Печоринъ! Онъ различалъ въ себѣ человѣка съ могучей организаціей, существо геніальное, изъ ряда Байроновъ или Александровъ Великихъ, съ высокимъ назначеніемъ на землѣ. Отчего же цѣль не достигнута, потокъ жизни проложилъ себѣ дорогу не соотвѣтственно назначенію? Могутъ быть тому разныя причины. Въ одномъ мѣстѣ Печоринъ беретъ всю отвѣтственность на себя: «Я не угадалъ назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни». Но въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ отклоняетъ отъ себя вину и такимъ образомъ ставитъ въ затрудненіе читателя, который желалъ бы объяснить себѣ настоящій источникъ его дѣйствій.

Человѣкъ, одаренный мужественными способностями, одаренъ съ тѣмъ вмѣстѣ и могущественной жаждой дѣятельности. Дѣятельность должна служить необходимымъ выраженіемъ его силы, которая находитъ въ себѣ двоякое побужденіе: и природный инстинктъ, вызывающій ее наружу, и образованное понятіе объ ея употребленіи, запрещающее ей сидѣть сложа руки. Что жъ, если

по какимъ-либо условіямъ время не благопріятствуетъ развитію всего сильнаго и геніальнаго? если оно осуждаетъ или на бездѣйствіе, или на пустоту дѣятельности? Нѣтъ поприща, гдѣ бы оказалась возможность развернуться и прилично и широко; но есть много преградъ къ развитію. Душа, оскорбленная такимъ порядкомъ дѣлъ, испытываетъ тягостное противорѣчіе не только между идеаломъ и дѣйствительностью вообще, но между идеаломъ и ближайшею средою. Сила, не находя исхода, пробиваетъ себѣ другой путь. Желая заявить себя, она истощается на что-нибудь, часто на пустое и недоброе. Печоринъ похищаетъ и бросаетъ Бэлу, оскорбляетъ Мери, терзаетъ Вѣру, убиваетъ Грушницкаго. Опыты его дѣятельности—рядъ самыхъ непріятныхъ столкновеній съ ближними: она истощается въ волокитствѣ, въ преслѣдованіи такихъ ничтожныхъ личностей, какъ Грушницкій или князь Звѣздичъ, въ обидномъ обращеніи съ такими добрыми личностями, какъ Максимъ Максимычъ. Вся его забота проходитъ въ томъ, чтобы выказать свое превосходство. Затѣмъ онъ уединяется въ высокомѣрный эгоизмъ, это единственное пристанище сердца, презирающаго свѣтъ, подобно тому, какъ хищное животное, утоливъ стремленіе къ хищничеству, скрывается въ своей берлогѣ.

Вооружась противъ «гнета просвѣщенія», которое будто бы сдѣлало насъ ничтожными, слабовольными лицемѣрами, сами герои Лермонтова страдаютъ полуобразованіемъ. Въ нихъ легко разсмотрѣть цивилизованное варварство. Не по одной антипатіи къ поверхностному европеизму Лермонтовъ обращается къ горцамъ и Россіи XVI вѣка. Здѣсь дѣйствовало извѣстное внутреннее сочувствіе est son faible можно сказать о немъ. Идеалы, имъ выведенные, даже изъ среды европейской, дики, неистовы; деспотичный Арбенинъ, Печоринъ, Радинъ, поставленные рядомъ съ героями Байрона, должны завидовать ихъ гуманности и разумности дѣйствій. Арбенинъ любитъ Нину, но какъ онъ мститъ ей? хуже Отелло. Вѣра не столько предметъ истинной страстности Печорина, сколько игрушка его тираніи и чувственности. Когда онъ, уморивъ коня въ поѣздкѣ къ Вѣрѣ, заплакалъ, какъ ребенокъ, то были не слезы сердечной привязанности, а скорѣй слезы досады, бѣснующейся на неудачу прихоти. Тираническія роковыя наклонности нисколько не возвышаютъ его ни надъ жителемъ нашей страны, бояриномъ Оршей, ни надъ жителемъ Кавказскихъ горъ, Хаджи-Абрекомъ. Неужели думалъ Лермонтовъ реставрировать хилыхъ своихъ современниковъ, освободить ихъ изъ-подъ гнета мирной цивилизаціи посредствомъ подобныхъ идеаловъ? Шиллеръ, въ разсужденіи о наивной и сентиментальной поэзіи, запрещаетъ идиллику обращаться назадъ, къ дѣтству, чтобы не покупать себѣ желаннаго покоя цѣною драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній ума; человѣка, не могущаго воротиться болѣе въ Аркадію, предписываетъ онъ вести въ элизіумъ. Неужели этотъ элизіумъ въ эпохѣ Іоанна IV или на вершинахъ Кавказа? Такова ли profession de foi нашего поэта? и въ этомъ ли смыслѣ надобно понимать его стихотвореніе: «Нѣтъ, я не Байронъ, *я другой»!* Было бы странно и жалко убѣдиться въ такомъ взглядѣ на общество, хотя лица, съ которыми мы познако-

мились, своимъ образомъ мыслей и дѣйствій заставляютъ видѣть въ себѣ адептовъ этой, а не иной «общественной философіи».

Отсюда прямой переходъ къ нравственному значенію героевъ Лермонтова. Объяснить возможность того или другого образа дѣйствій не значитъ еще вполнѣ съ нимъ расквитаться: слѣдуетъ опредѣлить его законность или противозаконность. Различныя вліянія раскрываютъ передъ нами причины, почему такой-то человѣкъ вышелъ тѣмъ, а не инымъ лицомъ; онѣ могутъ даже въ извѣстной мѣрѣ оправдывать его, если онъ выказалъ себя дурною личностью: но это только обстоятельства, облегчающія виновность, а не оправдывающія ее, circonstances atténuantes, какъ говорятъ французы, не болѣе. Преступный характеръ, уклонившійся при такихъ обстоятельствахъ отъ нравственнаго начала, заставляетъ смотрѣть на себя снисходительнѣе: самое же начало остается непреклоннымъ.

Если нельзя было герою извѣстнаго времени дѣйствовать такъ, какъ бы ему хотѣлось, даже (допустимъ и это) какъ бы слѣдовало по его понятіямъ, то все-таки совѣсти каждаго неизбѣжно представляется вопросъ: должно ли было дѣйствовать ему такъ, какъ онъ дѣйствовалъ? Кто имѣетъ право,—и себѣ допустить и другимъ позволить,—посвятить жизнь мщенію за безсиліе, на которое онъ обрекается современной обстановкой жизни? Кто имѣетъ право, удовлетворивъ чувству мщенія, утѣшаться тѣмъ, какъ-будто въ этомъ удовлетвореніи единственный долгъ человѣка и гражданина, а въ этомъ горькомъ утѣшеніи—единственная награда за подвигъ мстителя? И кому же мстить? тѣмъ, которые нисколько не участвовали въ печальной жизненной обстановкѣ? Въ жизни много путей, въ обществѣ много обителей, гдѣ можно найти честный пріютъ и серьезную цѣль: ибо честь и серьезность измѣряются не обширнымъ кругомъ служенія, не внѣшнимъ его блескомъ, а отношеніемъ ихъ къ долгу. Кто, помышляя о своихъ высокихъ силахъ, пренебрегаетъ или скучаетъ бременемъ невысокихъ обязанностей, въ душѣ того очень много высокомѣрія и нисколько нѣтъ истинной любви къ общему благу. Онъ—аристократическій бѣлоручка, бѣгающій черной работы и брезгающій чернорабочими. Его протестъ вытекаетъ не изъ безкорыстной преданности правдѣ: его протестъ—гнѣвный голосъ самолюбія, раздраженнаго неудачею гордыхъ покушеній, заносчивыхъ притязаній. Въ томъ случаѣ, когда архитекторъ лишенъ возможности воздвигать новое зданіе по своему замыслу, пусть онъ будетъ простымъ каменщикомъ: пусть готовитъ камни для будущаго зданія или расчищаетъ мусоръ въ зданіи разрушенномъ. Поденщикъ, дѣлающій свое дѣло, почтеннѣе генія, ничего не дѣлающаго или, что еще хуже, дѣлающаго ничего. Искреннія заботы о собственномъ и общественномъ совершенствованіи неминуемо связаны съ готовностью на жертвы. Къ жертвамъ, самозабвенію, разумному примиренію неспособны герои Лермонтова. Они или пассивны и праздны, или тревожны и разрушительны. Имъ нравится возбужденіе единственно ради возбужденія. Ихъ дѣятельность безъ всякаго содержанія. Они руководствуются не идеей долга и созиданія, а инстинктомъ хищ-

ничества и неустроенія. Это—элементъ противообщественный, враждебный самому принципу общества, своего рода Аттилы, то истребляющіе, то скучающіе. Аристотелево опредѣленіе человѣка, какъ существа, назначеннаго жить въ связи, обществѣ, имъ не къ лицу; они оправдываютъ опредѣленіе Гоббеса, который въ человѣкѣ видѣлъ природнаго врага каждому человѣку.

Мы не знаемъ, какова именно нравственная точка зрѣнія самого автора на личности, имъ созданныя; однакожъ не можемъ не замѣтить, что эти личности выставляютъ себя съ красивой стороны и часто любуются собой. Повѣсть ихъ жизни—болѣе ея апологія, гораздо менѣе ея осужденіе. Не можемъ также не замѣтить, что въ отношеніи къ нимъ Лермонтова легко различить сочувствіе и не легко отыскать антипатію. Онъ не смотритъ на нихъ иронически, говоря: «Вотъ жалкій герой нашего времени, больного слабоволіемъ и бездѣйствіемъ, самъ зараженный тѣми же болѣзнями!» или «Вотъ чѣмъ въ наше время сильный человѣкъ принужденъ заявлять свою силу!» Нѣтъ, Печоринъ, Арбенинъ, Радинъ поставлены имъ на значительно высокіе подмостки,окружены обаяніемъ, могущимъ привлекать къ нимъ сердца многихъ, преимущественно молодыхъ людей. Они кокетничаютъ своей силой, выставляютъ ее на показъ, дѣлаютъ изъ нея парадъ. Къ нимъ, какъ нельзя лучше, идутъ слова, сказанныя объ Адольфѣ Бенжаменъ-Констаномъ, который, по предложенію нѣкоторыхъ, изобразилъ въ вымышленномъ героѣ дурныя черты своего характера, тщеславіе и измѣнчивость, но который съ тѣмъ вмѣстѣ произнесъ имъ правдивый упрекъ: «Я ненавижу фатовство ума, который думаетъ оправдать то, что онъ объясняетъ; ненавижу тщеславіе, которое занимается само собой, разсказывая учиненное имъ зло, хочетъ возбудить въ себѣ сожалѣніе, описывая себя, и носясь невредимо надъ развалинами, анализируетъ себя вмѣсто того, чтобы каяться. Ненавижу слабость, которая всегда обвиняетъ другихъ въ своемъ безсиліи, не замѣчая, что причина зла не внѣ ея, а въ ней самой. Адольфъ за свой характеръ наказанъ своимъ же характеромъ; наказанъ потому, что не слѣдовалъ ни по одному постоянному пути, не выбралъ ни одного полезнаго поприща, истощалъ свои способности безъ всякаго направленія и силы: направленіемъ служилъ ему капризъ, силою—раздраженіе. Обстоятельства очень мало значатъ, все дѣло въ характерѣ. Напрасно разстаются съ людьми и предметомъ, нельзя разстаться съ самимъ собою. Можно измѣнить положеніе, но въ каждое новое положеніе такой человѣкъ вноситъ муку, отъ которой желалъ бы онъ освободиться; перемѣна мѣста не исправляетъ его; она прибавляетъ только къ сожалѣніямъ угрызенія совѣсти, къ ошибкамъ—страданія».

Въ тонѣ разсказа Печорина, въ способѣ веденія интриги, даже въ языкѣ и слогѣ ясно видимъ отпечатокъ блеска и тщеславія. Здѣсь Лермонтовъ подражалъ пріемамъ французскихъ романовъ, какъ въ главныхъ свойствахъ характера онъ подражалъ Байрону. По складу своему, по внѣшнему, такъ сказать, покрою «Герой нашего времени» съ своимъ докторомъ Вернеромъ напоминаетъ

скорѣй «La confession d'un enfant du siècle», гдѣ также есть докторъ, чѣмъ такъ называемыя романтическія поэмы Байрона.

Не одинъ Бенжаменъ-Констанъ, но и Шатобріанъ жалѣлъ о тревогѣ своего героя (Рене), проводившаго жизнь въ безплодныхъ мечтаніяхъ, а не въ плодовитой дѣятельности. Историки литературы, напримѣръ Гервинусъ и Ю. Шмидтъ, также порицаютъ высокомѣрныя притязанія, геніальничаніе людей, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говорили. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, при болѣе трезвомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность и при болѣе серьезномъ направленіи того и другого, ложный героизмъ не обманываетъ болѣе, чувствуется настоятельная потребность героизма истиннаго. Въ наше время мы въ правѣ сказать то же самое, что миссіонеръ и Шактасъ, слушавшіе повѣсть Рене, сказали ему въ заключеніе разсказа: «Ничто въ этой исторіи не заслуживаетъ сожалѣнія. Я вижу юношу, упрямо преданнаго химерамъ, которому ничто не нравится и который освобождается отъ бремени общественнаго служенія, чтобы предаться безполезнымъ мечтаніямъ. Человѣкъ, презирающій міръ, не есть еще человѣкъ великій. Ненависть къ людямъ и жизни происходитъ отъ недостатка дальновидности, отъ узкаго кругозора. Расширьте горизонтъ вашъ, и вы убѣдитесь, что всѣ несчастія, на которыя вы сѣтуете, чистая ничтожность... Что дѣлаете вы здѣсь, въ глубинѣ лѣсовъ, влача безполезно дни и пренебрегая всякою обязанностью?... Высокомѣрный юноша, думавшій, что человѣкъ можетъ довольствоваться только самимъ собой! Уединеніе усугубляетъ душевныя силы и въ то же время отнимаетъ у нихъ предметы дѣятельности. У кого есть силы, тотъ долженъ посвятить ихъ на служеніе ближнимъ; оставляя ихъ безплодными, онъ въ то же время чувствуетъ тайную нищету, и рано или поздно небо ниспошлетъ ему страшное наказаніе. Миссисипи, еще въ началѣ своего истока, жаловалась на то, что она только прозрачный ручеекъ. Она требовала снѣговъ у горъ, водъ у потоковъ, дождей у бурь, и вотъ она выступаетъ изъ береговъ своихъ и затопляетъ прекрасные берега свои. Надменный ручеекъ восхищается своею силою; но какъ только увидѣлъ, что на пути его все исчезаетъ, что онъ одиноко течетъ въ пустынѣ, что волны его постоянно возмущены, онъ пожалѣлъ о скромномъ руслѣ, изрытомъ для него природою, о птицахъ, о цвѣтахъ, деревьяхъ и ручьяхъ, бывшихъ нѣкогда скромными спутниками его мирнаго теченія».

Галаховъ.

Печоринъ.

Среди всѣхъ лермонтовскихъ образовъ наибольшее вниманіе мое всегда привлекалъ печальный образъ «героя нашего времени». Въ немъ есть что-то трогательно-прекрасное. Что бы ни говорили наши историки литературы объ «отрицательныхъ» качествахъ Печорина, какъ бы ни старались навязать Лермонтову предпочтеніе, которое онъ будто бы отдаетъ «положительному» Максиму Максимычу,—исторіи литературы и критикѣ нѣтъ никакого дѣла

ни до «положительныхъ», ни до «отрицательныхъ» качествъ: если Печоринъ прекрасенъ, то это—все, о чемъ можно и должно говорить, и, право, какъ то даже странно сопоставлять его, это любимое дѣтище поэта, этотъ гордый и прекрасный образъ, безпощадно преслѣдовавшій его воображеніе то въ томъ, то въ иномъ облаченіи (Сашка, Арсеній, Измаилъ-Бей, Мцыри, Арбенинъ, Демонъ), образъ, которому онъ отдалъ весь свой геній, въ который вложилъ всю силу своего могучаго дарованія,—какъ-то даже странно, говорю я, сопоставлять его со случайнымъ, хотя и вправду добрымъ, «смирнымъ» штабсъ-капитаномъ.

Въ чемъ же красота этого вѣчно-юнаго образа? Чѣмъ плѣняетъ и чаруетъ насъ до сихъ поръ этотъ безсмертный печальникъ, въ то время, какъ его ближайшій предокъ Онѣгинъ успѣлъ уже потерять интересъ, потускнѣть и «состариться»?...

На этотъ вопросъ я и постараюсь отвѣтить. Впрочемъ, Лермонтовъ самъ далъ намъ разрѣшеніе этой загадки въ романѣ, окруживъ своего героя какимъ-то ореоломъ всеобщаго поклоненія. Люди совсѣмъ несходныхъ воззрѣній и различныхъ характеровъ чувствуютъ къ нему какое-то тяготѣніе. Добрякъ Максимъ Максимычъ, хмурый Вернеръ, дикарка Бэла, хрупкая княжна Мери, кроткая Вѣра—всѣ они плѣнены своеобразной красотой «героя нашего времени». Есть, правда, люди, которые его не любятъ, даже, можно сказать, ненавидятъ—это Грушницкій съ его компаніей; но развѣ ненависть къ Печорину послѣднихъ не проистекаетъ изъ того же источника, что и любовь первыхъ?—*И любятъ и ненавидятъ его за одно и то же.* Раскрыть причину этой любви и ненависти—значитъ раскрыть обаяніе этой личности для насъ самихъ и постичь тайну безсмертія этого образа въ грядущемъ.

Первая характерная черта Печорина, поражающая въ немъ съ перваго взгляда, приковывающая къ нему вниманіе—вольно или невольно—это то, что онъ *совсѣмъ не похожъ на другихъ людей.* Чернымъ силуэтомъ на бѣломъ фонѣ, то тамъ, то здѣсь мелькаетъ его скорбная тѣнь и напряженно, съ тревожнымъ чувствомъ слѣдитъ читатель за всѣми перипетіями его внутренней драмы.

Плохъ или хорошъ Печоринъ, «положителенъ» или «отрицателенъ», но онъ имѣетъ *свое собственное «я», свою индивидуальную личность,*—и въ этомъ-то кроется основная причина и нашего исключительнаго къ нему вниманія, и той атмосферы всеобщей любви, которой окруженъ онъ въ романѣ. «Мы разстаемся навѣки»,—пишетъ ему Вѣра въ прощальномъ письмѣ;—«однако, ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное: въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно

несчастливъ, какъ ты, потому, что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ»... [1]).

Обаяніе Печорина въ томъ, что онъ, въ противоположность другимъ людямъ, имѣетъ смѣлость быть *самимъ собой:* вотъ почему творимое имъ зло—привлекательно, а причиняемыя имъ страданія вызываютъ любовь.

Что значитъ быть самимъ собой?—Это значитъ имѣть глубокое, непобѣдимое сознаніе законности, правоты существованія своего «я», какъ чего-то необходимаго во вселенной. Это—почти стихійное, почти, если можно такъ выразиться, безсознательное сознаніе своей связи съ Цѣлымъ, съ Космосомъ, мистическое чувство своей нужности для чего-то, для какихъ-то невѣдомыхъ, но великихъ цѣлей. Вотъ это-то сознаніе и дѣлаетъ сильнымъ Печорина; въ немъ—источникъ той гордости и таинственности, той непобѣдимой власти Печорина, о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Вѣра.

Эгоизмъ Печорина—это какой-то особый, я бы сказалъ, высшій эгоизмъ, который питается не мелкимъ тщеславіемъ или удовлетвореніемъ пустого самолюбія, но именно сознаніемъ своей роковой необходимости во вселенной. Однимъ словомъ, это нѣчто *органическое,* чего искусственно не создать и доброй волей не уничтожить.

Органическая связь Печорина съ Цѣлымъ, его таинственное родство съ природой—вотъ въ чемъ его сила. И именно потому, что онъ такъ близокъ къ Безконечному и Непонятному, его душа въ родствѣ съ таинственными силами природы. Онъ напередъ уже знаетъ все, что съ нимъ случится, ибо душа его, непосредственно общаясь со стихіей, которой составляетъ часть, проникаетъ по ту сторону вещественной дѣйствительности. У нея тысячи духовныхъ глазъ и этими глазами она проникаетъ черезъ завѣсу Неизвѣстнаго.

Онъ не любитъ Грушницкаго и заранѣе чувствуетъ, что когда-нибудь столкнется съ нимъ на узкой дорогѣ—и что одному изъ нихъ не сдобровать (206). Онъ почти увѣренъ, что Грушницкому не долго торжествовать, ибо у него есть *«предчувствіе»:* знакомясь съ женщиной, онъ всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она любить его или нѣтъ (229). Когда докторъ Вернеръ сообщилъ ему, что у Лиговскихъ, среди другихъ гостей, впервые встрѣтилъ какую-то даму изъ новопріѣзжихъ, родственницу княгини по мужу, очень хорошенькую блондинку средняго роста съ правильными чертами, съ чахоточнымъ цвѣтомъ лица и черной родинкой на правой щекѣ, лицо которой поразило его своей выразительностью,—Печоринъ сразу понялъ, что это Вѣра. «Зачѣмъ она здѣсь? И она ли?—размышлялъ онъ.—И почему я думаю, что это она? и почему я даже такъ въ этомъ *увѣренъ?* Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ?...» (218)... И, тѣмъ не менѣе, онъ увѣренъ. Почему—онъ объясняетъ самъ. «Мои *предчувствія* меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ

---

[1]) Полн. собр. сочин. Лермонтова изд. Академіи наукъ. Спб. 1911 г. томъ IV, ст. 263—264.—Въ дальнѣйшемъ всѣ ссылки съ указаніемъ страницъ будутъ имѣть въ виду этотъ томъ.

прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: *ничего не забываю—ничего!*» (214). Сидя въ крѣпости, послѣ несчастной дуэли съ Грушницкимъ, онъ самъ удивленъ тѣмъ, какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ его памяти. «*Ни одной черты ни одного оттѣнка не стерло время!*» (255).

И, въ самомъ дѣлѣ, эта изумительная цѣлость духа, эта органическая связь со своимъ прошедшимъ и будущимъ, встрѣчающаяся только у людей выдающихся, сильныхъ сознаніемъ своей личности,—замѣчательная черта психологіи Печорина. Онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, кто имѣютъ *исторію души,* какъ нѣчто осознанное и органически съ нею слитое. Вотъ почему онъ не только сохраняетъ неразрывную связь со своимъ прошедшимъ, которое для него никогда не перестаетъ существовать, но имѣетъ какую-то странную власть надъ своимъ будущимъ. Отказаться отъ своего прошлаго—значитъ отказаться отъ самого себя, но «пріять» это прошлое, какъ оно есть, значитъ утвердить свою личность, давъ ей санкцію настоящаго, а это значитъ сознать себя до самой глубины и постичь тайные пути, которыми ведетъ насъ Провидѣніе.

Это провидѣніе въ будущее дѣлаетъ Печорина почти фаталистомъ. Онъ вѣритъ въ то, что предназначенъ играть роль какого-то «топора въ рукахъ *судьбы*» (254), и эта судьба не разъ представляется ему какимъ-то живымъ существомъ, которое властно распоряжается его жизнью, избравъ его орудіемъ своихъ цѣлей.

Послѣ исторіи въ Тамани, сидя надъ обрывомъ берега, наблюдая, какъ при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ, уносившій Янко съ ундиной, и прислушиваясь къ рыданіямъ оставленнаго слѣпого мальчика, онъ съ грустью думалъ: «И зачѣмъ было *судьбѣ* кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!» (203). А нарушивъ мирное развитіе романа Грушницкаго съ княжной Мери, ворвавшись непрошенно, но властно, въ ея смущенную душу, онъ опять-таки съ грустью размышляетъ объ этомъ, какъ о чемъ-то неотвратимомъ, неизбѣжномъ. «Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, *судьба* какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это *судьба?*» (237). Замѣтьте: точно *не онъ* все это дѣлаетъ, а *за него* вершитъ свою волю *судьба*: онъ лишь орудіе въ ея рукахъ и, исполняя эту волю неумолимаго рока, ему остается только наблюдать со стороны и грустить...

Замѣчательно также, что, отправляясь на дуэль съ Грушницкимъ, этотъ странный человѣкъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ свое родство съ природой. «Я не помню утра болѣе голубого

и свѣжаго!—вспоминаетъ онъ.—Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню—въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль!» (256).

Такое глубокое, почти мистическое проникновеніе въ природу неудивительно у того, кто въ душѣ своей не потерялъ чувство неразрывной связи съ Цѣлымъ во времени и пространствѣ, кому доступны тайны Безконечнаго и понятна книга Судьбы. Не разъ его пристальный взглядъ всматривался въ самую глубь величественнаго царства природы и не одно восторженное описаніе ея дивной красоты вылилось изъ-подъ его пера. Всѣмъ памятны эти классическія строки, которыми начинается «Княжна Мери»: «Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣлъ веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія...» (204).

Все для него—ничто передъ лицомъ природы. «Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра,—говоритъ онъ;—съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется, на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ

горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ» (220).

Лермонтовъ самъ раскрылъ намъ тайну этого глубокаго чувства природы, свойственнаго столь немногимъ. «Удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять» (172). Такимъ ребенкомъ и является передъ нами Печоринъ всякій разъ, какъ соприкоснется съ природой. Его дѣтская душа, полная таинственныхъ соприкосновеній съ Космическимъ, въ такія минуты какъ бы обрѣтаетъ самое себя, вновь становясь такою, «какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять».

Постичь себя, какъ стихію, обрѣсти въ себѣ начала Вѣчной Мудрости, сознать свое «я», какъ нѣчто цѣлостное и себѣ довлѣющее, переступить побѣдной ногой грани времени и пространства, превративъ прошлое въ настоящее и въ настоящемъ уловивъ знаменія грядущаго,—не значитъ ли это возсоединиться съ Космосомъ въ стихійномъ порывѣ, переливъ свою малую душу въ великую душу Природы?!...

Теперь мы уже раскрыли главное свойство нравственнаго характера Печорина. Оно заключается въ томъ, что Печоринъ есть *личность*, что у него есть свое *«я»*, что онъ всегда хочетъ быть *самимъ собой*. Утвержденіе своей личности въ мірѣ—таковъ нравственный долгъ человѣка. Вотъ что понялъ Печоринъ, и чего не понимаетъ, напримѣръ, Грушницкій. Хорошо сказалъ Иннокентій Анненскій [1]), что въ Грушницкомъ не зачѣмъ въ сущности искать сатиру, тѣмъ менѣе пародію на героя: это просто мысль и даже скорбная мысль о человѣкѣ, который *боится быть собою* и, думая, не хочетъ додумываться до конца. Печоринъ говоритъ о немъ, что онъ «изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ» (205): «въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи» (206). Печоринъ и Грушницкій—это *личность* и *личина*, это—*индивидуальность* и *плоскость*, это—*свободная мысль* и *пошлость мысли*.

Быть самимъ собой дано не каждому и не каждому же дано понять, что отказъ отъ своего «я» есть не только ложь передъ самимъ собой, но еще и великое преступленіе противъ мірового Цѣлаго, въ которомъ мы—необходимая часть. Это дано Печорину.

Этотъ стимулъ—*вѣчное безпокойство, постоянное недовольство тѣмъ, что есть*, составляющее вторую основную черту его нравственной природы, влекущее къ нему однихъ и возбуждающее противъ него другихъ. Собственно, оба отмѣченныя свойства его натуры неразрывно связаны. Быть всегда довольнымъ окружающимъ, «пріять» міръ, какъ онъ есть, согласиться съ волками «выть по-волчьи»—можно лишь тому, у кого нѣтъ своего «я»: у кого нѣтъ ничего *своего*, тому такъ легко и просто приспособиться

[1]) *И. Анненскій.* Вторая книга отраженій. Спб. 1909, стр. 28.

къ *чужому*. Но человѣку съ индивидуальной личностью этого сдѣлать нельзя,—даже если бъ онъ того хотѣлъ.

Его безпокойная душа, вѣчно куда-то зовущая, вѣчно чего-то ищущая,—не позволитъ ему пріобщиться къ сѣрой массѣ безличностей, счастливой въ своемъ невѣдѣніи. Примириться съ окружающимъ, съ міромъ того, что есть,—значитъ отказаться отъ міра возможностей, т.-е. отказаться отъ своего «я», какъ источника этихъ возможностей. Чтобы быть самимъ собой, нужно идти безостановочно все впередъ и впередъ, на всѣхъ путяхъ жизни побѣдно утверждая свое «я»:

Кто назадъ оглянется,
Тотъ во всемъ обманется...

Обращаясь къ Печорину, мы, дѣйствительно, видимъ, что миръ—не его стихія: ему нужны постоянныя волненія и безпрерывная борьба,—только тогда онъ ощущаетъ жизнь. Онъ искренно радуется, узнавъ, что противъ него составляется враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. «Я люблю враговъ, хотя не похристіански,—признается онъ.—Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ,—вотъ что я называю жизнью» (239—240). У него «врожденная страсть противорѣчить»; по его собственному признанію, вся его жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку: «присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и я думаю, частыя сношенія съ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя» (209).

Неизвѣстно, чего онъ, собственно, хочетъ, но только зрѣлище мирной, спокойной жизни другихъ для него положительно невыносимо. Поминутно онъ вторгается въ чужую жизнь, вноситъ въ нее сумбуръ и хаосъ, нарушая миръ, разрушая согласіе, пуская по вѣтру чужія надежды, мечты и иллюзіи.

Въ Тамани онъ нежданно-негаданно врывается въ мирную семью контрабандистовъ и въ два-три дня разбрасываетъ ее по свѣту. Покидая это разрушенное имъ гнѣздо, онъ пишетъ: «Что сталось со старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!» (203).

Заброшенный въ крѣпость, онъ съ такой же стремительностью разрушаетъ всю семью мирнόго князя: мальчика Азамата подбиваетъ на предательскій поступокъ и даетъ ему возможность украсть Карагеза у Казбича; въ результатѣ—Казбичъ убиваетъ старика—отца Азамата, самъ Азаматъ безслѣдно пропалъ и, какъ предполагаетъ Максимъ Максимычъ, вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; наконецъ, тотъ же Казбичъ, влюбленный въ похищенную Бэлу, пытается самъ похитить ее изъ крѣпости, по

настигнутый, убиваетъ ее кинжаломъ въ спину, чтобы она не досталась врагамъ...

Попавъ въ Пятигорскъ, онъ и тутъ производитъ цѣлое опустошеніе: онъ разрушаетъ надежды Грушницкаго и, въ концѣ-концовъ, убиваетъ его, онъ доводитъ до отчаянія и опасной болѣзни княжну Мери, онъ мучаетъ пустыми подозрѣніями Вѣру и заставляетъ мужа ея, узнавшаго страшную правду, поспѣшно увезти ее...

И посмотрите—съ какой страстностью, съ какимъ упоеніемъ вершитъ этотъ человѣкъ свое разрушительное дѣло!... Точно геніальный полководецъ на полѣ сраженія, онъ заранѣе намѣчаетъ себѣ весь планъ дѣйствій и никогда не ошибается въ расчетѣ.

Самъ Печоринъ прекрасно понимаетъ, гдѣ источникъ его тоски и недовольства собой и міромъ. Онъ съ завистью думаетъ о людяхъ далекаго прошлаго, которые сильны были своей вѣрой, умѣли жить и дѣйствовать. Вотъ что записалъ онъ подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей Вулича о предопредѣленіи... «Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красивый, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочокъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что жъ? эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!... А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ,—мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?... Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство

воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книги»... (272—273).

Грустныя строки!... Изъ нихъ встаетъ во весь ростъ печальный обликъ того, кому было дано такъ много, и кто заплатилъ за это многое тяжелой цѣной. Блаженни нищіе духомъ!... Развѣ человѣку нужно такъ много, чтобы быть счастливымъ и довольнымъ?—Нужно быть *какъ всѣ*—милліоны, милліарды людей, похожихъ другъ на друга въ своемъ безличіи. Нужно ближе стоять къ землѣ, изъ которой мы вышли и въ которую возвратимся. Нужно ограничить свои потребности тѣмъ, *что есть*, не стремясь къ большему и лучшему.

Горе тому, кто почувствуетъ себя *инымъ, чѣмъ всѣ другіе*, кто захочетъ быть *самимъ собой* и свое индивидуальное «я» противопоставитъ безличной массѣ, кто отринетъ слѣпую вѣру наивнаго большинства и въ безумной гордости провозгласитъ *свои* истины!... Въ тотъ день, когда это случится, глубокое недовольство существующимъ впуститъ въ его душу свои острые когти, которые будутъ вонзаться все глубже и глубже...

Тогда неугомонное безпокойство—безпричинное и безрадостное—наполнитъ эту душу до дна, и она будетъ обречена вѣчно искать, не находя, и вѣчно алкать, не насыщаясь... Такъ придетъ она къ грустному разочарованію, къ безысходному отчаянію: поднявъ слишкомъ тяжелый грузъ, она надорвется и, надорванная, застонетъ въ смертельной тоскѣ... Блаженны только нищіе духомъ!...

Библейскій разсказъ о райскомъ невѣдѣніи перваго человѣка, нарушенномъ мудростью змія, имѣетъ глубокій смыслъ. Объ этомъ говорятъ и древніе миѳы. Почему долженъ былъ погибнуть мудрый Эдипъ, разгадавшій темную для всѣхъ загадку сфинкса? Зачѣмъ было погибнуть и счастливцу Поликрату, задумавшему искупать волю небожителей? Зачто былъ прикованъ къ Кавказской скалѣ великодушный Прометей и на растерзаніе коршуна отдано его благородное сердце?...

Величіе есть крестъ—вотъ заповѣдь древней мудрости: кто не захочетъ быть *какъ всѣ*, долженъ искупить свое возвышеніе; кто подыметъ на свои человѣческія плечи непосильную тяжесть боговъ, тотъ надорвется. Таковъ законъ высшей справедливости, правящей міромъ,—и кто не признаетъ въ ней глубокой мудрости?!...

Надорванная душа Печорина—родная сестра души Прометея и Эдипа, тяжкимъ страданіемъ искупившихъ свое возвышеніе надъ людьми. Пусть счастливы нищіе духомъ въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, но намъ дороже ищущіе и страдающіе, имѣвшіе смѣлость быть самими собой. Вотъ почему мы любимъ Печорина, какъ любятъ его Максимъ Максимычъ, Бэла, Вѣра, княжна Мери,—любятъ, не взирая на его недостатки, а, можетъ быть, и за нихъ... Его не любитъ только Грушницкій, потому что нѣтъ ничего ненавистнѣе для сѣрой безличности, какъ смѣлость быть собой...

И, если Печоринъ не умеръ и не умретъ, если печальный образъ его останется навсегда безсмертнымъ въ потомствѣ,—то это именно потому, что онъ отвѣчаетъ вѣчнымъ запросамъ человѣческаго духа. Печоринъ—это наша тоска по Свободѣ и Недостижимому, наше вѣчное безпокойство и исканіе Невѣдомаго, наша неудовлетворенность тѣмъ, что есть,—сѣрой будничностью земного существованія... Душа его—это та грустная душа, которая въ надзвѣздныхъ краяхъ слышала дивныя пѣсни и, брошенная оттуда на землю, тоскуетъ по нимъ, въ смутныхъ воспоминаніяхъ:

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,—
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

А. Евлаховъ.

Женскіе типы въ „Героѣ нашего времени“.

Въ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ далъ намъ первый образчикъ русскаго психологическаго романа. Нигдѣ онъ не является такимъ знатокомъ человѣческаго сердца, такимъ тонкимъ аналитикомъ душевныхъ движеній. Что здѣсь Лермонтовъ сознательно ставитъ себѣ психологическую задачу, видно изъ того высокаго значенія, которое онъ придаетъ изученію внутренняго человѣка: «Исторія души человѣческой,—говоритъ онъ въ предисловіи къ журналу Печорина,—хотя бы и самой мелкой, едва ли не любопытнѣе и полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собой и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе». Внѣшняя и внутренняя наблюдательность, способность углубленія въ жизнь была соединена въ Лермонтовѣ со свойственной романисту способностью создавать живые и типическіе образы; все это предвѣщало, что въ лицѣ его готовится,—какъ выразился Гоголь,—будущій великій живописецъ русскаго быта. Оставаясь въ предѣлахъ нашей задачи, попытаемся сдѣлать характеристику женскихъ личностей романа Лермонтова, съ которыми Печоринъ сталкивается на Кавказѣ. Мы остановимся подробнѣе на Вѣрѣ, личность которой, самая интересная въ психологическомъ отношеніи, оставлена почему-то въ тѣни предшествующей критикой. Вѣра представляетъ собой оригинальный типъ женщины, которую съ полнымъ правомъ можно назвать мученицей своего чувства. Эмоціональность развита въ ней въ высокой степени, но эта эмоціональность односторонняя. Любовь охватываетъ ея сердце съ такой роковой силой, что всѣ остальныя чувства являются у ней какъ бы атрофированными. Она теряетъ нравственное равновѣсіе, теряетъ власть надъ собой, и соотвѣтственно этому надъ ней пріобрѣтаетъ почти деспотическую власть тотъ, кого она любитъ. Нельзя сказать, чтобы женщины этого типа въ своихъ любовныхъ увлеченіяхъ руководились исключительно чувственной страстью или жаждой наслажденія. Напротивъ того, въ большин-

ствѣ случаевъ любовь даетъ имъ очень мало радостей и очень много горя и упрековъ совѣсти. Такова многострадальная героиня романа Лермонтова. Встрѣтившись съ Печоринымъ въ петербургскомъ свѣтѣ, Вѣра, бывшая уже замужемъ, не замедлила поддаться обаянію его чарующей, демонической личности. Гордымъ титаномъ предсталъ онъ передъ ней, и простодушная женщина пала впрахъ передъ его непонятымъ людьми величіемъ. Онъ ее увлекъ, измучилъ и бросилъ. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Вѣра потеряла перваго мужа, вышла замужъ за второго, богатаго старика, пріѣхала съ нимъ и съ малолѣтнимъ сыномъ отъ перваго брака на Кавказъ, на воды. Тутъ-то и происходитъ ея вторая и послѣдняя встрѣча съ Печоринымъ. Съ первыхъ же минутъ встрѣчи онъ доводитъ ее до слезъ своими язвительными намеками, потомъ снова увлекаетъ ее и, увѣряя ее въ любви, въ то же время волочится за княжной Мери и заставляетъ Вѣру страшно ревновать ее къ ней. «Ты знаешь,—говоритъ она Печорину,—что я твоя раба, что я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду зато наказана: ты меня разлюбишь». Самъ Печоринъ,— этотъ тонкій знатокъ женскаго сердца, умѣющій играть на немъ, какъ на послушномъ инструментѣ, не можетъ додуматься до источника этой необъяснимой привязанности. «За что она меня такъ любитъ—право, не знаю, тѣмъ болѣе, что это единственная женщина, которая поняла меня совершенно, со всѣми моими слабостями и дурными страстями? Неужели зло такъ привлекательно?» Разставаясь съ Печоринымъ навсегда, Вѣра въ своемъ послѣднемъ письмѣ сама пытается разъяснить намъ тайну своей странной привязанности къ Печорину; ея объясненія доказываютъ, что идеальный и романическій элементъ игралъ гораздо болѣе важную роль въ ея любви, чѣмъ страсть: «Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая. Никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ».

Одинъ изъ критиковъ «Героя нашего времени» назвалъ Вѣру сатирой на женщинъ. Выраженіе рѣзкое и несправедливое! Хотя Вѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, у которыхъ чувство сильнѣе долга и собственнаго достоинства, но ее нельзя назвать типомъ отрицательнымъ. У ней есть то, что составляетъ основу всякой истинной женственности,—способность любить, жертвовать собой и прощать. Поставленная въ другія условія, эта женщина, при ея готовности приносить въ жертву все для любимаго человѣка, могла бы составить счастье любого мужчины. Если даже отвергнуть гипотезу проф. Висковатаго, что въ личности Вѣры есть

нѣсколько чертъ, перенесенныхъ на нее изъ характера В. А. Лопухиной, то все-таки нельзя допустить, чтобы такой поэтъ, какъ Лермонтовъ, могъ отнестись съ сатирической точки зрѣнія къ представительницѣ той роковой и таинственной силы любви, которую онъ воспѣвалъ много лѣтъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Прощальное письмо Вѣры къ Печорину интересно еще въ другомъ отношеніи. Въ первоначальной редакціи оно заканчивалось мольбою Вѣры къ Печорину, чтобы онъ женился на княжнѣ Мери: «Мери тебя любитъ... Если что-нибудь доброе кроется въ твоей душѣ, женись на ней! О, не погуби ея! Одной довольно!» Эти великодушныя слова въ значительной степени примиряютъ насъ съ Вѣрой и прибавляютъ весьма привлекательную черту къ ея нравственному характеру, но для Лермонтова дороже всего художественная правда. Вдумавшись въ нихъ глубже, онъ, находившій неестественнымъ, чтобы мужчина могъ принести въ жертву свое чувство для счастья любимой женщины, нашелъ еще болѣе неестественнымъ, чтобы женщина, одаренная такимъ страстнымъ темпераментомъ и способная къ такой исключительной, можно сказать, фанатической привязанности, могла искренно пожелать любимому человѣку быть счастливымъ съ другой, и потому въ исправленномъ текстѣ онъ замѣнилъ великодушную просьбу Вѣры къ Печорину просьбой совершенно противоположнаго характера, которой она и заканчиваетъ свое письмо: «Не правда ли, ты не любишь Мери? Ты не женишься на ней? Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву; я для тебя потеряла все на свѣтѣ». Посредствомъ этой замѣны Вѣра, правда, проигрываетъ въ нравственномъ отношеніи, но зато сильно выигрываетъ въ смыслѣ цѣльности своего психологическаго типа. Характеристика Вѣры у Лермонтова—это блистательный психологическій этюдъ, одинаково совершенный какъ въ общемъ замыслѣ, такъ и въ отдѣлкѣ деталей. Что, напримѣръ, можетъ быть милѣе и женственнѣе слѣдующихъ словъ Вѣры, обращенныхъ къ Печорину и мгновенно озаряющихъ глубину ея деликатной, любящей и поэтической натуры: «О, я прошу тебя: не мучь меня, попрежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью. Я можетъ-быть скоро умру; я чувствую, что я слабѣю со дня на день...; и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его...»

Легкая и изящная Мери, съ ея стройнымъ станомъ и бархатными глазками, которые, по выраженію Печорина, такъ мягки, какъ-будто они тебя гладятъ, принадлежитъ другому типу женщинъ. Это—натура болѣе уравновѣшенная и сдержанная и менѣе страстная, и потому по отношенію къ ней Печоринъ держится другой тактики. Тщательно изучивъ женское сердце, хорошо зная, что въ немъ самая ненависть ближе къ любви, чѣмъ равнодушіе, Печоринъ старался дѣлать мелкія непріятности княжнѣ, безцеремонно лорнируетъ ее и отвлекаетъ отъ нея кавалеровъ во время

прогулки, перекупаетъ коверъ, который она хотѣла купить, и т. д. Онъ въ короткое время достигаетъ своей цѣли: княжна считаетъ его дерзкимъ и при встрѣчѣ даритъ его взглядомъ, который выражаетъ досаду, стараясь выразить равнодушіе. «Въ продолженіе двухъ дней,—пишетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ,—дѣла мои ужасно подвинулись: княжна меня ненавидитъ». Молва, между тѣмъ, помогаетъ Печорину. Носятся слухи, что онъ сосланъ на Кавказъ за какую-то романическую исторію; сама княгиня разсказываетъ дочери эту исторію и сильно заинтересовываетъ ее личностью Печорина. Когда послѣдній чувствуетъ, что почва для него достаточно подготовлена, онъ знакомится съ княжной на балу. Счастливый случай помогаетъ ему оказать ей существенную услугу, защитивъ ее отъ дерзостей полупьянаго драгунскаго капитана; въ разговорѣ съ ней онъ тщательно избѣгаетъ упоминанія объ этой непріятной исторіи, но мимоходомъ даетъ княжнѣ вскользь почувствовать, что она ему давно нравится. Заронивъ такимъ образомъ искру въ ея сердце, Печоринъ искусно раздуваетъ ее то нѣжностью, то равнодушіемъ. Однажды въ припадкѣ откровенности, стараясь придать своему тону какъ можно больше искренности, онъ разсказываетъ ей печальную исторію своей жизни, говоритъ о томъ, что онъ былъ готовъ любить весь міръ, но что люди его не поняли, что вслѣдствіе этого лучшія чувства въ немъ умерли, а въ душѣ его поселилось холодное и безсильное отчаяніе,—словомъ, повторяетъ ей все то, что онъ, по всей вѣроятности, говорилъ Вѣрѣ и другимъ женщинамъ. Печоринъ съ восторгомъ наблюдалъ, какъ при его разсказахъ въ глазахъ Мери дрожали слезы, и какъ состраданіе впустило свои когти въ ея неопытное сердце; онъ по опыту знаетъ, что у женщинъ отъ состраданья одинъ шагъ до любви. Благородная по натурѣ княжна не могла допустить мысли, чтобъ Печоринъ игралъ ея чувствомъ. Видя, что онъ колеблется сдѣлать рѣшительный шагъ, и объясняя по-своему его нерѣшительность, она дѣлаетъ усиліе надъ собою, побѣждаетъ свою стыдливость и сама первая говоритъ ему великое слово *люблю*. Когда же Печоринъ, насытивъ этимъ признаніемъ свое самолюбіе, съ свойственнымъ ему цинизмомъ откровенности объявляетъ княжнѣ, что онъ никогда не любилъ ея, она, униженная и оскорбленная, замыкается въ чувство собственнаго достоинства и, оставшись наединѣ съ собой, по ночамъ оплакиваетъ свое горе. Княжна Мери представляетъ собой въ ряду женскихъ личностей, созданныхъ Лермонтовымъ, типъ, обработанный наиболѣе тщательно и полно. Образъ ея такъ полонъ жизни и художественной правды, что, кажется, будто гдѣ-то встрѣчалъ ее или надѣешься встрѣтить. Ухаживаніе за ней Грушницкаго и Печорина—это рядъ необычайно тонкихъ психологическихъ штриховъ, которымъ нельзя вдоволь надивиться.

Мнѣ слѣдовало бы дать характеристику Бэлы, этой первобытной, непосредственной натуры, этого дикаго и благоуханнаго цвѣтка, выросшаго въ разсѣлинахъ кавказскихъ скалъ, если бы все, что можно сказать о ней, не было давно исчерпано въ превосходной статьѣ Бѣлинскаго. Замѣчу только, что за исключеніемъ шек-

спировской Миранды трудно найти во всемірной литературѣ болѣе очаровательное воплощеніе женственности, какою она вышла изъ рукъ природы.

Стороженко.

Мы беремъ трехъ женщинъ, изображенныхъ въ одномъ романѣ и влюбленныхъ въ одного и того же человѣка. Да, только влюбленныхъ. Иныхъ стремленій и побужденій въ женщинахъ того времени мы еще не видимъ: любить, выйти замужъ, любить какъ можно сильнѣе человѣка, какъ можно прекраснѣе, выйти замужъ какъ можно лучше—вотъ мечта тогдашней дѣвушки—и мы, занявшись рядомъ женщинъ, выведенныхъ въ литературѣ, должны поневолѣ витать пока въ области любви.

Какое блаженное время! Ни заботъ о прінсканіи какой-нибудь самостоятельности, ни заботъ о развитіи и самовоспитаніи, ни тревожныхъ участій къ вопросамъ о положеніи женщины, ничего нѣтъ,—все было въ исправности: все, что требовалось, было устроено, размѣрено и отведено. Больше спрашивать было преступленіемъ,—хуже того: глупостью и нелѣпостью. Но читатель могъ замѣтить, что, обрѣтаясь въ этомъ счастливомъ, всеслюбовномъ Китаѣ,—гдѣ только и дѣло было, что влюбляться, гдѣ не заботились даже о кускѣ хлѣба, а если кому и предстояла нѣкоторая въ немъ надобность, то онъ пріобрѣтался тоже не иначе, какъ посредствомъ любви,—стоило очаровать богатаго человѣка и выйти за него замужъ,—въ этой области любовныхъ отношеній мы занимались не самимъ чувствомъ, не силой его и способомъ выраженій, а опредѣленіемъ тѣхъ нравственныхъ требованій, съ которыми женщина обращалась къ сонму мужчинъ, если только были эти требованія, а не влюблялась въ красивый мундиръ или носъ, наподобіе греческаго; мы желали тоже опредѣлить, какимъ практическимъ образомъ выражалась любовь, словомъ, выяснить общественное и гражданское проявленіе любви, вовсе не касаясь, такъ сказать, военнаго. Съ этой цѣлью, въ ряду русскихъ женщинъ, какъ предметъ для сравненія, мы беремъ и попавшуюся подъ руку дикарку Бэлу. Жатва, которую намъ даютъ женщины, поименованныя въ заглавіи, очень не велика, да и самыя женщины не очень замѣчательны,—это просто дюжинныя женщины. Мы видимъ княжну Мери, которая, осматриваясь въ кругу мужчинъ, собравшихся на водахъ, прежде всего обращаетъ свое вниманіе на такъ называемыхъ «интересныхъ». Изъ среды этихъ счастливцевъ она выбираетъ себѣ «предметъ»,—предметъ кокетства, любви, а можетъ-быть, и замужества. Княжна занялась нѣкіимъ юношей Грушницкимъ, котораго вся особенность состояла въ томъ, что, имѣя всѣ признаки благороднаго происхожденія, онъ носилъ солдатскую шинель и вдобавокъ былъ раненъ. Вотъ каковы были тѣ общественные двигатели, по которымъ княжна Мери избирала себѣ «предметъ». Носитъ солдатскую шинель—значитъ протестуетъ противъ общественной рутины, хотя бы эта рутина изображалась отростившимъ брюшко баталіоннымъ командиромъ; раненъ—значитъ выказалъ храбрость,—храбрость, разумѣется, военнаго человѣка, ибо объ иной какой-либо храбрости женщины того времени

едва ли и слыхали. Однако Грушницкій оказывается фальшиво-интереснымъ человѣкомъ, какъ натертый ртутью грошъ, который впопыхахъ можно принять за серебряную монету: онъ былъ не разжалованный дуэлистъ, а просто юнкеръ, да еще и дурного тона, что, несомнѣнно, выказалъ при производствѣ въ офицеры туго застегивающимся воротникомъ и обиліемъ розовой помады. Но является другой интересный человѣкъ, настояще интересный, и затмеваетъ перваго окончательно. Печоринъ былъ не просто интересный человѣкъ, а интересный во всѣхъ отношеніяхъ; одѣвался онъ не только въ военное платье, но иногда, по кавказской модѣ, рядился черкесомъ; на немъ лежалъ ореолъ не опредѣленнаго авторомъ, но какого-то настоящаго наказанія; храбрость его тоже была превыше похвалъ. Какъ же не заинтересоваться подобнымъ человѣкомъ? Говоря о Печоринѣ въ статьѣ о «герояхъ», мы высказали мнѣніе, что онъ былъ своего рода представителемъ современнаго общественнаго стремленія, стремленія, кинувшагося въ сукъ, да еще сукъ кривой и безполезный, но все-таки единственный, на которомъ были кое-какіе листья. Съ этой точки зрѣнія, дѣвушка, занявшаяся предпочтительно Печоринымъ, выказывала еще нѣкоторую строгость и разумность въ своемъ «подборѣ». Но, къ несчастію, княжна Мери увлекается именно обыденными качествами Печорина, въ которыхъ могъ его превзойти любой пріѣзжій гвардеецъ. Слѣдуя за ней, спускаешься въ слой самыхъ мельчайшихъ и чисто наружныхъ качествъ: мундира, духовъ, ловкихъ фразъ и эффектныхъ появленій. Современная развитая дѣвушка, конечно, съ презрительнымъ сожалѣніемъ отнесется ко вкусамъ княжны Мери, но если она оглянется кругомъ, то увидитъ, что это еще вкусы и нашего огромнаго современнаго большинства, что въ немъ только измѣнились покрой платья да выборъ духовъ. Но княжна Мери, начавъ обращать вниманіе на Печорина, какъ на интереснаго молодого человѣка, попадаетъ на человѣка дѣйствительно умнаго и сильнаго. Кокетство, начатое обмѣномъ колкостей, кончается для дѣвушки любовью. Печоринъ былъ, какъ намъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ любовныхъ дѣлъ мастеровъ того времени и, дѣйствительно, не только влюбилъ въ себя дѣвушку, но довелъ свою виртуозность до того, что заставилъ княжну первую признаться въ любви: это былъ не Онѣгинъ, просто поразившій своимъ появленіемъ въ глуши деревенскую барышню, и княжна Мери была не наивная Татьяна. Татьяна выражается безъ обиняковъ и еще письменно; Татьяна желаетъ только одного—

Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слушать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь о новой встрѣчѣ...

Какая умѣренность и какая наивность! Нѣтъ, княжна выражается не прямо, но, намекнувъ на свою любовь, при слѣдующемъ же свиданіи сама заговариваетъ о бракѣ, и когда видитъ, что Печоринъ на этотъ счетъ задаетъ молчка, то поощряетъ его и разъясняетъ, что препятствія можно устранить, а если родные

заупрямятся, то она,—страшно сказать,—рѣшится выйти и безъ ихъ согласія!

Но увы! ея возлюбленный, съ беззастѣнчивостью, не встрѣчаемою еще до тѣхъ поръ въ русской литературѣ, отвѣчаетъ ей прямо, что онъ ея не любитъ. Это дѣлало бы честь его прямодушію, если бы онъ не влюбилъ въ себя княжну и не высказалъ самаго отвѣта болѣе изъ желанія порисоваться своими жестокосердіемъ и холодностью, чѣмъ изъ искренности, да чтобы отдѣлаться разомъ отъ женитьбы. Печоринъ не только не былъ холоденъ къ княжнѣ, но даже, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ его словъ, чувствовалъ къ ней сильную склонность. Только на бѣду онъ былъ такъ же не расположенъ къ женитьбѣ, какъ и Онѣгинъ; онъ говорилъ, что какъ бы ни любилъ женщину, но достаточно только одного намека съ ея стороны на женитьбу, чтобы онъ разлюбилъ ее; онъ въ своемъ пристрастіи къ необыкновенному приписываетъ даже этотъ суевѣрный якобы страхъ предсказанію какой-то старухи, которая предрекла ему смерть отъ злой жены. Все это вздоръ, разумѣется. Гораздо ближе подходитъ Печоринъ къ истинѣ, разсуждая объ этомъ предметѣ въ скучной крѣпости. Но безъ сильной рисовки онъ сравниваетъ себя съ матросомъ, рожденнымъ и взросшимъ на палубѣ разбойничьяго судна и до того привыкшаго къ бурямъ, что мирная жизнь на берегу будетъ для него невыносима. Да, въ немъ, какъ и въ Онѣгинѣ, была тревожная потребность чего-то, потребность ими ясно не сознаваемая, но до того сильная, что они всю жизнь томились ею, и ради ея такъ ревниво охраняли свою независимость и несвязанность; имъ, бѣднымъ мученикамъ бездѣйствія, все казалось, что наступитъ скоро какая-то великая борьба, въ которой они должны принять горячее участіе, и для этой борьбы они берегли себя и свою свободу. Но они сами, повторяемъ, не могли себѣ ясно опредѣлить, въ чемъ должна заключаться эта борьба; какъ же бы они объяснили эту помѣху къ женитьбѣ тогдашней женщинѣ? Онѣгинъ вздумалъ было подробно объяснить это Татьянѣ, и что же вышло? Барышня оказалась до того тупа на этотъ счетъ, что впослѣдствіи упрекала Онѣгина за то, что онъ не любилъ ея, когда она была моложе и лучше, и не сдѣлалъ ей предложенія, когда она была свободна! Вотъ и толкуйте имъ о своихъ нравственныхъ стремленіяхъ, когда онѣ понимаютъ одно стремленіе выйти замужъ! Печоринъ поступилъ умнѣе: не люблю, говоритъ, да и баста! Княжна, разумѣется, его возненавидѣла. Но что, если бы онъ ей сказалъ, что люблю ее, но жениться на ней не желаетъ? О, съ какимъ величіемъ оскорбленнаго достоинства отнеслась бы она къ нему! Какъ? любить ее, княжну, безъ «честныхъ» намѣреній?—одна мысль объ этомъ ее приводитъ въ негодованіе. Когда Печоринъ, пользуясь случаемъ, обнялъ княжну, у которой закружилась голова, при переѣздѣ черезъ рѣчку, и при этомъ удобномъ положеніи поцѣловалъ ее въ щеку, она, оправившись, стала немедленно приставать къ нему съ вопросами, имѣющими нескрываемую цѣль вызвать рѣшительное объясненіе:

— «Или вы меня презираете, или очень любите? Можетъ-быть,

вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло... такъ низко... что одно предположеніе... о, нѣтъ! не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же: я хочу слышать вашъ голосъ!»

Не правда ли, въ этомъ такъ и слышится барышня, которая хочетъ сказать: если ты не попросишь у меня немедленно руку и сердце—ты подлецъ!

Какую противоположность съ этой княжной представляетъ красивая черкешенка Бэла! Увезенная Печоринымъ, стыдливо умѣла она отклонять его ласки до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не полюбила похитителя, но когда любовь дикарки созрѣла и Печоринъ угрозой уйти отъ нея вырываетъ ея признаніе,—съ какой безотвѣтностью она вся отдается любимому человѣку! Конечно, Бэла не связана тѣми общественными условіями, въ которыхъ находится княжна Мери, но развѣ у ней нѣтъ своихъ нравственныхъ общественныхъ узъ, ей столь же дорогихъ и привычныхъ, жертвовать которыми такъ же ей не легко, какъ и свѣтской княжнѣ? Какая разница опять выказывается между ней и княжной—и къ невыгодѣ послѣдней—въ положеніи, принятомъ черкешенкой, когда удовлетворенная любовь начала гаснуть въ Печоринѣ!

«Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой?» говоритъ она Максимъ Максимычу, отеревъ слезы и гордо поднявъ голову. «А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!» Вотъ это любовь, настоящая любовь, безъ всякой подмѣси. А то хороша любовь, которая говоритъ: «обяжитесь меня содержать и возиться со мною всю жизнь!» Это уже гражданская, если не торговая, сдѣлка, и мы находимъ, что если черкесская княжна не такъ предусмотрительна, какъ русская, то она, по крайней мѣрѣ, искреннѣе и послѣдовательнѣе!

Есть еще женщина, оставленная въ тѣни и слабо обрисованная въ названномъ нами романѣ: это бѣдная и любящая Вѣра. Причина, по которой она полюбила Печорина, высказанная ею въ прощальной запискѣ къ нему [1]), болѣе уважаема, чѣмъ причина княжны Мери, потому что болѣе основана на нравственныхъ, нежели наружныхъ качествахъ. Въ этой причинѣ много ошибочнаго, много навязаннаго увлеченіемъ страсти, много, съ хладнокровной точки зрѣнія, вызывающаго улыбку, но въ каждомъ словѣ самой

---

[1]) Вотъ эти слова записки: „Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого; моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ, не потому, чтобы ты былъ лучше другихъ; о нѣтъ! Но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣлъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

записки видно столько женственности, преданности и искренняго чувства, что мы охотно прощаемъ этой «многой любви» ея заблужденія того времени. По крайней мѣрѣ, Вѣра не торговалась со своею страстью. Она ей многимъ пожертвовала и еще бо́льшимъ рисковала. Она обманывала своего перваго мужа, обманула и второго. Когда этотъ обманъ открылся впослѣдствіи, она могла потерять не только семейное спокойствіе, но и средства жизни,— хуже того, она могла остаться и остается во власти мужа, который изъ боязни огласки не броситъ ея, зато будетъ весь вѣкъ пилить и попрекать измѣной. Прибавимъ къ этому, что любовь Печорина, по словамъ Вѣры, ничего ей не дала, кромѣ страданій. Но поставимъ эту страстно любящую женщину въ положеніе княжны Мери. Что, если бы Печоринъ внушилъ ей любовь и вздумалъ обнять въ то время, когда она была еще дѣвушкой? Мы увѣрены, что и Вѣра точно такъ же заговорила бы объ оскорбленіи и спросила бы Печорина, когда онъ обратиться къ маменькѣ—какъ это сдѣлала Мери, точно такъ же какъ мы увѣрены, что любовь Мери къ Печорину не помѣшаетъ ей выйти замужъ за другого. Вѣдь не помѣшала же Вѣрѣ эта любовь, да еще страстная, выйти замужъ во второй разъ, хотя, какъ она выражается, женщина, полюбившая Печорина, не можетъ безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣть на другихъ мужчинъ! Все это показываетъ намъ, что женщины, выведенныя въ романѣ Лермонтова, были обыденныя явленія. Онѣ съ своею любовью напоминаютъ намъ міръ, гдѣ играютъ роль мундиры, помада, интересные мужчины со взоромъ, обѣщающимъ пропасть блаженства, міръ, гдѣ свободныя дѣвушки оскорбляются, если имъ нашептываютъ о любви, не предлагая руку и сердце, а любящія женщины обманываютъ мужей, живя на ихъ счетъ и не отказывая другимъ въ ласкахъ; міръ, отъ котораго мы уже, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, начали отвыкать. Намъ могутъ возразить, что этотъ міръ и доселѣ существуетъ и не только существуетъ, но составляетъ огромное большинство въ такъ называемомъ образованномъ классѣ. Совершенно справедливо. Но въ наше время уже не толкуютъ про этотъ міръ и эти отношенія. Имъ уже не занимаются, какъ образцовымъ и возбуждающимъ зависть «высшимъ свѣтомъ», и все, что можетъ онъ желать для себя лучшаго, чтобы его оставили спокойно забавляться его грошовыми интересами. Теперь уже есть и даже появляются и въ его замкнутомъ кружкѣ другія женщины, съ другими взглядами и требованіями, и вниманіе литературы обращено на этихъ женщинъ. Если бы что-либо подобное нынѣшнимъ лучшимъ женщинамъ, съ здравыми воззрѣніями, существовало во время Лермонтова, то нѣтъ сомнѣнія, что замѣчательный талантъ, да еще склонный ко всему необыкновенному, не промолчалъ бы о подобныхъ женщинахъ. Нѣтъ, мы видимъ, что ничего подобнаго вопросамъ, которые задаетъ нынѣ себѣ всякая гимназистка, тогда и не шевелилось. Если въ кругу тогдашнихъ лучшихъ мужчинъ таилось хоть не сознанное, загнанное, хоть ударившееся въ уродливость, но все-таки какое-то невольное стремленіе выйти изъ той спячки, низменности и придавленности, въ которыхъ обрѣталось обще-

ство, то между женщинами той поры мы и того не замѣчаемъ: онѣ еще огуломъ и всецѣло покоились, волновались и страдали въ томъ мірѣ, гдѣ прежде всего обращаютъ вниманіе на перчатки и мундиръ, а если полюбятъ дѣйствительно замѣчательнаго мужчину, то потому, что (какъ выразилась Вѣра про Печорина) «ничей взоръ, какъ его, не обѣщаетъ такого блаженства!»

Авдѣевъ.

Мужскія и женскія лица Лермонтовской поэзіи.

Всякому, нѣсколько знакомому съ лермонтовской поэзіей, извѣстно, что она въ высокой степени индивидуальна; во многихъ, крупныхъ и мелкихъ, произведеніяхъ Лермонтова находимъ мы прямое или косвенное изображеніе личности самого поэта,—и потому его поэзія служитъ лучшимъ источникомъ для исторіи его внутренней жизни. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, Лермонтовъ любилъ слѣдить за малѣйшими движеніями своего душевнаго сознанія. Человѣческая душа, начиная съ его собственной, представляла для него глубокій интересъ: «Исторія души человѣческой,—говоритъ онъ въ предисловіи къ журналу Печорина,—хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа». Въ его поэзіи находимъ мы довольно много лицъ, имѣющихъ характеръ литературныхъ типовъ. Разсмотрѣніе ихъ можетъ составить весьма любопытную историко-литературную задачу, къ рѣшенію которой предлагаемъ мы здѣсь нѣкоторый, приведенный въ извѣстную систему, матеріалъ. Ограничиваемся на этотъ разъ характеристикой личностей, взятыхъ поэтомъ изъ современной ему культурной среды.

Въ культурной средѣ родился и, по преимуществу, жилъ Лермонтовъ; поэтому совершенно естественно, что изъ нея взято имъ въ свою поэзію и наибольшее число лицъ. Изъ нихъ остановимся мы на наиболѣе рѣзко выставленныхъ поэтомъ. Прежде всего передъ нами *Арбенинъ*. Тутъ встрѣчаемся мы съ пріемомъ Лермонтова рисовать лицъ съ однимъ именемъ въ разныхъ произведеніяхъ; лица эти по своимъ существеннымъ свойствамъ имѣютъ между собою связь, что совершенно ясно указываетъ на желаніе автора—обрисовать извѣстное лицо наиболѣе полно; у Лермонтова видна тутъ какая-то привязанность къ разъ выбраннымъ именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, и этотъ пріемъ поэта, при извѣстной осторожности, значительно облегчаетъ задачу наблюдателя. Съ Арбенинымъ встрѣчаемся мы у Лермонтова въ трехъ произведеніяхъ: въ драмѣ «Странный человѣкъ» (1831) (Владиміръ Павловичъ Арбенинъ), въ драмѣ «Маскарадъ» (двѣ редакціи—1835 и 1836) (Евгеній Александровичъ Арбенинъ) и въ отрывкѣ повѣсти 1841 г. (Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ). Что за личность Владиміръ Павловичъ Арбенинъ? Уже самое заглавіе драмы отчасти его характеризуетъ: онъ—странный человѣкъ. Арбенинъ высказывается самъ о себѣ болѣе опредѣленно: онъ не можетъ и не хочетъ уступать мелочнымъ требованіямъ жизни, какъ другіе,

а потому считаетъ себя не рожденнымъ для свѣта. Разъ убѣдившись въ своей отчужденности отъ людей и чувствуя въ то же время свое превосходство предъ ними, онъ начинаетъ ихъ презирать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это—сердце, исполненное желанія любить; желаніе, однако, остается безъ исполненія, такъ какъ Арбенинъ уже слишкомъ далекъ отъ обычныхъ интересовъ жизни. Такая неотвратимая противоположность между стремленіями Арбенина и дѣйствительностью естественно приводитъ его къ сознанію себя несчастнымъ: о счастіи онъ вспоминаетъ только изъ отдаленнаго, едва мелькнувшаго дѣтства; послѣдующая жизнь представляется ему рядомъ самыхъ тяжелыхъ душевныхъ страданій. Ощущеніе своего несчастья усиливается для Арбенина еще тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ, носитъ «тяжелую ношу самопознанія», вѣчно роясь въ своей душѣ и растравляя ея раны. Арбенинъ съ дѣтства отличался крайней мечтательностью; его душа съ дѣтскихъ лѣтъ «искала чего-то чудеснаго», стремилась къ великому, и немудрено, что ему пришлось разочароваться въ дѣйствительной жизни. У него нѣтъ опредѣленнаго дѣла (его поэтическія занятія для него болѣе развлеченіе, чѣмъ дѣло), онъ скучаетъ: его душа и умъ ищутъ случайныхъ впечатлѣній, между которыми для Арбенина особое значеніе имѣетъ женская любовь. Въ драмѣ онъ является въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго неудачу въ своей страстной привязанности: другъ его перебиваетъ у него невѣсту, что является довольно естественнымъ, такъ какъ любовь Арбенина, вслѣдствіе его страстной натуры и особыхъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ этому чувству, отзывается характеромъ эгоизма. Однако Арбенина никакъ нельзя назвать эгоистомъ вообще, и отзывъ о немъ Натальи Ѳедоровны, что у него доброе сердце, имѣетъ свое оправданіе въ его дѣйствіяхъ: съ одной стороны, его добрыя наклонности доказываются вмѣшательствомъ въ отношенія между матерью и отцомъ, гдѣ онъ проситъ отца простить мать, тронутый ея тяжелымъ положеніемъ; съ другой стороны, его трогаютъ до глубины души разсказы крестьянина о жестокомъ обращеніи съ мужиками одной помѣщицы, и онъ предлагаетъ послѣднія средства своему пріятелю, чтобы тотъ могъ ихъ выкупить. Такимъ образомъ, Арбенинъ представляется личностью съ положительными и отрицательными свойствами, однако совмѣщенными не такъ, какъ можно наблюдать это во множествѣ людей, встрѣчающихся въ обыкновенной жизни. Страстная натура Арбенина, неспособная управлять собой и регулировать свои крайности, дѣлаетъ изъ него человѣка дѣйствительно *страннаго*, котораго съ перваго взгляда трудно понять, встрѣтивъ его въ жизни; этимъ объясняются разнорѣчивыя мнѣнія о немъ его знакомыхъ: одни находятъ его добрымъ, другіе—злымъ; одни видятъ въ немъ простого повѣсу, другіе—человѣка искренняго, съ душой пламенной, хотя и нѣсколько легкой; впрочемъ, всѣ признаютъ въ немъ гибкій и колкій умъ. Жизненное свое поприще кончаетъ Арбенинъ очень печально: онъ сходитъ съ ума и вскорѣ умираетъ. Такой конецъ героя пьесы наилучшимъ образомъ показываетъ симпатіи къ нему автору. Сочувствіе Лермонтова къ своему герою видно,

впрочемъ, и изъ другихъ данныхъ: мы знаемъ уже, что Арбенинъ иногда отдавалъ свой досугъ поэтическимъ занятіямъ; въ драмѣ помѣщены нѣкоторыя его стихотворенія съ признаніями о себѣ, и эти стихотворенія встрѣчаемъ мы независимо отъ пьесы въ видѣ собственныхъ признаній Лермонтова (напр., стихотворенія: «Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала»... и «Когда я унесу въ чужбину...»). Кромѣ того, въ небольшомъ предисловіи къ пьесѣ Лермонтовъ прямо высказываетъ свое сочувствіе къ герою драмы, который «подавалъ столь блистательныя надежды и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества»: своимъ произведеніемъ хотѣлъ поэтъ «оправдать тѣнь несчастнаго»; въ этомъ же предисловіи Лермонтовъ совершенно опредѣленно говоритъ о томъ, что всѣ лица пьесы списаны имъ съ натуры. Всѣ эти данныя могутъ служить указаніемъ на то, что въ характерѣ «страннаго человѣка» Лермонтовъ изобразилъ самого себя или вѣрнѣе—какъ мы теперь, въ качествѣ позднѣйшихъ наблюдателей, можемъ сказать—извѣстный моментъ въ развитіи своего собственнаго характера. Впрочемъ, не станемъ болѣе останавливаться на этомъ предметѣ и переходимъ къ Евгенію Александровичу Арбенину въ «Маскарадѣ». Въ характерѣ Арбенина между двумя редакціями «Маскарада» нѣтъ существенной разницы, что, впрочемъ, довольно естественно, такъ какъ вторая редакція отдѣлена отъ первой временемъ не болѣе одного года. Между Арбенинымъ «Страннаго человѣка» и «Маскарада» есть несомнѣнная и тѣсная психологическая связь; это—одно и то же лицо, представленное въ разные моменты жизни: тамъ въ лѣтахъ юношества. здѣсь—въ зрѣломъ возрастѣ. Самъ Арбенинъ не разъ вспоминаетъ въ «Маскарадѣ» о своей молодости, которую онъ, рожденный «съ душой кипучею, какъ лава», провелъ шумно и безплодно, въ какихъ-то неясныхъ порывахъ; онъ былъ тогда «неопытенъ», «заносчивъ», «опрометчивъ»; послѣ того прошло много времени, въ продолженіе котораго онъ «все видѣлъ, все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ»; прежніе порывы любить смѣнились у него мало-по-малу ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ; свѣтъ его не понялъ—и онъ оставилъ этотъ свѣтъ, «холодно закрывъ объятья для чувствъ и счастья на землѣ»; въ молодости искалъ онъ горячихъ привязанностей, часто бывалъ любимъ, но самъ никого не могъ полюбить, какъ бы хотѣлъ. Чтобы наполнить чѣмъ-нибудь жизнь, онъ искалъ развлеченій: игралъ, путешествовалъ, пріобрѣталъ друзей, но вездѣ видѣлъ только зло, и, «гордый передъ нимъ, нигдѣ не преклонился»—словомъ, онъ пришелъ къ полному разочарованію въ жизни и жить ему стало «тяжко и скучно». Въ эту пору кто-то подалъ ему совѣтъ жениться, «чтобъ имѣть святое право ужъ равно никого на свѣтѣ не любить»; но тутъ случилось иначе—и пылкая душа Арбенина снова проснулась; онъ полюбилъ свою жену,—«прекрасное», «нѣжное» и «покорное созданіе»; однако, любовь эта была не такого рода, чтобы примирить Арбенина съ самимъ собой и съ жизнью; это было временное возвращеніе тѣхъ же порывовъ, которыми жила душа Арбенина въ молодости и которыхъ искала она по своей природѣ; и послѣ же-

нитьбы онъ продолжалъ оставаться всѣмъ чужой, скучать и напрасно искать повсюду развлеченій; страсть его къ женѣ проснулась только въ видѣ ревности, когда онъ совершенно напрасно вообразилъ себя обманутымъ мужемъ; и тогда онъ является безпощаднымъ мстителемъ за свою мнимо нарушенную честь. Съ такими чертами представляется намъ Арбенинъ въ тотъ моментъ своей жизни, когда онъ является дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ «Маскарадъ». Если бы даже онъ и не говорилъ о своей молодости, въ немъ не трудно было бы видѣть воскрешеннаго Влад. Павл. Арбенина въ пору зрѣлости: съ такой вѣрностью все-таки установлена поэтомъ эта внутренняя связь. Отсюда совершенно понятно опредѣленіе, которое дѣлаетъ своему мужу Нина: «ты страшный человѣкъ», говоритъ она въ отвѣтъ на его признаніе. Въ первой редакціи «Маскарада» Арбенинъ и кончаетъ, какъ Владимиръ Павловичъ въ «Странномъ человѣкѣ»: онъ сходитъ съ ума. Я уже упомянулъ, что во второй редакціи «Маскарада» личность Арбенина не потерпѣла значительныхъ измѣненій въ своихъ внутреннихъ чертахъ сравнительно съ первой редакціей; поэтому для нашихъ цѣлей нѣтъ нужды останавливаться на этой передѣлкѣ; замѣтимъ только, что тутъ Арбенинъ кончаетъ не сумасшествіемъ и смертью, а удаляется «въ изгнаніе» съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не возвращаться. Впрочемъ, такое измѣненіе во внѣшней судьбѣ героя пьесы обусловлено было соотвѣтствующими перемѣнами въ другихъ подробностяхъ фабулы.

О третьемъ лермонтовскомъ лицѣ, носящемъ имя Арбенина, не можемъ мы дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній, такъ какъ отрывокъ повѣсти, въ которомъ это лицо фигурируетъ, очень невеликъ. Видно только, что Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ принадлежитъ, по словамъ автора, къ числу «любопытныхъ и страстныхъ» людей, что вскорѣ послѣ появленія его на свѣтъ его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ (ср. такую же подробность въ «Странномъ человѣкѣ»), что въ дѣтствѣ сильно развивалась въ немъ мечтательность, которая замѣняла ему обычныя дѣтскія игрушки. Ребенокъ этотъ зналъ ужъ «мучительныя безсонницы»; «задыхаясь между горячихъ подушекъ. онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души». На этихъ подробностяхъ обрывается повѣсть. Нельзя сказать, какое лицо думалъ изобразить Лермонтовъ въ Александрѣ Сергѣевичѣ Арбенинѣ, но можно видѣть, что указанныя подробности не противорѣчатъ соотвѣтствующимъ чертамъ въ характерахъ двухъ предшествующихъ Арбениныхъ, и что лицо это, по мысли поэта, должно было принадлежать къ той же категоріи.

Переходимъ теперь къ другому лермонтовскому лицу, которымъ съ любовью занимался поэтъ во вторую, зрѣлую, половину своей дѣятельности—къ Григорію Александровичу *Печорину*, являющемуся въ неоконченномъ романѣ «Княгиня Лиговская» (1836 г.) и въ «Героѣ нашего времени» (1839—1840 гг.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это—двѣ послѣдовательныя попытки нарисовать одно и то же лицо, какъ несомнѣнно и то, что въ это лицо поэтъ внесъ не мало и своихъ собственныхъ чертъ; это послѣднее

обстоятельство роднитъ Печорина съ Арбенинымъ, и первый, подобно второму, имѣетъ всѣ достоинства матеріала для психологическаго изученія личности поэта. Оставляя и тутъ (какъ и относительно Арбенина) этотъ послѣдній вопросъ въ сторонѣ, будемъ разсматривать Печорина только лишь какъ литературный образъ. Изъ обстоятельствъ внѣшней жизни Печорина «Княгини Лиговской» извѣстно, что онъ, происходя изъ богатаго дворянскаго рода, получилъ въ дѣтствѣ не вполнѣ правильное воспитаніе, поступилъ затѣмъ въ московскій университетъ, но вскорѣ отправленъ былъ въ Петербургъ, въ юнкерскую школу. Повѣсть застаетъ его въ званіи кавалерійскаго офицера, живущаго въ Петербургѣ и пользующагося, благодаря своимъ связямъ, удовольствіями большого свѣта. Авторъ не разъ указываетъ на умъ и сердце своего героя; свободныя проявленія того и другого нерѣдко отчуждали Печорина отъ свѣта и побуждали его даже сатирически относиться къ тому кругу, въ которомъ онъ родился и жилъ. Такое настроеніе поддерживалось у него и уколами самолюбія, которое страдало у Печорина, потому что онъ обладалъ невыгодной наружностью и много терялъ въ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ. Женская любовь въ его жизни, какъ у Влад. Павл. Арбенина, играла видную роль. Въ своей средѣ Печоринъ принадлежалъ къ числу людей не совсѣмъ обыкновенныхъ; принятые обычаи, мода, не подавляли его личности; онъ жилъ *своими* мыслями, *своими* чувствами, неохотно довѣрялся окружающимъ и иногда презиралъ ихъ, чувствуя надъ ними свое превосходство. Поэтъ отмѣчаетъ въ натурѣ Печорина нѣчто «сильное и потрясающее», что обличало въ немъ характеръ и волю. Къ характеристикѣ этой личности должно быть отнесено и то, что онъ былъ «партизанъ Байрона», т.-е. поклонникъ его страстной поэзіи, какъ ни казалось бы это противорѣчащимъ его беззаботному, равнодушному и лѣнивому виду, его «бычачьимъ нервамъ». Поэтъ не скрываетъ, можетъ-быть, совершенно непроизвольно и менѣе симпатичныхъ сторонъ своего героя: онъ, не любя, усердно ухаживаетъ въ свѣтѣ за одной дѣвушкой, пользуясь этимъ, какъ средствомъ пріобрѣсти нѣкоторую свѣтскую извѣстность. Онъ не чуждъ мелкаго чувства зависти, когда другой человѣкъ, совершенно случайный и изъ иного круга, своей красотой произвелъ мимолетное благопріятное впечатлѣніе на женщину, которую нѣкогда въ юности любилъ Печоринъ, но которая потомъ вышла замужъ за другого. Однако, должно прибавить къ чести Печорина, что онъ не усомнился въ этомъ дурномъ чувствѣ тотчасъ же и признаться, совершенно его осуждая.

Въ наиболѣе полномъ опредѣленіи является это лицо подъ тѣмъ же именемъ въ «Героѣ нашего времени». Можно сказать, что это—самая тщательная и удачная изъ всѣхъ попытокъ Лермонтова нарисовать лицо, занявшее его воображеніе. Печоринъ «Героя нашего времени» очень охотно о себѣ высказывается (то въ своемъ дневникѣ, то съ разными лицами: Максимомъ Максимычемъ, докторомъ Вернеромъ, княжной Мери), анализируя движенія своей души и факты своей жизни, подобно Влад. Павл. Арбенину. Изъ

этихъ признаній мы узнаемъ, что условія его дѣтства сложились неблагопріятно и имѣли дурное вліяніе на его характеръ; рожденный со многими хорошими свойствами, онъ, однако же, ихъ вскорѣ утратилъ и пріобрѣлъ противоположныя: онъ былъ скроменъ, его обвиняли въ лукавствѣ—и онъ сталъ скрытенъ; онъ глубоко чувствовалъ добро и зло, его никто не ласкалъ—и онъ сталъ злопамятенъ; будучи отъ природы угрюмъ среди веселыхъ дѣтей, онъ былъ за это унижаемъ—и сталъ завистливъ; готовый любить, онъ не встрѣчалъ сочувствія—и выучился ненавидѣть. Такимъ образомъ явилось у него отчужденіе отъ людей и презрѣніе къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ безнадежный взглядъ на собственную жизнь; онъ сдѣлался нравственнымъ калѣкой, у котораго одни свойства перестали существовать совершенно и навсегда, другія еще продолжали дѣйствовать. Подобно Евгенію Александр. Арбенину, Печоринъ много жилъ въ свѣтѣ, напрасно ища въ немъ забвенія своей мучительной скуки. Разумѣется, свѣтскія удовольствія ему опротивѣли, какъ надоѣли потомъ книги, опасности военной службы на Кавказѣ. Подобно Арбенину же, онъ встрѣтилъ послѣ этого Бэлу и думалъ, что нашелъ въ этой любви тихую пристань; однако ошибся и заскучалъ снова. Печоринъ чувствуетъ себя совершенно несчастнымъ, достойнымъ сожалѣнія; признаетъ въ себѣ душу, испорченную свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное. Изъ дѣйствій Печорина въ повѣсти и изъ его собственныхъ признаній мы узнаемъ, что это послѣднее свойство направлено имъ въ дурную сторону: какъ въ «Княгинѣ Лиговской», такъ и тутъ онъ настойчиво ухаживаетъ за дѣвушкой—съ единственной цѣлью вскружить ей голову. Доведя свою интригу до конца, онъ цинически признается княжнѣ Мери, что ее не любитъ и что надъ ней только смѣялся. Тутъ мы встрѣчаемся съ такимъ свойствомъ Печоринской души, которое составляетъ одну изъ отличительныхъ ея особенностей: это—тщеславіе и эгоизмъ. Онъ дѣлаетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ такія откровенныя признанія: «я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы... Первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти?» Отсюда уже само собой вытекаетъ его опредѣленіе счастья, что «счастье—насыщенная гордость», т.-е. состояніе удовлетвореннаго эгоизма. Это—голосъ чувства и непосредственнаго пониманія практики жизни, такъ какъ Печоринъ очень хорошо понимаетъ, что это—зло, и наклонность къ нему въ своей душѣ объясняетъ подобнымъ же злымъ отношеніемъ къ нему самому со стороны другихъ: «зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого». Печоринъ вообще поражаетъ противорѣчіемъ теоретическаго пониманія жизни съ собственной практикой; онъ самъ говоритъ, что въ немъ «два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его»; однако же противорѣчіе

смягчается у него безпощаднымъ и откровеннымъ признаніемъ и самоосужденіемъ. Если прислушаться къ нему внимательнѣе, то можно услышать отъ него вещи, крайне выгодно его характеризующія: онъ сознаетъ свои «мелкія слабости, дурныя страсти»; онъ знаетъ, что, увлекшись приманками пустыхъ страстей, «утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни», за что иногда себя презираетъ; собственную неудовлетворенность въ любви къ женщинамъ онъ объясняетъ тѣмъ, что «ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ», что «любилъ только для себя, для собственнаго удовольствія». О привлекательныхъ сторонахъ Печорина съ женской точки зрѣнія очень своеобразно и тонко высказывается Вѣра въ своемъ письмѣ къ нему: «Въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ умъ не бываетъ такъ привлекателенъ, ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты». Любовь Печорина къ Вѣрѣ очерчена въ повѣсти какими-то неясными чертами, но и эти черты могутъ дать намекъ на то, что Печоринъ былъ способенъ къ страсти продолжительной и не совершенно эгоистической. Къ числу симпатичныхъ чертъ Печорина должна быть отнесена и его положительная искренность: объ этомъ свидѣтельствуетъ не только поэтъ въ предисловіи своемъ къ журналу Печорина, но и самъ Печоринъ характеромъ своихъ сужденій о себѣ, какъ это мы уже видѣли. Онъ строго судитъ о Грушницкомъ, полагая, что тотъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ «просто прекрасное не трогаетъ, которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія», что «производить эффектъ—ихъ наслажденіе».

Сравнительно съ героемъ «Княгини Лиговской» Печоринъ въ «Героѣ нашего времени» представленъ человѣкомъ крайне нервнымъ. Онъ самъ говоритъ о своей особой впечатлительности: прошедшее пріобрѣтаетъ надъ нимъ великую власть; всякое воспоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ его душу. Вслѣдствіе этой же крайней нервности настроеніе его подвержено постояннымъ перемѣнамъ, какъ объ этомъ разсказываетъ наблюдавшій его Максимъ Максимычъ. При всемъ этомъ тѣмъ болѣе поражаетъ сила духовной природы Печорина, хотя бы даже въ болѣзненныхъ ея проявленіяхъ.

Совершенно естественно, что при такихъ безотрадныхъ для сознанія Печорина данныхъ, которыя представляетъ ему его природа и его жизнь, онъ мало дорожитъ послѣдней, потому что уже не надѣется на счастье и глубоко чувствуетъ томительную скуку своего существованія. Онъ съ легкимъ сердцемъ идетъ на дуэль съ Грушницкимъ, отправляется путешествовать въ Америку, Аравію или Индію, все равно, съ печальной надеждой гдѣ-нибудь умереть на дорогѣ. Съ жизнью, такимъ образомъ, онъ въ сущности совершенно покончилъ, отказавшись отъ всякаго активнаго

въ ней участья и обрекши себя случайнымъ впечатлѣніямъ до столь же случайной смерти.

Въ Печоринѣ мы видимъ окончательное завершеніе того литературнаго образа, который постоянно носился передъ воображеніемъ Лермонтова и въ «Героѣ нашего времени» явился послѣднимъ результатомъ его творческой работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ изъ этой повѣсти, насколько выросъ Лермонтовъ къ послѣднимъ годамъ своей жизни, не только въ своемъ художественномъ дарованіи, но и въ общихъ своихъ понятіяхъ и взглядахъ. Отношеніе поэта къ Печорину въ «Героѣ нашего времени» совершенно ясно: несмотря на видимое сочувствіе поэта къ положительнымъ сторонамъ этого типа, очень легко замѣтить, что поэту ясны были и всѣ его недостатки. Въ заглавіи повѣсти заключается несомнѣнная иронія. Мало того: въ предисловіи авторъ говоритъ, что Печоринъ—это «портретъ, составленный изъ *пороковъ* всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи»; онъ старался нарисовать въ этой повѣсти «современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ», и въ свойствахъ этого типа положительно видитъ «болѣзнь» вѣка. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ повѣсти, въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ, авторъ осуждаетъ разочарованіе Печорина, какъ моду: оно, «начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ».

Проходя мимо другихъ мужскихъ лицъ, менѣе ярко очерченныхъ Лермонтовымъ, въ родѣ Вулича, Грушницкаго, Сашки, остановимся изъ представителей культурной среды въ лермонтовской поэзіи еще нѣсколько на *Максимѣ Максимычѣ*. Типъ этотъ—совершенно простой, часто встрѣчающійся въ среднихъ классахъ нашего общества и удивительно вѣрно и мѣтко схваченный поэтомъ въ двухъ первыхъ главахъ «Героя нашего времени». Характеристическія его особенности отчетливо оттѣняются сопоставленіемъ его съ Печоринымъ. Трудно представить двѣ личности, болѣе противоположныя по основнымъ своимъ чертамъ, чѣмъ Печоринъ и Максимъ Максимычъ. У добраго штабсъ-капитана нѣтъ никакихъ притязаній относительно своей личности; онъ не задается никакими высшими вопросами, не обращается къ жизни ни съ какими особыми требованіями; онъ не понялъ поэта, когда тотъ говорилъ ему о модномъ разочарованіи Печорина. Но онъ не чуждъ уваженія къ культурѣ, съ презрѣніемъ отзывались объ осетинахъ, что они не способны ни къ какому образованію; въ другомъ мѣстѣ онъ скромно причисляетъ себя къ необразованнымъ старичкамъ, которымъ не угнаться за современною молодежью. У этого старика очень чуткое и даже нѣжное сердце. Онъ сумѣлъ оцѣнить добрыя свойства Печорина, его искренность и благородство характера; онъ, человѣкъ безродный, «не догадавшійся во-время запастись женой», проведшій лучшіе годы свои среди непривѣтливой службы на Кавказѣ, однако же всѣмъ сердцемъ привязался къ дикаркѣ Бэлѣ, какъ дочери, и «радъ былъ, что нашелъ кого баловать». Участіе его въ отношеніяхъ Печорина и Бэлы трогательно отъ начала, когда онъ содѣйствуетъ Печорину добыть Бэлу, и до конца, когда онъ старательно украшаетъ ея

гробъ черкесскими серебряными галунами. Разсказъ Максима Максимыча о смерти Бэлы показываетъ, что его привычка видѣть смерть въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія нисколько не очерствила его сердца, оно было переполнено чувствомъ самой неэгоистической любви, искавшей себѣ исхода въ отношеніяхъ Максима Максимыча къ Печорину и Бэлѣ. Тамъ и тутъ старикъ обманулся: Бэла ни разу не вспомнила о немъ передъ смертью, а Печоринъ довольно холодно съ нимъ простился, уѣзжая въ Персію, можетъ-быть, навсегда. Но съ какимъ добродушіемъ переноситъ это Максимъ Максимычъ, стараясь оправдать и ту и другого! «И вправду молвить: что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминать передъ смертью», говоритъ онъ по поводу смерти Бэлы. На Печорина онъ слегка разсердился за его небреженіе, но сколько опять-таки скромности и добродушія въ той ироніи, съ которой онъ говоритъ о послѣдней встрѣчѣ съ Печоринымъ. На глазахъ у него были въ эту минуту слезы; но никто, зная Максима Максимыча, не обвинитъ его въ плаксивой сентиментальности: у него просто въ высшей степени мягкое и отзывчивое сердце. Этотъ человѣкъ, сумѣвшій привыкнуть къ свисту пули, не можетъ однако же привыкнуть быть равнодушнымъ къ красотамъ кавказской природы и способенъ увлекаться ими до самозабвенія, что и вызываетъ у поэта слѣдующее замѣчаніе: «въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ». Въ Максимѣ Максимычѣ нѣтъ ни малѣйшей доли горделиваго отношенія къ людямъ; строгому судьѣ можетъ даже показаться неумѣстной и навязчивой его фамильярность въ выраженіяхъ своего сочувствія; но все это въ немъ до такой степени безхитростно, естественно, цѣльно и своеобразно-глубоко, что служитъ только къ оттѣненію общей его душевной красоты. Сочувствіе поэта къ Максиму Максимычу выражено весьма опредѣленно. Созданіе этого типическаго лица дѣлаетъ великую честь поэтической зрѣлости Лермонтова въ эту пору, особенно если принять въ расчетъ отношеніе поэта къ Печорину. Литературный образъ Максима Максимыча позволялъ возлагать великія надежды на Лермонтова, какъ поэта, который уже совершенно независимо въ то время могъ наблюдать нѣкоторыя явленія жизни и имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться впослѣдствіи глубокимъ и вѣрнымъ изобразителемъ современной русской дѣйствительности во всей ея полнотѣ.

Галлерея женскихъ лицъ у Лермонтова изъ культурной среды очень невелика и по полнотѣ и художественности обработки далеко уступаетъ мужскимъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами *Нина* въ «Маскарадѣ». По словамъ Арбенина, это—слабое, прекрасное, нѣжное, покорное созданье, «ангелъ красоты»; она безгранично любитъ мужа и своей преданностью успѣла на время внушить интересъ къ жизни даже этому уже совершенно разочарованному во всемъ человѣку. Умъ ея—очень обыкновенный, воли—почти никакой; она вся—чувство. По первой редакціи пьесы она поставлена въ очень трагическое положеніе, умирая невинной жертвой ложныхъ подозрѣній мужа; во второй редакціи она выставлена

нѣсколько иначе, такъ какъ дѣйствительно увлечена княземъ, но отъ этого характеръ ея не измѣняется. Нина въ «Маскарадѣ» можетъ быть сочтена типической представительницей современной поэту женской культурной среды. Къ этому же разряду принадлежитъ и другая *Нина* въ неоконченной «Сказкѣ для дѣтей» (1841), не имѣющая, впрочемъ, съ Ниной въ «Маскарадѣ» никакой непосредственной связи. Вторую Нину поэтъ успѣлъ обрисовать лишь въ пору ея дѣтства; она растетъ въ обществѣ суроваго старика-отца и строгой англичанки, «какъ ландышъ за стекломъ». Дѣйствительная жизнь до нея совсѣмъ не касалась, и она вся уходила въ мечты. А между тѣмъ это была натура одаренная:

...душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно,
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много...

Однако, эти богатыя силы развивались неправильно и безплодно; изъ Нины готовилась свѣтская дѣвушка, усердно и самостоятельно изучавшая про себя всѣ тонкости кокетства. Сказка прерывается выѣздомъ Нины на первый балъ, гдѣ появленіе ея было замѣчено свѣтомъ.

Къ этому же свѣтскому кругу должна быть отнесена и *княжна Мери*. Представивъ въ обѣихъ Нинахъ два момента изъ жизни свѣтской женщины—дѣтства и положенія замужемъ—въ этомъ третьемъ лицѣ поэтъ представилъ намъ третій моментъ—въ пору увлеченія дѣвушки чувствомъ первой любви. Увлеченіе княжны Мери Печоринымъ, вѣроятно, похоже на то, какое готовилось для Нины въ «Маскарадѣ». Это увлеченіе, по-своему, глубоко, сильно и серьезно. Въ отношеніяхъ между Печоринымъ и Мери послѣдняя, безъ сомнѣнія, вызываетъ сочувствіе; Печоринъ же очень много проигрываетъ тутъ въ глазахъ читателя. Въ Мери много истинной женственности, деликатности, искренности и благородства, несмотря на недостатки ея односторонняго воспитанія. Когда она свободно отдается своему чувству, побужденія ея совершенно чисты. Мы не можемъ судить изъ повѣсти, есть ли у нея характеръ, но у ней есть извѣстная выдержка и тактъ. Хотя, по словамъ доктора Вернера, Мери знаетъ алгебру, читала Байрона по-англійски и любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч., однако, она далека отъ педантства и, въ сущности, остается дѣвушкой вполнѣ свѣтской.

Изъ женскихъ лермонтовскихъ лицъ данной среды намъ остается еще сказать два слова о *Вѣрѣ* въ «Героѣ нашего времени». Первымъ очеркомъ ея, дѣйствительно, можетъ быть сочтена, какъ полагаютъ нѣкоторые, княгиня Вѣра Лиговская въ отрывкѣ романа того же имени, но, перенесенная въ «Героя нашего времени», она настолько была измѣнена, что установить тѣсную связь между этими лицами становится очень труднымъ. Въ Вѣрѣ представленъ новый моментъ въ жизни свѣтской женщины: она замужемъ, даже во второй разъ, но не можетъ освободиться отъ старой привязанности къ Печорину, рискуя и жертвуя для него

всѣмъ, начиная съ собственнаго спокойствія и кончая мнѣніемъ свѣта. Въ Вѣрѣ есть что-то исключительно привлекательное и серьезное, чѣмъ она становится выше и обѣихъ Нинъ и княжны Мери. На ней лежитъ видимое сочувствіе поэта, несмотря на случайность и мимолетность чертъ, которыми она изображена въ повѣсти. Эта особенность ея есть признаки обнаруженнаго ею характера и извѣстной твердости воли, хотя Печоринъ и отрицаетъ въ Вѣрѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ женщинъ, присутствіе «упорнаго характера». Тутъ, такимъ образомъ, проясняется отчасти идеальный взглядъ поэта на женщину, нигдѣ имъ вполнѣ не выраженный, такъ какъ онъ не успѣлъ создать ни одного полнаго, съ своей точки зрѣнія близкаго къ идеалу, женскаго характера.

Пѣтуховъ.

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ произведеніяхъ Лермонтова.

Совпаденіе лермонтовской «Пѣсни» съ народными было помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни или могъ пользоваться чужими записями. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія сопоставленія лермонтовской «Пѣсни» съ такъ называемыми разбойничьими или удалыми пѣснями и съ пѣснями народными, бытовыми. Ограничимся, хотя слѣдующими, выдержками изъ этихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ отвѣтъ царя Калашникову, обстановку казни послѣдняго, его могилу и его безталанную участь:

Что возговоритъ надежа, православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ и отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую,
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

Ведутъ молодца казнить:

Идетъ его грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ топоръ широкій.

Молодецъ прощается съ родными:

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои ль грѣхи тяжкіе.

Народное преданіе приписываетъ Степькѣ Разину слѣдующее завѣщаніе, повторяющееся у Лермонтова о могилѣ Калашникова:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской,
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится.

Или какъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни:

Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится...
Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ гусли наиграется.

Припомнимъ заключеніе «Пѣсни» Лермонтова:

Пойдетъ старъ человѣкъ—перекрестится...
А пойдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Къ купцу Калашникову, какъ нельзя болѣе, идетъ народная пѣсня о безчастномъ добромъ молодцѣ:

Ты безчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка;
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ.

Такъ и къ другому молодцу «Пѣсни» Лермонтова, къ опричнику, подходятъ народныя пѣсни о молодцахъ, безчастныхъ въ любви, погибающихъ въ степяхъ приволжжскихъ.

Такое же соотвѣтствіе съ бытовыми народными пѣснями находимъ и въ изображеніи семейнаго быта купца у Лермонтова. Хороводныя пѣсни изображаютъ мужа, который собирается или прибить плеткой, или запереть за замокъ свою жену, гуляющую по вечерамъ съ молодцами:

Ужъ ты гдѣ была, жена-страдница?

Нельзя, однако, считать «Пѣсню» Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской «Пѣсни» въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тождественно. Его «Пѣсня» такъ же связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль,—съ своими истоками—изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы.

Возьмемъ ли мы Лермонтовскіе припѣвы гусляровъ; или картину пира, на которомъ любимый опричникъ царя, Кирибѣевичъ, обнаруживаетъ свою могучую грусть по красавицѣ, «крѣпкая дума» по которой становится для него роковой; или картину лихой невзгоды купца Калашникова, выбивающей его изъ устоевъ честной и строгой, въ старо-завѣтномъ духѣ семейной жизни и влекущей къ отстаиванію до послѣднихъ силъ «святой правды-матушки»; или послѣднюю картину богатырскаго кулачнаго боя, переходящаго изъ веселой потѣхи въ поединокъ, въ высшій судъ,

за которымъ слѣдуетъ судъ царскій и казнь Калашникова,—во всѣхъ этихъ картинахъ выдержанъ одинъ тонъ простой и художественный, придана содержанію цѣлость и законченность.

Развитіе сюжета представляетъ мрачную драму: то грозный гнѣвъ царя на заподозрѣннаго опричника, на удалого Калашникова, убившаго лучшаго бойца, Кирибѣевича; то гнѣвъ и немилостивыя рѣчи Парамона Степановича, обращенныя къ хозяюшкѣ-красавицѣ, воротившейся съ улицы въ позднюю пору опозоренной, ошеломленной, и семейное совѣщаніе купца въ темну ночь морозную съ младшими братьями, какъ отомстить за обиду; то смерть опричника; то лютая позорная казнь удалого бойца, молодого купца; то могила съ кленовымъ крестомъ! Но и среди этихъ мрачныхъ картинъ, какъ проблески солнца среди тучъ, показываются веселыя лица гусляровъ, улыбки и смѣхъ царя на пиру, образъ красавицы Алены Дмитріевны и природа, которая, какъ улыбающаяся алая заря, разыгравшаяся надъ Москвой въ роковой день, сверкаетъ «вѣчно-гордой и спокойной красотой» надъ самыми мрачными картинами человѣческой жизни. Это сопоставленіе картинъ и развитіе всего сюжета «Пѣсни» сближаетъ ее съ общимъ направленіемъ Лермонтовской поэзіи: съ ея безотрадною грустью и съ жалобой на судьбу, съ ея ожесточеніемъ противъ попранной правды и вмѣстѣ съ примиреніемъ поэта преимущественно въ природѣ. Даже въ языкѣ, въ отдѣльныхъ образахъ можно найти соотвѣтствіе «Пѣсни» съ другими произведеніями Лермонтова. Можно замѣтить даже неточность противъ обычаевъ русской старины, сохранившихся и въ современномъ народномъ быту, въ изображеніи Лермонтова замужней женщины:

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Въ день свадьбы, какъ извѣстно, косу русую расплетали у дѣвицы, и замужняя она уже не могла красоваться русой косой—почему въ свадебныхъ пѣсняхъ и встрѣчаются мотивы оплакиванья косы—дѣвичьей красы.

Изъ этой неточности нельзя однако выводить заключенія о томъ, что Лермонтовъ создавалъ свою «Пѣсню» только на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ или на основаніи своего личнаго настроенія. Несомнѣнно, что ему была знакома и бытовая жизнь русскаго народа и его различныхъ слоевъ, кромѣ высшаго свѣтскаго общества, въ которомъ онъ, по преимуществу, вращался, какъ мы знаемъ изъ его біографіи. Такъ, напримѣръ, хотя бы въ изображеніи кулачнаго боя—этой распространенной въ прошломъ русской національной потѣхи—Лермонтовъ могъ слѣдовать и личнымъ впечатлѣніямъ, какъ въ селѣ Тарханахъ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ выходили на кулачный бой охотники изъ купцовъ и даже изъ господъ. Точно такъ же Лермонтовъ могъ знать и жизнь купечества съ ея старозавѣтными обычаями, какъ она долго сохранялась въ московскомъ Замоскорѣчьѣ.

Въ 1837 году, нѣсколько ранѣе «Пѣсни» о Калашниковѣ, появилось въ печати «Бородино» Лермонтова. Стихотвореніе написано безъ народнаго размѣра, въ томъ же стилѣ, какъ и ранній набросокъ «Поле Бородина» 1830 года. Но какая громадная разница между этимъ первоначальнымъ наброскомъ и отдѣланнымъ произведеніемъ 1837 года, которое увеличено на семь куплетовъ; какое движеніе придано всей картинѣ Бородинскаго боя; какой народный колоритъ наложенъ на все произведеніе!

Неестественный, романическій образъ солдата-артиллериста превратился въ народнаго служиваго, въ дядю, съ рѣчью грубо-простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной эпическаго воодушевленія. Солдатъ первоначальнаго наброска, подобно героямъ Лермонтовскихъ поэмъ, заслушивался и «пѣсней непогоды», которая напоминала ему «пѣснь свободы», и видѣлъ мотивы своего геройства въ отчаяніи, въ мщеньи и выражался такимъ языкомъ, который по мѣстамъ болѣе подходитъ къ одѣ на побѣду, чѣмъ—къ представленіямъ и рѣчи солдата:

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь...
Я спорилъ о могильной сѣни...
Скорѣй обманетъ глазъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

Все это въ стихотвореніи 1837 года отброшено поэтомъ. Теперь, въ эпоху созданія «Пѣсни о Калашниковѣ», Лермонтову не нужны были и тѣ эффектныя положенія, въ которыя онъ любилъ ставить своихъ героевъ въ юношескихъ произведеніяхъ. Ночь передъ битвой на полѣ Бородина представлялась Лермонтову въ 1830 году не иначе, какъ въ шумѣ бури, съ пѣснями непогоды; герой обращался къ товарищу, поднявъ голову съ лафета; послѣ битвы онъ «склонялъ голову на трупъ застывшій, какъ на ложе». Въ «Бородино» 1837 года ночь передъ рѣшительнымъ боемъ описывается какъ будто старымъ русскимъ лѣтописцемъ: «французъ ликовалъ до разсвѣта, но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый». Солдатъ-герой не выступаетъ теперь на первый планъ: онъ сливаетъ себя съ товарищами и выступаетъ только разъ, какъ артиллеристъ съ своей пушкой:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!

Безцвѣтность наброска—въ названіяхъ «вождя», «противника», въ отдѣльныхъ деталяхъ описанія боя—замѣнилась яркими, живыми и реальными образами. Вмѣсто «вождя» явился «полковникъ-хватъ, слуга царю, отецъ солдатамъ»; вмѣсто противника—«мусью французъ, басурманъ»; вмѣсто «отъ враговъ ударъ нежданный на батарею прилетѣлъ, громъ грянулъ, пуля смерти пронеслася изъ моего ружья» явились широкіе стремительные очерки боя:

Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй...
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала...

Прибавленъ еще и «русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой».

Одно выраженіе прежняго наброска: «на пушки конница летѣла», превратилось въ цѣлую военную картину, какъ будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Все промелькнуло передъ нами...
Носились знамена, какъ тѣни...
Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи.

Однако изъ первоначальнаго наброска Лермонтовъ удержалъ отдѣльныя мѣста съ нѣкоторыми измѣненіями:

«Ребята, не Москва ль за нами!
Умрите жъ подъ Москвой
(измѣнено: Умремте жъ подъ Москвой),
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали
(измѣнено: И умереть мы обѣщали)
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Боевыя сцены «Бородино», по живости изображенія военныхъ силъ и ихъ дѣйствій, не уступаютъ позднѣйшимъ военнымъ картинамъ, которыя Лермонтовъ, уже испытанный боевой офицеръ на Кавказѣ, рисуетъ въ «Валерикѣ 1840 года и въ «Спорѣ» 1841 года. Но въ «Валерикѣ», въ этомъ безыскусномъ разсказѣ, Лермонтовъ говоритъ о войнѣ, какъ ея участникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой въ «Севастопольскихъ очеркахъ», говоритъ съ «грустью тайной и сердечной». Въ «Бородино» и «Спорѣ» рисуются однѣ величественныя боевыя картины безъ всякой рефлексіи.

«Бородино» Лермонтова, явившееся черезъ 25 лѣтъ послѣ отечественной войны, было какъ будто юбилейнымъ патріотическимъ гимномъ великой годины. Много стихотвореній было посвящено Бородинскому бою до Лермонтова и послѣ него, много народныхъ пѣсенъ, преимущественно, солдатскихъ, казацкихъ и сочиненныхъ въ патріотическомъ духѣ, воспѣвало отечественную войну; но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ встать вровень съ «Бородино» Лермонтова. Напрасно бы мы стали искать подобныхъ описаній у поэта—участника въ этой войнѣ—представителя «могучаго, лихого племени», Дениса Давыдова. Его «Бородинское поле», какъ и извѣстное произведеніе Жуковскаго—«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», не свободно отъ ложноклассическихъ прикрасъ: мечей, перунова дыма и т. п., У Давыдова мы встрѣчаемъ только отдѣльныя мѣста, какъ будто напоминающія Лермонтова. Въ «Современной пѣснѣ» Давыдовъ говоритъ, очевидно, вспоминая отечественную войну:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!..
То былъ вѣкъ богатырей!

Въ стихотвореніи «Партизанъ» онъ тоже посвящаетъ нѣсколько строкъ Бородинскому бою:

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ.

А между тѣмъ Давыдовъ и въ жизни и въ поэзіи проявилъ необыкновенную отвагу и «жаръ рѣчей», по выраженію Пушкина. При всемъ томъ, Давыдову недоставало объективности, поэтической фантазіи, глубокой мысли и чувства, какія мы находимъ у Лермонтова. Давыдовъ самъ искренно опредѣлилъ свое отношеніе къ поэзіи:

Я не поэтъ,—я партизанъ, казакъ...
Пусть грянетъ Русь военною грозою—
Я въ этой пѣснѣ запѣвала.

Еще болѣе выигрываетъ «Бородино» Лермонтова при сопоставленіи съ такъ наз. народными пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ. Послѣ 1812 года въ журналахъ появилось много такъ называемыхъ народныхъ пѣсенъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣвцомъ-разсказчикомъ представлялся, какъ и у Лермонтова, отставной солдатъ. Но всѣ эти пѣсни, вошедшія затѣмъ въ пѣсенники, отличались ложнымъ тономъ, напыщеннымъ патріотизмомъ, побѣднымъ громомъ оружія и хвастливымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу; иногда къ грому оружія присоединялся и звонъ стакановъ, застольныхъ чашъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Лермонтова. Въ отношеніи поэта къ выведенному имъ разсказчику-ветерану видна любовь къ русскому солдату съ его героическимъ и вмѣстѣ смиренно-христіанскимъ настроеніемъ; въ отношеніи къ врагу выражается сдержанность и правдивая оцѣнка его силъ; и все стихотвореніе Лермонтова проникнуто не узкимъ патріотизмомъ, а широкимъ общерусскимъ чувствомъ, глубокой всенародной мыслью:

Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою...

Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Въ солдатскихъ и казацкихъ пѣсняхъ, относящихся къ отечественной войнѣ, мы встрѣчаемъ только слабыя черты, подходящія къ Лермонтовскому стихотворенію:

Подымался съ горъ туманъ, французъ силу забиралъ...
Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубравушка шумитъ,
Французъ съ арміей валитъ...
Ужъ какъ сталъ французъ палить,
Только дымъ-сажа валитъ,
Въ томъ ли во чаду
Красна солнца не видать...
И мы начали палить, только дымъ столбомъ валитъ,
Каково есть красно солнце, не видно во дыму...
Какъ зоренька занялась,
Вся силушка собралась:
Стали тѣла разбирать,
Своихъ русскихъ узнавать.
Много силушки побили
И конями потоптали.

При сравненіи этихъ немногихъ мотивовъ изъ военныхъ пѣсенъ съ стихотвореніемъ Лермонтова ярче выступаетъ эпическое воодушевленіе поэта и слабость позднѣйшей народной поэзіи. Мы видѣли, какъ много дали для творчества Лермонтова историческія пѣсни и пѣсни бытовыя. За пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ, нельзя признать такого вліянія. Въ «Бородино» поэтъ выходитъ на дорогу самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ. Этотъ путь указанъ еще Пушкинымъ въ его народно-бытовыхъ сюжетахъ, напр., въ стихотвореніи «Гусаръ», тонъ котораго отчасти отразился и на «Бородино» Лермонтова.

Въ 1840 году Лермонтовъ возвратился къ колыбельной пѣснѣ, которую пробовалъ удержать въ народной формѣ въ драмѣ «Мстиславъ Черный» и передѣлать въ «Балладѣ» 1830 года. Теперь въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ», какъ и въ «Бородино», Лермонтовъ самостоятельно разрабатываетъ тему въ народномъ стилѣ. Поэтъ не выходитъ изъ предѣловъ казачьяго быта; онъ остается въ кругу представленій своеобразной жизни, но согрѣваетъ эту картину общечеловѣческими отношеніями. Пѣсенка казачки надъ колыбелью будущаго богатыря и казака отличается простотой и трогательною нѣжностью. Какъ въ «Бородино» видна любовь поэта къ солдату, такъ въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ» видна любовь поэта къ дѣтямъ и сочувствіе къ глубокому материнскому чувству. Художественный образъ будущаго казака выдержанъ: его не удержатъ отъ бурнаго житья ни слезы матери ни ея тоска:

Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.

Эти горькія слезы матери невольно напоминаютъ прочувствованное стихотвореніе Некрасова:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ,
Святыя искреннія слезы,—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Лермонтова проникнуто и религіознымъ чувствомъ, благоговѣніе къ которому поэтъ уважалъ и въ народѣ и въ своемъ поэтическомъ настроеніи. Въ 1840 г., рисуя образъ симпатичной женщины изъ высшаго круга общества, сближая его черты съ природой и народомъ родины, Лермонтовъ восхищается и тѣмъ, что,

Слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надеждѣ на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

И «Бородино» и «Казачья колыбельная пѣсня» указываютъ на то, что Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы и глубоко сочувствовалъ «правдѣ народной», по выраженію Достоевскаго.

Еще послѣднее страшное признаніе этого сочувствія поэтъ оста-

вилъ въ стихотвореніи «Отчизна» 1841 г. Въ этотъ послѣдній годъ своей жизни Лермонтовъ «любовь къ отчизнѣ» стремится прикрѣпить не къ славѣ, не къ завѣтнымъ преданіямъ темной старины, а къ роднымъ полямъ, лѣсамъ, рѣкамъ и къ деревнямъ. Благосостояніе родины, выражающееся въ желтой нивѣ, въ полномъ гумнѣ, въ народномъ праздничномъ весельѣ, возбуждаетъ въ поэтѣ отрадное мечтаніе. Мечтаньямъ этимъ не суждено было развиться и выразиться въ творчествѣ Лермонтова. «Отчизна» была послѣднимъ «привѣтомъ поэта странѣ родной»:

... и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній.

Владиміровъ.

Картины природы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ болѣе широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу удовлетворить въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», или на коня, несущагося по синей безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвы,—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ-будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ «Измаилъ-Беѣ», картины въ родѣ слѣдующей:

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,

Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло,
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ, и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! волна не дремлетъ;
Пусть темнота кругомъ ее обнемлетъ—
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!..

или:

Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною...

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленной головой Леилы:

Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла...

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній,—все это высочайшія красоты поэзіи.

Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени—Александръ Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи—указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное положеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы. Гумбольдтъ говоритъ: «Если такъ наз. «описательная» поэзія, какъ отдѣльная и самостоятельная форма искусства, заслуживаетъ справедливаго порицанія, то это еще не значитъ, чтобы такое же порицаніе вызвали серьезныя старанія обобщать посредствомъ изобразительной силы поэтическаго слова результаты новѣйшаго, богатаго глубокимъ интересомъ изученія природы. Неужто мы пренебрежемъ средствомъ, которое можетъ намъ представить живую картину отдаленныхъ, другими изслѣдованныхъ, странъ, и даже доставить намъ часть того наслажденія, какое находимъ мы въ непосредственномъ созерцаніи природы? Метафора арабовъ, говорящихъ, что лучшее описаніе есть то, которое «превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе», полна смысла. Наше время страждетъ несчастною склонностью къ реторической, лишенной содержанія, прозѣ, къ пустотѣ такъ называемыхъ чувствительныхъ изліяній,—склонностью, обуявшею разумъ во многихъ странахъ достойныхъ путешественниковъ и естествоописателей. Изображенія природы, повторяю, могутъ оста-

ваться научно точными и вполнѣ опредѣленными, не теряя оживляющей ихъ силы воображенія».

Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ большую часть того, что эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени и чего такъ живо желаютъ. Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристической природой этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ какой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ.

Боденштедтъ.

Отличительныя свойства поэзіи Лермонтова,

Несмотря на свою безспорную способность къ объективному творчеству, какую Лермонтовъ доказалъ созданіемъ такихъ типовъ, какъ Максимъ Максимычъ и купецъ Калашниковъ, нашъ поэтъ во всей своей поэзіи былъ субъективнымъ лирикомъ, любившимъ облекать преимущественно свои личныя чувства въ символы или реальные образы. Его поэмы и романы не иное что, какъ мелкія лирическія стихотворенія, встáвленныя въ болѣе широкую рамку. Это легко можно провѣрить, сравнивъ по годамъ тѣ и другія. Очевидно, что внутренняя работа надъ самимъ собою была такъ сильна въ Лермонтовѣ и настолько поглощала его силы, что для объективнаго воспроизведенія жизни въ его душѣ не было мѣста, несмотря на богатство и широту его таланта. Внутренній процессъ самовоспитанія не былъ оконченъ, идеалы не установились, и потому всѣ стороны жизни, съ какими Лермонтову приходилось сталкиваться, имѣли для него цѣну только въ отношеніи къ нему самому, насколько онѣ помогали или мѣшали ему въ рѣшеніи занимавшихъ его вопросовъ. Обозрѣвая бѣгло всю литературную дѣятельность Лермонтова, мы въ правѣ сказать, что онъ всю жизнь былъ поэтомъ своихъ личныхъ чувствъ, отражалъ міръ въ самомъ себѣ и занятъ былъ анализомъ этого отраженія больше, чѣмъ предметами, которые его вызывали. Мы говоримъ это не въ упрекъ Лермонтову.

Каждый писатель всегда субъективенъ по-своему; но въ крупномъ писателѣ субъективность, даже въ узкомъ смыслѣ, не менѣе цѣнна, чѣмъ способность объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Крупный человѣкъ, а тѣмъ болѣе писатель, вполнѣ можетъ быть названъ фокусомъ, въ которомъ собраны лучи разрозненныхъ чувствъ и понятій, какими живетъ его эпоха. Присмотрѣться ближе къ этому фокусу и изслѣдовать его подробно такъ же интересно, какъ разсмотрѣть порознь каждый изъ лучей, въ немъ собранныхъ. Лермонтовъ облегчилъ намъ эту работу, чистосердечно раскрывъ передъ нами нѣкоторые тайные уголки своего сердца. Если онъ и не разобрался въ хитрыхъ сплетеніяхъ современной ему жизни, то онъ своей субъективной лирикой далъ

намъ понять, какъ задачи этой тревожной жизни отражались въ сильномъ и умномъ человѣкѣ того времени. Въ его стихахъ передъ нами правдивый разсказъ современника о пережитыхъ имъ волненіяхъ сердца и сомнѣніяхъ разсудка, о той болѣзни, которой страдалъ не онъ одинъ, но и многіе изъ его сверстниковъ.

Если, такимъ образомъ, стихи Лермонтова получаютъ значеніе историческаго матеріала, то такое же историческое значеніе остается за ихъ крупнѣйшимъ недостаткомъ.

Съ этимъ недостаткомъ мы давно уже знакомы—въ стихахъ Лермонтова нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ никакихъ установившихся убѣжденій; мысли и чувства набѣгаютъ на поэта, волнуютъ его до глубины души, вызываютъ въ немъ сильные художественные образы, но тотчасъ же смываются новой волной налетѣвшихъ сомнѣній. Прежніе боги падаютъ, изъ ихъ праха возстаютъ новые, которымъ также суждено стоять на пьедесталѣ недолго.

Мы желаемъ опредѣлить общественную роль писателя, его роль не какъ художника, а какъ дѣятеля, участника въ общемъ прогрессивномъ движеніи русской жизни. Для этой цѣли намъ не нужно знать, на какомъ году умеръ Лермонтовъ, какъ онъ жилъ въ тѣсномъ кругу личной и семейной жизни, какія препятствія встрѣчалъ онъ въ своемъ воспитаніи и развитіи. Для насъ важны исключительно его произведенія. Пусть недостатки ихъ обусловлены эпохой, и самъ поэтъ въ нихъ не виновенъ; намъ нужно взглянуть на эти произведенія и на личность поэта, какъ на орудія и на дѣятеля, которыми эпоха, въ свою очередь, могла воспользоваться для дальнѣйшей работы надъ занимавшими ее вопросами.

Что могла дать обществу поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная, оцѣнившая явленія жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности и вдобавокъ не установившаяся и противорѣчивая въ своихъ конечныхъ выводахъ?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ поэзіи Лермонтова совсѣмъ не было прогрессивнаго элемента. Въ ней не было ни постановки новыхъ важныхъ вопросовъ ни оригинальной перестановки старыхъ, не говоря уже ни о какомъ-нибудь удовлетворительномъ рѣшеніи. Если въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ, напр., въ вопросѣ о роли поэта въ обществѣ, Лермонтовъ и пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, то онъ все-таки не пришелъ ни къ какому окончательному выводу и выразилъ въ стихахъ одну только неудовлетворенность прежними рѣшеніями.

Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была «умнѣе» поэзіи Пушкина; но она была не «умнѣе», а только «тревожнѣе». Тревожное настроеніе Лермонтова было пережито Пушкинымъ значительно раньше. Это же настроеніе было перечувствовано и современниками Лермонтова и почти у всѣхъ разрѣшилось въ иныя настроенія, которыя больше, чѣмъ лермонтовское, имѣютъ право назваться прогрессивными. Въ техникѣ стиха Лермонтовъ также едва ли пошелъ дальше Пушкина.

Итакъ, въ чемъ же могла заключаться прогрессивная роль Лермонтова, если идеи, какими онъ жилъ, чувства и внѣшняя оболочка ихъ не представляли, повидимому, ничего особенно новаго?

Прогрессивная роль Лермонтова тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она была угадана Бѣлинскимъ еще при жизни автора, хотя критикъ не далъ ея подробнаго и полнаго опредѣленія; очевидно, ему самому была не вполнѣ ясна дѣятельность Лермонтова, какъ ясна была для него, напр., дѣятельность Гоголя. Бѣлинскій, въ порывѣ своихъ увлеченій нѣмецкой философіей и эстетикой, отнесся несимпатично къ тревожному настроенію поэта и такимъ образомъ чуть-чуть не просмотрѣлъ въ немъ самую прогрессивную его сторону. Бѣлинскій остановился, главнымъ образомъ, на художественной сторонѣ произведеній Лермонтова и разсматривалъ его настроеніе преимущественно съ этой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуялъ, что въ поэзіи Лермонтова, кромѣ художественной, была еще и другая сторона, и на нее-то онъ намекалъ, когда говорилъ, что эта поэзія была «умнѣе» поэзіи Пушкина, что Лермонтовъ «удовлетворялъ вкусамъ болѣе развитого общества», что «онъ шелъ впередъ въ исторіи русскаго творчества».

Съ мнѣніемъ Бѣлинскаго согласилось и потомство. Хотя Лермонтовъ прямыхъ подражаній и не вызвалъ, но писатели позднѣйшихъ поколѣній, въ большинствѣ случаевъ, отнеслись къ нему очень симпатично. Особенно симпатично относилась къ нему молодежь, которая въ наше время стала усиленно имъ интересоваться. Все это показываетъ намъ ясно, что въ поэзіи Лермонтова было нѣчто такое, что приковывало къ себѣ сердца читателей, и не только современныхъ, но и позднѣйшихъ. Въ этой поэзіи было нѣчто «общее», всѣмъ родное, «общечеловѣческое» и гуманное.

Въ ней прежде всего былъ юношескій пылъ, живая, впередъ стремящаяся сила, которой у стариковъ не было. Романтическое недовольство современностью, поиски идеаловъ, увѣренность въ высокомъ призваніи, жажда великаго дѣла, тяжелая внутренняя борьба въ виду массы вновь возникающихъ вопросовъ, нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ, всѣ эти тревоги и надежды молодого сердца были въ поэзіи Лермонтова живой дѣйствительностью, а въ стихахъ старшаго поколѣнія лишь воспоминаніемъ. Такимъ образомъ поэзія Лермонтова, помимо своей умственной цѣнности, была для молодежи прежде всего «живая сила», а не «книжное наставленіе». Что же касается ея содержанія, то общественное значеніе для того времени опредѣляется тѣми его качествами, которыя съ другихъ точекъ зрѣнія должны быть признаны за недостатки и отъ которыхъ Лермонтовъ, останься онъ живъ, со временемъ бы, конечно, избавился. Мы говоримъ о тревожномъ неустановившемся настроеніи поэта, о поспѣшности, съ какой онъ набрасывался на всѣ вопросы жизни, объ его привычкѣ рѣшать эти вопросы съ плеча и затѣмъ сердиться на себя и на міръ за свое же собственное, слишкомъ поверхностное отношеніе къ задачамъ, требовавшимъ терпѣнія и подробнаго изученія. Эта нетерпѣливая, а потому противорѣчивая и тревожная разносторонность

поэзіи Лермонтова служила хорошимъ противовѣсомъ поэтическому квіетизму старой школы и носила въ себѣ зерно для будущаго развитія русской мысли. Поэзія Пушкина и его товарищей давно помирилась съ жизнью на почвѣ чистой эстетики; отъ современнаго она уходила въ прошедшее. Чтобы привести поэзію въ болѣе тѣсную связь съ новой дѣйствительностью, необходимо было нарушить ея спокойствіе, воскресить въ ней прежнюю лихорадочную нервную дѣятельность, пересадить ее изъ кабинета вновь на площадь и на время избавить ее отъ строгаго надзора слишкомъ требовательной художественности.

Когда поэзія обогащается новымъ матеріаломъ, то нельзя отъ нея требовать, чтобы она во всемъ соблюдала мѣру и нашла сразу подходящую форму этому новому содержанію. Поиски той формы и поспѣшность, съ какою новый матеріалъ усвоился, отразились ясно на содержаніи и на настроеніи стиховъ Лермонтова и стали залогомъ дальнѣйшаго развитія русской поэзіи.

Котляревскій.

Стиль Лермонтова.

«Когда я былъ трехъ лѣтъ,—записалъ поэтъ въ 1830 г.,—то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ее не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бы услышалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать».

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
Но мнилось мнѣ, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ *памятный гласъ*...

повторяетъ онъ въ стихахъ. Эту пѣсню матери онъ опоэтизировалъ въ стихотвореніи «Ангелъ»; душѣ, слышавшей пѣсню о Богѣ великомъ, не могутъ замѣнить звуковъ небесъ скучныя пѣсни земли. Тѣмъ не менѣе къ скучнымъ пѣснямъ земли онъ жадно прислушивается и старается уловить въ нихъ отголоски завѣтной пѣсни:

Есть *слова*,—объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной...

. . . .

Есть *звуки*—значенье ничтожно,
И презрѣно гордой толпой,
Но ихъ позабыть невозможно:
Какъ жизнь, они слиты съ душой.

. . . .

Есть *рѣчи*—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

. . . .

Что за *звуки!* Неподвиженъ внемлю
Страннымъ звукамъ я;
Забываю вѣчность, небо, землю,
Самого себя...

Мцыри на всемъ протяженіи поэмы нѣсколько разъ «прислушивается»:

Я сѣлъ, и *вслушиваться* сталъ...

Всѣ героини Лермонтова,—почти безъ исключенія,—пѣвуньи: и Тамара, и грузинка изъ «Мцыри», и мать-казачка, и дѣвушка изъ Тамани, и даже невѣста Гаруна, о которой мы знаемъ только по ея пѣснѣ. Всѣ герои Лермонтова—очень чувствительны къ пѣснямъ: Мцыри все помнитъ простую пѣсню грузинки и пѣсню рыбки и, умирая, хочетъ услышать «родной звукъ» со скалъ Кавказа; Демонъ дважды поддается неотразимому обаянію пѣсни Тамары; Печоринъ отъ слова до слова запоминаетъ пѣсню контрабандистки, и пѣсня Бэлы имѣетъ для него рѣшающее значеніе. Подъ звуки пѣсенъ ангела душа приходитъ въ міръ, а душа Тамары, возвращаясь на небо, слышитъ доносящіеся издалека «звуки рая». И жизнь, и вѣчность—сплошная пѣсня.

Лермонтовъ не всегда передаетъ содержаніе пѣсни: оно ему не такъ важно, какъ обаяніе, производимое ею.

Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла...

О напѣвахъ сосѣда по заключенію онъ говоритъ:

О чемъ они,—не знаю,—но тоской
Исполнена...

О пѣснѣ Тамары:

И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.

Въ дѣтствѣ Лермонтовъ плакалъ отъ пѣсни матери,—и мать, вѣроятно, осушала слезы ребенка поцѣлуями. Звуки въ поэзіи Лермонтова ассоціируются всегда со слезами и поцѣлуями:

и *звуки* чередой,
Какъ слезы тихо льются, льются

. . . .

и *слезы* изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются

. . . .

И *звуки* тѣ лились, лились,
Какъ *слезы* льются другъ за другомъ...

. . . .

Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ,
Твой *голосъ* молодой.

. . . .

Она *поетъ*,—и *звуки* таютъ,
Какъ *поцѣлуи* на устахъ..

А такъ какъ вся жизнь—пѣсня, то она измѣряется поцѣлуями и слезами («поцѣлуями прежде считалъ я счастливую жизнь свою... и слезами когда-то считалъ...»). Пѣсня напоминаетъ ему

о небѣ и тѣмъ самымъ становится молитвой: нѣсколько молитвъ оставилъ намъ Лермонтовъ, и молитва стала у него элементомъ сравненія: «Тихо было все на небѣ и землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней *молитвы*». «Воздухъ такъ чистъ, какъ *молитва* ребенка...» И отсюда—любовь Лермонтова къ сравненіямъ матеріальнаго съ нематеріальнымъ: воздухъ свѣжъ и чистъ, «какъ поцѣлуй *ребенка*», красавица прекрасна, «какъ мечтанье *ребенка* подъ свѣтиломъ южныхъ странъ», голосъ—«сладкій, какъ мечта», горные хребты «невѣрны, странны, какъ мечты», «причудливые, какъ мечты», звѣзды, «ясны, какъ счастье *ребенка*». Во многихъ сравненіяхъ и метафорахъ фигурируетъ *ребенокъ*: онъ дорогъ Лермонтову, потому что онъ еще слышитъ «звуки небесъ», еще не забылъ ихъ.

Летаютъ сны-мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы-хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Другой образъ, поразившій Лермонтова въ дѣтствѣ и также во многомъ повліявшій на его стиль,—было *облако*. Въ томъ же 1830 г. встрѣчаемъ замѣтку: Я помню одинъ сонъ; когда я былъ еще 8 лѣтъ, онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ ѣхалъ въ грозу куда-то: и помню облако, которое, небольшое, какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща, быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ-будто вижу».

Облако это, дѣйствительно, всегда было живо въ воображеніи Лермонтова: облаками, тучками, дымами, дымками и туманами онъ наполнилъ свои поэмы до такой степени, что приводить эти мѣста нѣтъ возможности да и надобности: они на виду. Но эти облака не дѣлаютъ его поэзію туманной: они не закрываютъ солнца и ночныхъ свѣтилъ, всегда яркихъ у Лермонтова; эти облака, дымы и туманы—неуловимы, они кочуютъ, ночуютъ въ ущельяхъ; это даже не облака, а «отрывки тучи громовой»; они исчезаютъ безъ слѣда, улетаютъ, «по лазури весело играя», и не отнимаютъ у картины яркихъ солнечныхъ красокъ. Вотъ почему поэтъ любитъ сравнивать человѣческія дѣла и мнѣнія, дѣтскіе сны съ безслѣдно исчезающими облаками. Тучки и облака для Лермонтова стали символомъ свободы, безпечности, а также безпріютности; поэтому онъ и сочувствуетъ, и завидуетъ имъ, что и выражено имъ въ стихотвореніи «Тучи» и въ пѣснѣ Демона «На воздушномъ океанѣ». Но они же стали для Лермонтова могучимъ изобразительнымъ средствомъ: благодаря имъ, ландшафтъ Лермонтова пріобрѣтаетъ специфическій характеръ; изображая горы, онъ усѣиваетъ ихъ тучками, ночующими на груди утесовъ и въ ущельяхъ, употребляетъ оригинальное, часто повторяющееся, выраженіе у Лермонтова *горы курятся*; это выраженіе онъ примѣняетъ широко: «вдали аулъ куриться началъ» («Мцыри»); «синѣющій дымокъ курится въ глубинѣ долины», курятся алтари, кадильницы, сакли, дымится село, спаленная жнива, рана, дымится ущелье, клубятся туманы. Если Лермонтовъ съ дѣтства пристра-

стился къ облакамъ, то кавказскія горы дали ему въ этомъ отношеніи богатѣйшій матеріалъ для наблюденія: въ «Героѣ нашего времени» онъ признается, какъ долго-долго всматривался въ ихъ причудливые образы. Изучая ландшафты Лермонтова, приходимъ къ заключенію, что облака играютъ въ нихъ огромную роль. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ всегда изображаетъ ихъ въ движеніи. Удалите ихъ съ картины,—и получится величественный, но застывшій, неподвижный ландшафтъ. Облака у Лермонтова не мѣшаютъ освѣщенію, но придаютъ картинѣ движеніе и жизнь. Они у него кочуютъ, несутся, ходятъ, мчатся, провожаютъ Терекъ, спѣшатъ толпой на поклоненье, обнимаются, свиваются, направляютъ бѣгъ къ востоку,—и, благодаря имъ, ландшафтъ живетъ.

Наблюдая медленныя ползучія движенія облаковъ, поэтъ не разъ сравниваетъ ихъ съ змѣями.

> Ползутъ, *какъ змѣи,* облака («Хаджи-Абрекъ»).
>
> ...Обнявшись, свившись, будто кучка *змѣй*... («Сашка»).
>
> ...Туманы, клубясь и извиваясь, *какъ змѣи,*
> ...кругомъ его вились и ползали, *какъ змѣи,* сѣрые клочки облаковъ... («Бэла»).

Благодаря этой ассоціаціи, Лермонтовъ переводитъ взглядъ на *змѣю* и начинаетъ ее упорно наблюдать: онъ наблюдаетъ ея движенія, медленныя, осторожныя и прихотливыя, и ея хитрую неподвижность. Образъ осторожно рѣзвящейся и потомъ неподвижно лежащей змѣи Лермонтовъ тщательно вырисовываетъ и повторяетъ свой рисунокъ 4 раза, сохраняя всѣ детали и выраженія и только совершенствуя ихъ; такія торжественныя описанія встрѣчаются въ поэмахъ: «Аулъ Бастунджи» (ст. 51—6), «Измаилъ-Бей» (ст. 416—425), «Мцыри» (ст. 618—629) и, наконецъ, въ «Демонѣ»:

> И осторожная змѣя
> Изъ темной щели выползаетъ,
> На плиту стараго крыльца.
> То вдругъ совьется въ три кольца,
> То ляжетъ длинной полосою,
> И блещетъ, какъ булатный мечъ,
> Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
> Ненужный падшему герою... (Ст. 1098—1105.)

И змѣя становится однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ Лермонтовскаго сравненія: съ движеніями змѣи, какъ мы видѣли, сравниваются облака; змѣиную натуру поэтъ не разъ приписываетъ женщинамъ («она ускользнетъ, какъ *змѣя*...», «твоя измѣна черная, понятна мнѣ, *змѣя*!..», «ея *змѣиная* натура выдержала эту пытку...»); съ блестящей чешуею змѣи сравнивается въ «Героѣ нашего времени» Арагва; но чаще всего съ змѣею сравнивается грусть, печаль, горе, воспоминаніе.

> Въ моей
> Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй. («Аулъ Бастунджи».)

И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася, какъ *змѣй*... («Демонъ».)

(печаль)... ластится, какъ *змѣй*. («Демонъ».)

И какъ *змѣю*, мы топчемъ горе... («Морякъ».)

Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая *змѣя*. («Сашка».)

Подъ вліяніемъ этихъ сравненій *змѣя* у Лермонтова постепенно становится *символомъ грусти*; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить появленія большихъ описаній змѣи, почти тождественныхъ, въ поэмахъ «Демонъ» и «Мцыри»: въ обоихъ мѣстахъ змѣѣ удѣлено слишкомъ много вниманія сравнительно съ другими деталями ландшафта,—она выдѣлена и подчеркнута поэтомъ; и оба раза она появляется у Лермонтова послѣ того, какъ герои поэмъ простились со своими надеждами и мечтами, какъ бы для того, чтобы оттѣнить ихъ грусть. Во всѣхъ четырехъ вышеуказанныхъ случаяхъ описанія змѣи у Лермонтова неизмѣнно повторяется ея сравненіе съ мечомъ или клинкомъ, или копьемъ: *змѣя лежитъ неподвижно и блеститъ, какъ мечъ*. До сихъ поръ мы имѣли дѣло со слуховыми и моторными образами Лермонтова. Но змѣя—образъ моторный—становится въ послѣднемъ сравненіи образомъ зрительнымъ. *Кинжалъ*—для Лермонтова «товарищъ свѣтлый и холодный», символъ твердости, вѣрности и силы, что опредѣленно выражено въ стихотвореніяхъ «Кинжалъ» и «Поэтъ». Съ кинжаломъ Лермонтовъ любитъ сравнивать глаза:

И черные *глаза*, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ *сталь* твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали. («Кинжалъ».)

И блистали,
Какъ лезвее кровавой *стали*,
Глаза его... («Измаилъ-бей».)

Таковъ былъ и взоръ демона:

Передъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ *кинжалъ*.

То же говорится и о глазахъ Печорина: «То былъ блескъ, подобный блеску гладкой *стали*, ослѣпительный, но холодный...» («Герой нашего времени», т. IV, стран. 189). А вотъ двоякое сравненіе съ кинжаломъ голоса и взгляда:

За *звукъ* одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый *взглядъ*,
Я радъ отдать красавца сѣчи,—
Грузинскій мой *булатъ*...
И онъ порою сладко блещетъ...
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ,
И въ сердцѣ кровь кипитъ...

Здѣсь мы вступаемъ въ богатый міръ зрительныхъ образовъ Лермонтова. Его воображеніе очень красочно, онъ любитъ яркій тропическій свѣтъ и не признаетъ полутоновъ сѣвера. Тучи у него никогда не закрываютъ солнца, а если закроютъ, то кисть поэта нѣмѣетъ. Замѣчательно, что онъ, такъ много разъ заявлявшій о своемъ родствѣ съ бурей, не умѣетъ описывать грозы. Въ поэмѣ «Мцыри» онъ отдѣлывается общими эпитетами при описаніи грозы:

И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,—
Я убѣжалъ. О, я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молніи ловилъ!

Вмѣсто образовъ грозы—только передача впечатлѣнія, которое она произвела на монаховъ и на Мцыри. И въ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ счастливо избѣжалъ описанія грозы, описавъ только предгрозье и отдѣлавшись упоминаніемъ, что гроза прошла, пока Печоринъ и Вѣра были въ гротѣ. Гораздо охотнѣе Лермонтовъ описываетъ вьюгу, снѣжную метель, но опять-таки красокъ у него для нея нѣтъ, и онъ передаетъ ее звуками: всѣ метели у Лермонтова особенно пѣвучи и часто поютъ подъ аккомпаниментъ колокола. Мы слышимъ ихъ, но мы ихъ не видимъ. Вотъ примѣры:

Какъ попъ, когда онъ гробъ несетъ,
Такъ *пѣснь метелица поетъ*,
Играетъ... («Русская пѣсня».)

Метель шумитъ, и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой прорвавшися, гудитъ:
То отголосокъ похоронъ...
. . . .

Въ «Демонѣ» описывается храмъ

На высотѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только *вьюги слышно пѣнье*...
. . . .
И тамъ *метель* дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню *долгую* заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ...

Въ «Пѣснѣ про купца Калашникова»:

Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ *метелица, распѣваючи*...

Въ «Героѣ нашего времени»:

«...мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе *напѣвы были* печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, из-

гнанница“,—думалъ я,—плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ!»

Красокъ здѣсь нѣтъ: только напѣвы. Но при блескѣ солнца Лермонтовъ беретъ кисть живописца, и передъ нами является то «голубое и свѣжее утро», то «румяный вечеръ», то полдня сладострастный зной», превращающiйся иногда въ «огонь безжалостнаго дня». Своихъ свѣтовыхъ эффектовъ Лермонтовъ достигаетъ тѣмъ, что, не ограничиваясь свѣтотѣнью, онъ подмѣчаетъ въ озаренной солнцемъ природѣ милліоны блесковъ отраженнаго свѣта: когда свѣтитъ солнце, блещутъ горы, блещутъ рѣки, потоки и ключи, сверкаетъ каждая росинка. «Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей!...»—говоритъ онъ въ «Героѣ нашего времени»,—и это вѣрно: изображая большой ландшафтъ, онъ всматривается въ каждую росинку: какъ елку, онъ зажигаетъ всю природу безчисленными огнями; онъ видитъ всюду золото, серебро, алмазы, жемчугъ, перлы, изумрудъ, кораллы... Потоки и горы *золотятся*, Арагва и Кура обвиваютъ подошвы острововъ каймой нхъ *серебра*, кусты осыпаютъ всадниковъ *серебрянымъ* дождемъ, Казбекъ сіяетъ, какъ грань *алмаза*, снѣга горятъ, какъ *алмазъ*, роса у него всегда *жемчужная*, блистаетъ райскимъ *жемчугомъ*, тучки несутся цѣпью *жемчужною*, бросаютъ жемчугъ на листы, брызги горятъ, какъ *жемчугъ*, Тегеранъ дремлетъ у *жемчужнаго* фонтана, пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ, листья чинары изумрудные, плющъ обовьетъ крестъ своею сѣткой *изумрудной*, потокъ блещетъ то бахромой *перловой* то *изумрудною* каймой, даже слова нижутся, *какъ жемчугъ*; ручьи бѣгутъ по дну изъ камней *разноцвѣтныхъ*, гроздья—*серегъ подобье дорогихъ*; волна несется *серебромъ и жемчугами*. Росинки онъ сравниваетъ часто со слезами и звѣздами; со звѣздами же онъ сравниваетъ и глаза; отсюда тѣ же эпитеты и метафоры при изображеніи слезъ и глазъ. Слеза у Лермонтова—«*алмазъ* любви, печали сынъ», «*перлъ* между рѣсницъ»; взоръ покрывается влагою *жемчужной*... *Звѣзды ярки, какъ очи, и очи—какъ звѣзды*. И очи у Лермонтова всегда—сверкаютъ, какъ и все сверкаетъ: сверкаютъ глаза Бэлы, «чудесно сверкали» глаза княжны Мери и, наконецъ, въ «Трехъ пальмахъ»:

Мотались, висѣли межъ твердыхъ горбовъ,
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...

Лунные эффекты у Лермонтова рѣже и однообразнѣе, хотя отрокомъ онъ пѣвалъ гимны лунѣ. Зато изображеніе звѣздъ задушевнѣе и символичнѣе: онѣ говорятъ другъ съ дружкой, слушаютъ, лучами радостно играя, радуются, манятъ; съ звѣздами онъ сравниваетъ мечты, проходящія въ душѣ Демона; подобно тучкамъ, звѣзды кочуютъ, тихо плаваютъ въ туманѣ и являютъ образъ безпечности и безучастія къ земному. Звѣздъ очень много

въ стихахъ Лермонтова. Въ ночномъ мракѣ онъ любитъ «встрѣчать по сторонамъ... дрожащіе огни...» («сквозь туманъ полуночи блисталъ огонекъ золотой...», «въ знакомой скалѣ огонекъ то трепеталъ, то снова гасъ...», «мелькала въ окнахъ кельи лампада схимницы младой...»). Ландшафты Лермонтова пріобрѣтаютъ *пластичность,* благодаря осязательнымъ ощущеніямъ, которыя они вызываютъ: твердые горбы верблюдовъ и узорныя полы, нѣжная пѣснь русалки и крутые берега, нѣжныя тучки и отроги горъ. Кромѣ того, онъ передаетъ ощущенія зноя и холода, жара и свѣжести, запаховъ и общаго органическаго состоянія. «Странникъ усталый изъ чуждой земли *пылающей грудью ко влагѣ студеной...»*; «лишь только я съ крутыхъ высотъ спустился, *свѣжесть горныхъ водъ повѣяла навстрѣчу мнѣ...»*; «вотъ *сыростью холодною* съ востока понесло...»; «дохнули сонные цвѣты...»; «сады благоуханіемъ наполнились живымъ...»; «нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ...»; «сліяніе первой теплоты его (солнечныхъ) лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе...»; «...воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ...»

Эта способность передавать словами органическія ощущенія проявилась съ особенной силой въ поэмѣ «Мцыри», гдѣ изображается голодъ, жажда, изнеможеніе, жаръ и болѣзнь.

Ландшафты Лермонтова ярки, многозвучны, подвижны, пластичны, дышутъ и вѣютъ. Эти черты какъ бы соединились въ картинѣ Грузіи:

Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко бѣгущіе ручьи,
По дну ихъ *камней разноцвѣтныхъ,*
И кучи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ,
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ *развѣсистыя сѣни,*
Густымъ вѣнчанныя *плющомъ,*
Пещеры, гдѣ *палящимъ* днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой...

Здѣсь слиты воедино краски, звуки, движенія, запахи и дыханія.

Лермонтовъ—импрессіонистъ. Освѣщеніе у него играетъ не

послѣднюю роль. Онъ умѣетъ подобрать его такъ, чтобы оно оттѣняло настроеніе. Въ первоначальныхъ редакціяхъ «Демона» господствуетъ утренній колоритъ; когда же въ воображеніи поэта образъ Демона сложился отчетливѣе, и онъ сталъ «похожъ на вечеръ ясный», утренній колоритъ въ послѣдней редакціи замѣнился вечернимъ: вся поэма залита алымъ пурпуромъ заката, съ которымъ въ концѣ поэмы сравнивается улыбка, застывшая на мертвомъ лицѣ Тамары. Обратное этому явленіе произошло съ поэмой «Мцыри»: въ ея первоначальномъ набросκѣ («Исповѣдь») дѣйствіе происходитъ вечеромъ («День гасъ...»); въ окончательной редакціи господствуетъ утренній колоритъ, болѣе соотвѣтствующій юношескому облику Мцыри; закатъ же умышленно устраненъ—Мцыри его не наблюдаетъ. Отчаяніе Печорина въ степи, гдѣ онъ потерялъ коня, опять оттѣнено блескомъ заката. Иногда поэтъ противополагаетъ освѣщеніе настроенію: «Княжна Мери» начинается съ описанія свѣтлой природы, заканчивающагося вопросомъ: «Зачѣмъ тутъ страсти, желанія сожалѣнія?... Когда Печоринъ ѣдетъ на дуэль—убивать Грушницкаго, дается великолѣпное описаніе утра. Въ стихотвореніи «Выхожу одинъ я на дорогу» торжественная гармонія природы противопоставлена внутренней тревогѣ поэта. Кровавому сраженію при Валерикѣ противопоставлена величавая картина горъ, приводящая къ знаменитому вопросу:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?...

Лермонтовъ—символистъ. Своими образами, тщательно разработанными и многократно повторенными, онъ пользуется, какъ символами. Въ поэмахъ «Мцыри» и «Демонъ» нѣтъ почти образовъ, которые бы не были поэтомъ разработаны предварительно; но эти привычные образы нашли здѣсь символическое примѣчаніе. Вершины кавказскихъ горъ, которыя Мцыри видитъ все время, вѣчно манящія, вѣчно недостижимыя и прекрасныя,—символъ вѣчно далекаго и вѣчно дорогого идеала; грузинка, лѣсъ барсъ,—это тѣ препятствія, которыя задерживаютъ человѣка въ его стремленіи къ идеалу и на которыя онъ растрачиваетъ всѣ свои силы; змѣя—символъ безкрылой грусти, овладѣвающей человѣкомъ въ сознаніи безсилья. «Мцыри»—поэма по преимуществу символическая, но черты символизма встрѣчаются и въ «Демонѣ»; *звѣзды* здѣсь символизируютъ мечты и воспоминанія о недостижимомъ раѣ: демонъ вспоминаетъ, какъ онъ слѣдилъ «кочующіе караваны въ пространствѣ брошенныхъ *свѣтилъ»;* первое ощущеніе его послѣ паденія—эти *свѣтила* перестали узнавать его, «прежняго собрата»; мечты о прежнемъ счастьѣ катятся предъ нимъ «какъ *за звѣздой звѣзда»;* Тамарѣ онъ говоритъ *о звѣздахъ* и сіяетъ передъ нею «тихо, какъ *звѣзда*». Но двѣ эти поэмы, столь характерныя для лермонтовскаго стиля, являются уже завершеніемъ той экзотической манеры, которую усвоилъ себѣ поэтъ и къ которой, повидимому, онъ не намѣренъ былъ возвращаться. По крайней мѣрѣ, на ряду съ этой манерой развивались два другихъ стиля: народный и реально-сатирическій. Лермонтовъ, какъ извѣстно, очень инте-

ресовался народной поэзіей. Попытки писать въ народномъ стилѣ встрѣчаются у него довольно рано. Изъ нихъ самая удачная—«Пѣсня» («что въ полѣ да пыль пылитъ»... 1830 г.). Въ томъ же духѣ написана «Пѣснь Ингелота» въ поэмѣ «Послѣдній сынъ вольности» (1830 г.). «Атаманъ» (1831 г.) и «Воля» (1831 г.). Завершеніемъ этихъ попытокъ является знаменитая «Пѣсня про царя Ивана Васильевича». Какъ ни искусно она сдѣлана, ея форма не могла быть плодотворной: больше ничего въ этомъ родѣ Лермонтовъ не создалъ и не создалъ бы, если бы жилъ. Но увлеченіе народнымъ стилемъ было необходимымъ этапомъ въ творчествѣ Лермонтова: народность служила противовѣсомъ экзотичности его кавказскихъ поэмъ. Проникновеніе народнымъ духомъ позволило ему вырисовать на фонѣ Кавказа русскую фигуру Максима Максимовича и обогатить свой языкъ народнымъ элементомъ. Набросокъ Лермонтова «Поле Бородина» еще чуждъ этого элемента; здѣсь есть такія выраженія: «братъ, слушай пѣсню непогоды, она дика, какъ пѣснь свободы!», «Душа отъ мщенія тряслася». Сравнимъ съ этой искусственной рѣчью русскую рѣчь окончательной редакціи «Бородина»:

Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить? Пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною!
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Такъ же по-русски написаны стихотворенія «Два великана», «Завѣщаніе», «Морская царевна» и др. Третій стиль Лермонтова—стиль реально-сатирическій, развивавшійся параллельно первымъ двумъ. Его эпиграммы, шутки, не совсѣмъ приличныя поэмы гвардейскаго подпрапорщика были первыми опытами въ этомъ родѣ. Этотъ стиль требовалъ не работы воображенія, а наблюдательности и остроумія. То и другое было у Лермонтова. Въ экзотическомъ стилѣ его учителемъ во многомъ былъ Байронъ, въ реально-сатирическомъ—Пушкинъ. И вотъ онъ написалъ Онѣгина размѣромъ съ «Казначейшу». Эта вещица болѣе интересна, какъ опытъ; стиль ея не вполнѣ выдержанъ—встрѣчаются еще романтическіе и экзотическіе образы (строфы 41—42); но здѣсь цѣлый рядъ стилистическихъ оборотовъ, рисующихъ въ нѣсколькихъ словахъ реальные образы. Кто не помнитъ такихъ выраженій, какъ: «весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ, дискантъ, усы и мутный взглядъ», «временъ новѣйшихъ Митрофанъ», «идеалъ дѣвицъ, одно изъ славныхъ русскихъ лицъ», свидѣтельствующихъ о большой силѣ наблюдательности. Этотъ стиль—еще одно завоеваніе Лермонтова, которое онъ используетъ, но на которомъ не остановится.

Изъ такихъ элементовъ создавался единый лермонтовскій стиль, которымъ онъ и началъ писать въ концѣ своей краткой жизни. Чрезвычайная образность экзотизма уравновѣсилась простотою и мѣткостью реализма и сдобрилась народнымъ элементомъ.

Въ результатѣ являлась та подкупающая высокоторжественная простота, которою отличаются послѣднія произведенія Лермонтова «Валерикъ» и «Сказка для дѣтей». Этотъ стиль такъ идеально простъ, что могъ бы казаться прозаическимъ, если бы не былъ такъ насыщенъ чувствомъ:

Во-первыхъ, потому, что много
И долго, долго васъ любилъ...

Это «во-первыхъ, потому» такъ прозаично, но сила чувствъ въ дальнѣйшемъ искупаетъ прозаизмъ, который становится трогательнымъ. Здѣсь поэтъ достигъ уже полной зрѣлости стиля и могъ писать, не прибѣгая къ фигурамъ и тропамъ и не боясь прозаизмовъ. Вырабатывался стиль классическій—лучшій въ русской литературѣ. Въ сравненіи съ нимъ—Пушкинъ архаиченъ, Тургеневъ—прозаиченъ, Толстой и Достоевскій—тяжелы, Гоголь—неправиленъ.

Къ этой простотѣ Лермонтовъ стремился сознательно, еще при жизни Пушкина, шагнувъ дальше его. Онъ почти совсѣмъ изгналъ изъ своего языка миѳологію, и у него мы не найдемъ ни музъ, ни Аполлоновъ, ни лиръ, которыя такъ неумѣстно звучатъ еще въ гражданскихъ стихахъ Некрасова. У него вы не встрѣтите ни сихъ, ни оныхъ, ни всякихъ архаизмовъ, которыхъ еще такъ много у Баратынскаго. Онъ самъ осуществлялъ свой завѣтъ:

Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти—голосъ благородный?

Простой языкъ мысли и благородный голосъ страстей дѣлаютъ прозу Лермонтова несравненной и непревзойденной донынѣ.

Усѣченныя имена прилагательныя стали невозможны въ русской поэзіи со времени Лермонтова: онъ ихъ вывелъ безъ слѣда. Конечно, если заглянуть въ наброски Лермонтова, можно много найти неправильностей языка, но если смотрѣть на результаты, то придется признать его языкъ въ высшей степени правильнымъ, (не придираясь къ стиху «Изъ пламя и свѣта»), и точнымъ, несмотря на то, что ступени надневскихъ дворцовъ у него купаются въ пѣнѣ водъ. Спеціалистъ по грамматикѣ найдетъ у Лермонтова много отступленій въ употребленіи формъ, но не спеціалистъ получитъ только впечатлѣніе живой человѣческой рѣчи.

Фишеръ.

Художественность поэтическихъ образовъ и картинъ въ произведеніяхъ Лермонтова.

Музыкальность, образность, картинность и вообще изобразительность языка и слога произведеній Лермонтова объясняются, между прочимъ, тѣмъ, что въ стилистическомъ отношеніи произведенія Лермонтова отличаются особенною художественностью

поэтическихъ образовъ и картинъ, выражающеюся въ слѣдующихъ пріемахъ, составляющихъ особенность слога произведеній поэта:

1. Въ постоянномъ и чрезвычайно удачномъ употребленіи *эпитетовъ*, содѣйствующихъ, какъ извѣстно, живому, наглядному представленію предметовъ, съ ихъ отличительными признаками. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе:
златоструйное вино, мрачныя, таинственныя пропасти, безпечный русакъ, холодныя вершины, друзья закадычные, ухарская замашка, свинцовыя слезы, брови черныя, очи зоркія, соколиныя, голубь сизокрылый, лихой конь, ворота тесовыя, косы русыя, ленты яркія, золотая казна, черное ущелье, голые камни, житье вольное, казацкое, буйная головушка, сабля острая, перстенекъ яхонтовый, правда истинная, песъ-ворчунъ, солнце красное, тучки синія, удалой боецъ, вѣтры буйные, голоса заливные, очи соколиныя, шумный градъ, темно-синія вершины горъ, желтый Нилъ, мѣсяцъ ясный, дымъ летучій и др.

2. Въ весьма частомъ и вполнѣ соотвѣтственномъ пользованіи разнаго рода живописными *сравненіями и уподобленіями.*

а) „Бѣлѣй, *чѣмъ горы снѣговыя*
Идутъ на западъ облака“
(Измаилъ-бей);

б) . . . . „Блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, *какъ свѣтлая роса*“
(Кавказскій плѣнникъ);

в) „Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ“
(Измаилъ-бей);

г) „И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у бреговъ“
(ibid.);

д) „*Какъ въ тучахъ зарево пожара,*
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился“
(ibid.);

е) „Ходитъ плавно—*будто лебедушка,*
Смотритъ сладко—*какъ голубушка,*
Молвитъ слово—*соловей поетъ*“
(Пѣсня про царя Ивана Василевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова);

ж) „И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегъ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали"

(Измаилъ-бей).

з) „И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь—минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей"

(1831 года, іюня 11);

и) „А внизу Арагва тянется серебряною нитью и сверкаетъ, *какъ змѣя своею чешуею"*

(Бэла);

к) „Пуглива, *какъ дикая серна"*

(ibid.);

л) „Казбичъ, *точно кошка*, карабкался на утесъ"

(ibid.);

м) „Золотыя облака громоздились на горахъ, *какъ новый рядъ воздушныхъ горъ"*

(Максимъ Максимычъ);

н) „Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ, ждетъ напоръ валовъ"

(Бояринъ Орша).

3. Въ употребленіи разнаго рода *троповъ и фигуръ*. Таковы, напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова:

А. Фигуры:

а) *Эллипсисъ:*

α) *„Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.*
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!"

(Бояринъ Орша);

β) *„Ты грустенъ—я грустна съ тобою"*

(Ангелъ смерти);

γ) „И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война"

(Измаилъ-бей);

. . . .

„Тамъ за добро—добро и кровь—за кровь"

(ibid.);

δ) *„Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,*
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку“

(Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова);

ε) *„Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,*
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной“

*(Къ * * *)*;

ζ) *„Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ“*

(Пророкъ);

η) *„Вдали вилась пыль—Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагезѣ“*

(Бэла);

ϑ) *„Мнѣ было не до нихъ,—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго капитана“*

(Максимъ Максимычъ).

б) *Фигура удержанія,* прерывающая начатую рѣчь до окончанія той или другой мысли:

α) „Но если ты, обманъ тая...
О! пощади!.. Какая слава!..
На что тебѣ душа моя?“

(Демонъ);

β) „Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ“

(Завѣщаніе).

в) *Фигура умолчанія,* представляющая, подъ вліяніемъ сильнаго чувства, пропускъ того или другого слова въ рѣчи:

α) „Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости навѣкъ!.. Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!... вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!..“

(Кавказскій плѣнникъ);

β) „Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью...;
Провожать тебя я выйду—ты махнешь рукой“... и т. д.

(Казачья колыбельная пѣсня);

γ) „Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!“

(Казбеку);

δ) „Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ, какъ по-ихнему“

(*Бэла*);

ε) „Такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... А ты?.. А вы?.. Сколько лѣтъ... Сколько дней... да куда это?..“

(*Максимъ Максимычъ*).

г) *Восклицаніе и вопрошеніе:*

α) „Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!“

(*Испанцы*);

β) „О судьба!
Земля и небо! вѣтры! бури! громъ!
Куда вы сына унесли?“

(*ibid.*);

γ) „Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!“

(*Казачья колыбельныя пѣсня*);

δ) „Что за оказія! А! Максимъ Максимычъ?.. Экая чудная коляска!“

(*Максимъ Максимычъ*);

ε) „Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! А вышиваетъ золотомъ—чудо!“

(*Бэла*);

д) *Обращеніе:*

α) „Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ,
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно,
Жду ль чего, жалѣю ли о чемъ?“

(*Выхожу одинъ я на дорогу*);

β) „Вы не слыхали?
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ, и трескъ разбитой стали“

(*Измаилъ-бей*);

γ) „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины“, и т. д.

(*Вѣтка Палестины*);

δ) „И ты, изгнанница,—думалъ я,—плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ!“

(*Бэла*);

е) *Единоначатіе:*

α) „Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ—
Все разомъ отразилось въ немъ“

(*Четвертый очеркъ Демона*);

β) *Клянусь* я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ;
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой;
Клянусь свиданіемъ съ тобой,
И вновь грозящею разлукой" и т. д.

(Демонъ);

γ) *Хочу* я съ небомъ примириться,
Хочу любить, *хочу* молиться,
Хочу я вѣровать добру"

(ibid.).

ж) *Усугубленіе.*

α) „По синимъ волнамъ океана
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Карабль одинокій *несется*,
Несется на всѣхъ парусахъ"

(Воздушный корабль);

β) „И снова онъ громко *зоветъ*:
Зоветъ онъ любезнаго сына"

(ibid.).

з) *Повтореніе:*

α) „*Слезы, слезы* потекли"

(Мцыри);

β) „А тамъ *высоко, высоко* золотая бахрома снѣговъ"

(Бэла);

γ) „А ужъ *ловокъ-то—ловокъ* былъ, какъ бѣсъ!"

(ibid.).

Б. Тропы:

а) *Метафора.*

„золотая *бахрома* снѣговъ (вершины горъ), *ползали струйки* облаковъ, мы *разсыпались* кто куда, *вьтви* колючки *рвали* мнѣ одежду, *сучья* карачага *били* меня по лицу, *сердце* мое *обливалось* кровью, *скакунъ* мой *призадумался, солнце пряталось, базаръ кипѣлъ* народомъ, *сверкала радость*" и т. п.

(Герой нашего времени).

Кромѣ того:

α) „Когда, какъ дымъ синѣя, *облака*
Надъ нами *вьются, шепчутся*, какъ тѣни"

(Измаилъ-бей);

β) „*Ночевала тучка* золотая
На груди утеса великана"

(Утесъ);

γ) „*Луна* по синимъ сводамъ *странствуетъ* одна"

(Измаилъ-бей);

δ) *„Лучъ ласкалъ, вѣтеръ сердито колыхалъ, пальма манитъ прохожаго главой“* и т. п.

(Вѣтка Палестины);

ε) *„Волнуется нива, при звукѣ вѣтерка, прячется слива, ландышъ привѣтливо киваетъ головой“* и т. п.

(Когда волнуется желтѣющая нива);

ζ) *„Пала тѣнь, носились знамена“* и т. п.

(Бородино);

η) *„Жизнь томитъ, не радуя, иссушили умъ, созданія искуства умъ не веселятъ, огонь кипитъ“* и т. п.

(Дума);

ϑ) „И *скалы* тѣсною толпою,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ *склонялись головой,*
Слѣдя мелькающія волны“

(Демонъ).

б) *Метонимія:*

α) „Они тогда еще не знали
Ни *золота* ни русской *стали*“

(Измаилъ-бей);

β) *„Въ меня всѣ ближніе мои бросали бѣшено каменья* (злоба и гнѣвъ); *посыпалъ пепломъ я главу“* (печаль) и т. п.

(Пророкъ);

γ) *„Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ, опять его сердце трепещетъ и очи пылаютъ огнемъ“* (извѣстное душевное состояніе) и т. п.

(Воздушный корабль);

δ) „Когда волнуется желтѣющая *нива*“ (хлѣбныя растенія) и т. п.

ε) *„Золото* купитъ четыре жены, *повѣсилъ голову“* (душевное настроеніе) и т. п.

(Бэла).

в) *Синекдоха:*

α) *„Французу отдана, звучалъ булатъ, рука бойцовъ колоть устала“* и т. п.

(Бородино);

β) *„Покорился человѣку, бедуинъ забылъ наѣзды“* и т. п.

(Споръ).

г) *Аллегорія.* Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи Лермонтова: *„Парусъ“* первые два стиха каждаго куплета описываютъ предметъ въ признакахъ, которые взяты поэтомъ для сравненія; слѣдующіе же два стиха представляютъ аллегорическій смыслъ первыхъ. Въ стихотвореніи: *„Три пальмы“*, *„Споръ“* аллегорія скрыта въ самомъ изображеніи предмета, взятаго изъ природы (Шатъ и Казбекъ, какъ самыя высокія горы Кавказа, являются въ стихотвореніи *„Споръ“* представителями всей окружающей страны и ведутъ между собою споръ о ея судьбѣ).

д) *Иронія:*

α) „Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры о русскіе штыки?“
(*Бородино*);

β) „Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества“
(*Герой нашего времени);*

е) *Гипербола.*

α) „Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...“
(*Мцыри*);

β) „*Въ минуту* жизни трудную“
(*Молитва*);

γ) „Такихъ двѣ жизни за одну
Я промѣнялъ бы“

или:

„И жизнь моя безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей“
(*Мцыри*).

Кромѣ того: „*разбилъ ружье вдребезги, пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ казалась гнѣздомъ ласточки, кровь лилась изъ раны ручьями, потъ градомъ катился съ лица его*“ и т. п.
(*Герой нашего времени*).

ж) *Олицетвореніе*, основанное на метафорическомъ сближеніи понятій. Такъ, въ поэмѣ *Мцыри* читаемъ:

„Не много лѣтъ тому назадъ
Тамъ, гдѣ, сливаяся, шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры“... и др.

Далѣе, въ стихотвореніи „*Споръ*“ встрѣчается олицетвореніе Казбека и Шата, содѣйствующее живости и ясности изображенія вообще.

4. Въ чрезвычайно искусномъ выборѣ *синонимическихъ словъ*, свидѣтельствующемъ о глубокомъ и вполнѣ основательномъ знаніи языка, а также и въ умѣніи соблюсти основныя требованія отъ поэтическаго и прозаическаго слога вообще, несмотря на употребленіе, напримѣръ, въ рѣчи разнаго рода *тавтологическихъ выраженій и параллелизмовъ*. Таковы, напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова:

А) *Синонимы и тавтологическія выраженія.*

„прикажи *казнить, рубить голову*, я скажу тебѣ *диво дивное, кличъ кликать, вольной волею, обручалися, золотыми кольцами мѣнялися,*

случилось—приключилось, по правдѣ—по совѣсти" и т. п. (*„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"*).

Б) *Параллелизмы:*

„Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!.."

(ibid.) и др.

5. Въ умѣніи пользоваться разнаго рода *описательными выраженіями* [1]) и сообщать слогу величавую красоту и, такъ сказать, яркую живопись, при которой рельефно выдаются самыя рѣзкія черты въ предметѣ и благодаря которой рѣчь Лермонтова съ замѣчательною наглядностью выражаетъ самыя быстрыя движенія мысли [2]). Вотъ почему, по словамъ поэта, въ произведеніяхъ Лермонтова дѣйствительно

„На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ вяжутся слова",

при чемъ поэтъ умѣетъ всегда подмѣтить и вѣрно дѣйствительности воспроизвести тѣ или другія явленія и наглядно изобразить самыя выразительныя свойства описываемаго предмета [3]), какъ объ этомъ, между прочимъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, слѣдующее описаніе Востока:

„Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ *сожжена,*
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;

Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ *желтый* Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ"

(Споръ).

6. Въ искусномъ сближеніи литературнаго слога съ разговорнымъ и чисто народнымъ, каковое сближеніе, между прочимъ, обнаруживается въ весьма удачномъ употребленіи *идіотизмовъ*, не поддающихся передачѣ на иностранный языкъ, и въ умѣломъ

---

[1]) Таковы, напримѣръ, слѣдующія: *не мочилъ усовъ, въ часъ полуденный, отвѣтъ держалъ ты по совѣсти* и т. п. (*„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого апричника и удалого купца Калашникова"*); *въ краю отцовъ, слезы не зналъ я никогда* и т. п. (*Мцыри*) и др.

[2]) Вотъ примѣръ подобнаго въ высшей степени нагляднаго изложенія быстро смѣняющихся мыслей:

Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно;
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
Эй вы, станичники, за нимъ!..
Что, раненъ?—Ничего, бездѣлка!..
И завязалась перестрѣлка.

(Валерикъ).

[3]) Такъ, напримѣръ, по справедливому замѣчанію Боденштедта, въ *„Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"* чувствуются *„поистинѣ гомеровская вѣрность, сила и простота"*.

пользованіи пріемами и вообще складомъ произведеній народной поэзіи [1]):

а) *„Я и самъ не свой, не добрый день задался ему, сила крестная! Чему быть суждено, то и сбудется, за что про что“* и т. п.

б) „Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Иль конь захромалъ, худо кованный?
Иль съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?“

и далѣе въ *„Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“* отвѣтъ Кирибѣевича на рѣчь царя Грознаго (стихомъ на стихъ).

7. Въ утонченно-наглядныхъ *описаніяхъ* природы [2]) и въ высшей степени вѣрномъ дѣйствительности изображеніи разнаго рода высоко-художественныхъ картинъ:

„Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры“ и т. д.

(Черкесы).

8. Въ чрезвычайно искусномъ вообще составленіи изящныхъ *періодовъ*, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть названы вполнѣ образцовыми. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій *послѣдовательный періодъ*, заключающій въ повышеніи три и въ пониженіи одинъ членъ:

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,

---

[1]) Ср. у Гоголя. См. повѣсть: *„Тарасъ Бульба“*, въ языкѣ которой особенно замѣчательны тѣ чисто эпическіе пріемы русскихъ народныхъ пѣсенъ, которые вообще составляютъ красоту изложенія въ названной повѣсти Гоголя. Таковы, напримѣръ, повторенія однѣхъ и тѣхъ же картинъ, придающія разсказу особенную силу и изобразительность, эпическое спокойствіе, важность и величавость рѣчи и т. п. черты народныхъ эпическихъ произведеній.

[2]) См., напримѣръ, описаніе Пятигорска, Кисловодска и той картины, которую поэтъ изобразилъ во время перевала чрезъ Гутъ-гору *(Герой нашего времени)*, а также описанія природы въ поэмѣ: *„Мцыри“, обличающія*, по словамъ Бѣлинскаго, *кисть великаго мастера и дышащія грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа* (Бѣлинскій, Сочиненія, т. IV, стр. 325).

Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

(Когда волнуется желтѣющая нива).

9. Въ особенной *силѣ, сжатости,* гдѣ это оказывается необходимымъ, *и быстротѣ рѣчи,* достигаемой, между прочимъ, и употребленіемъ стиховъ съ мужскими окончаніями, трехстопныхъ ямбовъ, хореевъ, а также любимаго размѣра поэта—амфибрахія (*„Три пальмы“*, *„Ангелъ“*, *„Воздушный корабль“* и др.) [1]).

10. Въ вѣрномъ взглядѣ на искусство, въ глубокомъ вкусѣ изящнаго и національно-художественномъ вообще направленіи поэзіи Лермонтова, а даже и въ разнообразіи идей, какъ качествахъ, отразившихся безспорно, на *сильномъ и выразительномъ языкѣ и слогѣ* произведеній поэта, звучный стихъ котораго,

„Какъ Божій духъ носился надъ толпою“

и котораго

„Отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“.

Таковы главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Лермонтова, общечеловѣческій интересъ поэзіи котораго, кромѣ художественной стороны, заключается, во-первыхъ, въ постоянномъ тяготѣніи поэта къ сверхъ-чувственному міру и въ отрицаніи вообще душевнаго покоя во имя вѣчнаго движенія впередъ и, во-вторыхъ, въ высоко-гуманномъ направленіи поэзіи, *„отвергавшей безотчетное поклоненіе старому, не позволявшей людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ, толкавшей ихъ впередъ, учившей ихъ строгому суду надъ самимъ собою и бывшей въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ вѣчнаго стремленія, т.-е. пророческимъ голосомъ, раздававшимся среди инертной, слабовольной и неразвитой массы“* [2]).

Истоминъ, В.

---

[1]) Замѣчанія о стихѣ Лермонтова, въ которомъ, вообще, такъ сказать, слились лучшія свойства стиховъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, именно: *плѣнительная сладость, пластичность* Батюшкова, *сила и изящество* стиховъ Пушкина.

[2]) См. соч. Н. Котляревскаго: *„Мих. Юр. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія“*. Опытъ историко-литературной оцѣнки. С.-Пб. 1891 г.

Лермонтовъ и Пушкинъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ романтизмъ отразился на нашей родной литературѣ. Я намѣренно говорю здѣсь «отразился», такъ какъ на нашей почвѣ романтизмъ, какъ извѣстно, не былъ самородкомъ. Его привезъ изъ-за границы Жуковскій; а что на первыхъ порахъ у насъ романтизмъ былъ вполнѣ иностраннымъ продуктомъ, это видно уже изъ того, что Жуковскій либо просто переводилъ чужія пьесы, либо перекладывалъ чужіе мотивы на русскій ладъ, какъ въ своихъ балладахъ «Свѣтлана» и «Громобой». Очень скоро, однако, какъ мы тотчасъ увидимъ, романтизмъ не только привился къ дереву русской литературы, онъ далъ на немъ очень своеобразные плоды.

Давно уже, со временъ Бѣлинскаго, установилось, какъ ходячая истина, такое представленіе о русской литературѣ, что до начала 20-хъ годовъ она была совершенно тепличнымъ растеніемъ вывезеннымъ изъ-за границы, и что національной она стала только съ Пушкина. Какимъ бы общимъ мѣстомъ ни сдѣлалось это положеніе, оно требуетъ все-таки нѣкоторой оговорки. Не только литература,—вся жизнь той части русскаго общества, которую можно было считать культурною, была, вплоть до Отечественной войны, снимкомъ съ иностранныхъ образцовъ. Немудрено, что содержаніе и формы нашей поэзіи заимствовались изъ-за границы въ такое время, когда оттуда выписывалось все, отъ платья и духовъ до обычаевъ и понятій. Искусство можетъ только тогда сдѣлаться національнымъ въ строгомъ смыслѣ, когда оно находитъ въ жизни общества родной, національный матеріалъ для обработки. До царствованія Александра или, точнѣе, до 1812 года вся русская общественная жизнь сосредоточивалась вокругъ двора, въ тѣсной сферѣ вельможной знати. Не только простой народъ, но и привилегированный классъ, провинціальное дворянство, принимало участіе въ жизни страны, такъ сказать, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ минуты войнъ и бѣдствій. Все прочее время оно оставалось неподвижнымъ и незамѣченнымъ, живя взаперти въ своихъ деревняхъ, не предъявляя къ искусству никакихъ требованій и не доставляя пищи его творчеству. Но если такъ, вся жизнь страны сосредоточивалась въ знати, то нравы и вкусы этой знати нельзя все-таки не считать русскими, національными, хотя бы они были навѣяны изъ-за границы. И въ томъ поворотѣ, какой совершился въ нашей литературѣ благодаря генію Пушкина, главнымъ факторомъ былъ все-таки не этотъ геній, а та новая, болѣе широкая общественная среда, которая выступила на сцену съ 1812 годомъ. Но хотя среда эта и была несравненно менѣе заражена маніею подражательности, чѣмъ вельможи Екатерининскаго вѣка, ея тоже коснулись иностранныя вліянія, и чужіе отголоски продолжали слышаться въ русской литературѣ не только во времена Пушкина, но и гораздо позже, почти до нашихъ дней.

1812-й годъ былъ моментъ пробужденія второго русскаго куль-

турнаго слоя, средняго дворянства, и двухлѣтняя заграничная война тотчасъ привела этотъ слой въ непосредственное прикосновеніе съ Западомъ романтики. Не какъ изящное произведеніе роскоши пришла къ намъ изъ Европы эта новая волна, а какъ просвѣтительное дуновеніе свободы. Не зачѣмъ объяснять, отчего наше провинціальное дворянство явилось на сцену исторіи не въ качествѣ привилегированнаго класса, защитника страны, а въ качествѣ класса оппозиціоннаго. Обстоятельство это между тѣмъ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы романтизма въ Россіи. Въ Россіи не было почвы для того возрожденія вѣковъ, для той идеализаціи страны, съ которой началъ романтизмъ Запада. Мы не прошли чрезъ кровавую революцію, подобно Франціи; насъ не топтали чужія войска, подобно Германіи. Сожалѣть намъ было не о чемъ, и, конечно,—ужъ не о нашихъ среднихъ вѣкахъ, блескомъ не отличавшихся. Національной независимости русскимъ не приходилось завоевывать вновь. Національное чувство могло быть вполнѣ удовлетворено: у насъ была своя родная эпопея,—эпопея пожара Москвы и взятія Парижа. Но мы вернулись домой не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость, и подражать мы стали не однѣмъ только модамъ. Немудрено, что мы привезли въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изо всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ.

Излюбленною темою романтизма былъ контрастъ между сильною личностью, между исключительнымъ характеромъ и заурядною толпой. Тема эта видоизмѣнялась, смотря по симпатіямъ и вѣрованіямъ каждаго изъ его представителей. Фантазія романтиковъ то рисовала предъ нами гигантскіе подвиги средневѣковаго богатыря, то свободную удаль сына восточной пустыни, то созданные ими герои уходили отъ ненавистнаго имъ общества, отыскивая убѣжище въ цыганскомъ таборѣ или разбойничьей шайкѣ, то, наконецъ, контрастъ принималъ еще болѣе грандіозные размѣры, и герои эти, въ лицѣ Каина, Манфреда или самого Духа тьмы, вызвали на бой вѣчныя небесныя силы. Все, такимъ образомъ, укладывалось въ широкія рамки этой тьмы—отъ прославленія далекаго прошлаго среднихъ вѣковъ до міровой скорби озлобленныхъ отщепенцевъ современности. Всѣ эти струны прозвучали и въ нашей литературѣ, но прозвучали несравненно трезвѣе или, если такъ можно выразиться, реальнѣе, чѣмъ на Западѣ. Рыцарство и католицизмъ, вся поэтическая декорація среднихъ вѣковъ была слишкомъ чужда нашей жизни, чтобы приковать къ себѣ воображеніе нашихъ поэтовъ. Въ первые годы своего творчества Пушкинъ заигралъ было на этой струнѣ, но заигралъ неувѣренно, почти неискренно и потомъ уже не возвращался къ этой темѣ. Лермонтовъ, находившійся гораздо болѣе Пушкина подъ обаяніемъ романтизма, искалъ пищи для своего вдохновенія въ нашемъ родномъ прошломъ и нашелъ въ немъ сперва блѣдную фигуру боярина Орши, потомъ мощный и вполнѣ реальный образъ купца Калашникова. Но наше родное

прошлое было слишкомъ бѣдно красками, чтобъ надолго плѣнить нашу поэзію. Гораздо сильнѣе и громче повторилось у насъ поклоненіе Востоку, благодаря тому, что у насъ имѣлся налицо свой подлинный Востокъ на Кавказѣ, богатый примѣрами настоящаго, а не сказочнаго только молодечества. Муза Пушкина отдала этому Востоку дань въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», а Лермонтовъ до конца жизни такъ и не вышелъ изъ-подъ обаянія кавказской природы и кавказскихъ нравовъ.

Титаническіе образы небесныхъ отступниковъ лишь слабо мерещились фантазіи Пушкина, и въ его «Каменномъ гостѣ», да и въ «Русалкѣ» тоже, фантастическій сюжетъ обработанъ съ несомнѣнною примѣсью скептическаго юмора. Зато Лермонтовъ посвятилъ свое лучшее произведеніе чарующему образу печальнаго изгнанника неба. Но изъ всѣхъ разнообразныхъ темъ романтической поэзіи всего больше мѣста нашла себѣ въ нашей литературѣ тема самая реальная и современная—протестъ противъ общества, борьба, происходящая въ самомъ этомъ обществѣ, передъ нашими глазами. Такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ наши романтики уходили въ даль прошлаго или носились съ образами полудикихъ горцевъ, ихъ творчество было несравненно ближе къ дѣйствительности, было конкретнѣе и реальнѣе творчества романтиковъ Запада. Мистицизмъ имъ былъ не по сердцу, ихъ воображенію грезились не фантастическіе, произвольные герои, какими были восточные удальцы Байрона, разбойники Виктора Гюго и Нодье, а настоящіе подлинные горцы или настоящіе московскіе удальцы XVI вѣка. И форма здѣсь вполнѣ отвѣчала содержанію. Нашъ романтизмъ—и въ этомъ его великое преимущество передъ западнымъ—никогда не страдалъ той бѣдностью и произвольностью красокъ въ описаніяхъ природы и быта, которую, за исключеніемъ одного лишь Байрона, мы подмѣтили у всѣхъ писателей первой эпохи западнаго романтизма. Даже такая фантастическая поэма, какъ «Демонъ», отличается поразительнымъ богатствомъ колорита, неподражаемымъ мастерствомъ въ рисовкѣ не только пейзажа вообще, но и пейзажа, такъ сказать, мѣстнаго и вдобавокъ оживленнаго деталями обстановки. О другихъ двухъ восточныхъ поэмахъ Лермонтова, о «Мцыри» и Измаилъ-Беѣ», и говорить нечего. Здѣсь эти детали разсыпаны повсюду, и не одна только природа,—весь бытъ Кавказа возстаетъ передъ нами съ необыкновенною рельефностью. Единственнымъ виднымъ исключеніемъ въ нашей литературѣ является одинъ писатель, замѣчательный не по силѣ таланта, а по той громадной, хоть и кратковременной, популярности, которой пользовались нѣкогда его романы. Писатель этотъ былъ Марлинскій, единственный у насъ правовѣрный романтикъ, не перестававшій рисовать образы средневѣковаго рыцаря и восточнаго удальца и подъ этими условными образами выводить на сцену жалкіе снимки съ Байроновскаго Корсара или съ Эрнани Виктора Гюго. Если бы весь нашъ романтизмъ послѣдовалъ примѣру Марлинскаго, онъ бы въ самомъ дѣлѣ былъ не чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ Запада, и

необыкновенный успѣхъ романовъ Марлинскаго могъ бы привести насъ къ предположенію, что такая подражательная литература нашла бы себѣ читателей и поклонниковъ. Но къ счастью нашему, и еще болѣе къ нашей чести, трезвый вкусъ русской публики недолго оставался вѣрнымъ Марлинскому. Его слава увяла быстро и не потому только, что ее сразили удары критики Бѣлинскаго, а потому въ особенности, что нашъ родной романтизмъ успѣлъ уже создать иные, вполнѣ національные образцы для поэмы и для романа, и русскій читатель сразу оцѣнилъ ихъ неизмѣримое превосходство надъ ходульнымъ романтизмомъ Марлинскаго. Какъ я уже сказалъ, наша родная романтика—и въ этомъ еще болѣе ярко выступаетъ ея реализмъ—очень скоро отбросила все далекое, все экзотическое, все сверхъестественное, чтобы заняться близкою современною жизнью и сюда перенести конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды. Таковы, въ самомъ дѣлѣ, два крупнѣйшія произведенія нашего романтизма—«Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени».

Байроновская міровая скорбь, переложенная Пушкинымъ на русскій ладъ, прошла въ его поэзіи черезъ три постепенныя фазы. Строго говоря, Пушкина нельзя, по крайней мѣрѣ цѣликомъ, причислить къ романтической школѣ. Онъ переросъ ее цѣлой головой. Въ самомъ дѣлѣ, романтизмъ прежде всего субъективенъ: это его главная, господствующая черта. А Пушкинъ, подобно Гёте, еще довольно молодымъ—онъ не дожилъ, вѣдь, и до 38 лѣтъ—возвысился до той ясной, спокойной, пластической объективности, какой достигали лишь немногіе художники. Правда, стремленіе перейти отъ субъективнаго ощущенія къ объективному творчеству, по преимуществу—дѣло возраста, но, во-первыхъ, иные очень маститые поэты, какъ, напр., Гюго, не смогли даже на склонѣ лѣтъ отрѣшиться отъ субъективности. Во-вторыхъ, у громаднаго большинства писателей и художниковъ это стремленіе либо осталось неудачнымъ, либо привело ихъ къ холодному, безучастному воспроизведенію жизни, то-есть въ сущности, къ упадку таланта. Что съ Пушкинымъ ничего подобнаго не случилось, объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенія его зрѣлаго періода: «Борисъ Годуновъ», «Мѣдный Всадникъ», «Скупой Рыцарь» и «Египетскія ночи», стоящія на одномъ уровнѣ съ поэзіей Шекспира и Гёте, т.-е. на той высотѣ, гдѣ уже не существуетъ литературныхъ школъ и гдѣ живетъ одна абсолютная красота, передъ которою преклоняются всѣ школы. Всѣ эти произведенія Пушкина стоятъ уже внѣ романтизма, и потому о нихъ я говорить здѣсь не стану. Возвратимся къ его произведеніямъ болѣе ранняго возраста. Я уже сказалъ, что байроновскій типъ вылился у Пушкина въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ, и ни въ одной изъ нихъ не нашли себѣ мѣста двѣ изъ наиболѣе излюбленныхъ фигуръ Байрона—дикое своеволіе, олицетворенное въ Корсарѣ, и демоническая сила, изображенная въ Манфредѣ и Каинѣ. Муза Пушкина была слишкомъ мирнаго, слишкомъ оптимистическаго свойства, чтобы плѣняться такими образами. Она, если можно такъ выразиться, была настроена на мажорный тонъ, и

это, мимоходомъ сказать,—единственное исключеніе въ числѣ русскихъ крупныхъ писателей. Даже въ ранніе годы его творчества, въ эпоху его «Sturm und Drang», байроновскій общественный изгой представлялся ему въ мягкомъ образѣ Чайльдъ-Гарольда, носящаго, правда, на сердцѣ неизлѣчимую рану, но вовсе не стремящагося къ борьбѣ съ кѣмъ бы то ни было и всегда проклинающаго общество лишь устами благовоспитаннаго человѣка. И позволительно думать, что у пушкинскихъ Чайльдъ-Гарольдовъ,—у кавказскаго плѣнника и крымскаго хана Гирея,—сама эта сердечная рана была не особенно болѣзненнаго свойства. Задумчивая грусть, скорбящее чувство одиночества—вотъ единственная форма ихъ протеста, и если женская любовь не въ силахъ ихъ утѣшить, это происходитъ не оттого, что сердце ихъ ожесточено враждою и негодованіемъ, а потому лишь, что подъ ихъ изящною скорбью лежитъ столь же изящный эгоизмъ, не чуждый, впрочемъ, и самому Чайльдъ-Гарольду.

Въ слѣдующей, второй стадіи своего развитія Пушкинъ какъ будто ступилъ шагомъ дальше на пути протеста. Герой «Цыганъ» Алеко уже не ограничивается джентльменскою грустью, онъ въ самомъ дѣлѣ уходитъ изъ «душныхъ городовъ» на свободное приволье цыганскаго табора, къ свободной любви дочери южныхъ степей. У него вырываются сильныя задушевныя слова, чтобы выразить негодованіе противъ растлѣвающей пустоты общества. Но здѣсь у меня рождается невольное сомнѣніе. Бѣлинскій, какъ извѣстно, повѣрилъ на слово Пушкину и идею «Цыганъ» объяснилъ себѣ въ такомъ смыслѣ, что житель столицы, испорченный условностью городскихъ нравовъ, не можетъ понять истинной свободы вольнаго кочевника и его всепрощающей гуманности, не мстящей за обиду и уважающей свободу и въ другомъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ, создавая въ образѣ Алеко байроновскій типъ общественнаго изгоя, отнесся къ этому типу критически и обнаружилъ его внутреннюю несостоятельность, его неизлѣчимый эгоизмъ. Я позволю себѣ пойти нѣсколько дальше Бѣлинскаго. Мнѣ сдается, что Пушкинъ, въ силу своей натуры, долженъ былъ не только развѣнчать Алеко, казнить въ немъ эгоизмъ и самовластіе, но вообще онъ ему сочувствовать не могъ,—не могъ сочувствовать бѣгству изъ душныхъ городовъ, гдѣ Пушкину вовсе не было душно. Говоря попросту, Пушкинъ не вѣрилъ своему Алеко, пышныя его фразы не принимались въ серьезъ. Въ его глазахъ Алеко долженъ былъ казаться личностью нѣсколько комическою, и вотъ почему въ концѣ-концовъ Пушкинъ заставляетъ его такъ жалко пасовать передъ старымъ цыганомъ, въ которомъ Пушкинъ не могъ же видѣть настоящій идеалъ общественности и свободы. Такимъ образомъ, въ «Цыганахъ» опять сказался здоровый реализмъ Пушкина, благодаря которому онъ въ своихъ переложеніяхъ романтическихъ темъ относился къ нимъ съ критикой трезваго русскаго ума.

Еще сильнѣе и рельефнѣе этотъ реализмъ Пушкина выразился въ третьей и послѣдней фазѣ его байронизма, къ которой я по-

зволю себѣ отнести «Полтаву» и «Евгенія Онѣгина». Въ его исторической эпопеѣ герой оказывается побѣжденнымъ великой національной идеей, олицетвореніемъ которой является Петръ, а въ эпопеѣ бытовой герой развѣнчивается во имя еще болѣе великой идеи,—идеи нравственнаго долга. Бѣлинскій, восхищаясь прелестью стиха «Полтавы» и чарующимъ образомъ Маріи, порицалъ тѣмъ не менѣе Пушкина за недостатокъ единства въ его поэмѣ и въ особенности за то, что избранный имъ сюжетъ не соотвѣтствуетъ эпической формѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ настоящее время эпосъ сталъ чѣмъ-то вообще немыслимымъ. Я не стану входить въ споръ съ великимъ критикомъ уже въ силу того, что, по моему крайнему убѣжденію, установленныя традиціей формы поэтическаго творчества вовсе не обязательны для поэта, а для поэта-романтика и подавно. Но мнѣ кажется, что въ самой двойственности избранной имъ темы, въ противопоставленіи Петра Мазепѣ, Пушкинъ вовсе не погрѣшилъ противъ художественной гармоніи, а тѣмъ менѣе погрѣшилъ безсознательно. Старикъ Мазепа, своенравный и хищный, не признающій никакихъ обязанностей ни передъ царемъ ни передъ родиной, готовый «лить кровь, какъ воду»,—это послѣднее слово героя въ байроновскомъ духѣ,—героя, съ котораго сорвана маска поэтическаго обаянія. И если настоящій національный герой, Петръ, является только въ послѣдней пѣснѣ, чтобы подавить собою образъ Мазепы, то въ этомъ и выражается основная мысль поэмы—приниженіе крамольнаго своеволія предъ идеей народнаго единства. Нельзя не видѣть новаго шага Пушкина на пути реализма, новаго доказательства его свободнаго, отрицательнаго отношенія къ байроновскому идеалу. Еще болѣе рѣшительный шагъ на этомъ пути мы видимъ въ «Онѣгинѣ». Здѣсь нѣтъ уже рѣчи о разрывѣ съ обществомъ, о бѣгствѣ отъ него на свободу дикихъ странъ, о возмущеніи противъ общественнаго порядка. Дѣйствіе романа вращается въ близкой намъ средѣ обыденной жизни, и контрастъ между героемъ и этой средой не вызываетъ между ними борьбы и заканчивается нравственнымъ торжествомъ дочери этой среды, простой деревенской дѣвушки надъ гордымъ и блестящимъ Онѣгинымъ. Наша критика силилась выдвинуть Онѣгина, какъ идеальнаго героя, которому принадлежало все сочувствіе Пушкина, и, очевидно, читая между строкъ, хотѣла увидѣть въ немъ родоначальника тѣхъ протестующихъ героевъ, которыми такъ богата стала наша литература впослѣдствіи. Таково было, между прочимъ, и мнѣніе Бѣлинскаго. Ради желанія окрасить Онѣгина въ либеральный цвѣтъ, онъ прощалъ ему даже великосвѣтское происхожденіе, вкусы сильнаго балагура, отсутствіе въ немъ серьезнаго интереса къ какому бы то ни было дѣлу. Все это ставилось въ вину обществу, этому обычному козлу отпущенія критики. Если Онѣгинъ скучалъ въ деревнѣ, какъ въ петербургскихъ гостиныхъ, это объяснилось невозможностью отыскать какую-нибудь цѣль жизни, какой-нибудь трудъ среди тогдашнихъ общественныхъ условій. Если онъ холодно отвергъ наивную любовь Татьяны, если онъ высокомѣренъ и гордъ съ окружающими, если у него не дрогнула рука, когда онъ уби-

валъ Ленскаго,—все это приписывалось сильной натурѣ, возмущавшейся противъ всякой лжи и условности, справедливо негодовавшей на всякую сентиментальность. Евгеній не былъ безсердечнымъ человѣкомъ, это видно уже изъ его умѣнья симпатизировать горячимъ словамъ юнаго Ленскаго и въ особенности изъ того, что гуманно относился къ мужику, посадивъ его на дешевый оброкъ. Насколько было снисходительнаго пренебреженія въ его бесѣдахъ съ Ленскимъ, когда онъ вышучивалъ его любовь къ Ольгѣ Лариной и зѣвая смотрѣлъ на «эту глупую луну на этомъ глупомъ небосклонѣ», насколько было лѣни богатаго барина въ нежеланіи заниматься хозяйствомъ,—этого не считали нужнымъ замѣчать. Но какъ же не замѣтили хоть того, что Татьяна, посѣтивъ усадьбу Онѣгина послѣ его отъѣзда и прочитавъ кой-какія изъ его книгъ, была поражена иною небрежно сдѣланною отмѣткой на страницахъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ пустоты любимаго человѣка? Вѣдь не даромъ же Пушкинъ и не случайно заставилъ впослѣдствіи своего героя трепетать отъ робкой любви передъ той самой женщиной, которой онъ пренебрегъ, когда она была скромной дѣвушкой, не даромъ онъ заставилъ его выслушать мучительную для его самолюбія отповѣдь этой женщины, признававшейся ему въ то же время, что она не переставала его любить. Любить она его, положимъ, не переставала, но это было уже не прежнее восторженное поклоненіе кумиру, а скорбная любовь, къ которой присоединилось не мало разочарованія. И разочарованіе это испыты́валъ самъ Пушкинъ, произнося устами Татьяны приговоръ надъ Онѣгинымъ. Онѣгинъ блестящъ и обаятеленъ, это несомнѣнно; онъ стоитъ головой выше толпы, но его превосходство надъ нею безплодно, потому что у него недостаетъ одного главнаго,—недостаетъ любви и способности къ труду. А безплодная сила, какъ евангельская смоковница, носитъ на себѣ роковое проклятіе, и простая малообразованная дѣвушка, сохранившая и въ обстановкѣ большого свѣта сознаніе нравственнаго долга и умѣнье жертвовать собой, стоитъ неизмѣримо выше такой силы, гораздо ближе подходитъ къ настоящему идеалу жизненной правды. Вотъ что хотѣлъ сказать своимъ Онѣгинымъ Пушкинъ, вотъ какъ немилосердно развѣнчалъ онъ байроновскій субъективный идеалъ гордаго самомнѣнія, показавъ всю его внутреннюю несостоятельность. И вотъ какъ русскій духъ, олицетворенный въ Пушкинѣ, подчинившись обаянію западнаго романтизма, все-таки сумѣлъ восторжествовать, во имя нравственной правды, надъ блестящимъ иностраннымъ кумиромъ.

Но я долженъ еще коснуться одной черты Пушкинскаго романа,—черты, оставившей послѣ себя длинный слѣдъ во всей нашей позднѣйшей литературѣ. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о контрастѣ между Онѣгинымъ и Ленскимъ. Я вовсе не охотникъ до черезчуръ широкихъ обобщеній, но здѣсь такое обобщеніе напрашивается само собою. Онѣгинъ и Ленскій—родоначальники двухъ типовъ, прошедшихъ черезъ всю нашу литературу, отъ Пушкина до нашихъ дней. Въ первомъ олицетворяется натура, гордая своимъ умственнымъ превосходствомъ и вслѣдствіе того

презрительно относящаяся къ прочимъ людямъ, принимая отъ нихъ въ даръ поклоненіе и любовь, какъ законную дань. Онѣгинъ и его преемники считаютъ себя вполнѣ свободными отъ всякихъ обязанностей къ людямъ и кичатся невозмутимостью своего сердца, не знающаго обычныхъ слабостей заурядныхъ людей. Къ такимъ слабостямъ они причисляютъ, между прочимъ, и сочувствіе чужому горю. Больше того,—эти люди возводятъ свою холодность въ принципъ, видятъ въ ней признакъ собственной силы духа, и не разъ критика наша преклонялась передъ этимъ свойствомъ ихъ натуры, какъ передъ законнымъ превосходствомъ сильнаго человѣка надъ слабымъ. Отъ самого Пушкина до нашихъ дней русская литература находилась въ погонѣ за сильнымъ человѣкомъ, готовая любоваться его безжалостнымъ эгоизмомъ, оттого, должно быть, что въ русскомъ обществѣ она видѣла полное отсутствіе сильной воли и крѣпости духа. Качество это она возвела въ идеалъ, принося ему въ жертву все слабое и безхарактерное, какъ нѣкогда приносились человѣческія жертвы языческимъ богамъ. Давно установилось мнѣніе, будто русская литература отличается состраданіемъ къ слабымъ и забитымъ людямъ. На самомъ дѣлѣ, однако, рядомъ съ проповѣдью состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ идетъ у насъ иная проповѣдь—уваженія къ силѣ, или, говоря попросту, къ эгоизму, конечно, подъ условіемъ, чтобы эта сила заявляла протестъ противъ общественной пошлости и неправды. Сознаніе непоправимой дряблости русской природы было у насъ такъ сильно, что заставило нашу критику преклоняться передъ каждымъ проявленіемъ энергіи и ради одного этого качества прощать его обладателю даже полное безсердечіе.

Въ Ленскомъ олицетворяется, наоборотъ, натура, одаренная цѣлымъ рядомъ симпатичныхъ качествъ: воспріимчивою нѣжностью, отзывчивостью къ природѣ и людямъ, словомъ—богатствомъ сердца и воображенія, но при роковомъ отсутствіи воли. Это натура—славянская по преимуществу, хоть и окрашенная въ нѣмецкую сентиментальность. И Ленскимъ, которыхъ въ нашей литературѣ не мало, всегда суждено уступать и стушевываться передъ Онѣгиными. Такова судьба длиннаго ряда Тургеневскихъ «лишнихъ людей» и въ томъ числѣ послѣдняго изъ нихъ—Нежданова. Такъ было вплоть до Льва Толстого, который впервые, въ лицѣ Пьера Безухаго и Константина Левина, преклонился передъ внутреннимъ превосходствомъ слабой, но мягкой натуры надъ сильной и гордой. Но чаще всего случалось, что оба эти близнеца какъ бы сливались въ одну фигуру, у которой подъ наружнымъ выраженіемъ силы таится внутренняя неизлѣчимая слабость.

Не станемъ, однако, забѣгать впередъ. Непосредственный преемникъ Пушкина—Лермонтовъ, пережившій его, впрочемъ, только пятью годами, былъ гораздо болѣе своего предшественника во власти у западнаго романтизма, что объясняется, впрочемъ, его молодостью. Находясь подъ обаяніемъ Байрона и подобно ему во всѣхъ своихъ герояхъ рисуя самого себя, Лермонтовъ, тѣмъ не менѣе, въ Печоринѣ значительно измѣнилъ своему прообразу. На самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ Байрону почти въ такомъ же отно-

пепіи, въ какомъ находится къ нему Мюссе. Эгоистическое величіе байроновскихъ героевъ все-таки совмѣщается у нихъ съ глубокою скорбью о нуждахъ зауряднаго человѣчества, съ тѣмъ спокойнымъ, но проникнутымъ жалостью, сочувствіемъ къ слабости, которое составляетъ признакъ истинно-мощнаго духа. У Лермонтова, какъ и у Мюссе, этого сочувствія нѣтъ и слѣда. Его Печоринъ замыкается въ поклоненіе самому себѣ, любуясь своимъ безстрашіемъ и передъ физическою опасностью и передъ нравственной виной и замѣчая съ притворнымъ равнодушіемъ, что окружающіе любуются имъ тоже. Я говорю «съ притворнымъ равнодушіемъ», потому что Печорины живутъ и дышатъ общимъ поклоненіемъ себѣ, женскою преданною и боязливою любовью угодливостью мужчинъ. И не платятъ они за это ни любовью ни дружбой, наслаждаясь тѣмъ и другимъ лишь, какъ минутной забавой. Ихъ точитъ, быть можетъ, тайный червь недовольства собой, горькаго сознанія неудовлетворительности жизни. Но это скрытое, болѣзненное чувство, не чуждое, пожалуй, и угрызеній совѣсти, у нихъ не переходитъ въ мягкое сострадапіе къ людямъ, не ищетъ себѣ въ этихъ людяхъ ни утѣшенія ни даже сочувствія. Они слишкомъ горды, чтобы ставить себя на одинъ уровень съ прочими, а безъ равноправности истинное сочувствіе немыслимо. И если ихъ не удовлетворяютъ подчасъ наслажденія самолюбія и чувственныя удовольствія, свою тайную скорбь они уносятъ съ собой въ могилу, замыкаясь отъ прочихъ въ гордую, насмѣшливую холодность. Признаюсь, я не въ силахъ понять, какимъ образомъ наша критика и въ Лермонтовскихъ герояхъ старалась отыскать протестующихъ либераловъ. Что можетъ быть общаго съ идеалами либерализма у Печорина, исполненнаго аристократическаго самомнѣнія и даже въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ всегда подчеркивающаго свою избалованную брезгливость? Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь общественному злу или хотя бы утѣшить чужое горе. Самъ Лермонтовъ—и въ этомъ его рѣзкое отличіе отъ Пушкина—не перестаетъ находиться подъ обаяніемъ своего врага. Онъ все время любуется имъ, любуется какъ разъ его великосвѣтскою изысканностью, его умѣньемъ увлекать женщинъ, не любя ихъ, и съ холоднымъ равнодушіемъ глумиться надъ всей окружающей средой. Кого бы ни рисовалъ Лермонтовъ, избалованнаго ли барича Печорина, полудикаго ли горца Измаила, или самого печальнаго Демона, духа изгнанья,—ни на одну минуту онъ не перестаетъ имъ сочувствовать, не развѣнчиваетъ ихъ, какъ Пушкинъ развѣнчиваетъ своего Онѣгина. Какъ древній классическій Прометей, всѣ они остаются нераскаянными до конца и не преклоняютъ головы даже передъ приговоромъ совѣсти. Какъ блестящіе метеоры, величавые и ненужные, они проходятъ черезъ жизнь, не давая счастья никому, въ томъ числѣ и себѣ.

Головинъ.

Лермонтовъ и Пушкинъ по воззрѣнію Боденштедта.

Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такою мощью и такъ самостоятельно, народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, напр., у Лермонтова. Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ сумѣлъ извлечь пользу для себя и для народа изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, «Вѣтка Палестины», невольно напоминаютъ Пушкина: нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности «Казначейша». Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно. Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины. Пушкинъ сумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ; Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ. Пушкинъ, по словамъ одного русскаго критика, былъ прежде всего художникъ и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное. У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница! Лермонтова упрекали, будто онъ, въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

> Люблю отчизну я, но странною любовью;
> Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
> Ни слава, купленная кровью,
> Ни полный гордаго довѣрія покой,
> Ни темной старины завѣтныя преданья
> Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Пушкинъ сумѣлъ вдохновляться этой славой, этимъ «полнымъ гордаго довѣрія покоемъ»; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь настолько, насколько нужно ху-

дожнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше Пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ «Валерикѣ».

Я думалъ: «Жалкій человѣкъ! Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно, Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?»

О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ «На смерть Пушкина», по драматической сценѣ, «Поэтъ, читатель и журналистъ», по превосходнымъ стихотвореніямъ: «Пророкъ», «Поэтъ», и по множеству всюду разбросанныхъ мыслей.

О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня «Дума», начинающаяся словами:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Состарится безвременно оно.

Боденштедтъ.

Лермонтовъ и Байронъ.

Весьма возможно, что именно въ силу большого сродства поэтическихъ темпераментовъ, поэзія Байрона имѣла гораздо болѣе значительное вліяніе на другого нашего великаго поэта, на Лермонтова. Увлеченіе Байрономъ овладѣло Лермонтовымъ еще на школьной скамьѣ. Ученическія тетради Лермонтова, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи, наполнены подражаніями и передѣлками изъ разныхъ поэтовъ, между прочимъ, изъ Пушкина, Гёте, Шиллера и Байрона. Просматривая ихъ, нельзя не замѣтить, что вліяніе Байрона мало-по-малу дѣлается преобладающимъ: седьмая тетрадь почти наполовину наполнена выписками изъ Байрона, переводами и подражаніями ему. Тутъ же мы встрѣчаемъ весьма любопытное стихотвореніе, въ которомъ 16-лѣтній Лермонтовъ, прочитавъ біографію Байрона, написанную Т. Муромъ, сопоставляетъ себя съ своимъ кумиромъ:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Увлеченіе Байрономъ продолжалось и впослѣдствіи, и большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать Байрона генія. Пушкинъ въ одномъ мѣстѣ справедливо замѣтилъ, что герои Байрона всѣ на одно лицо, потому что онъ всюду изображалъ самого себя. Изъ произведеній Байрона Лермонтовъ извлекъ этотъ титанически гордый, неукротимый и тоскующій характеръ и сдѣлалъ его подъ разными именами героемъ своихъ произведеній. Вслѣдствіе большого сродства своего поэтическаго темперамента съ темпераментомъ Байрона, нѣкоторыя стороны байронизма, какъ-то: отрицаніе, гордость возмутившейся противъ общества личности и байроновская меланхолія были поняты Лермонтовымъ глубже, чѣмъ Пушкинымъ. Несмотря, однакожъ, на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ назвалъ его въ одномъ мѣстѣ кн. Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Байронъ былъ для него, какъ и для Пушкина, только школой, только необходимой ступенью для достиженія самобытности. Масса лирическихъ стихотвореній свидѣтельствуютъ о необычайномъ ростѣ его могучаго таланта. Подражая складу русскихъ народныхъ былинъ, онъ создаетъ неподражаемую по своей оригинальности пѣсню про купца Калашникова; подражая Евгенію Онѣгину, онъ въ «Героѣ нашего времени» кладетъ основы русскаго психологическаго романа. Было бы интересно прослѣдить подробнѣе отношеніе Байрона къ Лермонтову и къ послѣдующимъ поэтамъ, у которыхъ иногда мелькаютъ то тамъ, то сямъ искры байронизма; но это вопросъ спеціальный, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія. Въ IV пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», измученный клеветой и злобными инсинуаціями критики, Байронъ взываетъ къ потомству и высказываетъ пророческую надежду, что его произведенія не будутъ забыты, что безсмертное дыханіе его таланта расплавитъ желѣзныя сердца людей и наполнитъ ихъ душу состраданіемъ къ его судьбѣ. Первая половина этого пророчества давно уже пріобрѣла всемірное значеніе, и опредѣленіе вліянія этого генія на европейскія литературы давно сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія. Мы глубоко увѣрены, что скоро исполнится и вторая часть его пророчества; по крайней мѣрѣ, относительно Россіи она исполняется воочію. Русская публика привыкла видѣть въ Байронѣ нѣчто родное, и имя его, тѣсно связанное съ дорогими именами Пушкина и Лермонтова, вѣчно будетъ вызывать въ ней одно свѣтлое и благородное воспоминаніе.

Стороженко.

Отношеніе Лермонтова къ Байрону.

Лермонтовъ съ 14-лѣтняго возраста, принявъ за исходную точку своего міровоззрѣнія взгляды на жизнь и людей, которые онъ нашелъ у Байрона, позднѣе обдумалъ ихъ, подвергъ критикѣ, и

одни изъ нихъ отвергъ, другіе удержалъ. Говоря иначе, Лермонтовъ, въ раннемъ возрастѣ болѣе или менѣе подчинившійся Байрону, впослѣдствіи постепенно сбрасываетъ съ себя это иго и вновь пріобрѣтаетъ свободу. Дѣйствительно, сила вліянія Байрона на молодого поэта, очевидно, измѣнялась, и можно даже, съ приблизительной точностью, представить себѣ ея колебанія.

Въ одномъ стихотвореніи 1830 года (Лермонтову было тогда 16 лѣтъ) поэтъ, прочитавъ біографію Байрона, написанную Т. Муромъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны—нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.
Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.
(Виск., т. I, стр. 113).

Лермонтовъ чувствуетъ себя связаннымъ съ англійскимъ поэтомъ интимными узами духовнаго родства. Чувство это крѣпнетъ подъ впечатлѣніемъ поразительныхъ аналогій, которыя онъ находилъ въ жизни Байрона и своей [1]). Думалъ ли бы онъ отыскивать ихъ, или отмѣчалъ бы ихъ такъ настойчиво, если бы Байронъ не былъ для него идоломъ, которому смиренно поклоняются издалека, недостижимымъ образцомъ, къ которому робко стремятся приблизиться? Ничто не умѣряетъ порыва энтузіазма, похожаго на преклоненіе ученика передъ боготворимымъ учителемъ.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ: одно стихотвореніе, датированное 1831 годомъ, снова упоминаетъ имя Байрона, но здѣсь тонъ уже совершенно иной:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый, избранникъ—

---

[1]) Нѣкоторыя замѣтки Лермонтова самимъ ихъ ребячествомъ свидѣтельствуютъ, до какой степени это сходство поражало его. Вотъ одна изъ нихъ (1830 г., у Виск. т. I, стр. 75): „Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же—это сходство меня поразило!“ Или вотъ вторая замѣтка (тамъ же, стр. 117): „Еще сходство въ жизни моей съ Лордомъ Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ;* про меня на Кавказѣ предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ также несчастливъ, какъ Байронъ“.

Какъ онъ, гонимый міромъ, странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Я—или Богъ—или никто!

Поэтъ, какъ бы безпокоясь чувствомъ тяготѣющей надъ нимъ зависимости, пытается сбросить ее съ себя. Подобно ученикамъ властнаго учителя, необходимымъ условіемъ прогресса которыхъ является въ извѣстный моментъ нѣкоторая неблагодарность по отношенію къ послѣднему, и которые, не желая быть отсталыми, вынуждены болѣе или менѣе рѣшительно отречься отъ его авторитета, Лермонтовъ старается отмѣтить черты существеннаго различія между нимъ и Байрономъ. «Я другой»,—гордо заявляетъ онъ:—«Я съ русскою душой». Мысль эта, впрочемъ, приводитъ къ сомнѣнію въ правдивости поэта, такъ какъ Лермонтовъ очень интересовался своимъ иностраннымъ происхожденіемъ. Онъ, по словамъ Спасовича, горѣлъ «поэтической жаждой» полетѣть въ Шотландію на могилу Оссіана. Онъ называетъ Шотландію «моей Шотландіей» («*Гробъ Оссіана*», 1830). Въ другомъ стихотвореніи 1831 г. (Виск. т. I, стр. 178) онъ говоритъ:

«Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чужихъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой»...

Это стихотвореніе, датированное 29 іюлемъ 1831 г., написано въ томъ же самомъ году, въ которомъ и стихотвореніе, категорически устанавливающее различіе между обоими поэтами словами: «но только съ русскою душой».

Спасовичъ не безъ основанія упрекаетъ Лермонтова въ недостаткѣ искренности, но онъ идетъ дальше и сомнѣвается даже въ какомъ либо значеніи признанія: «Нѣтъ, я не Байронъ»..., усматривая здѣсь лишь неискреннюю аффектацію. Но, кажется, что скептицизмъ Спасовича заходитъ здѣсь слишкомъ далеко. Стихи не предназначались для печати, а развѣ Лермонтовъ не могъ почувствовать нѣкотораго раздраженія отъ той зависимости, въ которой держалъ его геній Байрона? Въ возможность освобожденія отъ этого ярма Лермонтовъ несомнѣнно вѣрилъ; сбросилъ-ли онъ его, это уже другой вопросъ. Какъ разъ въ томъ же 1831 году онъ передѣлываетъ стихотвореніе, написанное въ 1829 г.—«*Мой демонъ*». Полагаемъ, что никто и никогда не сталъ бы оспаривать, что литературный типъ, выведенный въ этомъ стихотвореніи и почти до конца жизни владѣвшій воображеніемъ Лермонтова, сильно пропитанъ байроновскимъ «сатанизмомъ».

Вотъ это стихотвореніе въ редакціи 1831 года (отъ первой редакціи сохранились только четыре первые стиха):

1.

Собранье золъ—его стихія;
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи
Безвѣстныя слезамъ и сну.

2.

Къ ничтожнымъ, хладнымъ, толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта
И всякій вѣрящій смѣшонъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.

3.

Родится ли страдалецъ новый,
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.
Когда же кто-нибудь нисходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но не утѣшенъ имъ больной.

4.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучомъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

Конечно, это стихотвореніе довольно несвязно и странно, но оно, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое оставило въ умѣ молодого поэта чтеніе Байрона [1]). Лермонтовъ много разъ принимался за ту же тему, часто сравнивая себя съ демономъ, напримѣръ: «Какъ демонъ хладный и суровый, я въ мірѣ веселился зломъ...» (предисловіе по 2-му очерку *Демона*. У Виск. т. III, стр. 55). Въ концѣ того же очерка, который относится къ 1830—1831 гг., находимъ три строфы, являющіяся какъ бы заключеніемъ поэмы; во второй изъ нихъ читаемъ:

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

А нѣсколько мѣсяцевъ спустя (28 августа 1832 г.), онъ пишетъ любопытное письмо къ М. А. Лопухиной: «Пишу мало, читаю не болѣе: романъ мой (*Горбачъ Вадимъ*) становится произведеніемъ отчаянія: я перебралъ всю душу свою, добывая изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ это на бумагу. Читая, Вы бы пожалѣли меня». Можно, конечно, и здѣсь заподозрить искренность Лермонтова, такъ какъ, вѣроятно, именно байронизмъ является отвѣтственнымъ, въ извѣстной мѣрѣ, за тѣ крайности мысли и языка, которыя встрѣчаются у молодого человѣка въ 18-л-мъ возрастѣ.

Таковы были чувства Лермонтова, когда онъ сталъ сталкиваться съ людьми: чрезвычайная гордость, не безъ ребяческаго тщеславія, твердая вѣра въ то, что онъ совершитъ что-нибудь великое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страхъ передъ преждевременной смертью,

---

[1]) Этотъ демонъ очень сроденъ тому Духу, который на полные тревоги вопросы Іафета отвѣчалъ ему лишь смѣхомъ („Небо и Земля“ сц. III).

которая не дастъ ему закончить его дѣло, раннее презрѣніе къ свѣту и людямъ, пессимистическая грусть. Конечно, въ развитіи и укрѣпленіи этихъ элементовъ значительная доля должна быть приписана байронизму, что вполнѣ вѣроятно, особенно, если мы вспомнимъ молодость поэта; жизненный-же опытъ, весьма возможно, далъ имъ новую силу и значеніе. Уроки жизни не ослабляютъ и не мѣняютъ ранняго оптимизма или пессимизма; скорѣе, субъективныя предрасположенія къ нимъ находятъ въ жизненномъ опытѣ пищу себѣ. И, повидимому, соприкосновеніе съ жизнью не ослабило, а лишь обострило пессимизмъ Лермонтова. Отъ товарищей въ юнкерской школѣ его отдаляла втайнѣ гордость, такъ какъ интеллектуально онъ ставилъ ихъ ниже себя; быть можетъ, онъ презиралъ и ихъ развлеченія, хотя и принималъ въ нихъ участіе. Посѣщенія петербургскаго общества, мнѣніе Лермонтова о которомъ намъ хорошо извѣстно, и уколы здѣсь его гордости или тщеславію укоренили въ его сердцѣ презрѣніе къ свѣту. Въ часы одинокаго раздумья онъ продолжалъ—настолько онъ чувствовалъ себя далекимъ отъ окружающаго міра—отдаваться мыслямъ, которыя, зародившись самостоятельно или будучи кѣмъ либо подсказаны, питали его еще юношескія грезы. Теперь, испытанныя и подтвержденныя жизненной практикой, онѣ должны были показаться ему плодомъ собственныхъ размышленій, тѣмъ болѣе, что личный опытъ обогащалъ его выводы новыми фактами, расширялъ ихъ и давалъ имъ болѣе точное опредѣленіе. И теперь уже имени Байрона не упоминается. Правда, время отъ времени, онъ переводитъ изъ него нѣкоторыя стихотворенія, но нигдѣ не повторяетъ ни выраженія передъ нимъ своего энтузіазма ни своего страстнаго протеста. Въ его стихахъ разливается горестный потокъ байроновской печали, но источникъ, откуда онъ беретъ свое начало, остается съ этихъ поръ скрытымъ отъ нашего взора. Героевъ своихъ драмъ и поэмъ Лермонтовъ создаетъ по образцу тѣхъ мятежныхъ натуръ, которыя испускаютъ неистовые вопли или изливаютъ леденящую иронію на сценѣ, гдѣ англійскій поэтъ заставлялъ ихъ болѣе говорить, чѣмъ дѣйствовать,—но ученикъ уже не упоминаетъ имени своего учителя.

Между тѣмъ, съ годами наблюденія надъ жизнью, внутренняя работа мысли, размышленія ума болѣе зрѣлаго,—все это измѣняетъ взгляды поэта. Онъ до нѣкоторой степени отрѣшается отъ того, что раньше такъ привлекало его, и думаетъ уже о своихъ юношескихъ увлеченіяхъ съ саркастическимъ сожалѣніемъ. Котляревскій (op. cit, стр. 62) находитъ,—и совершенно правильно,—что дѣйствующее лицо поэмы «Демонъ» является синтезомъ, въ которомъ мысли и чувства, разсѣянныя въ юношескихъ произведеніяхъ, объединяются въ одинъ образъ, который авторъ воспроизводитъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Если это такъ, то понятно все значеніе той строфы, въ которой Лермонтовъ подсмѣивается надъ бывшимъ предметомъ своей страсти:

Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:

То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно: c' est joli!..
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
(Сказка для дѣтей, строфа III).

Слѣдуетъ ли усматривать здѣсь, какъ это дѣлаетъ Котляревскій (стр. 65), обычное проявленіе строгости писателя къ своимъ юношескимъ произведеніямъ,—строгости, какую мы видимъ, напримѣръ, у Гёте, осудившаго своего «Вертера», или у Шиллера, отвергшаго «Разбойниковъ»? Если это и такъ, то самый фактъ все-таки не теряетъ своей характерности и свидѣтельствуетъ о замѣтномъ измѣненіи въ умонастроеніи поэта. Не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ нашъ тезисъ и ссылка на то, что дѣйствующее лицо «Демона» никогда не переставало занимать воображеніе Лермонтова, и что подъ конецъ своей жизни онъ еще разъ передѣлываетъ поэму: конечно, это обстоятельство какъ разъ доказываетъ лишь то, что онъ былъ ею недоволенъ. И кто знаетъ, рѣшился бы поэтъ издать своего «Демона»—по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ—если бы въ удѣлъ ему была дана болѣе долгая жизнь?

Итакъ, нѣтъ основаній не довѣрять искренности поэта или обвинять его въ непостоянствѣ. Кромѣ того, въ этомъ самоосужденіи нѣтъ ничего удивительнаго: другой случай, быть можетъ, яснѣе обнаруживаетъ истинныя чувства Лермонтова. Съ какою цѣлью былъ написанъ имъ «*Герой нашего времени*»? Въ предисловіи ко 2-му изданію этого романа онъ самъ говоритъ, что автору доставляло удовольствіе рисовать портретъ современнаго ему человѣка такимъ, какимъ онъ его понимаетъ и какимъ, къ своему несчастью и къ несчастью публики, онъ его часто встрѣчаетъ. Ему достаточно указать болѣзнь. Что же касается до ея излѣченія, то это онъ предоставляетъ на волю Божью. Въ чемъ же заключается эта болѣзнь? Это, если брать вещи «en gros»,—дэндизмъ. «Высшій дэндизмъ,—говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» А. Шанъ-Гирей, [1])—состоялъ тогда въ томъ, чтобы ни чему не удивляться, ко всему казаться равнодушнымъ, ставить свое Я выше всего: плохо понятая англоманія была въ полномъ разгарѣ, откуда плачевное употребленіе Богомъ дарованныхъ способностей». Извѣстно, какія тѣсныя узы связывали дэндизмъ и байронизмъ: смѣяться надъ однимъ—это значило насмѣхаться и надъ другимъ. Извѣстно, съ другой стороны, также и то, что Лермонтовъ надѣлилъ Печорина нѣкоторыми чертами своего собственнаго характера, изъ чего выводили даже порочащія его заключенія. «Другіе же,—пишетъ онъ въ предисловіи по 2-му изд.,—очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ». Абсурдность такого предположенія была очевидна, но неосторожность автора давала ему подобіе вѣроятности. Можно, однако, задать вопросъ, дѣйствительно ли это только неосторожность, и не правильнѣе-ли видѣть здѣсь

[1]) См. „Русское Обозрѣніе“, августъ 1890 г. стр. 751.

признакъ раскаянія? Изобразить въ лицѣ Печорина «болѣзнь», которой былъ зараженъ самъ Лермонтовъ, не значить ли это признать тѣмъ самымъ ея несимпатичныя проявленія и отречься, въ извѣстной мѣрѣ, отъ байронизма? Вѣдь, если умственное превосходство Лермонтова и спасло его отъ ничтожества и мелочности дэндизма, тѣмъ не менѣе, онъ не избѣжалъ его вполнѣ. Конечно, поэтъ не могъ не видѣть, что Печоринъ отражалъ до нѣкоторой степени его собственную личность, а при его осторожности, трудно предположить, чтобы онъ безъ причины подвергъ себя непріятностямъ, могущимъ произойти на почвѣ недоразумѣнія, и если онъ себя подвергъ имъ, то очевидно потому, что, подсмѣиваясь надъ Печоринымъ, онъ хотѣлъ осмѣять тѣ черты, которыя окончательно перестали привлекать его. Итакъ, «*Герой нашего времени*» былъ своего рода новымъ отреченіемъ отъ байронизма.

Если, слѣдовательно, къ концу своей жизни Лермонтовъ отрекся отъ всего неестественнаго и искусственнаго, что было въ байронизмѣ, понимаемомъ извѣстнымъ образомъ, то его поэзія все-таки оставалась вѣрной своимъ первоначальнымъ темамъ: его муза, въ большинствѣ случаевъ печальная и разочарованная, «не знала радости». Однако подъ этимъ однообразнымъ покрываломъ печали проглядываютъ иногда и болѣе свѣтлые отблески, которые оживляютъ общій мрачный колоритъ его стиховъ. Одинъ изъ первыхъ замѣтилъ это еще Гоголь. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ первыхъ годовъ встрѣчаются пьески, тонъ которыхъ пріятно поражаетъ. За жестокими проклятіями слѣдуютъ такія трогательныя элегіи, какъ «*Вѣтка Палестины*» (1836) и «*Молитва*» (1837). Послѣдніе два или три года жизни Лермонтова мятежный духъ уже рѣже подсказываетъ ему свои мысли; все чаще появляются мотивы элегическіе и меланхолическіе. Онъ переводитъ коротенькое стихотвореніе Гейне «*Сосна*», проникнутое легкой печалью, которая убаюкиваетъ душу, не причиняя ей чувствительнаго страданія; пишетъ стихотвореніе въ томъ же духѣ «*Утесъ*» (1841 г.) и другое, замѣчательное своимъ тономъ меланхолическаго спокойствія:

1.

«Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

2.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

3.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

4.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

5.

Чтобъ—всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,—
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ».
(1841 г.)

Конечно, заключать по этому стихотворенію, что Лермонтовъ вполнѣ примирился съ людьми,—мы не говоримъ съ Богомъ, такъ какъ Лермонтовъ никогда не былъ нерелигіознымъ,—это значило бы преувеличивать его значеніе [1]). Не въ томъ ли же самомъ 1840 году у него прорывается крикъ отчаянія:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...

или обращеніе съ иронической благодарностью къ Богу:

За все, за все Тебя благодарю я.
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Съ другой стороны, и отказываться видѣть, какъ это дѣлаетъ Спасовичъ, слѣдъ извѣстнаго душевнаго успокоенія въ элегическомъ настроеніи, которымъ проникнуты нѣкоторыя пьесы, это значитъ отрицать очевидность. Дѣйствительно, представляется очень заманчивымъ придать этому страстному отрицателю неизмѣнную позу, подчинить его жизнь непреклонному единству и изображать подобно его любимому герою, съ всегда пасмурнымъ челомъ и съ устами, сжатыми «въ горькую усмѣшку». На дѣлѣ, его сердце, особенно къ концу жизни, открывалось для болѣе нѣжныхъ чувствъ, его чело прояснялось, уста разжимались. Было ли то усталостью, или же слѣдствіемъ болѣе безпристрастной оцѣнки жизни? Какъ бы то ни было, но онъ, кажется, сталъ уже примиряться со своей судьбой и съ жизнью, когда неожиданно его поразила смерть.

Неудивительно, что Байронъ оставилъ глубокіе слѣды въ творчествѣ Лермонтова: лирическія стихотворенія, драмы, поэмы, повѣсти—всѣ эти различные виды художественнаго творчества на-

[1]) Котляревскій въ этомъ отношеніи заходитъ немного далеко въ своихъ выводахъ.

шего поэта вызываютъ безспорно воспоминаніе объ англійскомъ. Изъ произведеній этого послѣдняго, подражаетъ ли Лермонтовъ ему, или ограничивается переводомъ, выборъ его вообще падаетъ на стихотворенія, которыя соотвѣтствуютъ его личнымъ чувствамъ, случайнымъ или постояннымъ, и которыя выражаютъ ихъ рельефно и краснорѣчиво: для него они такъ, какъ, напримѣръ, для Жуковскаго, никогда не служили лишь упражненіемъ въ стилѣ...

Дюшенъ.

Очеркъ поэтической индивидуальности Лермонтова.

Этотъ молодой военный, въ николаевской формѣ, съ саблей черезъ плечо, съ тонкими усиками, выпуклымъ лбомъ и горькою складкою между бровей, былъ одною изъ самыхъ феноменальныхъ поэтическихъ натуръ. Исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Въ исторіи поэзіи едва ли сыщется другой подобный темпераментъ. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю—своимъ изгнаніемъ. Если бы это былъ характеръ дряблый, мы бы получили поэзію сентиментальную, слишкомъ эѳирную, стремленіе въ «туманную даль», второго Жуковскаго—и ничего болѣе. Но это былъ человѣкъ сильный, страстный, рѣшительный, съ яснымъ и острымъ умомъ, вооруженный волшебною кистью, смотрѣвшій глубоко въ дѣйствительность, съ ядомъ ироніи на устахъ,—и потому прирожденная Лермонтову неотразимая потребность въ признаніи иного міра разливаетъ на всю его поэзію обаяніе чудной, божественной тайны.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, а также, чтобы настоящій очеркъ не показался одностороннимъ, предваряемъ, что, какъ сейчасъ было сказано, мы признаемъ въ произведеніяхъ Лермонтова чрезвычайную близость ихъ интересамъ дѣйствительности. Чувство природы, пылкость страстей, глубина любви и трогательная теплота привязанностей, реализмъ красокъ, историческое чутье, способность создавать самыя простыя жизненныя фигуры, какъ, напримѣръ, Максимъ Максимычъ, или самые вѣрные бытовые очерки, какъ «Бородино», «Казачья колыбельная пѣсня», «Валерикъ»,—вся эта сторона таланта Лермонтова, такъ сказать, реальная—давно всѣми признана. Мы же остановимся теперь исключительно на другой сторонѣ этого великаго дарованія, болѣе глубокой и менѣе изслѣдованной,—на сторонѣ сверхъчувственной.

Пересмотрите въ этомъ отношеніи всемірную поэзію, начиная отъ среднихъ вѣковъ. Здѣсь мы нисколько не сравниваемъ писателей по ихъ величинѣ, а лишь останавливаемся на отношеніи каждаго изъ нихъ къ вопросамъ вѣчности. Дантъ—католикъ; его вѣра ритуальная. Шекспиръ въ «Гамлетѣ» задумывается надъ вопросомъ: есть ли *тамъ* «сновидѣнья»?, а позже, въ «Бурѣ», склоняется въ пантеизму. Гете—поклоняется природѣ. Шиллеръ—

прежде всего гуманистъ и, повидимому, христіанинъ. Байронъ, подъ вліяніемъ «Фауста», совершенно запутывается въ «Манфредѣ»; эта драматическая поэма проникнута горчайшимъ пессимизмомъ, за который Гете, отличавшійся душевнымъ здоровьемъ, назвалъ Байрона ипохондрикомъ. Мюссе—сомнѣвается и пишетъ философское стихотвореніе «Sur l'éxistence de Dieu», гдѣ приводитъ читателя къ стѣнѣ, потому что заставляетъ все человѣчество пѣть гимнъ Богу, чтобы Онъ отозвался на безконечный призывъ любви,—и Богъ, какъ всегда, безмолвствуетъ. Гюго красиво и часто воспѣвалъ христіанскаго Бога и въ дѣтскихъ стихотвореніяхъ, и въ библейскихъ поэмахъ, и въ романахъ. Но всякому чувствовалось, что Гюго любитъ этотъ образъ, какъ патетическій эффектъ; въ концѣ жизни и Гюго сознался, что пантеизмъ, исчезновеніе въ природѣ кажется ему самымъ вѣроятнымъ исходомъ. Пушкинъ относился трезво къ этому вопросу и осторожно ставилъ вопросительные знаки. Тургеневъ всю жизнь былъ страдающимъ атеистомъ. Достоевскій держался очень исключительной и мудреной вѣры, въ духѣ православія. Толстой пришелъ къ вѣрѣ общественной, къ практическому ученію дѣятельной любви. Одинъ Лермонтовъ нигдѣ положительно не высказалъ (какъ и слѣдуетъ поэту), во что онъ вѣрилъ, но зато во всей своей поэзіи оставилъ глубокій слѣдъ своей непреодолимой и для него совершенно ясной связи съ вѣчностью. Лермонтовъ стоитъ въ этомъ случаѣ совершенно одиноко между всѣми. Если Дантъ, Шиллеръ и Достоевскій были вѣрующими, то ихъ вѣра, покоящаяся по общеизвѣстномъ христіанствѣ, не дастъ читателю ровно ничего болѣе этой вѣры. Вѣра, чѣмъ менѣе она категорична, тѣмъ болѣе заразительна. Все, рѣзко обозначенное, подрываетъ ее. Одинъ изъ привлекательнѣйшихъ мистиковъ, Эрнестъ Ренанъ, въ своихъ религіозно-философскихъ этюдахъ всегда сбивался на поэзію. Но Лермонтовъ, какъ вѣрно замѣтилъ В. Д. Спасовичъ, даже и не мистикъ: онъ именно—чистокровнѣйшій поэтъ, «человѣкъ не отъ міра сего», забросившій къ намъ откуда-то, съ недосягаемой высоты, свои чарующія пѣсни...

Смѣлое, вполнѣ усвоенное Лермонтовымъ, родство съ небомъ даетъ ключъ къ пониманію и его жизни и его произведеній.

Можно, конечно, найти у Лермонтова слѣды сомнѣній. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «Dieu sait, si après la vie le moi existera. C'est terrible, quand on pense, qu'il peut arriver un jour, où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue». Въ другомъ мѣстѣ:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ *много-мало* мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ — а потомъ?...
Потомъ наслѣдникъ...
Простивъ намъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой *(я боюсь сказать)*
Не суждено вамъ услыхать.

Въ «Сашкѣ»:

Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
Звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлятъ прахъ мой, и *душа моя*

Съ душой вселенной, какъ эѳиръ съ эѳиромъ,
Сольется и—развѣется надъ міромъ.
(«Сашка», LXXXIII).

Вотъ едва ли не всѣ цитаты, составляющія исключенія изъ общаго правила. Однако и тутъ видно, что Лермонтовъ никакъ не могъ помириться съ мыслью о своемъ ничтожествѣ. Даже, исчезая въ стихіяхъ, Лермонтовъ отдѣляетъ свою *душу* отъ праха, желаетъ этой душою слиться со вселенной, наполнить ею вселенную...

Съ этими незначительными оговорками, неизбѣжность высшаго міра проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь—ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ; онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается «Ангеломъ», составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для «печали и слезъ», всегда здѣсь «томилась и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Все этимъ объясняется. Объясняется, почему ему было и «скучно, и грустно», почему любовь только раздражала его, ибо «вѣчно любить невозможно»; почему ему было легко лишь тогда, когда онъ твердилъ какую-то чудную молитву, когда ему вѣрилось и плакалось; почему морщины на его челѣ разглаживались лишь въ тѣ минуты, когда «въ небесахъ онъ видѣлъ Бога»; почему благодарилъ его за «даръ души, растраченной въ пустынѣ», и просилъ поскорѣе избавить отъ благодарности; почему, наконецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній онъ воскликнулъ съ увѣренностью ясновидца:

Но я безъ страха жду довременный конецъ:
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.

Это былъ человѣкъ гордый и въ то же время огорченный своимъ божественнымъ происхожденіемъ, съ глубокимъ сознаніемъ котораго ему приходилось странствовать по землѣ, гдѣ все казалось ему такъ доступнымъ для его ума и такъ гадкимъ для его сердца.

Еще недавно было высказано, что въ поэзіи Лермонтова слышатся слезы тяжкой обиды, и что это будто бы объясняется тѣмъ, что не было еще временъ, въ которыя все завѣтное, чѣмъ наиболѣе дорожили русскіе люди, съ такою безцеремонностью приносилось бы въ жертву идеѣ холоднаго, бездушнаго формализма, какъ это было въ эпоху Лермонтова, и что Лермонтовъ славенъ именно тѣмъ, что онъ поистинѣ геніально выразилъ всю ту скорбь, какою

были преисполнены его современники!.. Можно ли более фальшиво объяснить источникъ скорби Лермонтова?!. Точно и въ самомъ дѣлѣ, послѣ николаевской эпохи, въ періодъ реформъ, Лермонтовъ чувствовалъ бы себя какъ рыба въ водѣ! Точно послѣ освобожденія крестьянъ и въ особенности въ шестидесятые годы открылась дѣйствительная возможность «вѣчно любить» одну и ту же женщину? Или совсѣмъ искоренилась «лесть враговъ и клевета друзей»? Или «сладкій недугъ страстей» превратился въ безконечное блаженство, не «исчезающее при словѣ разлука»? Или «радость и горе» людей, отходя въ прошлое, перестали для нихъ становиться «ничтожными»?.. И почему этими вѣковѣчными противорѣчіями жизни могли страдать только современники Лермонтова, въ эпоху формализма? Современный Лермонтову формализмъ не вызвалъ у него ни одного звука протеста. Обида, которою страдалъ поэтъ, была причинена ему «свыше»,—Тѣмъ, Кому онъ адресовалъ свою ядовитую благодарность, о Комъ онъ писалъ:

Ищу кругомъ души родной,
Повѣдать, *что мнѣ Богъ готовилъ*,
Зачѣмъ такъ горько *прекословилъ*
Надеждамъ юности моей!
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?

Ни въ какую эпоху не получилъ бы онъ отвѣтовъ на эти вопросы. Консервативный строй жизни въ лермонтовское время несомнѣнно вліялъ и на его поэзію, но какъ разъ съ обратной стороны. Быть-можетъ, именно благодаря патріархальнымъ нравамъ, строго-религіозному воспитанію, кіоту съ лампадой въ спальнѣ своей бабушки, Лермонтовъ съ младенчества началъ улетать своимъ умственнымъ взоромъ все выше и выше надъ уровнемъ повседневной жизни и затѣмъ усвоилъ себѣ тотъ величавый, почти божественный взглядъ на житейскія дрязги, ту широту и блескъ фантазіи, которые составляютъ всю прелесть его лиры и которые едва ли были бы въ немъ возможны, если бы онъ воспитывался на книжкахъ Молешота и Бюхнера.

Безъ вѣчности души вселенная, по словамъ Лермонтова, была бы для него «комкомъ грязи».

И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
(«Сашка», LXXI).

Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи звѣздъ огнистой;
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь давно измѣренный душой—
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.
(«Сашка», XLVIII).

Никто такъ прямо не говорилъ съ небеснымъ сводомъ, какъ Лермонтовъ, никто съ такимъ величіемъ не созерцалъ эту голубую

бездну. «Прилежнымъ взоромъ» онъ умѣлъ въ чистомъ эѳирѣ «слѣдить полетъ ангела», въ тихую ночь онъ чуялъ, какъ «пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говоритъ». Въ такую ночь ему хотѣлось «забыться и заснуть», но ни въ какомъ случаѣ не «холоднымъ сномъ могилы». Совершеннаго уничтоженія онъ не переносилъ.

Онъ не терпѣлъ смерти, т.-е. безсознательныхъ, слѣпыхъ образовъ и фигуръ, даже въ окружающей его природѣ. «Хотя безъ словъ», ему «былъ внятенъ разговоръ» шумящаго ручья,—его «немолчный ропотъ, вѣчный споръ съ упрямой грудою камней». Ему «свыше была дано» разгадывать думы

—темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ:
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтиться никогда!...

Такъ онъ по-своему одухотворялъ природу, читалъ въ ней исторію сродственныхъ ему страданій. Это былъ настоящій волшебникъ, когда онъ брался за балладу, въ которой у него выступали, какъ живыя лица—горы, деревья, море, тучи, рѣка. «Дары Терека», «Споръ», «Три пальмы», «Русалка», «Морская царевна», «Ночевала тучка золотая», «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой»—все это такія могучія олицетворенія природы, что никакіе успѣхи натурализма, никакія перемѣны вкусовъ не могутъ у нихъ отнять ихъ вѣчной жизни и красоты. Читатель съ самымъ притупленнымъ воображеніемъ всегда невольно забудется и повѣритъ чисто человѣческимъ страстямъ и думамъ Казбека и Шатъгоры, Каспія и Терека, тронется слезою стараго утеса и залюбуется мимолетной золотою тучей, ночевавшей на его груди. Одно стихотвореніе въ такомъ же родѣ, «Сосна», заимствовано Лермонтовымъ у Гейне. У Гейне есть еще подобная вещица: «Лотосъ». Всѣ названныя лермонтовскія пьесы и эти два стихотворенія Гейне составляютъ все, что есть самаго прекраснаго въ этомъ родѣ во всемірной литературѣ; но Лермонтовъ гораздо богаче Гейне. Баллада Гете «Лѣсной царь», чудесная по своему звонкому, сжатому стиху, все-таки сбиваетъ на дѣтскую сказочку. Нѣжное, фантастическое подъ перомъ Гете меньше трогаетъ и не даетъ полной иллюзіи.

Презрѣніе Лермонтова къ людямъ, сознаніе своего духовнаго превосходства, своей связи съ божествомъ сказывалось и въ его чувствахъ къ природѣ. Какъ уже было сказано, только ему одному—но никому изъ окружающихъ—*свыше* была дано постигать тайную жизнь своей картины творенія. Устами поэта Шатъ-гора съ ненавистью говоритъ о человѣкѣ вообще...

Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ,
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы!
Люди хитры!..

Въ «Трехъ пальмахъ»—тотъ же мотивъ: пальмы были не поняты человѣкомъ и изрублены имъ на костеръ. Въ «Морской царевнѣ» витязь хватаетъ за косу всплывшую на волнахъ русалку, думая наказать въ ней нечистую силу, и когда вытаскиваетъ добычу на песокъ—передъ нимъ лежитъ хвостатое чудовище и

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ слова *непонятный упрекъ*

и

Ѣдетъ царевичъ *задумчиво* прочь.

Въ этой прелестной фантазіи снова повторяется какая-то недомолвка, какой-то роковой разладъ между человѣкомъ и природой.

Всегда природа представляется Лермонтову созданіемъ Бога («Мцыри», XI, «Когда волнуется желтѣющая нива», «Выхожу одинъ я на дорогу» и т. д.); ангелы входятъ въ его поэзію, какъ постоянный, привычный образъ, какъ знакомыя, живыя лица. Поэтому сюжетъ, связанный съ легендой міроздапія, съ участіемъ безплотнаго духа, съ грандіозными пространствами небесныхъ сферъ, неминуемо долженъ былъ особенно привлекать его воображеніе. И Лермонтовъ, съ пятнадцати лѣтъ, замыслилъ своего «Демона». Время показало, что эта поэма изъ всѣхъ большихъ произведеній Лермонтова какъ бы наиболѣе связана съ представленіемъ о его музѣ. Поэтъ, повидимому, чувствовалъ призваніе написать ее и отдѣлывалъ всю жизнь. Всю свою неудовлетворенность жизнью, т.-е. здѣшнею жизнью, а не тогдашнимъ обществомъ, всю исполинскую глубину своихъ чувствъ, превышающихъ обыденныя человѣческія чувства, всю необъятность своей скучающей на землѣ фантазіи,—Лермонтовъ постарался излить устами Демона. Концепція этого фантастическаго образа была счастливымъ, удачнымъ дѣломъ его творчества. Тѣ свойства, которыя казались напыщенными и даже отчасти карикатурными въ такихъ дѣйствующихъ лицахъ, какъ гвардеецъ Печоринъ, свѣтскій дэнди Арбенинъ или черкесъ Измаилъ-Бей, побывавшій въ Петербургѣ,—всѣ эти свойства (личныя свойства поэта) пришлись по мѣркѣ только фантастическому духу, великому падшему ангелу.

Строго говоря, «Демонъ»—даже не падшій ангелъ; причина его паденія осталась въ туманѣ; это скорѣе—ангелъ, упавшій съ неба на землю, которому досталась жалкая участь

Ничтожной властвовать землей.

Короче, это—самъ поэтъ. Интродукція въ поэму воспѣваетъ

Лучшихъ дней воспоминанья
. . . .
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,—

точно поэтъ говоритъ о себѣ до рожденія. Чудная строфа объ этихъ воспоминаніяхъ обрывается восклицаніемъ:

И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы,

какъ будто самъ поэтъ потерялъ эту нить воспоминанія и не можетъ самъ себѣ дать отчета, какъ онъ очутился здѣсь. Этотъ скорбящій и могучій ангелъ представляетъ изъ себя тотъ удивительный образъ фантазіи, въ которомъ мы поневолѣ чувствуемъ воплощеніе чего-то божественнаго въ какія-то близкія намъ человѣческія черты. Онъ привлекателенъ своею фантастичностью и въ то же время въ немъ нѣтъ пустоты сказочной аллегоріи. Его фигура изъ траурной дымки почти осязаема:

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ,

какъ опредѣляетъ его самъ Лермонтовъ.

То не былъ ада духъ ужасный,
—о нѣтъ!

спѣшитъ добавить авторъ и ищетъ къ нему нашего сочувствія. Демонъ, ни въ чемъ опредѣленномъ не провинившійся, имѣетъ, однако, нѣкоторую строптивость противъ неба; онъ иронизируетъ надъ другими ангелами, давая имъ эпитеты «безстрастныхъ»; онъ еще на небѣ невыгодно выдѣлился между другими тѣмъ, что былъ «познанья жаднымъ»; онъ и въ раю испытывалъ, что ему чего-то недостаетъ (впослѣдствіи онъ говоритъ Тамарѣ:

Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало);

наконецъ, онъ преисполненъ громадною энергіею, глубокимъ знаніемъ человѣческихъ слабостей, отъ него пышетъ самыми огненными чувствами. И все это приближаетъ его къ намъ.

Пролетая надъ Кавказомъ, надъ этой естественной ступенью для нисхожденія съ неба на землю, Демонъ плѣняется Тамарой. Онъ сразу очаровался. Онъ

...позавидовалъ невольно
Неполной радости земной.

(Какой эпитетъ!)

Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ,

потому что на землѣ одна только любовь напоминаетъ блаженство рая. Онъ не можетъ быть злымъ, не можетъ найти въ умѣ коварныхъ словъ. Что дѣлать?

Забыть! Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья

для этой минуты высшаго счастья. Можно ли сильнѣе, глубже сказать о прелести первыхъ впечатлѣній любви!

Въ любви Демона къ Тамарѣ звучатъ всѣ любимыя темы вдохновеній самого Лермонтова. Демонъ старается поднять думы Тамары отъ земли,—онъ убѣждаетъ ее въ ничтожествѣ земныхъ печалей. Когда она плачетъ надъ трупомъ жениха, Демонъ напѣваетъ

ей плѣнительныя строфы о тѣхъ чистыхъ и безпечныхъ облакахъ и звѣздахъ, къ которымъ такъ часто любилъ самъ Лермонтовъ обращать свои пѣсни. Онъ говорилъ Тамарѣ о «минутной» любви людей:

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгуть и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
Иль своенравія мечты?

Все это лишь развитіе того же мотива, о любви и страсти, который уже вылился отъ лица самого поэта въ стихотвореніи: «И скучно, и грустно». Въ другомъ мѣстѣ Демонъ восклицаетъ:

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!

Едва ли не съ этой же космической точки зрѣнія, т.-е. съ высоты вѣчности, Лермонтовъ обратилъ къ своимъ современникамъ свою знаменитую «Думу»:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!

Его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ—и онъ, однако, пророчилъ ему, что оно пройдетъ «безъ шума и слѣда»; онъ укорялъ его въ томъ, что у него нѣтъ «надеждъ», что его страсти осмѣяны «невѣріемъ», что оно изсушило умъ «наукою безплодной» и что его не шевелятъ «мечты поэзіи»,—словомъ, онъ бросилъ укоръ, который можно впредь до скончанія міра повторять всякому поколѣнію, какъ и двустишіе «Демона».

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!

Передъ рѣшительнымъ свиданіемъ съ Тамарой у Демона на минуту пробуждается невольное сожалѣніе къ ней. Эта странная, едва уловимая горечь смущенія внушается природой каждому передъ порогомъ дѣвственности.

То было злое предвѣщанье...

Дѣйствительно, передъ Демономъ тотчасъ же открыто выступилъ защитникомъ невинности—ангелъ. Демонъ идетъ «любить готовый, съ душой открытой для добра»—и вдругъ эта непонятная сила, почему-то воспрещающая радость, называющая радость зломъ!

Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!

Тогда въ душѣ Демона проснулся «старинной ненависти ядъ» къ посланнику этой странной силы.

«Она моя! сказалъ онъ грозно,
Оставь ее! Она моя,
Явился ты, защитникъ, поздно
И ей, какъ мнѣ, ты не судья!
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;

Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю и люблю!»
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...

Ангелъ уступилъ безъ боя.

Слѣдуетъ дивная сцена объясненія въ любви. Затѣмъ поцѣлуй—и смерть Тамары; передъ смертью она вскрикнула; въ этомъ крикѣ было все:

...любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье,
Прощанье жизни молодой...

Ангелъ уноситъ ея душу. Демонъ, у котораго «вѣяло хладомъ отъ неподвижнаго лица», останавливаетъ его: «она моя», но ангелъ на этотъ разъ не уступаетъ:

Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира,
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!

А между тѣмъ на лицѣ Тамары въ гробу

Улыбка страшная застыла:
Что съ ней? Насмѣшка ль надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ *небомъ* гордая вражда?..

И Демонъ остался

Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

Каждый возрастъ, какъ извѣстно, имѣетъ своихъ поэтовъ, и «Демонъ» Лермонтова будетъ вѣчною поэмою для возраста первоначальной отроческой любви. Тамара и Демонъ, по красотѣ фантазіи и страстной силѣ образовъ, представляютъ чету, превосходящую всѣ влюбленныя пары во всемірной поэзіи. Возьмите другія четы, хотя бы, напримѣръ, Ромео и Джульету. Въ этой драмѣ достаточно цинизма, а въ монологѣ Ромео подъ окномъ Джульеты вставлены такіе мудреные комплименты насчетъ звѣздъ и глазъ, что ихъ сразу не поймешь. Наконецъ, перипетіи оживанія и отравленія въ двухъ гробахъ очень искусственны, слишкомъ отзываются расчетомъ дѣйствовать на зрительную залу. Вообще на юношество эта драма не дѣйствуетъ. Любовь Гамлета къ Офеліи слишкомъ элегична, почти безкровна; любовь Отелло и Дездемоны, напротивъ, слишкомъ чувственна. Фаустъ любитъ Маргариту не совсѣмъ по-юношески; неподдѣльнаго экстаза, захватывающаго сердце дѣвушки, у него нѣтъ; Мефистофелю пришлось подсунуть ему бриллiанты для подарка Маргаритѣ—истинно стариковскій

соблазнъ. Да, Фаустъ любитъ, какъ подмоложенный старикъ. Здѣсь не любовь, а продажа невинности чортомъ старику. Между тѣмъ первая любовь есть состояніе такое шалое, мечтательное, она сопровождается такимъ расцвѣтомъ фантазіи, что пора фантастическая потому именно и лучше, пышнѣе, ярче вбираетъ въ себя всѣ элементы этой зарождающейся любви.

Обѣ фигуры у Лермонтова воплощены въ самыя благодарныя и подходящія формы. Мужчина всегда первый обольщаетъ невинность, онъ клянется, обѣщаетъ, сулитъ золотыя горы; онъ плѣняетъ энергіею, могуществомъ, умомъ, широтой замысловъ—демонъ, совершенный демонъ! И кому изъ отроковицъ не грезится именно такой возлюбленный?—Дѣвушка плѣнительна своей чистотой. Здѣсь чистота еще повышена ореоломъ святости: не просто дѣвственница, а больше—схимница, обѣщанная Богу, хранимая ангеломъ:

Зло не дышало здѣсь понынѣ!

Понятно, какой эффектъ получается въ результатѣ. Взаимное притяженіе растетъ неодолимо, идетъ чудная музыка возрастающихъ страстныхъ аккордовъ съ обѣихъ сторонъ—и что же затѣмъ? Затѣмъ обладаніе—и смерть любви... Развѣ не такъ? Вѣдь и Фаустъ Пушкина соглашается съ Мефистофелемъ, что даже въ то блаженнѣйшее время, когда онъ завладѣлъ своей возлюбленной, т.-е въ то время,

Когда не думаетъ никто,—

онъ уже думалъ:

...Агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!...
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..

Ангелъ уноситъ Тамару, но, конечно, только ту Тамару, которая была до прикосновенія къ ней Демона, невинную—тотъ образъ, къ которому разъ дотронешься—его ужъ нѣтъ,—то видѣніе, которое, «не создано для міра»—и перегорѣвшій мечтатель «съ хладомъ неподвижнаго лица» остается обманутымъ—одинъ, какъ прежде, во вселенной.

Итакъ, вотъ какова участь поэта, родившагося въ раю, когда онъ, изгнанный на землю, вздумалъ искать здѣсь, въ счастіи земной любви, слѣдовъ своей божественной родины... Есть еще у Лермонтова одна небольшая загадочная баллада «Тамара», въ сущности, на ту же тему, какъ и «Демонъ». Тамъ только развязка обратная: отъ поцѣлуевъ красавицы умираютъ всѣ мужчины. Это будто Das ewig Weibliche, которое каждаго манитъ на свой огонь, но затѣмъ отнимаетъ у людей всѣ ихъ лучшія жизненныя силы и отпускаетъ ихъ отъ себя живыми мертвецами.

Любовь дразнила Лермонтова своимъ неизмѣнно повторяющимся и каждый разъ исчезающимъ подобіемъ счастья. Онъ любилъ мстить женщинамъ за это постоянное раздраженіе. Едва ли не отсюда произошло его злобное донъ-жуанство, холодное кокетство съ женщинами, вызвавшее столько нареканій на его память. Печо-

ринъ самъ презираетъ въ себѣ эту недостойную игру съ женщинами, но сознается, что никакъ не можетъ отъ нея отстать: «Я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія—и никогда не могъ насытиться».

... «Некстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью,—мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ,—мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнью... Но, вѣдь, я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть слѣдствіе—«ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ»... «Первое страданіе даетъ удовольствіе мучить другого»... «Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ; и я выучился ненавидѣть». Эти признанія поэта подтверждаютъ нашу характеристику. Въ самомъ заглавіи романа «Герой нашего времени» слышится невольная иронія поэта, будто онъ хотѣлъ сказать: вотъ какой «герой» только и можетъ нравиться женщинамъ! Многихъ своихъ критиковъ Лермонтовъ поймалъ на удочку названіемъ своего романа и въ особенности—предисловіемъ ко второму изданію, гдѣ, открещиваясь отъ своего сходства съ Печоринымъ, поэтъ высказалъ, будто характеръ Печорина «составленъ изъ пороковъ всего нашего поколѣнія» и что автору «было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и какого къ его и къ вашему несчастью, слишкомъ часто встрѣчалъ». Послѣ этого начали искать въ Печоринѣ признаковъ «типа», видѣли въ немъ обобщеніе. Но типа Печорина никогда не существовало. На Печоринѣ, конечно, есть внѣшняя печаль времени, модная одежда эпохи: его дэндизмъ, пристрастіе къ природѣ и аристократизму, бретерство, фатовство, позированіе à la Байронъ своею холодною гордостью, его практика въ любовныхъ приключеніяхъ по рецепту: «чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей». Но все это—замашки, а не сущность его натуры. Разочарованность, которою свѣтскіе львы того времени щеголяли, гораздо болѣе выдержана въ Онѣгинѣ. Онѣгинъ, напримѣръ, какъ вполнѣ пропитанный благороднымъ сплиномъ, ругаетъ луну, а роща, холмъ и поле, уже на третій день пребыванія въ деревнѣ, наводятъ на него сонъ. Печоринъ же всегда наединѣ съ природой остается поэтомъ и, отправляясь на дуэль, готовый умереть, онъ жадно, какъ ребенокъ, любуется каждой росинкой на листахъ виноградниковъ. Онѣгинъ почти нигдѣ не измѣняетъ благовоспитанному равновѣсію чувствъ (только въ послѣдней главѣ, изъ тщеславнаго каприза, подъ вліяніемъ препятствій, онъ воспламеняется къ Татьянѣ). Печоринъ же на каждомъ шагу бываетъ готовъ кинуться, отъ полноты чувства, на шею или къ ногамъ тѣхъ, кого онъ затѣмъ безжалостно терзаетъ—и у него «царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный, когда огонь кипитъ въ крови». Онъ полонъ роковыхъ противорѣчій, терзавшихъ самого Лермонтова, у котораго во всей поэзіи нѣжность отзывается злобой, а злоба—нѣжностью. Напрасно поэтъ

старается оправдать себя тѣмъ, будто такихъ темпераментовъ было много, и что въ Печоринѣ онъ изобразилъ человѣка своего времени. Нѣтъ! такихъ яркихъ, разительныхъ, привлекательныхъ въ самой своей ходульности и прочности, людей, какъ Печоринъ,— мы не знаемъ. Дѣло въ томъ, что поэтъ не долюбливалъ себя, какъ Михаила Юрьевича Лермонтова, т.-е. задорнаго, весьма тяжелаго для жизни гвардейца—и онъ готовъ былъ свалить всѣ свои непривлекательныя свойства па эпоху; но въ немъ былъ и другой человѣкъ. Объ этомъ дуализмѣ Печоринъ говорилъ Вернеру передъ своей дуэлью: «во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и *судитъ* его; *первый*, быть можетъ, черезъ часъ *простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?*»—Печоринъ прерываетъ себя: «посмотрите, докторъ: это, кажется, наши противники».—Вотъ этотъ-то *второй безсмертный*, сидѣвшій въ Печоринѣ, и былъ поэтъ Лермонтовъ, и ни въ комъ другомъ изъ людей той эпохи этого великаго человѣка не сидѣло. Только этотъ одинъ могъ сказать о себѣ отъ имени Печорина: «зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя»... У насъ любили загадывать: что бы могло выйти изъ необъятныхъ силъ, скрытыхъ въ Лермонтовѣ, при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для него обстоятельствахъ? При этомъ выводили на справку его безшабашную жизнь и укоряли великосвѣтское общество. Пора бы бросить это гаданье. Изъ Лермонтова вышелъ одинъ изъ великихъ поэтовъ міра: какой еще болѣе высокой роли, какой еще болѣе могучей дѣятельности отъ него требуютъ?!.

Сожительство въ Лермонтовѣ безсмертнаго и смертнаго человѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи. Одаренный двойнымъ зрѣніемъ, онъ всегда своеобразно смотрѣлъ на вещи. Людской муравейникъ представлялся ему жалкимъ поприщемъ напрасныхъ страданій. Когда, напримѣръ, послѣ одной битвы, генералъ, сидя на барабанѣ, принималъ донесеніе о числѣ убитыхъ и раненыхъ, офицеръ Лермонтовъ «съ грустью тайной и сердечной» думалъ о людяхъ:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ много мѣста всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Поэтъ никогда не пропускалъ случая доказать людямъ ихъ мелочность и близорукость. Громадныя фигуры Наполеона и Пушкина вдохновили его написать горячія импровизаціи—«Послѣднее новоселье» и «На смерть Пушкина»—пьесы, вылившіяся однимъ потокомъ и потому написанныя, вопреки обычаю Лермонтова, пестрымъ размѣромъ, съ произвольнымъ количествомъ стопъ въ отдѣльныхъ строкахъ. Суетность, преходимость и случайность здѣшнихъ привязанностей вызывали самыя глубокія и трогатель-

ныя созданія Лермонтовской музы. Не говоримъ уже о романсахъ, о неувядаемыхъ пѣсняхъ любви, которыя едва ли у кого другого имѣютъ такую мужественную крѣпость, соединенную съ такою граціею формы и силою чувства, но возьмите, напр., поэму о купцѣ Калашниковѣ: Лермонтовъ сумѣлъ едва уловимыми чертами привлечь всѣ симпатіи читателя т.-е. на сторону разрушителя законнаго и добронравнаго семейнаго счастія, и скорбно воспѣлъ роковую силу страсти, передъ которою ничтожны самыя добрыя намѣренія... Или вспомните «Колыбельную пѣсню»—самую трогательную на свѣтѣ: одинъ только Лермонтовъ могъ избрать темою для нея... что же?—неблагодарность! «Провожать тебя я выйду—ты махнешь рукой!..» И не знаешь, чему больше дивиться: безотрадной ли и невознаградимой глубинѣ материнскаго чувства, или чудовищному эгоизму цвѣтущей юности, которая сама не въ силахъ помнить добро и благодарить за него?..

Оцѣнивая Лермонтова въ своей пламенной и обширной статьѣ, Бѣлинскій прекрасно понималъ всю силу возникшаго передъ нимъ глубокаго таланта. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, небольшими фразами, онъ даже обмолвился тѣмъ взглядомъ на поэзію Лермонтова, который теперь, на разстояніи полувѣка, конечно, дается гораздо легче, въ особенности послѣ появленія «Демона», вовсе не разобраннаго Бѣлинскимъ. Такъ, Бѣлинскій, между прочимъ, замѣтилъ, что «произведенія Лермонтова поражаютъ читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства *человѣческія*, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства» (т. IV, стран. 285). Или, приведя стихотвореніе «И скучно и грустно», Бѣлинскій восклицаетъ: «Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ *не здѣшней* муки»... (Тамъ же, стран. 312). Но эти намеки Бѣлинскаго совершенно исчезаютъ въ другомъ его взглядѣ на поэта—чисто-публицистическомъ. Здѣсь уже Бѣлинскій не преминулъ пожурить Лермонтова за то, что онъ въ своей «Думѣ» назвалъ науку безплодной: «Мы изсушили умъ наукою безплодной»—выраженіе, которое, съ нашей точки зрѣнія на поэта, вполнѣ понятно. (Подобный же упрекъ, по недоразумѣнію, былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ и Баратынскому.) Или, напримѣръ, въ другомъ мѣстѣ: передъ роковой, трагической развязкой пѣсни о купцѣ Калашниковѣ Бѣлинскій, уже вполнѣ по Гегелю, предается чувствамъ, на которыя Лермонтовъ никогда и не думалъ разсчитывать, которыхъ онъ всего меньше могъ желать отъ своего читателя. Критикъ проповѣдуетъ: «да перемѣнится же наша печаль на радость во имя побѣды общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреклонные законы бытія и міродержавныхъ судебъ!..» (Т. IV, стран. 301.) Могъ ли когда-нибудь сниться подобный гимнъ умиленія и чуть ли не благодарности передъ «бурями рока» автору знаменитой и ужасной «Благодарности»?!.

Многое можно было бы сказать о другихъ произведеніяхъ Лермонтова, въ особенности объ «Измаилъ-Беѣ» и «Сашкѣ», недостаточно извѣстныхъ и оцѣненныхъ,—о его языкѣ, въ поэзіи и прозѣ, о богатствѣ напѣвовъ, объ особенномъ, такъ сказать, вѣскомъ ритмѣ его стиха, о раннихъ самостоятельныхъ эпитетахъ, которыми онъ создавалъ новые образы, объ источникѣ нѣкоторыхъ

его риторическихъ пріемовъ, о неровности его творчества, о заимствованіяхъ у Байрона и Пушкина, но о всемъ этомъ надо бесѣдовать съ книгою въ рукахъ, приводя цитаты, читая, перечитывая и подробно развивая свои положенія,—да и все это увлекло бы насъ въ сторону отъ главнаго намѣренія: сдѣлать однимъ штрихомъ болѣе или менѣе цѣльный очеркъ поэтической индивидуальности Лермонтова. Эта индивидуальность всегда будетъ намъ казаться загадочною, пока мы не заглянемъ въ «святую-святыхъ» поэта, въ ту потаенную глубину, гдѣ горѣлъ его священный огонь. Здѣсь мы пытались указать лишь на *внутреннее* озареніе тѣхъ богатыхъ реализмомъ твореній, которыя завѣщалъ намъ Лермонтовъ. Подкладка его живыхъ пѣсенъ и яркихъ образовъ была *нематеріальная*. Во всемъ, что онъ писалъ, чувствуется взоръ человѣка, высоко парящаго «надъ грѣшною землей», человѣка, «не созданнаго для міра»...

Излишне будетъ касаться вѣчнаго и безплоднаго спора въ публикѣ: кто выше—Лермонтовъ или Пушкинъ? Ихъ совсѣмъ нельзя сравнивать, какъ нельзя сравнивать сонъ и дѣйствительность, звѣздную ночь и яркій полдень. Лермонтовъ, какъ поэтъ, явно недовольный жизнью, давно причисленъ къ пессимистамъ. Но это пессимистъ совершенно особенный, существующій въ единственномъ экземплярѣ. Глава пессимистовъ нашего вѣка, Шопенгауеръ, острымъ орудіемъ своего ума искололъ всѣ радости человѣческія, не оставилъ въ природѣ человѣка живого мѣстечка и съ неумолимою логичностью доказалъ, что существо нашей породы таково, что ни при какихъ рѣшительно условіяхъ, ни на какой иной планетѣ и ни въ какомъ иномъ мірѣ мы не можемъ быть счастливы; это *пессимизмъ*, не оставляющій никакой надежды, *находящій свое послѣднее слово въ отчаяніи*. Но не такое впечатлѣніе дастъ намъ поэзія Лермонтова. Въ Лермонтовѣ живутъ какіе-то затаенные идеалы, его взоры всегда обращены къ какому-то иному, лучшему міру. Что воспѣваетъ Лермонтовъ? То же самое, что и всѣ другіе поэты, разочарованные жизнію. Но у другихъ вы слышите минорный тонъ, жалобы на то, что молодость исчезаетъ, что любовь непостоянна, что всему грозитъ неумолимый конецъ,—словомъ, вы встрѣчаете *пессимизмъ безсильнаго унынія*. У Лермонтова, наоборотъ, ко всему этому слышится презрѣнье. Онъ какъ будто говоритъ: «все это глупо, ничтожно, жалко, но только я-то для всего этого не созданъ!»—«Жизнь—пустая и глупая шутка»... «Къ ней гдѣ-то существуетъ какое-то дополненіе: иначе вселенная была бы комкомъ грязи». И съ этимъ убѣжденіемъ онъ бросаетъ свою жизнь безъ надобности, шутя, подъ первой непріятельской пулей... Итакъ, Лермонтовскій пессимизмъ есть *пессимизмъ силы, гордости, пессимизмъ божественнаго величія духа*. Подъ куполомъ неба, населеннаго чудною фантазіей, обличеніе великихъ неправдъ земли есть въ сущности самая сильная поэзія вѣры въ иное существованіе. Только поэтъ могъ дать почувствовать эту вѣру, какъ сказалъ Лермонтовъ:

Кто толпѣ мои разскажетъ думы?
—*Или поэтъ или никто.*

И чѣмъ мы дальше отдаляемся отъ Лермонтова, тѣмъ больше проходитъ предъ нами поколѣній, къ которымъ равно примѣняется его горькая «Дума», чѣмъ больше лѣтъ звучитъ съ равною силою его страшное «И скучно и грустно» на землѣ—тѣмъ болѣе выростаетъ въ нашихъ глазахъ скорбная и любящая фигура поэта, взирающая на насъ глубокими очами полубога изъ своей загадочной вѣчности.

Андреевскій.

Личность Лермонтова.

Лермонтовъ былъ прежде всего человѣкъ съ природнымъ *меланхолическимъ* темпераментомъ. Откуда взялась эта меланхолія—вопросъ едва ли разрѣшимый; для насъ важенъ фактъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста поэтъ предпочиталъ грустные мотивы и съ любовью останавливался на чувствахъ мечтательнаго и печальнаго характера. Эта склонность была подкрѣплена въ поэтѣ чтеніемъ и условіями замкнутой юношеской жизни. Такимъ образомъ, когда поэтъ сознательно начиналъ вглядываться въ жизнь, онъ отнесся къ этой новинкѣ не съ дѣтской легкостью и довѣрчивостью, а съ извѣстнымъ недовѣріемъ и страхомъ, такъ какъ въ силу врожденной ему меланхоліи предугадывалъ и предвосхищалъ печальныя и безотрадныя стороны человѣческой жизни. Онъ именно предугадывалъ ихъ, такъ какъ въ его личной жизни было очень мало и лишеній и печали.

Второй врожденной способностью въ Лермонтовѣ была *необузданность его фантазіи.* Эта живость мечты находилась въ прямой связи съ его меланхолическимъ темпераментомъ и его замкнутой жизнью. Они парализовали въ Лермонтовѣ однѣ стороны его натуры, и энергичность этой натуры, стѣсненная въ жизни, вознаграждала себя въ мечтѣ. Съ грандіозностью и энергичностью мечты Лермонтова мы достаточно знакомы по его произведеніямъ. Жажда дѣятельности, великихъ подвиговъ, жажда свободы и славы—вотъ основные мотивы его стихотвореній, и всѣ пессимистическіе его стихи не что иное, какъ иронія или плачъ надъ неосуществимостью этихъ фантастическихъ замысловъ. Живая фантазія Лермонтова, какъ мы видѣли, нашла себѣ богатую пищу въ его чтеніи. Крупнѣйшія произведенія западной литературы горячили ее, и тамъ, гдѣ настроеніе книги совпадало съ настроеніемъ нашего поэта, онъ ассимилировалъ свои чувства съ чувствами вычитанными и заимствовалъ у излюбленныхъ авторовъ внѣшнія краски. Въ такомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, поэзія Лермонтова къ поэзіи Байрона.

Третьей характерной чертой Лермонтова, третьимъ даромъ природы былъ его острый *умъ*, безпощадно критиковавшій и анализировавшій всѣ ощущенія и чувства поэта. Лермонтовъ, если судить по его стихамъ, въ одно и то же время и чувствовалъ и разсуждалъ; по крайней мѣрѣ, въ его стихахъ рѣдко можно встрѣтить то, что мы называемъ свободнымъ порывомъ чувствъ. За чувствомъ слѣдомъ идетъ рефлексія и не даетъ поэту покоя до

тѣхъ поръ, пока обаяніе чувства не уничтожено, пока поэтъ не убѣдился въ томъ, что онъ самовольно разукрасилъ воспринятое впечатлѣніе, и что на дѣлѣ не существуетъ ничего столь обманчиваго, какъ тѣ розовыя и пріятныя краски, въ какихъ человѣкъ рисуетъ себѣ и людей и свою собственную личность.

Природа какъ-будто сама позаботилась создать себѣ непримиримаго врага въ лицѣ Лермонтова. Требуя отъ людей, чтобы они мирились съ жизнью, если хотятъ принять въ ней дѣятельное участіе, природа одарила Лермонтова такими способностями и склонностями, которыя, повидимому, заранѣе исключаютъ всякое примиреніе. Въ самомъ дѣлѣ, меланхолія поэта дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ мрачнымъ сторонамъ жизни, чѣмъ къ веселымъ, и поэтому не заставляла его цѣнить тѣ, хотя мелкія и скоропроходящія, удовольствія и наслажденія, какія на землѣ дано испытать человѣку. Необузданность и сила фантазіи, съ своей стороны, разукрашая мечту насчетъ дѣйствительности, уносила поэта въ заоблачный міръ видѣній, которыя должны были разлетаться, какъ туманы, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и потому оставляли въ душѣ поэта одинъ лишь горькій осадокъ и ненависть къ мелочной и блѣдно-прозаической жизни. Чего не успѣвала отравить меланхолія и чего не успѣвала исказить произвольная мечта, то добивалъ разсудокъ поэта своимъ безпощаднымъ анализомъ. Вся радость жизни, вся способность увлекаться безотчетно и находить въ этомъ увлеченіи силу для работы и жизни—пропадали и погибали въ душѣ поэта среди этой постоянной борьбы, какую вели его меланхолія, мечта и разсудокъ съ окружавшей его обстановкой.

Мы уже сказали, что вся дѣятельность Лермонтова есть исповѣдь энергической души, ищущей примиренія съ жизнью, борьба мечты и дѣйствительности, борьба лихорадочная, изнурительная. Казалось бы, что человѣку съ такой организаціей, какъ Лермонтовъ, и бороться было безполезно; примиреніе, повидимому, было безполезно. Всякій другой человѣкъ съ менѣе развитымъ чувствомъ общественности при такихъ природныхъ задаткахъ, дѣлающихъ всякое соглашеніе съ жизнью немыслимымъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ нея, или сталъ бы прямо враждовать съ нею. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того ни другого. Онъ не замыкался въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улеталъ отъ земли въ область видѣній, куда, безспорно, могъ улетѣть въ силу своей очень живой фантазіи, онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокаивающаго міросозерцанія, ни узко-національнаго ни узко-религіознаго; онъ также не отвертывался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней, какъ таковой, т.-е. не былъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вражда Лермонтова съ жизнью была враждой не принципіальной, а только временнымъ раздраженіемъ вслѣдствіе неудачныхъ и не удовлетворявшихъ его попытокъ примиренія съ нею. Онъ всю жизнь боролся, выясняя себѣ всевозможные вопросы жизни, желая проникнуть въ ихъ глубину, связать ихъ вмѣстѣ и согласовать ихъ съ своими слишкомъ требовательными и высокими идеалами. Несмотря на то,

что природныя его склонности, какъ мы уже замѣтили, постоянно ссорили его съ жизнью, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ любить людей, а за все короткое время своей жизни пытался стать къ нимъ въ нормальное и созидательное отношеніе. Ему, какъ мы знаемъ, не удалось найти ключа къ этой трудной задачѣ, и онъ умеръ, не имѣя ни на одинъ вопросъ жизни яснаго отвѣта. Одно, въ чемъ онъ былъ безспорно убѣжденъ, это—въ необходимости такого яснаго взгляда на жизнь, на достиженіе котораго онъ потратилъ столько умственнаго труда и душевныхъ силъ.

Котляревскій.

Личность и поэзія Лермонтова.

Немногіе поэты сумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ. Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства. Несмотря на то, что онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ друзьямъ и въ счастіи и въ несчастіи; но зато былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо! Что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить Бога, жившаго въ его сердцѣ... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

Онъ былъ счастливъ только, когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, такъ что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheits-Gedichte въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте. Неопредѣленные, заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли, къ аду, онъ всегда отыскивалъ, прежде всего, твердую точку опоры на землѣ. Вотъ этимъ-то свойствомъ да, кромѣ того, тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняется необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правотою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души. Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ мрачную его жизнь, соединяло въ од-

номъ фокусѣ и мысль его и чувство, и вспыхивали чудные стихи. Это приближеніе вдохновенія, отраду этихъ минутъ и облегченіе, слѣдующее за ними, онъ нерѣдко выражалъ въ своихъ стихахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ «Измаилъ-Бея» онъ говоритъ:

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей...

Итакъ, если подводить Лермонтова подъ литературную классификацію, то, по всему сказанному, его слѣдуетъ причислить къ субъективнымъ поэтамъ, такъ какъ главнымъ содержаніемъ всѣхъ его поэтическихъ созданій—его собственныя мысли и чувства. Впрочемъ, въ отношеніи Лермонтова слово «объективный», въ школьномъ значеніи, какое придаютъ ему наши эстетики, вовсе не можетъ служить окончательнымъ опредѣленіемъ. Хотя онъ и выдавалъ вполнѣ самого себя въ лирическихъ стихотвореніяхъ, со всѣми темными и свѣтлыми сторонами своего характера, хотя и воображалъ, въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ, большею частью, такихъ героевъ, которыхъ могъ надѣлить своими собственными мыслями и чувствами, какъ, напримѣръ въ «Мцыри», въ «Измаилъ-Бeѣ» и, частью, въ «Демонѣ»,—но довольно уже одной его «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», чтобы убѣдиться, въ какой степени Лермонтовъ могъ быть и поэтомъ объективнымъ.

Къ сожалѣнію, въ бурной и короткой жизни его было ему для этого слишкомъ мало времени и покоя.

Онъ никогда, впрочемъ, не могъ противостоять своимъ художественнымъ порывамъ и стремленіямъ, точно такъ же, какъ никогда не могъ подавлять своего справедливаго негодованія и скрывать свои воззрѣнія на жизнь и людей, развитыя въ немъ его судьбою, и не находившія сочувствія. Все это, естественно, привело его къ тому смѣшанному роду поэзіи, гдѣ эпическое и лирическое, шутка и серьезное, дѣйствіе и рефлексія, античное чувство изящнаго и разорванность и ѣдкая иронія современнаго человѣка—идутъ рука объ руку; тотъ родъ поэзіи, первымъ верховнымъ жрецомъ котораго былъ Байронъ...

Много было говорено о вліяніи Байрона на Лермонтова. Отрицать это вліяніе невозможно; оно отразилось не только на Лермонтовѣ, но уже и на великомъ его предшественникѣ, Пушкинѣ, какъ и вообще на всей новѣйшей славянской поэзіи. Одинъ русскій критикъ очень много говоритъ по этому поводу: «Близкое знакомство съ сильною симпатическою натурою не можетъ не произвести на насъ впечатлѣнія и не сдѣлать насъ зрѣлѣе. Одно уже подтвержденіе того, что живетъ въ нашемъ сердцѣ, дорогою для насъ личностью, сообщаетъ намъ болѣе силы, болѣе увѣренности. Но отъ этого вліянія, отъ этого естественнаго воздѣйствія одного великаго поэта на другого—до подражанія—цѣлая бездна. Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе, нежели въ Байронѣ. Байрону предстояло бороться только съ тою ложью, съ тѣмъ лицемѣріемъ, надъ которымъ плакались мудрецы и пророки всѣхъ странъ и временъ. Онъ могъ громко возвышать

противъ нихъ свой голосъ; могъ бороться съ безуміемъ, срывать личину съ лицемѣрія и поражать ложь острымъ мечомъ истины. Но Лермонтовъ, съ своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился совершенно одинъ въ чуждомъ ему мірѣ. Окружавшіе его люди не понимали его или не смѣли понимать, и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибиться въ самомъ себѣ или въ человѣчествѣ. Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими много объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго риемача или чувствительныя лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей. Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ по временамъ диссонансы; что не одно жестокое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ? Справедливость требуетъ замѣтить, что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя и въ мрачныя минуты вдохновенія онъ искалъ только словъ, чтобы излить его, вовсе не думая входить съ нимъ на судъ публики.

Стихи:

...Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!

вылились у него изъ глубины души. Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно, лишь самую малую часть своихъ произведеній, да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить.

Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и слабые характеры.

...Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ,...

Характеръ Лермонтова былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покоряться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее; но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина такого пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются—какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ, при свѣтѣ молніи—и небо и земля. Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ въ своей жизни часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ. Первая изъ этихъ дуэлей привела его къ долгому заключенію, а

послѣдняя—къ преждевременной смерти. Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли: неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ «Герой нашего времени» и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Г., который и закрылъ глаза своему убитому другу. Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ нетрудно было узнать себя. Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный комментарій къ стихамъ «Думы»:

Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто иль темно.

Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому приходится подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи и самъ Лермонтовъ. У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но недостало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонялся отъ нея, отъ этой отваги «дерзости слѣпой». Онъ предпочелъ, впрочемъ, сознательно высказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души. Въ жизни его было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника—изъ его страданій и, большею частію, могутъ быть оправданы ими. Невозможно, чтобы человѣкъ при подобныхъ обстоятельствахъ не сбился съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды. Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ нею. Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности всетаки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ *казаться*. Не надо понимать это въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы высказать свое несчастіе,—и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ.

Боденштедтъ.

Нравственный обликъ Лермонтова.

...Его убійца хладнокровно
Нанесъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,—
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.

Лермонтовъ (на смерть Пушкина).

Прошло болѣе полстолѣтія съ того рокового дня, когда безбожный выстрѣлъ Мартынова разрушилъ смертную оболочку великой души Лермонтова. Безвременная трагическая кончина геніальнаго поэта и обстоятельства его дуэли, до сихъ поръ не вполнѣ разъясненныя, вызвали въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ самыя разнообразные толки. Большой свѣтъ и высшіе административные кружки, задѣтые Лермонтовымъ въ его стихотвореніи «На смерть Пушкина», встрѣтили извѣстіе объ его смерти довольно равнодушно и даже видѣли въ ней достойное воздаяніе за безпокойный характеръ поэта и его отрицательное отношеніе къ современной дѣятельности. Съ другой стороны, образованная публика, жадно ловившая всякій стихъ Лермонтова и считавшая его непосредственнымъ преемникомъ Пушкина, видѣла въ его смерти громадную общественную потерю. Краснорѣчивымъ выразителемъ ея скорби былъ Бѣлинскій, который прекрасно разъяснилъ значеніе кончины Лермонтова для осиротѣвшей русской поэзіи. Горе, охватившее въ то время образованныхъ русскихъ людей, становилось еще острѣе при мысли, что Лермонтовъ погибъ въ ранней юности, не успѣвъ совершить и половины того, чего отъ него ожидали. Хотя Пушкинъ тоже погибъ слишкомъ рано, въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, но на основаніи всего имъ сдѣланнаго можно съ достаточною вѣроятностью догадываться о томъ направленіи, которое должна была принять на будущее время его художественная дѣятельность. Извѣстно, что задолго до смерти Пушкинъ сумѣлъ смирить въ себѣ бурные порывы молодости, прійти въ гармонію съ собой и отчасти съ окружающей средой, словомъ, выработалъ себѣ болѣе или менѣе спокойное міросозерцаніе. Общественнымъ идеаломъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни была нравственная независимость художника, воспѣтая имъ въ стихотвореніи «Изъ Пиндемонте», для достиженія которой онъ охотно пожертвовалъ бы всякими политическими правами. Придя къ убѣжденію, что плетью обуха не перешибешь, онъ то мечталъ итти объ руку съ правительствомъ, разъясняя публикѣ его мѣропріятія, то уходилъ въ чистое искусство, гдѣ ему было легко и привольно дышать. Само правительство, заинтересованное въ процвѣтаніи его генія, составлявшаго славу и гордость Россіи, оказывало покровительство его поэтической музѣ подъ условіемъ, конечно, чтобы она не выходила изъ очерченнаго вокругъ нея круга. Совершенно въ иномъ положеніи находился Лермонтовъ. Жизнь его была, такъ сказать, перерѣзана пополамъ; онъ погибъ двадцати семи лѣтъ отъ роду, не успѣвъ сладить съ своимъ пламеннымъ темпераментомъ, не успѣвъ развернуть вполнѣ своего таланта и окончательно выяс-

нить своего міросозерцанія. Самый ходъ его развитія былъ иной, чѣмъ у Пушкина. Пушкинъ началъ съ отрицательнаго отношенія къ современной дѣйствительности и сочувствія къ лучшему общественному строю и его провозвѣстникамъ въ Россіи; Лермонтовъ—съ воспѣванія существующаго порядка. Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова весьма мало общественнаго элемента; изъ тѣхъ же немногихъ мѣстъ, гдѣ этотъ элементъ проявляется, видно, что современная русская дѣйствительность вполнѣ удовлетворяла юношу-поэта, которому ничего не оставалось болѣе, какъ прославлять ее и предавать позору ея враговъ. Такимъ патріотическимъ духомъ проникнуто стихотвореніе «Опять народные витіи», навѣянное знаменитымъ Пушкинскимъ стихотвореніемъ «Клеветникамъ Россіи» и написанное Лермонтовымъ въ 1831 году, когда ему было семнадцать лѣтъ. Годъ спустя, въ предисловіи къ третьей части своей поэмы «Измаилъ-Бей» Лермонтовъ снова возвращается къ прежней темѣ, поетъ гимны русскому оружію и предсказываетъ скорое наступленіе того времени, когда западъ и востокъ признаютъ власть Россіи, когда черкесъ съ гордостью воскликнетъ:

Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!

Въ противность всякимъ ожиданьямъ, пребываніе въ Петербургѣ, въ юнкерской школѣ, въ значительной степени охладило патріотическій пылъ Лермонтова. Петербургъ, своимъ сквернымъ климатомъ, своей казенщиной и преобладаніемъ военнаго элемента, на первыхъ порахъ внушаетъ ему слѣдующіе стихи, вошедшіе въ его поэму «Сашка».

Увы, какъ скверенъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ,
Какъ шишъ, стоитъ передъ тобой.

Выпущенный въ 1834 г. корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, Лермонтовъ сталъ вести разсѣянную свѣтскую жизнь, что, впрочемъ, не мѣшало ему много думать, наблюдать и писать. Къ этому времени относится его первое столкновеніе съ петербургской бюрократіей. Цензура III отдѣленія не пропускаетъ его комедіи, въ которой онъ, по словамъ А. Н. Муравьева, написалъ рѣзкую критику на современные нравы. Стихотвореніе «На смерть Пушкина» (1837 г.), въ которомъ Лермонтовъ выступилъ пламеннымъ выразителемъ скорби и негодованія, охватившаго русское общество, и заклеймилъ презрѣніемъ высшіе административные кружки, ускорившіе своимъ злословіемъ и бездѣятельностью роковую развязку, составляетъ переломъ въ отношеніяхъ поэта къ администраціи. Съ этихъ поръ Лермонтовъ попадаетъ въ разрядъ подозрительныхъ, его ссылаютъ на Кавказъ, и онъ уѣзжаетъ, совершенно разочарованный не только Петербургомъ, но и Россіей.

Прощай, немытая Россія!
Страна рабовъ, страна господъ!
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ!»

Быть можетъ за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ вождей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей [1]).

Неизвѣстно, удалось ли Лермонтову укрыться на Кавказѣ отъ всевидящихъ очей петербургской администраціи, но что за его произведеніями былъ учрежденъ усиленный надзоръ—это не подлежитъ сомнѣнію. Цензура не пропустила его «Пѣсни про купца Калашникова», и только, благодаря заступничеству Жуковскаго, печатаніе ея было разрѣшено на свой страхъ министромъ народнаго просвѣщенія, да и то безъ имени Лермонтова. Съ «Сказкой для дѣтей» впослѣдствіи вышло гораздо хуже. Цензура выбросила изъ нея цѣлыхъ одиннадцать строфъ, навсегда утраченныхъ. «Не по моему желанію,—говоритъ поэтъ въ заключительной строфѣ, случайно уцѣлѣвшей въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта,—заканчиваю здѣсь мою рѣчь: моя поэма охранена свыше отеческими руками отъ излишней длинноты. Однако съ неохотой я отказываюсь отъ заключенія, которое вычеркнуто все безъ разбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнута и мораль. Такимъ образомъ, цензура постоянно обращаетъ мой талантъ въ отрывокъ, лишь только захотѣлось бы мнѣ развернуться. Желая быть образцомъ повиновенія, оставляю и эту сказку отрывкомъ».

Ссылка Лермонтова продолжалась годъ съ небольшимъ: въ началѣ 1838 г., вслѣдствіе хлопотъ своей бабушки Арсеньевой, Лермонтовъ былъ возвращенъ въ Петербургъ. На первыхъ порахъ высшее петербургское общество встрѣтило опальнаго поэта весьма радушно. Лермонтовъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ моднымъ человѣкомъ, героемъ дня. Дамы съ нимъ любезничали, выпрашивали стиховъ, засыпали приглашеніями. «Я пустился въ большой свѣтъ,—писалъ онъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ,—въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ хотятъ, чтобъ я былъ у нихъ», и т. д. Но это не могло продолжаться долго. Вскорѣ между поэтомъ и grand mond'омъ началось весьма понятное охлажденіе. Вращаясь въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, нужно было подлаживаться къ господствовавшему тамъ тону, восхищаться всѣмъ русскимъ, находить мудрыми и благодѣтельными всѣ мѣропріятія администраціи. Такое восторженное, можно даже сказать—лирическое отношеніе къ существующему порядку было въ эту эпоху почти обязательнымъ для всякаго, въ особенности для военнаго, но на такую роль былъ менѣе всего способенъ Лермонтовъ, натура искренняя, независимая, неспособная ни къ лести ни къ лицемѣрію. Мы видѣли, что въ юности Лермонтовъ, упоенный военнымъ могуществомъ Россіи и той почетной ролью, которую она играла въ системѣ европейскихъ государствъ, былъ искреннимъ и восторженнымъ панегиристомъ правительства. Впослѣдствіи восторгъ его значительно уменьшился, когда онъ увидѣлъ, что этимъ внѣшнимъ почетомъ далеко не искупались мрачныя стороны внутренней жизни нашего отече-

[1]) Стихотвореніе это, не вошедшее до сихъ поръ въ собраніе сочиненій Лермонтова, напечатано въ „Русской Странѣ", 1887 г. ✝ 12.

ства. Невеселую картину представляла наблюдателю тогдашняя Россія: безправіе закрѣпощеннаго народа, дикій разгулъ помѣщичьей власти, задыхающаяся въ цензурныхъ колодкахъ печать, беззаконіе и взяточничество въ судахъ, мудрящая надъ народной жизнью бюрократія, а надъ всѣмъ этимъ нависшая какъ туча, одаренная обширными полномочіями и жаждущая выслужиться администрація, подъ надзоръ которой была отдана запуганная интеллигенція... Отъ проницательнаго взора поэта не укрылось, что не было искренности и правды въ отношеніяхъ общества къ власти, что такъ-называемый на офиціальномъ языкѣ патріотизмъ былъ въ сущности лицемѣріемъ и раболѣпствомъ. Возмущенный всѣмъ этимъ до глубины души, поэтъ не стѣснялся выражать свой протестъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Результаты такой неосторожности легко было предвидѣть. Въ большомъ свѣтѣ и связанныхъ съ нимъ высшихъ административныхъ кружкахъ стали смотрѣть на него какъ на человѣка безпокойнаго, даже опаснаго, стали обвинять его въ отсутствіи патріотизма, чуть не въ измѣнѣ отечеству. Какъ всѣ эти несправедливыя обвиненія отражались на чуткой душѣ поэта, видно изъ ряда его неизданныхъ стихотвореній, сообщенныхъ пріятелемъ Лермонтова Глѣбовымъ нѣмецкому поэту Фридриху Боденштедту и переведенныхъ этимъ послѣднимъ на нѣмецкій языкъ. «Нѣтъ, я не измѣнилъ своей странѣ и не недостоинъ отцовъ моихъ. Это потому, что я не похожу на васъ ни въ чемъ и не ползаю, какъ вы; это потому, что ваши дѣла часто заставляютъ меня краснѣть отъ стыда; это потому, что я не слышу музыки въ бряцаніи цѣпей и не вижу ничего привлекательнаго въ блескѣ штыковъ—вы утверждаете, что я не патріотъ». И далѣе: «Богъ далъ мнѣ языкъ, но когда я вздумалъ говорить—у меня захватило горло. Странныя вещи происходятъ въ моей странѣ и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія!» Въ особенности должны были раздражить петербургскихъ сановниковъ слѣдующія язвительныя строки: «Не завидую я ни вашимъ крестамъ ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались черезъ подсказничество и низкопоклонство».

Благодаря подобнымъ выходкамъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ частныхъ разговорахъ, Лермонтовъ съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе ненавистнымъ высшей петербургской администраціи, которая прославила его человѣкомъ опаснымъ и даже успѣла вооружить противъ него самого Государя, такъ что, когда въ 1840 г. произошла извѣстная дуэль Лермонтова съ Барантомъ, онъ по Высочайшему повелѣнію былъ снова сосланъ на Кавказъ, откуда ему уже не суждено было возвратиться.

Оппозиція Лермонтова, которой его враги успѣли придать преступное значеніе, въ сущности не только не заключала въ себѣ ничего преступнаго, но даже ничего политическаго. Лермонтовъ никогда не былъ революціонеромъ; сомнительно, чтобы его можно было даже назвать либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ основѣ его протестующаго настроенія лежала не политическая доктрина, но нравственное чувство, возмущенное, глав-

нымъ образомъ, отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ, ползавшемъ въ прахѣ передъ властью и смѣшивавшемъ раболѣпіе и лесть съ патріотизмомъ. Это презрѣніе къ современному обществу могло только усилить ту горечь разочарованія, которая съ юныхъ лѣтъ отравила собой душу Лермонтова. Доведенный до полнаго отчаянія обрушившимися на него преслѣдованіями, Пушкинъ, какъ художникъ, прежде всего искалъ утѣшенія въ искусствѣ. Для Лермонтова, менѣе способнаго забыть въ вымыслахъ идеальнаго міра раны, нанесенныя дѣйствительной жизнью, нуженъ былъ другой щитъ, другой ангелъ утѣшитель. Такимъ ангеломъ-утѣшителемъ явилась для Лермонтова религія. Только религія могла смирить эту огненную боевую натуру, исполнить ее прощенія и любви. Изливъ свое негодующее и истекающее кровью сердце въ загадочномъ, проникнутомъ мрачнымъ отчаяніемъ, стихотвореніи: «Не смѣйся надъ моей пророческой судьбой», гдѣ онъ, повидимому, изображаетъ себя политическимъ мученикомъ, Лермонтовъ ищетъ утѣшенія въ религіи, которая проливаетъ цѣлительный бальзамъ въ его истерзанную душу, миритъ его съ жизнью и учитъ молиться за враговъ своихъ [1]). Религіозное и общественное направленіе, охватившее душу поэта въ послѣдніе годы его жизни, находится въ тѣсной связи съ измѣнившимися взглядами на задачи поэтическаго творчества. Хотя и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова по временамъ мелькаетъ смутное сознаніе своего великаго поэтическаго призванія, но это сознаніе появляется случайно и быстро потухаетъ въ мрачныхъ мысляхъ о своей ненужности [2]). И это вполнѣ понятно: для юноши-поэта центръ вселенной есть любимая женщина, цѣль жизни—ея любовь. Для нея онъ слагаетъ свои пѣсни, отъ нея одной ждетъ одобренія и награды [3]). Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца [4]). Но по мѣрѣ своего развитія и углубленія въ жизнь Лермонтовъ ставитъ для своей поэтической дѣятельности болѣе серьезныя задачи. Въ стихотвореніи «Поэтъ» (1839 г.) онъ называетъ поэта осмѣяннымъ пророкомъ; въ стихотвореніи «Журналистъ, Читатель и Писатель» (1840 г.) онъ изображаетъ поэта неумолимымъ обличителемъ современныхъ пороковъ и называетъ его рѣчь пророческою. Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, извѣстномъ только по переводу Боденштедта, Лермонтовъ такъ характеризуетъ свою собственную поэтическую дѣятельность: «Какъ

---

[1]) См. заключительныя строки стихотворенія „Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма“.

Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили—
За тѣхъ молюся я!

[2]) Ефр.

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я, ср.
Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.

[3]) Ibid. 118:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ, ср. ibid, 119.

[4]) Ibid. T. 1, 6.

страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни въ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права боролся я за все истинное и доброе», и т. д. Всѣ эти заявленія служатъ прелюдіей къ знаменитому стихотворенію «Пророкъ», гдѣ проводится взглядъ на поэтическое призваніе, какъ на священную миссію. Этотъ могучій призывъ къ проповѣди чистыхъ ученій любви и правды есть вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительный аккордъ всей поэзіи Лермонтова.

Такимъ образомъ, росъ въ ширь и глубь могучій геній Лермонтова, поражающій глубиной мысли и прелестью стиха, передъ которымъ иногда меркнетъ даже стихъ самого Пушкина. Чѣмъ завершилось бы это необычайное развитіе, какое направленіе приняла бы впослѣдствіи поэзія Лермонтова, несомнѣнно становившаяся все серьезнѣе и глубже,—объ этомъ мы можемъ только мечтать и дѣлать догадки, безъ всякой надежды прійти къ чему-нибудь вѣрному и положительному. Одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что геніальному таланту Лермонтова предстояла громадная будущность, что съ минуты смерти началось для него и безсмертіе.

Стороженко.

Поэтъ, одаренный «пламенной, молодой душой», въ которой «огонь божественный горѣлъ отъ самой колыбели»; поэтъ, «чувствовавшій пылъ возвышенныхъ страстей» и постоянно переживавшій «бурю тягостныхъ сомнѣній»; поэтъ, въ «гордой душѣ» котораго жило стремленіе къ «извѣстности и славѣ», съ лѣтъ юношества вѣрившій, что онъ «отмѣченъ судьбою» и что ему суждено безсмертіе, развился быстро, «слишкомъ рано созрѣлъ, по его собственному выраженію», и провелъ свою недолгую жизнь въ постоянной вдумчивости и кипучей дѣятельности мысли, въ мучительной душевной борьбѣ, падая и возвышаясь, и неустанно возвращаясь къ глубокому раздумью надъ основными и роковыми вопросами жизни. На эти вопросы былъ непрестанно наталкиваемъ Лермонтовъ не только чтеніемъ, но и своею даровитою, отзывчивою натурою, напряженною съ дѣтства фантазіею и идеальными порывами, которые сталкивались съ разочарованіемъ поэта въ самомъ себѣ и въ людяхъ, и, наконецъ,—невзгодами жизни.

Поэтъ титанически-гордыхъ порывовъ человѣческой души въ ея безграничномъ стремленіи къ «чему-то тайному», съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей сознательной жизни, подвергалъ анализу себя и другихъ, выносилъ безотрадное впечатлѣніе изъ этого наблюденія, рано пересталъ чувствовать радость существованія, и уже на 16-мъ году жизни говорилъ о морщинахъ на своемъ челѣ и называлъ себя «страдальцемъ». Такую же неудовлетворенность испытывалъ Лермонтовъ и во все остальное время своей жизни: его удовлетворяли лишь немногія изъ тѣхъ радостей жизни, которыя приносятъ обыкновенно большую или меньшую отраду.

Лермонтова не увлекалъ энтузіазмъ къ «глубокимъ познаніямъ»: «все для насъ въ мірѣ тайна», и даже «тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего

лучшаго друга, горько ошибается». «Познаній жажда, червь души незрѣлой», никогда не была въ немъ весьма сильна. Лермонтовъ не пытался проникнуть въ тонкости модной у насъ тогда германской философіи. «Безплодной» казалась ему та университетская «наука», которою «изсушало умъ» современное ему поколѣніе. Не давала она ему отвѣта на вопросы, томившіе его лично; она надѣляла его лишь «бременемъ познанья и сомнѣнья». Не старался Лермонтовъ и въ средѣ своихъ университетскихъ товарищей найти людей, которые могли бы понять и оцѣнить его стремленія, а между тѣмъ онъ сиживалъ въ тѣхъ самыхъ аудиторіяхъ, въ которыхъ слушали также лекціи Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Красновъ.

Не зная «мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной», Лермонтовъ направлялся въ иную сторону, въ

...свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей.

Но и тамъ не находилъ онъ полнаго удовлетворенія. Вначалѣ онъ чувствовалъ себя тамъ вполнѣ чужимъ, и бывало такъ, что онъ, просидѣвъ 4 часа, не сказалъ ни одного путнаго слова. «У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ», писалъ онъ по этому поводу. Потомъ онъ пріобрѣлъ свѣтскую развязность, «волочился и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорилъ дерзости». Однако, не вполнѣ его плѣнялъ «ложный блескъ и ложный міра шумъ», хотя поэтъ любилъ «всѣ обольщенья свѣта», любилъ бывать въ «свѣтской тинѣ», въ «пестрой толпѣ», когда

При шумѣ музыки и пляски
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски.

Ему нравилось блистать тамъ «холодною ироніею»,

...смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Ему самому, однако, не становилось отъ того легче. Напрасно Лермонтовъ въ обществѣ искалъ «души родной». Нельзя сказать, чтобы у него не было друзей какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но онъ не отдавалъ имъ своего сердца вполнѣ, потому что они не могли «понять его пылкую душу».

Въ «дружбѣ сладкой» онъ извѣрился, какъ и во многомъ другомъ онъ позналъ «дружескій обманъ», и у него не было кому

...руку подать
Въ минуту душевной невзгоды.

Поэтъ рѣшилъ, что онъ—«гонимый міромъ странникъ», и не разъ называлъ себя странникомъ; Лермонтовъ говорилъ о себѣ:

Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,

Ущелій и свободы, и, не зная
Гнѣзда, живу, какъ птичка кочевая.

Лермонтовъ, по его собственному признанію, «любилъ съ начала жизни угрюмое уединенье». Лишь часы близкаго общенія съ природою приносили облегченіе и нѣкоторое успокоеніе больному сердцу поэта, «природы сына», какъ называлъ себя Лермонтовъ вслѣдъ за писателями, провозглашавшими возвратъ къ природѣ. Точно такъ же въ природѣ находили утѣшеніе и нѣкоторые изъ героевъ поэтическихъ созданій Лермонтова, каковы, напр., Мцыри и Печоринъ [1]). Лермонтовъ

...въ ребячествѣ пылалъ уже душой
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Онъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, у которыхъ эстетическое природы достигло особаго развитія подъ совмѣстнымъ воздѣйствіемъ личныхъ наклонностей и западно-европейскихъ писателей того же, что и онъ, пошиба. Природа восполняла для него то, чего не находилъ онъ въ обществѣ людей, безропотно или терпѣливо влачащихъ «цѣпи образованности», «приличья цѣпи». «Надменный, глупый свѣтъ» «съ своей красивой пустотой» обольщаетъ очи нарядной маскою своей»; при этомъ

Свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ?

Лермонтовъ постоянно противополагалъ этому «свѣту» истинно-прекрасную и величавую природу, какъ и себя отдѣлялъ отъ «свѣта». И въ природѣ бываютъ бури, какъ въ душѣ и жизни человѣка, но въ первой онѣ быстро смѣняются тишью, и вообще въ природѣ царитъ гармонія и покой,—какихъ нѣтъ въ жизни людей. Такое сопоставленіе тѣхъ или другихъ явленій внѣшней природы съ повседневными событіями жизни человѣка не разъ усматривается въ поэзіи Лермонтова. Не разъ отмѣчалъ онъ противоположность тѣхъ и другихъ, а иногда и аналогіи въ родѣ той, какую представляетъ, напр., «дружба краткая, но живая

Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой».

Въ трагедіи «Menschen und Leidenschaften» (Люди и страсти, 1830 г.) Любовь говоритъ Юрію: «Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ

---

[1]) Лишь Демонъ рѣзко отклоняется въ этомъ отношеніи отъ излюбленныхъ героевъ Лермонтова:

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

Поэтъ, находя въ себѣ много сроднаго съ демономъ, не могъ, однако, раздѣлять презрѣніе послѣдняго къ красѣ міра и въ этомъ разошелся съ Демономъ своей поэмы.

усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя, какъ минуты удовольствій, и мимолетныя, какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные»... Равнымъ образомъ и Демонъ, внушая Тамарѣ безучастное отношеніе къ несчастнымъ и «жребію смертнаго творенья», указывалъ на то, что

Средь полей неообозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.

Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ ни радость ни печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Созерцаніе такого рода явленій природы иногда освѣжительно и успокоительно дѣйствовало на душу поэта, представляя его взору контрастъ мятежному духу человѣка и его суетливости и подымая надъ тревогами и сумятицей существованія [1]). По временамъ и дивная краса природы не могла превозмочь душевной тоски, но, тѣмъ не менѣе, поэта влекло къ мечтательному созерцанію естества, какъ не могъ онъ бѣжать надолго и отъ «свѣта». Отрѣшиться вполнѣ отъ послѣдняго и всецѣло уйти въ уединеніе природы Лермонтовъ не могъ... онъ не впадалъ въ полную мизантропію и испытывалъ потребность любви (онъ самъ говорилъ, что его сердце «ныло безъ страстей») и, можетъ-быть, также дружбы, но нашъ поэтъ не встрѣтилъ такого отклика расположенія, который успокоилъ бы его духъ.

Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ [2]).

И природа оставалась для Лермонтова самымъ лучшимъ повѣреннымъ его стремленій и тайнъ его души, которая неохотно раскрывала свои сокровеннѣйшіе тайники передъ людьми. Холоденъ и безучастенъ былъ этотъ повѣренный, но съ нимъ окрылялся духъ поэта, и въ немъ поэтъ находилъ хоть нѣсколько отвѣта на страстныя свои вопрошенія.

Величавая краса Кавказа, увлекавшая Лермонтова съ дѣтства, «природы дикой пышныя картины, разливъ зари и льдистыя вершины, блестящія на небѣ голубомъ», «цѣпи синихъ горъ», воздушныя пространства голубого неба, свѣтлый пейзажъ солнечнаго дня, мерцанье и бесѣда звѣздъ ночи, шумъ холоднаго моря, молчанье синей степи, громъ бурь—все это открывало необъятную ширь и просторъ передъ мощной душой поэта—«странника», неустанно рвавшеюся вдаль, не знавшею покоя (см. I, 61—62). Одновременно плѣняли его и «молодого дня за рощей первое сіянье», ясное и зо-

[1]) Напр., въ 1837 г. Лермонтовъ писалъ: „...лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту, такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь“.

[2]) I, 306. Ср. IV, 235: „Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя, по волѣ музыканта, издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ.

лотистое утро въ горахъ, когда снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки, и румяный вечеръ. И какъ съ раннихъ лѣтъ Лермонтовъ любилъ простой народъ, ненавидя крѣпостное право, такъ полюбилъ онъ, наконецъ, подобно Пушкину—«за что, не зная самъ»—и не столь грандіозную, какъ кавказская, природу отчизны:

Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ...
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
...Дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Въ часы созерцанія природы поэтъ испытывалъ одно изъ наиболѣе увлекавшихъ его наслажденій: Лермонтовъ умѣлъ—казалось ему въ тотъ моментъ—читать въ великой книгѣ природы и находить отвѣтъ на тревожившіе его неотступно вопросы:

...Мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

Такимъ образомъ, созерцаніе природы сливалось, по временамъ, въ юномъ поэтѣ съ религіознымъ чувствомъ. Вскорѣ Лермонтовъ сталъ далекъ отъ простой вѣры. Но онъ не отрѣшился вполнѣ отъ религіознаго поклоненія въ установленной формѣ [1])—отъ того могло охранить его, помимо всего остального, его отношеніе къ природѣ; иногда, «въ минуту ли жизни трудную», или безъ того, поэтомъ овладѣвало религіозное чувство, и изъ устъ его выливалась сердечная молитва, приносившая облегченіе, прогонявшая сомнѣніе, возвращавшая вѣру; но не разъ также поэтъ, который «ни передъ кѣмъ еще не склонялъ послушныя колѣни», «просить и небо не желалъ», либо молитва Тому, кто, по словамъ поэта, «изобрѣлъ мученья» его, слагалась въ мнимо благодарственный перечень печалей и обмановъ, испытанныхъ въ жизни поэтомъ, и послѣдній заключалъ свою мольбу словами:

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

А по временамъ, особливо въ болѣе ранніе годы юности, Лермонтовымъ овладѣвало полное сомнѣніе...

---

[1]) См., напр., стихотворенія: „Вѣтка Палестины", „Молитва странника" (Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...).

Понятно послѣ всего сказаннаго, что Лермонтовъ, чувствовавшій себя чужимъ въ обществѣ, въ которомъ вращался, не находившій близкихъ истинныхъ друзей, не получившій опоры и въ крѣпкомъ отвѣтномъ чувствѣ любви, не пытавшійся углубляться въ науку и теоретическую философію, которыми увлекались многіе великіе поэты, утратившій, наконецъ, и непосредственность вѣры, мало могъ почерпнуть и у природы, которая, по словамъ Шиллера, «мало можетъ дать сама по собѣ, и все получаетъ отъ нашей души». Поэтическія олицетворенія явленій природы, сколь ни удовлетворяли поэта въ тѣ моменты, въ которые были создаваемы его фантазіей, мало уясняли для него міровую тайну, когда ослабѣвалъ порывъ вдохновенія. А между тѣмъ. Лермонтовъ страстно желалъ и искалъ внутреннихъ устоевъ. Томимый душевною тревогой, онъ взывалъ:

Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенья,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Вѣстникъ этотъ не приходилъ, поэтъ напрасно «кругомъ искалъ души родной» и долженъ былъ одинъ добиваться отвѣта на различные вопросы касательно задачъ человѣка, идеала истинно разумной цѣльной личности, положенія, какое она можетъ занимать въ обществѣ, смысла прошлаго и настоящаго родной земли и т. п. Вопросы эти были тѣмъ труднѣе, что поэту приходилось рѣшать ихъ единичными усиліями; лишь нѣкоторую помощь могло оказать ему то готовое литературное направленіе, къ которому онъ былъ близокъ уже по складу своей натуры. Теоретическія рѣшенія вопросовъ, занимавшихъ Лермонтова, не удовлетворяли его. Онъ искалъ отвѣта въ жизни и закрѣплялъ въ своемъ творчествѣ данныя, какія выносилъ изъ тяжкаго опыта.

Поэтъ вдавался въ новый и новый анализъ жизни, людей и самого себя и то переживалъ

Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны...
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ, нижутся слова;

то приходилось поэту томиться въ

...тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую подъемлетъ...

Такъ проходила жизнь поэта. Онъ вырабатывалъ свой талантъ въ столкновеніи съ дѣйствительностью. Онъ испытывалъ постоянное недовольство людьми и собой, неустанно искалъ новыхъ устоевъ для личности—въ приближеніи ли къ природѣ, въ любви къ людямъ, въ общественной ли жизни на новыхъ началахъ. Въ этомъ стремленіи впередъ и впередъ его духъ не зналъ удовлетворенія и покоя, и лишь въ отдѣльные моменты проникался онъ болѣе свѣтлымъ настроеніемъ, которое отодвигало нѣсколько вглубь тоску.

Любовь и пѣсня—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила.
Нѣтъ, я не Байронъ,—я другой.

Подъ конецъ своей жизни кратковременной, но богатой внутреннимъ опытомъ и работою мысли, Лермонтовъ началъ вырабатывать опредѣленное и устойчивое міросозерцаніе и могъ сказать съ своей точки зрѣнія: «я жизнь постигъ»; у него поэзія «печали» и «тоски» все болѣе и болѣе исполнялась положительныхъ началъ.

Дашкевичъ.

Идеалы Лермонтова.

Лермонтовъ, написавшій стихи «На смерть Пушкина», былъ уже не задумчивый юноша: онъ уже пережилъ и перечувствовалъ и Вертера, и Ренэ, и Байрона, и явился поэтомъ русской мысли и русской безотрадной дѣйствительности; онъ былъ въ правѣ сказать о себѣ:

Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Первая четверть нашего столѣтія подорвала въ общественномъ сознаніи уваженіе къ барству и крѣпостничеству. Мыслящее меньшинство дворянства уже не могло быть помѣщикомъ откровенно, а не быть помѣщикомъ нельзя было безнаказанно. Внутреннее сознаніе и совѣсть мѣшали оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, а выйти изъ нихъ было нельзя: самая мысль объ этомъ казалась тогда опасной. Нельзя было вырваться изъ тяжелаго положенія, а примкнуть, закрывши глаза, къ жизни большинства—было еще тяжелѣе. И вотъ, мыслящее меньшинство почувствовало себя лишнимъ человѣкомъ. Общественной дѣятельности для него не существовало, всѣ пути были ему заказаны: оно могло только углубляться въ собственную тоску и пустоту жизни, сознавая свое безсиліе и одиночество, а родину любить только «странною любовью»,—любовью привычки къ знакомому пейзажу. Напряженный трагизмъ этого вынужденнаго положенія требовалъ сильнаго голоса въ литературѣ; его всѣ чувствовали, но онъ какъ-будто ускользалъ отъ вниманія, заглушаясь, притупляясь внѣшней суетой жизни. Для того, чтобы выразить это тяжелое, удручающее настроеніе, нужно было прочувствовать его въ такомъ полномъ душевномъ одиночествѣ, какое выпало на долю Лермонтова; онъ и явился его выразителемъ. Съ упорной неизмѣнностью провелъ онъ свою безотрадную задачу, геніальною впечатлительностью понимая всю прелесть жизни и постоянно сознавая себя лишнимъ человѣкомъ въ этомъ мірѣ, гдѣ ему было душно, какъ въ тюрьмѣ, и откуда ему хотѣлось бы вырваться куда-нибудь на просторъ и дикую волю, какъ узнику или Мцыри:

Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ...

Правъ былъ Бѣлинскій, сказавъ, что у Лермонтова «нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни, но вездѣ—вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце». Русская современная ему дѣйствительность «жила въ каждой каплѣ его крови, трепетала съ каждымъ біеніемъ его сердца, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ настоящаго! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности»...

Лермонтовъ всю жизнь носилъ въ душѣ и лелѣялъ въ воображеніи идеалъ свободнаго существа, рѣзко противорѣчившій застою тогдашней русской общественной жизни. Въ юности этотъ идеалъ являлся ему съ байроновскими чертами, въ образѣ Демона; мужая, поэтъ все болѣе и болѣе стремится свести его на реальную почву; онъ ищетъ его въ салонахъ, гдѣ самъ проводитъ или убиваетъ свое время, но гдѣ, въ сущности, его идеалу (какъ и ему самому) нѣтъ мѣста; старается представить его себѣ то въ лицѣ какого-то фантастическаго испанца, изнывающаго въ монастырской тюрьмѣ («Исповѣдь»), то въ видѣ не менѣе фантастическаго Арсенія, въ какой-то псевдоисторической обстановкѣ дословно повторяющаго исповѣдь испанца («Орша»); но и тутъ ему нѣтъ мѣста, и обстановка выходитъ чѣмъ-то посторонпимъ, неудачно придуманнымъ; наконецъ, въ послѣдней переработкѣ той же темы, идеалъ достигаетъ въ прозрачной ясности и цѣльности— въ плѣнномъ мальчикѣ, рожденномъ на свободѣ и убѣгающемъ изъ монастырской неволи подышать зеленымъ лѣсомъ, дикой волей, подраться съ звѣрями, съ которыми борьба для него отрадна... Борьба съ людьми для него скучна: они ему слишкомъ чужіе: онъ ихъ презираетъ; ихъ сила только въ томъ, что ихъ много, и что это множество утомляетъ и обезсиливаетъ. Лучше три дня вздохнуть безъ нихъ, на вольной волѣ, самобытно и гордо, и потомъ погибнуть, чѣмъ склонить передъ ними непоклонную голову и жить долгимъ и скучнымъ прозябаніемъ, мало-по-малу утрачивая вольную душу.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ?—Жилъ...

Жажда жизни, «жажда бытія»—дѣятельнаго, кипучаго, страстнаго,—проникаетъ все существо поэта:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ неба муки,
Онъ даромъ славы не беретъ...

Но вмѣсто жизни передъ нимъ разстилается только томительный «ровный путь безъ цѣли»,—и снова щемитъ его сердце тоска одиночества:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;

Онъ межъ людей—ни рабъ ни властелинъ
И все, что чувствуетъ,—онъ чувствуетъ *одинъ*.

Его окружаютъ не люди, а только «образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски», которымъ нѣтъ дѣла до его страданій и волненій, которымъ смѣшонъ его плачъ и укоръ, и ему приходится бояться своего вдохновенья, какъ язвы, чтобы не унизиться до выставки своихъ душевныхъ ранъ «на диво черни простодушной». Эти прозябанія существа, постыдно равнодушныя къ добру и злу, ничего не могутъ дать ему и ничего не въ силахъ отъ него взять,—и передъ нимъ рисуется образъ библейскаго пророка, призваннаго «глаголомъ жечь сердца людей», но вынужденнаго бѣжать изъ городовъ въ пустыню, потому что въ отвѣтъ на проповѣдь любви и правды въ него бросаютъ бѣшено каменья.

Онъ гордъ былъ,—не ужился съ нами...

А съ другой стороны неотвязно звучитъ вопросъ: зачѣмъ же и за что эта пытка безцѣльнаго существованія?

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,—
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать!

И, колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, поэтъ приходитъ, наконецъ, къ утратѣ вѣры въ будущность своего поколѣнія:

Его грядущее—иль пусто иль темно.

Только вдали отъ людей, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчно-безстрастной природой, «смиряется души его тревога». Объективное творчество возможно для него только въ рѣдкія минуты душевнаго отдыха,—и «Пѣсня про царя Ивана Васильевича» служитъ яркимъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты этическаго созерцанія жизни могъ подниматься поэтъ въ такія минуты. Но тяжелая рука дѣйствительности разрушала эти мечты и снова толкала его въ міръ житейскихъ треволненій; современность «сосала кровь изъ его сердца».

Идеала свободной души, воплощеннаго въ образѣ Мцыри, Лермонтовъ искалъ также и въ женщинѣ. Его мечта—уже не деревенская барышня, не Татьяна, любящая и унылая, страдающая и покорная,—а женщина, которой нужна власть надъ людьми, ею презираемыми, женщина, въ которой больше гордости и ненависти, чѣмъ любви, чья душа

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла

Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

И, въ самомъ дѣлѣ, женскій идеалъ Лермонтова—опять тотъ же Демонъ, сіявшій «такой волшебно-сладкой красотою, что было страшно и душа тоскою сжималася», тотъ же Мцыри, но въ другой обстановкѣ, соотвѣтственной полу. Докончить этотъ идеалъ, прояснить его онъ нигдѣ не могъ; онъ хочетъ воплотить его въ дѣйствительности, поставить возлѣ себя, пробуетъ (въ «Сказкѣ для дѣтей»)—и не успѣваетъ... Смерть ли прервала созданіе, или самый идеалъ невозможенъ и никогда не дошелъ бы до ясности? Существующую женщину Лермонтовъ презираетъ:

Пустого сердца не жалѣй
Пускай себѣ поплачетъ,—
Ей ничего не значитъ...

Откуда же эта неодолимая потребность презрѣнія, которая заставляетъ поэта говорить первой по тогдашнимъ понятіямъ европейской націи,—великому народу: «Ты жалкій и пустой народъ!», говорить всему европейскому міру, что онъ

Къ могилѣ клонится безгласной головою.
Измученный въ борьбѣ сомнѣнья и страстей,
Безъ вѣры, безъ паденія,—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!—

и въ то же время у себя дома не находить человѣка, которому можно было бы руку подать въ минуту душевной невзгоды? Имѣлъ ли онъ право не имѣть друга, презирать собственную любовь къ женщинѣ, презирать общество, какъ безсловесное стадо?

Эти вопросы поставлены авторомъ одной старой статьи о русскихъ поэтахъ. У него же находимъ и отвѣтъ на нихъ: «Жизнь и исторія даютъ не право, а возможность, или, вѣрнѣе, необходимость, какъ слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ».

Къ Лермонтову вполнѣ примѣняется характеристика Арбенина, вложенная имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Странный человѣкъ»: «Онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего это произошло... Его умственныя способности очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ ни стеречься отъ его нападеній ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью,—въ нихъ примѣтна была горькая досада противъ всего человѣчества»...

Въ ранней молодости, еще полный идеалами Байрона, поэтъ близко присмотрѣлся къ обществу и почувствовалъ, что въ этомъ мірѣ онъ чужой, лишній, что ему тутъ дѣлать нечего, что работать ради этого общества не стоитъ труда. Съ этой точки зрѣнія смотритъ онъ и на личныя отношенія. Онъ вращается въ большомъ

и маломъ «свѣтѣ», со всѣми знакомъ, никого не любитъ—да и не за что; онъ постоянно шутитъ и хохочетъ, какъ школьникъ,—а внутри у него кипитъ отвращеніе къ обществу, къ людямъ, съ которыми приходиться встрѣчаться, къ самому себѣ и своему положенію,—и сердце его грызетъ тоска тяжелая и безвыходная. Оттого-то мысль о побѣгѣ изъ этой среды у него такъ истинна, такъ поэтична, мечты о природѣ и идеалъ Мцыри такъ искренни; оттого и положеніе его въ обществѣ настолько ложно, что Печоринъ, самъ того не замѣчая, являлся такимъ же фразеромъ, какъ и Грушницкій. Только необыкновенная сила языка, вѣрность остальныхъ характеровъ и поэтическая прелесть обстановки сдѣлали изъ «Героя нашего времени» поэму, въ которой и сама проза звучитъ, какъ стихъ. Не даромъ замѣтилъ Гоголь, что «никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою», а Бѣлинскій видѣлъ въ «Тамани»—«словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ».

Вліяніе Лермонтова, сочувствіе къ нему мыслящихъ современниковъ было огромно: всякій, признаваясь, чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ и чужимъ въ этой средѣ, которой ни любить ни уважать было не за что, и, слѣдовательно, всякій находилъ въ Лермонтовѣ свой отголосокъ. Желѣзный стихъ поэта «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой». Струну, задѣтую Лермонтовымъ, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ каждый, кто не находилъ себѣ мѣста въ жизни и живой дѣятельности, а ихъ откровенно не находилъ никто. Лермонтовъ не былъ теоретикомъ; онъ не искалъ разгадки жизни; объясненіе ея началъ было ему безразлично; никакихъ теоретическихъ вопросовъ онъ не касался. Онъ былъ скептикъ въ практикѣ, въ самой жизни; онъ не вѣрилъ въ ея исходъ, и потому на всякую человѣческую дѣятельность смотрѣлъ съ пренебреженіемъ и общественные вопросы выбросилъ изъ своей поэзіи.

Кромѣ строчки презрѣнія, брошеннаго Франціи и европейскому міру вообще, да строчки ненависти къ извѣстному кругу общества въ стихотвореніи на смерть Пушкина, онъ не затронулъ ни одного «гражданскаго мотива»,—развѣ только еще ненужность войны въ «Валерикѣ»:

...Жалкій человѣкъ,
Чего онъ хочетъ? Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Но эти стихи—скорѣе презрѣніе къ человѣку, чѣмъ мысль объ общественной гармоніи. Лермонтовъ какъ-будто зналъ и помнилъ замѣчаніе Пушкина: «Коли ты поэтъ, такъ будь поэтомъ, а хочешь гражданствовать, такъ пиши прозою». Равнодушіе къ теоретическимъ вопросамъ отдалило его отъ науки; онъ и въ ея исходъ не могъ вѣрить a priori, а потому и не принимался за нее. Равнодушный къ основнымъ началамъ и сомнѣвающійся въ конечныхъ результатахъ, Лермонтовъ ловилъ свой идеалъ отчужденности и презрѣнія, такъ же мало заботясь объ эстетической

теоріи искусства для искусства, какъ и обо всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ, поднятыхъ въ его время подъ знаменемъ германской науки и раздѣлившихъ нашу интеллигенцію на два лагеря—западническій и славянофильскій. Вечера, гдѣ собирались представители обѣихъ партій, такъ же какъ и всякія собранія съ ученымъ или литературнымъ оттѣнкомъ, были ему совсѣмъ не по душѣ; въ кругу литературномъ, какъ и въ великосвѣтскомъ, онъ не чувствовалъ себя своимъ и къ современной журналистикѣ относился, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, далеко не благосклонно:

...нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ...
. . . .
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
. . . .
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту,
А просто—грязная вода...

Онъ даже и въ своихъ произведеніяхъ не высказывалъ всего, что думалось:

Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?

Не ища сближенія съ литературнымъ кругомъ, онъ появлялся среди него какъ рѣдкій гость и уходилъ въ свѣтскую жизнь на поиски своего идеала—женщины; но идеалъ «ускользалъ, какъ змѣя», и поэтъ попрежнему оставался въ своемъ безотрадномъ одиночествѣ. «Жажда бытія», жизни вольной и богатой впечатлѣніями, заставляла его искать новыхъ и сильныхъ ощущеній, хотя бы цѣною страданія:

Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Обыденнымъ существованіемъ, медленно переползающимъ изо дня въ день, онъ не дорожилъ и всегда былъ готовъ поставить его на карту ради неизвѣстнаго. Роковая случайность прекратила это существованіе.

«Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ», писалъ Гоголь. «Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ были похищены насильственною смертью, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ разгарѣ силъ своихъ, и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!»

Жуковскій опредѣлилъ поэзію Лермонтова словомъ «безочарованіе». Онъ говоритъ, что «очарованіе»—культъ красоты и жизнерадостности, представителемъ котораго былъ Шиллеръ, уступило мѣсто байроновскому разочарованію; какъ то, такъ и другое отразилось въ свое время въ нашей поэзіи; съ Лермонтовымъ же явилось новое настроеніе, которое нельзя иначе назвать какъ «безочарованіемъ», потому что оно уже ничего не жаждетъ отъ жизни. Это характерное слово можно примѣнить и вообще къ той эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, плодомъ и вы-

раженіемъ, котораго была поэзія Лермонтова: это было время не ожиданій и надеждъ, а унынія и устали,—время, не знавшее «очарованія» ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Лермонтовъ ошибался только въ одномъ: горькое сознаніе суровой и безплодной дѣйствительности заставляло его всякую надежду считать ребяческой мечтой, недостойной «строгаго искусства», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эпоха, въ которую онъ жилъ, хотя и тяжелая и болѣзненная, была только эпохою переходною. Живой общественный организмъ не можетъ окаменѣть и остановиться на одномъ мѣстѣ, какъ не можетъ и держаться однимъ только отрицаніемъ. Въ тѣсныхъ колодкахъ нашей культуры 30-хъ годовъ уже зарождались и зрѣли свѣжія силы, которыя вслѣдъ за тѣмъ сообщили нашей жизни и литературѣ новое и плодотворное движеніе впередъ. Негодующій вопросъ Лермонтова:

Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти—голосъ благородный?

разрѣшенъ исторіею, оправдавшей вдохновенное пророчество Гоголя:

«Все это (наша поэзія до начала 40-хъ годовъ)—еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную землю. Скорбью ангела загорится поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію,—нашу русскую Россію,—не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же,—и покажетъ такимъ образомъ, что все до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: «это—наша Россія!»

Морозовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
